Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

96737

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Михаилъ Васильевичъ
Суринъ
Кіевъ
1903 г.

Дуб 29553

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

8(С)р3
ПРОВЕРЕНО 1958 г.
96737.
ПРОВЕРЕНО 1948 г.
Михаилъ Васильевичъ Суринъ Кіевъ 1903 г.
Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. ЕФРЕМОВА.

Импер. Томскаго Универс. БИБЛІОТЕКА

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ [1847—1852] И ПРОЗА [1797—1834].

С. VII, 570
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО ВЪ КІЕВѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. И. ГЛАЗУНОВА.
1878.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Михаилъ Васильевичъ
Суринъ
Кіевъ
1903 г.

Имп. Томскаго Универс.
БИБЛІОТЕКА

1844—1847

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА [ШАХЪ-НАМѢ].

[ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ РЮККЕРТУ].

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТѢ.

I.

Изъ книги царственной Ирана
Я повѣсть выпишу для васъ
О подвигахъ Рустема и Зораба.

*
* *

Заря едва на небѣ занялася,
Когда Рустемъ, Ирана богатырь,
Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:
Мы на царя Афразіаба
Опять идемъ войною;
Мои сабульскія дружины
Готовы; завтра поведу
Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы всѣ Ирана

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга
Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой мечъ,
Могучій конь мой Громъ
Безъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.
И на охоту собрался
Рустемъ; себя стянулъ широкимъ кушакомъ,
Колчанъ съ стрѣлами каленымн
Закинулъ за спину, взялъ лукъ огромный,
Кинжалъ засунулъ за кушакъ,
И Грома, сильнаго коня,
Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ
Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;
Рустемъ сѣлъ на коня и, не простившись дома
Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ въ путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почуявшій добычу,
Въ ту сторону, гдѣ за горами
Лежалъ Туранъ;
И за горы перескакавъ, увидѣлъ
Онъ множество гуляющихъ онагрей;
Отъ радости его зардѣлись щеки;
И началъ онъ
Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ
Съ звѣрями дикими войну;
И поваливъ ихъ болѣ десяти,
Сложилъ изъ хвороста костеръ,
Зажегъ его, потомъ, когда
Онъ въ жаркій уголь превратился,
Переломилъ большую ель,
И насадилъ
Огромнѣйшаго изъ онагрей
На этотъ вертелъ,
Который былъ въ его рукѣ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сталъ поворачивать его тихонько,
Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагръ изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сѣлъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока запивая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говорѣ струистыхъ водъ,
Подъ вѣтвями густаго,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ,
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II.

Но вотъ, покуда спалъ
Глубокимъ сномъ Рустемъ,
А Громъ по бархатному полю
Гулялъ, травой медвяною питаясь —
Увидя, что такой могучій конь
На пажити заповѣдной Турана
Безъ сѣдока по волѣ бродитъ,
Толпой сбѣжались турки.
Замысля овладѣть конемъ,
Съ арканами къ нему они
Подкрались осторожно.
Но конь, арканъ почуя,
Какъ левъ озлился,
И не заржалъ, а заревѣлъ;
И первому, кто руку на него
Осмѣлился поднять съ арканомъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Зубами голову отъ шеи оторвалъ,
А двухъ другихъ однимъ ударомъ
Копыта мертвыхъ повалилъ.
Но наконецъ его
Отвсюду обступили;
И мѣтко былъ арканъ ему на шею
Издалека накинутъ, и его
Опутали, и былъ онъ пересиленъ.
Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
Онъ не останется, немедленно вогнали
Его въ табунъ туранскихъ кобылицъ,
И разомъ былъ припущенъ Громъ
Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
Но лишь одна изъ нихъ
Плодъ отъ него желанный принесла.

III.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
Конѣ подумалъ; смотритъ, но коня
Нигдѣ не видитъ. Никогда
Онъ отъ него не убѣгалъ
Въ такую даль. Онъ свистнулъ, но на свистъ
Могучій не примчался конь
И не заржалъ издалека.
Рустемъ, какъ бѣшеный, вскочилъ;
Весь лугъ широкій, вдоль и поперегъ,
Весь темный лѣсъ, кругомъ и на пролетъ,
Онъ обѣжалъ — напрасно; нѣтъ коня.
И въ горѣ возопилъ Рустемъ:
Мой вѣрный конь, мой славный Громъ,
Что безъ тебя начну я дѣлать?
Скакать, летать привыкши на тебѣ,
Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ латъ
Какъ черепаха? Что же скажутъ турки,
Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не можетъ быть, чтобъ ты, мой Громъ, меня
Покинулъ волею; тебя украли.
Конечно хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
Напали на тебя; никто одинъ
Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время охать,
Рустемъ; иди пѣшкомъ, когда умѣлъ проспать
Коня. И конскую съ досадой сбрую
Съ доспѣхами своими на плеча
Взваливши, онъ пошелъ, и скоро
Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
Его привелъ передъ закатомъ солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдругъ явился вдалекѣ
Среди равнины пышной,
Сіяющій въ лучахъ зари вечерней.

IV.

Рустемъ подумалъ: въ этомъ Семенгамѣ
Владычествуетъ царь, поперемѣнно другъ
Иль врагъ Ирана иль Турана;
Конечно онъ бы и вдали
Рустема на конѣ узналъ;
Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
Теперь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
Они коня мнѣ волей иль неволей
Отыщутъ и меня почтутъ
Роскошнымъ угощеньемъ.
Такъ разсуждалъ съ собой онъ, подходя
Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ
Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
Они, къ рѣкѣ приблизившись, пропали
Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.
Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
Что въ Семенгамъ великій богатырь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
Охотничалъ и что, утративъ
На ихъ землѣ коня, идетъ онъ пѣшій.
Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого
На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,
Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтило,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣнцомъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.

V.

И царь сошелъ съ крыльца принять Рустема.
Онъ поклонился и сказалъ:
Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и всѣ мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ. Рустему
Смиренная понравилася рѣчь;
Они, подумалъ онъ,
Передо мной робѣютъ.
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ
Тогда, какъ на твоемъ лугу

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубитъ мнѣ
Къ нему широкую дорогу.
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;
Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ.

VI.

Левъ мужества Рустемъ доволенъ былъ
Царя привѣтственною рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицомъ веселымъ;
И посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, подчивалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ почтительномъ молчаньи за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струнъ, при сладкомъ пѣньи,
Младыя дѣвы
Съ очами нѣжными газелъ
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ
Подъ тонкой шолковою тканью
Въ глубокій сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепетъ.

VII.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышался рѣчей пріятный шопотъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворилась дверь,
И факеловъ душистыхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сіяньемъ спальня озарилась;
Рустемъ открылъ глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотомъ и жемчугами,
Стояла передъ нимъ,
Прекрасная какъ дѣва рая;
За ней, держа въ рукахъ
Свѣтильники, стояли
Ея рабыни молодыя;
Краса живая легкой Пери
Съ краснѣющей стыдливостію дѣвы
Сливались на ея лицѣ,
Гдѣ лилій бѣлизну
Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
Но было на ея
Застѣнчиво потупленныя очи
Опущено рѣсницъ густое покрывало,
И за рубиновымъ замкомъ
Ея цвѣтущихъ, свѣжихъ устъ
Скрывалась дѣвственная тайна.
Рустемъ вскочилъ, нежданнымъ изумленный
Видѣньемъ. Кто ты? онъ спросилъ;
За чѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою? —
Я дочь царя, меня зовутъ Темина,
Пришелица ночная отвѣчала.
Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый вѣтеръ горный
Меня догнать не могутъ;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьмѣ глубокой ночи
Передъ тебя, мой витязь, привела.
Какъ чудное преданье старины,
Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повѣсть
О храбрости твоей великой;
О томъ, какъ не страшишься ты

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, какъ всего
Ирана ты надежная твердыня,
Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
Какъ на туранскую ты землю
Ночной порою выѣзжаешь
На боевомъ своемъ конѣ,
И обскакавъ ее и вдоль и поперегъ,
Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
Не смѣетъ сонъ глубокій твой нарушить.
Такую повѣсть о тебѣ
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидѣть;
Теперь увидѣла, и быть твоей женой
Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселѣ
Ни тайный мѣсяца, ни яркій солнца лучъ
До моего не прикасались тѣла;
Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей простотѣ
Я расцвѣла; и только въ этотъ мигъ
Сказала, первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустемъ;
Въ приданое твердынный этотъ замокъ
Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ.
Такъ свѣтлоликая царевна говорила.
И витязь слушалъ со вниманьемъ,
И не сводилъ съ нея очей;
Онъ разумомъ ея высокимъ,
И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
И красотой полувоздушной
Во глубинѣ души плѣнялся.
Когда жъ царевна замолчала,
Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
Одинъ изъ многомудрыхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Мобедовъ царскихъ
Пошелъ къ царю и отъ Рустема
Потребовалъ согласія на бракъ
Его съ царевною Теминой.
Былъ изумленъ владыка Семенгама
Такимъ нежданымъ предложеньемъ,
И голову отъ радости высокой
Высокимъ кедромъ поднялъ;
Онъ не замедлилъ согласиться;
И тутъ же бракомъ сочетался
Рустемъ съ царевною Теминой;
Но бракъ ихъ совершенъ былъ тайно:
Страшился царь, чтобы воюя
Съ Ираномъ, въ злобѣ на Рустема,
Афразіабъ не сокрушилъ
Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Изъ объятій
Младой супруги вырвался Рустемъ.
Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
И давъ ее Теминѣ,
Сказалъ: теперь намъ должно разлучиться;
Меня въ Сабулѣ ждутъ
Готовыя въ походъ мои дружины;
А ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына
Пусть носитъ онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукѣ;
Когда жъ онъ возмужаетъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ,
Но вѣдай напередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужъ прославясь,
Великимъ дѣломъ богатырства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я —
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвенья,
И непримѣченный отцомъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моей повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ —
Насъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ
Мнѣ отъ тебя принесть мой даръ завѣтный;
Лишь ею онъ получитъ право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости.—И онъ, къ горячей груди
Прижавъ супругу молодую,
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ланиты, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Былъ оторваться. Обливаясь
Слезами, отъ него она
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдовѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало.
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Пріятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадованъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ
И осѣдлалъ; потомъ изъ Семенгама
Поѣхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Систанъ, потомъ въ Сабулистанъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И много о своемъ онъ думалъ приключеньи,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЗОРАБЪ.

I.

Пора пришла—и у Темины
Родился сынъ, прекрасный
Какъ мѣсяцъ. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать, и со слезами
Имъ любовалась: онъ былъ вылитый Рустемъ.
Она его Зорабомъ назвала,
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь пеклася.
И дивное созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ;
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ такъ чудно,
Что въ первый мѣсяцъ ужъ казался годовымъ;
Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на конѣ;
Шести лѣтъ былъ могучъ какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свершилось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ
Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Желѣзножилистыя руки,
И ноги, крѣпкія какъ кедры.
Бороться ль кто съ нимъ покушался —
Его онъ вмигъ сгибалъ въ дугу;
На львиную ль охоту выходилъ —

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей;
Шаталъ ли дубъ иль кедръ —
Въ его рукахъ они какъ хлыстья гнулись;
Гнался ли за конемъ—его,
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣна конь.
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

II.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ,
И такъ ей дерзко говоритъ:
На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я
Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,
Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу,
Да и тебѣ добра не будетъ. —
Темина съ гордостью и страхомъ отвѣчала:
Мой сынъ, твое рожденье
Донынѣ было тайной;
Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
Ты дѣдовъ знаменитыхъ внукъ;
И нѣтъ земныхъ величій,
Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
Сіяньемъ дѣлъ своихъ великихъ.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
Отецъ твой на прощаньи.
Когда къ нему дойдетъ молва,
Что ты достоинъ быть имъ признанъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Онъ позоветъ тебя въ Иранъ,
И по своей повязкѣ тамъ узнаетъ.
Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, какъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Тебя неславнаго ни знать,
Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
Не по своей породѣ знаменитой,
Не по его повязкѣ золотой
Ты будешь имъ за сына признанъ —
Васъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
Принесть отцу его залогъ завѣтный;
Лишь ею ты получишь право
Сказать въ лицо Рустему: я твой сынъ.
Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье.

III.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
Кто скроетъ въ небесахъ
Сіяющее солнце?
Кто скроетъ на землѣ
Своей породы славу?
Зачѣмъ о ней такъ поздно свѣдалъ я?
До сихъ поръ ежечасно
И встрѣчный мнѣ и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустемѣ—
Кто исполина одолѣлъ?
Кто замокъ раззорилъ волшебный?
Кто войско разогналъ одинъ?
На каждый мнѣ такой вопросъ
Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Во мнѣ отъ изумленья
И ревности кипѣло сердце;
А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не вѣдалъ.
Но знай теперь: изъ Семенгама
И изъ туранскихъ областей
Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
И мы пойдемъ войною на Иранъ;
И битва будетъ тамъ такая,
Что пылью мѣсяцъ въ высотѣ
Задернется, какъ темной тучей;
Съ Иранскаго престола
Сгоню я шаха Кейкавуса,
И подарю Иранъ Рустему;
Потомъ пойду войною на Туранъ,
И будешь ты царицею Турана.
Такъ онъ сказалъ и гордо удалился.
И никому онъ своего
Рожденья не открылъ:
Невѣдомая сила
Ему уста сжимала всякій разъ,
Когда была готова
Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
Какъ будто самъ отецъ ему шепталъ:
«Лишь славой ты получишь право
Сказать въ лицо мнѣ: я твой сынъ.»

IV.

И скоро, къ матери опять пришедши,
Сказалъ Зорабъ: я самъ готовъ,
Но у меня коня нѣтъ боеваго;
Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
Копыта въ крошки разбивать,
Чтобъ былъ могучъ какъ слонъ легокъ, какъ птица,
Чтобы въ водѣ проворной рыбой плавалъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И серной прыгалъ по горамъ,
Чтобъ и коня и сѣдока
Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой груди,
И чтобъ, сидя на немъ,
Я не лицомъ къ лицу,
А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу.
При этомъ словѣ радостная гордость
Зажглася въ материномъ сердцѣ;
Она немедленно велѣла
Пригнать изъ табуновъ Турана
Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
Найти желаннаго межъ ними.
И было пригнано ихъ много;
И всѣхъ ихъ на̀ полѣ широкомъ
Передъ стѣнами Семенгама
Свели въ одинъ безчисленный табунъ;
Всѣ были дикіе, какъ вихри.
И началъ ихъ Зорабъ перебирать:
Онъ каждаго, который межъ другими
Казался легче и сильнѣй,
Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
И на спину ему клалъ руку—и однимъ
Руки желѣзныя давленьемъ
Былъ каждый вмигъ къ землѣ притиснутъ;
И въ цѣломъ табунѣ Зорабъ
Ни одного не выбралъ по желанью.

V.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старый витязь
И такъ сказалъ: я дамъ тебѣ коня,
Какого не бывало
До сей поры нигдѣ.
Онъ родился отъ Грома,
Коня Рустемова; какъ буря силенъ,
Какъ молнія летучъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза;
Широкій долъ, высокій холмъ
Онъ тѣнью облака перебѣгаетъ;
Безкрылой птицею по воздуху летитъ;
Въ стыдѣ павлинъ сжимаетъ пышный хвостъ,
Когда густую онъ разбрасываетъ гриву;
Онъ прыткій левъ—когда на круть бѣжитъ;
Онъ сильный китъ—когда въ водѣ плыветъ;
Ѣздокъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы скорѣе
На немъ домчится до врага;
Его жъ бѣгущаго быстрѣйшей
Стрѣлою не догонитъ врагъ;
Онъ чудо-конь; но есть въ немъ и великій
Порокъ: онъ въ руки не дается.
Кому жъ его удастся укротить,
Тотъ выѣзжай на немъ хоть на Рустема.
Такой находкою нежданой
Обрадованъ Зорабъ былъ несказанно.
Скорѣй, скорѣй — онъ закричалъ — ведите
Ко мнѣ коня. И конь былъ приведенъ.
Ему Зорабъ давнулъ рукою спину,
И грянулъ въ голову его
Своимъ тяжелымъ кулакомъ —
Могучій конь не пошатнулся,
Лишь шею вытянувъ, сверкнулъ
Глазами, прянулъ на дыбы,
И такъ заржалъ,
Что съ нимъ окрестность вся заржала.
Зорабъ сталъ гладить и трепать
Его какъ шолкъ блистающую спину —
И конь недвижимо стоялъ,
Лишь окомъ огненнымъ на витязя косился.
И на него вскочилъ Зорабъ.
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихремъ полетѣлъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Зорабъ же на его спинѣ сидѣлъ такъ крѣпко,
Какъ на конѣ сидитъ желѣзномъ
Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный истуканъ.
Конь наконецъ подъ сильнымъ сѣдокомъ
Усталъ; его дымились ноздри,
Съ него катился пѣнный потъ.
Тогда Зорабъ сказалъ ему, разгладивъ
Его разбросанную гриву:
Мой добрый конь, теперь намъ міръ открытъ;
Теперь не будетъ стыдно
И на глаза Рустему намъ явиться.

VI.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ снаряжаться.
Когда жъ о томъ провѣдали въ Туранѣ,
Безчисленно къ нему сходиться стали
Охотники; для нихъ его желанье было,
Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
Давно Туранъ не враждовалъ съ Ираномъ,
Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой
И всѣ кипѣли жаркой жаждой
Войны, побѣды и добычи;
Изъ пепла вдругъ великій вспыхнулъ пламень.
Зорабъ приходитъ къ дѣду своему,
И говоритъ: есть люди у меня —
Но нѣтъ у нихъ оружій;
Коня я добраго нашелъ —
Мои же люди всѣ безконны;
Идти въ походъ готовы мы —
Но вьючныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
Чтобъ тяжкій грузъ нести за нами;
Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
Въ досужное отъ боя время —
Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
Благоволи твои намъ отпереть

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Конюшни, хлѣбные амбары,
И оружейную палату, гдѣ напрасно
Съѣдаетъ ржа мечи и брони;
И дѣду старому по сердцу
Была такая рѣчь отъ внука;
Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
И онъ сказалъ съ усмѣшкой про себя:
Необычайный выбралъ способъ
Отца отыскивать мой внукъ!
Его онъ взять намѣренъ съ боя.
И всѣмъ снабдить Зораба царь спѣшитъ:
Амбары хлѣбные отворены;
Для ратниковъ, верблюдовъ и коней
Запасъ пшена, ячменя и овса
Огромный собранъ; дѣдъ не поскупился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внукомъ подѣлиться;
И оружейную палату отперъ онъ,
И далъ на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрѣлами полные колчаны,
Тугіе луки, топоры,
Въ серебряной оправѣ ятаганы,
Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
И палицы съ желѣзными шипами,
И копья длинныя съ булатнымъ остріемъ.
Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
Зорабъ сказалъ: вотъ все, что я теперь имѣю;
Чего жъ не достаётъ,
То мы дополнимъ скоро
Добычей боевою;
Когда возьмемъ Иранъ,
Я всѣхъ васъ съ ногъ до головы
Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

VII.

Турана царь Афразіабъ
Услышалъ, что съ гнѣзда слетѣлъ орленокъ смѣлый,
Что отроку-богатырю наскучилъ
Покой безпечный дѣтскихъ лѣтъ,
Что первый пухъ едва пробился
На подбородкѣ у него —
А ужъ ему въ пространномъ мірѣ тѣсно;
Что молоко обсохнуть не успѣло
На молодыхъ его губахъ —
А ужъ на нихъ звучитъ, какъ въ небѣ громъ,
Тревожный крикъ, зовущій на войну;
Что онъ замыслилъ Кейкавусовъ
Тронъ опрокинуть и Иранъ
Своимъ толпамъ предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь въ землю топнуть,
И изъ земли вдругъ выскочило войско;
Что наконецъ молва есть, будто онъ
Рустемовъ сынъ, и будто отъ коня
Рустемова и конь его родился.
Афразіабъ, Турана царь, бровей
Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
И, размышляя, улыбался;
И напослѣдокъ повелѣлъ,
Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
Къ нему явился. Баруману
Онъ такъ сказалъ: возьми двѣнадцать тысячъ
Отборныхъ ратниковъ моихъ,
И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
Но слушай [что жъ услышишь,
То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый трупъ
Во гробѣ, тайное лежитъ],
Отдавъ ему мое письмо,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Его увѣрь, что съ нимъ Афразіабъ
На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
Раздуй въ немъ пламень боя,
Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
Онъ устремился на Иранъ;
Но берегись — отнюдь не допускай
Его увидѣться съ Рустемомъ;
Чтобы никто и имени Рустема
При немъ не смѣлъ произнести.
Не знаю я, отецъ ли
Ему Рустемъ иль нѣтъ, но оба
Они мнѣ злѣйшіе враги;
И ихъ стравить намъ должно, какъ звѣрей.
Легко случиться можетъ,
Что грозный, устарѣлый левъ
Подъ сильной лапой молодаго,
Растерзанный, издохнетъ—
Тогда Иранъ смирится передъ нами,
И Кейкавусъ не усидитъ на тронѣ;
Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтобъ пересталъ
Онъ съ жадностью звѣриной
Смотрѣть на царскіе престолы.
Извѣстно мнѣ: ему Ирана мало;
И на Туранъ свои остритъ онъ когти.
И если подлинно онъ сынъ Рустема,
То пусть волченокъ молодой
Заѣденъ будетъ старымъ волкомъ;
Тогда и старый пропадетъ,
Какъ пропадаетъ, изсыхая
И тяжкимъ иломъ застилаясь,
Вода въ степномъ, оставленномъ колодцѣ.
Такъ говорилъ Афразіабъ;
Потомъ онъ Баруману
Вручилъ письмо къ Зорабу,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ:
Не славы, а безславья ждалъ
Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
Былъ сына храбраго на храбраго отца
Обманомъ хитрымъ наводить,
Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

VIII.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ,
Къ нему съ письмомъ, съ дарами, съ войскомъ,
Афразіабомъ посланный, идетъ,
Немедленно, вооружась,
Къ нему онъ выѣхалъ навстрѣчу.
Какъ удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружіемъ блестящаго, увидѣлъ!
Какъ удивился Баруманъ,
Когда предсталъ глазамъ его такой
Красавецъ съ ростомъ великана,
Съ весенней свѣжестью младенца,
Съ горячимъ юноши кипѣньемъ,
Съ желѣзной твердостію мужа!
Онъ на него внимательно смотрѣлъ:
Онъ изумленъ былъ несказанно,
Онъ чувствовалъ невольный трепетъ,
Въ немъ громко вопіяла жалость
При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣтущей.
И про себя подумалъ старый витязь:
О ты, прекрасная звѣзда,
Тебѣ сіять бы въ чистомъ небѣ,
Не заходя, не померкая;
Достоинъ ты, мой свѣтлый воинъ,
Чтобъ былъ орлиный твой полетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Совѣтомъ мудрости направленъ,
А не предательствомъ змѣинымъ.
И подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ
Ему письмо Афразіаба.
Прочтя письмо, Зорабъ поспѣшно собралъ
Свои туранскія дружины,
И Баруману повелѣвъ
Для отдыха остаться
Дня на два въ Семенгамѣ,
Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно:
Туранъ, за мной! При этомъ кликѣ
Все разомъ всколебалось,
Знамена развернулись,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины;
И быстро полилась война
Съ убійствомъ, грабежемъ, пожаромъ
На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХЕДЖИРЪ И ГУРДАФЕРИДЪ.

I.

На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость Бѣлый Замокъ;
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
Сосѣдняго врага,
И ею два повелѣвали
Вождя; одинъ изъ тѣхъ вождей
Былъ старый Гездехѣмъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджиръ, наѣздникъ молодой,
Рачитель дѣла боеваго.
И съ Гездехемомъ находилась въ замкѣ
Его младая дочь,
По имени Гурдаферидъ,
Что значитъ: витязь безъ порока;
И на такое имя
Она имѣла право:
Прекрасная, какъ дѣвственная Пери,
Она была сильна, какъ богатырь;
Хеджиръ напрасно
Ей рыцарствомъ понравиться хотѣлъ—
Она ему ристаньемъ на конѣ,
И мѣткою стрѣльбой изъ лука,
И ловкостью владѣть мечемъ
Была равна; а мужественнымъ дѣломъ
Противъ врага предъ нею отличиться
Не могъ онъ — не было врага.
Но вдругъ съ высокой башни замка
Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ
Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепеталъ отъ радости Хеджиръ.
Двойная будетъ мнѣ побѣда,
Подумалъ онъ: одна—тамъ, въ полѣ, надъ врагомъ,
Другая—здѣсь, надъ дѣвою надменной.
И онъ, надѣвъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія туранскія дружины;
И вслѣдъ за нимъ съ ограды замка
Завистливымъ стремится окомъ
Звѣзда красы Гурдаферидъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

II.

И быстро подскакавъ къ туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: Кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, копья иль булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ наводить.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежѣ Ирана первый
Въ сраженье выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ разгнѣванный схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,
Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прянулъ,
И закричалъ Хеджиру: выходи;
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лисицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы, и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темины
И многославнаго Рустема;
Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцомъ;
По славѣ дѣлъ Рустемъ узнаетъ сына.
Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
Но вѣдать напередъ ты долженъ,
Что въ замокъ свой ужъ ты не возвратишься:
Тебя оплачетъ скоро мать,
Или жена, или невѣста.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

III.

Не хвастай, подождемъ конца —
Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу —
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ Замкомъ,
И мнѣ товарищъ мудрый Гездехѣмъ.
А ты смотри, тамъ въ высотѣ
Два черныхъ ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будетъ имъ добыча;
Тобой насытивъ жадный голодъ,
На сѣверъ полетитъ одинъ,
На полдень полетитъ другой;
На сѣверъ къ твоему отцу,
На полдень къ матери твоей;
И имъ они за угощенье
Прокаркаютъ свое спасибо;
Не догадается отецъ,
А мать начнетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды замка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славой и утѣхой будетъ.
Такъ говоря, на Бѣлый Замокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Издалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ;
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной
Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: если въ Бѣломъ Замкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простись съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступишь.

IV.

Опомнясь, другъ на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бѣшено за копья,
И, разскакавшись, съ быстротою
Двухъ страшныхъ молній полетѣли
Одинъ противъ другаго. Острый
Конецъ копья Хеджиръ направилъ
На грудь Зораба, чтобъ ее
Насквозь имъ проколоть;
Но остріе переломилось,
Ударясь въ твердую кольчугу;
Зорабъ не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупымъ концомъ оборотивъ,
Его онъ, какъ рычагъ,
Между конемъ и всадникомъ просунулъ,
Имъ сильно двинулъ — и Хеджиръ,
Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взброшенъ
На воздухъ, грянулся на землю,
Какъ камень, и паденьемъ былъ
Такъ сильно оглушенъ,
Что на землѣ, какъ мертвый,
Лежалъ недвижимо, утративъ
Изъ памяти и бой и замокъ и Зораба
И самоё Гурдаферидъ.
Зорабъ скочилъ съ коня и обнажилъ
Свою кривую саблю,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Чтобъ голову отсѣчь врагу;
Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
И на̀ руку опершись слабо,
Къ сопернику другую протянулъ,
И такъ сказалъ:
Будь жалостливъ, не убивай;
Ужъ я убитъ довольно
Стыдомъ, которымъ ты меня
Сразилъ передъ стѣнами замка.
Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
Надменная торжествовать!
Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
Своею саблей отсѣкать
Мнѣ голову—ты жизнь мою пресѣкъ:
Гурдаферидъ ужъ болѣ не моя;
Отнынѣ ты мой повелитель.

V.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
Молящаго о милости врага!
Онъ былъ не въ силахъ умертвить;
И онъ подумалъ: этотъ плѣнникъ
Мнѣ плѣнниковъ другихъ добыть поможетъ;
Онъ въ замокъ мнѣ отворитъ входъ;
Укажетъ въ полѣ мнѣ Рустема.
И онъ, связавъ Хеджира,
Его съ собой повелъ въ туранскій станъ,
Куда въ тотъ самый часъ вводилъ
Свои дружины Баруманъ,
Поспѣшно вышедшій изъ Семенгама,
Чтобъ волю шаха исполняя,
Не выпускать изъ глазъ Зораба.
И первой встрѣчей Баруману
Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Огромности и крѣпости врага,
Обрадованъ и изумленъ
Былъ несказанно старый воинъ;
Но онъ глаза потупилъ въ землю,
Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье
При мысли, что назначенъ былъ
Прекрасной доблести такой
Предательствомъ готовить гибель.
А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
Всего собравшагося войска,
Которое, увидя, какъ могучъ
Былъ витязь побѣжденный,
Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
Побѣдоносца молодаго,
Зорабъ задумчиво-безмолвный
На боевомъ своемъ конѣ,
Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
Онъ думалъ объ отцѣ Рустемѣ,
Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
Чего ему не назначало небо.

VI.

Турецкій станъ былъ полонъ ликованья,
А въ Бѣломъ Замкѣ вопли раздавались:
Одна Гурдаферидъ безмолвно
Стояла на стѣнѣ высокой;
Она съ прискорбіемъ смотрѣла
На мѣсто, гдѣ иранскій витязь
Былъ осрамленъ копьемъ Турана.
О стыдъ! воскликнула она,
Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ мужемъ—
И первый встрѣчный сбилъ тебя съ сѣдла;
Конечно своего копья
Не отточилъ ты, своему

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Коню подпругъ не подтянулъ.
Могла довольно бы теперь
Я надъ тобою посмѣяться;
Но вытерпѣть я не могу,
Чтобъ врагъ смѣялся надъ тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Что былъ имъ съ одного удара
Нашъ первый витязь опрокинутъ.
За женщинъ онъ сочтетъ мужей Ирана—
Пускай же въ женщинѣ теперь узнаетъ мужа.
Я видѣла отсюда,
Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боеваго,
Побѣдой свѣтелъ, красотою
Свѣтлѣе утренней звѣзды;
На замокъ онъ плѣнительнымъ лицомъ
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрѣлъ...
Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
Какимъ вдали мнѣ показался.
И со стѣны Гурдаферидъ
Сошла поспѣшнымъ шагомъ,
И выбрала въ отцовой оружейной
Доспѣхи: локоны густые
Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
Индѣйское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный станъ
Перетянула кушакомъ,
И съ головы до ногъ
Вооруженная, вскочила
На легкаго коня,
И не простясь съ отцомъ,
Изъ замка въ поле поскакала.

VII.

Съ копьемъ въ рукѣ наѣздница младая,
Передъ туранскій станъ примчавшись,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Воскликнула: пришельцы, кто вы?
Кто вождь вашъ? Я хочу отмстить
За обезславленнаго друга;
Я въ бой зову того, кто въ плѣнъ увелъ Хеджира;
А если онъ робѣетъ, пусть выходятъ
Другіе за него. Туранъ, не думай,
Что, одолѣвъ случайно одного,
Ужъ всѣхъ онъ одолѣлъ въ Иранѣ.
Сюда, обидчикъ нашей чести!
Своею кровью обагрянить
Ты долженъ блѣдный стыдъ Хеджира;
Я жду тебя.—Услышанъ былъ
Въ туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
И кинулись охотники толпою
Къ конямъ, но ихъ Зорабъ предупредилъ;
Онъ, выскакавъ впередъ, воскликнулъ:
Не трогайся никто; я началъ, я и кончу.
И быстро онъ впередъ помчался
При кликахъ громозвучныхъ стана.
На выстрѣлъ изъ лука приблизясь
Къ противнику, Зорабъ остановился
И взоръ на крѣпость устремилъ:
Онъ уповалъ, что дѣву замка
Опять увидитъ на оградѣ;
Но онъ ошибся, на оградѣ
Ея ужъ не было—она
Стояла передъ нимъ,
И онъ того не вѣдалъ.
Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
Подумала; мой врагъ опасенъ;
Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ.
И на своемъ конѣ летучемъ
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она предъ нимъ какъ ласточка летала,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Была и тамъ и тутъ и всюду и нигдѣ;
А той порою съ тетивы
Ея тугаго лука
Стрѣла слетала за стрѣлою,
И ими былъ весь твердый панцырь
Зорабовъ изцарапанъ,
И много ихъ въ щитѣ его торчало.
Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю;
Но, мнилось, былъ непстощимъ
Колчанъ наѣздницы; какъ частый дождикъ
Ея лилися стрѣлы;
И наконецъ Зорабъ, терпѣнье потерявъ,
Воскликнулъ: скоро ль дѣтскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться намъ
За мужеское дѣло.
Я вижу, что своимъ досугомъ
Умѣли вы воспользоваться, персы:
Остро̀ свои вы стрѣлы наточили —
Но объ туранскій крѣпкій панцырь
Ломается ихъ остріе.
Оставь же, другъ, напрасную заботу —
Изъ своего улья довольно
Ты пчелокъ выслалъ на меня,
Но меду здѣсь онѣ не соберутъ;
Убить своей стрѣлой ты можешь
Лѣсную пташку, много цаплю;
Но грифа сильнаго тебѣ не застрѣлить;
И такъ уймись, и если ты
Не женщина, то подъѣзжай,
И бейся мужески со мною.

VIII.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
Закинула свой лукъ Гурдаферидъ,
И поскакала на Зораба

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;
Не дѣвичій ударъ почувствовалъ бы витязь,
Когда бъ съ конемъ не отшатнулся —
Копье пронзило воздухъ.
Тогда, свое копье оборотивъ,
Зорабъ его тупой конецъ
[Къ которому привинченъ
Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный]
За поясъ всадницы проворно запустилъ,
И вмигъ, какъ легкій пухъ,
Она слетѣла бы съ сѣдла,
Когда бы выхватить свой мечъ
И имъ перерубить копье
Однимъ ударомъ не успѣла;
И снова на сѣдло упала
Она такъ плотно, что съ него
Взвилась густая пыль; тутъ поняла
Гурдаферидъ, что не по силѣ ей
Соперникъ; стиснула колѣнами коня,
И поскакала къ замку.
Зорабъ за ней; ужъ былъ онъ близко;
Ужъ слышала Гурдаферидъ
Вблизи коня желѣзный топотъ,
Ужъ обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тутъ вдругъ она оборотилась,
И сбросила съ прекрасной головы
Желѣзный шлемъ,
Въ надеждѣ побѣдить вѣрнѣе
Не силой мужеской меча,
А дѣвственнымъ волшебствомъ красоты.
И на лицо ея волнами
Густыя полилися кудри;
Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву замка;
И онъ воскликнулъ: трудно жъ будетъ намъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Одолѣвать мужей Ирана,
Когда иранскія такъ мужественны дѣвы.
Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мнѣ отомстить хотѣла?
И что тебя, любовь иль жажда славы,
Изъ замка выйти побудило?
Прекрасною звѣздой небесъ
Издалека ты мнѣ явилась —
Теперь тебя увидѣлъ я вблизи,
И знаю, что краса
Небесныхъ звѣздъ ничто передъ твоею.
Но я тебя не выпущу изъ рукъ;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча въ сѣти не давалась;
Ты отъ меня не убѣжишь.
При этомъ словѣ бросилъ онъ
Арканъ, и вмигъ была Гурдаферидъ
Опутана могучей петлей.
Увидя, что къ спасенью
Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
Къ коварству женскому; чтобъ самого
Плѣнителя плѣнить, она
Приподняла свои густыя кудри,
И мѣсяцъ свѣтлаго лица
Отъ черной ихъ освободила тучи.
Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
Она сказала голосомъ волшебнымъ:
Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
Между людьми, какъ левъ между звѣрями,
Не жажда славы,
И не любовь къ Хеджиру [что Хеджиръ
Передъ тобой!] меня изъ замка
Къ тебѣ навстрѣчу привели.
Издалека тебя увидя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Столь мужески прекраснымъ,
Хотѣла я узнать, таковъ ли
Ты и вблизи—меня не обманули
Мои глаза; но въ мысли не входило
Мнѣ никогда, чтобъ могъ въ Туранѣ
Такой какъ ты родиться витязь.
Иди же смѣло на Иранъ;
Ты тамъ плѣнишь
Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
А если самъ, какъ я, того желаешь,
Чтобъ былъ между тобой и мною
Союзъ любви, то напередъ
Мнѣ возврати мою свободу.

IX.

Такъ сладостнымъ напиткомъ льстивой рѣчи
Коварная хотѣла упоить
Зораба. Онъ, почти ужъ охмѣленный,
Спросилъ: но что же будетъ,
Красавица, порукой за тебя,
Когда тебѣ отдамъ твою свободу? —
Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовутъ Гурдаферидъ
А мой родитель Гездехѐмъ
Повелѣваетъ Бѣлымъ Замкомъ;
Я обѣщаюсь, если самъ
Того желаешь ты, и если
Согласенъ будетъ Гездехѐмъ
[А онъ согласенъ будетъ вѣрно],
Тебѣ отдать и замокъ и себя.
Ступай же нà гору за мною;
Ключъ отъ воротъ я вынесть не замедлю;
Но прежде требую свободы.
И съ этимъ словомъ на Зораба

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Она такъ нѣжно, сладко поглядѣла,
Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
Съ нея перелетѣла петля.
Довѣрчиво онъ снялъ съ нея арканъ;
Она ударила коня
И поскакала къ замку;
За нею поскакалъ Зорабъ.
Тѣмъ временемъ, встревоженный, печальный,
Стоялъ въ воротахъ Гездехѐмъ;
Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ,
И ждалъ, какой возьметъ конецъ
Безумно-бѣшеное дѣло
Безстрашной дочери его.
Онъ, раздраженный, осыпалъ
Ее упреками, но въ сердцѣ
Ея отважностью гордился.
Вдругъ шумъ послышался — онъ смотритъ,
И видитъ: скачетъ къ воротамъ
Гурдаферидъ, и вслѣдъ за нею,
Отставъ немного, скачетъ витязь,
Хеджира въ полѣ одолѣвшій.
Вмигъ полворотъ онъ отворилъ;
Она въ нихъ молніей вскользнула;
Растворы схлопнулись — одинъ
Зорабъ остался передъ замкомъ
Въ сіяньи вечера багряномъ.

X.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва замка
Свое святое сдержитъ слово —
Напрасно! Вдругъ она явилась на оградѣ
И, наклонясь къ нему, сказала такъ:
Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель?
Ужъ поздно; возвратись въ туранскій станъ;
Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый Замокъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не удался — будь терпѣливъ,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости. — Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
На дѣву, такъ ей отвѣчалъ:
О ты, красавица Ирана,
Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о томъ тужу, что Бѣлый Замокъ
И съ нимъ прекрасную невѣсту,
Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ рукъ;
Тужу о томъ, что былъ тобой обманутъ.
А замокъ твой не выше неба;
Но будь и выше неба онъ —
Войду въ него; на это
Ключъ отъ воротъ не нуженъ—завтра
И замокъ и тебя возьму я съ бою.
Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
Гурдаферидъ сказала, усмѣхаясь;
Тебѣ ключа я выдать не могла:
Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ;
Когда же о твоемъ за тайну сватовствѣ
Ему я объявила,
Онъ отвѣчалъ: невѣсты нѣтъ въ Иранѣ
Для турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ;
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невѣстъ прекрасныхъ
Достоинъ ты..... но возвратись;
Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоемъ
Набѣгѣ, вышлетъ на тебя
Своихъ вождей—ты ихъ не одолѣешь;
А если вышлетъ онъ Рустема,
Тогда.... тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя погибель неизбѣжна.
О, возвратися, возвратися
Въ твоей младой, несокрушенной силѣ!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы;
Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
Безжалостно сорветъ своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего, подобнаго тебѣ,
И болѣе по сердцу моему,
На свѣтѣ не видала,
И ничего, подобнаго тебѣ,
На свѣтѣ не увижу.
Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
Печальнымъ окомъ на Зораба;
Потомъ сошла съ ограды; а Зорабъ,
Оставшися одинъ передъ оградой,
Задумчиво глазами
За нею слѣдовалъ; когда жъ она
Изъ глазъ его пропала,
Коня оборотилъ, и въ станъ
Поѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ лицомъ,
Надвинувъ брови
На гнѣвно-огненныя очи.

XI.

Близъ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлѣбомъ,
Плодами, зеленью и овощами
Богатыя: они питали замокъ.
На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
Подъѣхавъ къ стану, онъ воскликнулъ:
Сюда, мои туранцы; разорите
Здѣсь все; огню предайте нивы;
Сожгите всѣ деревья;
Съ землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноградъ;
Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
Чтобъ всѣ затрепетали въ замкѣ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ его ограды любитъ
Дочь Гездехемова смотрѣть — пускай же
Она порадуется, видя,
Какъ мы въ ея работаемъ саду;
Разройте гряды всѣ, гдѣ розы
Ея цвѣтутъ, и всѣ засыпьте
Ключи, которые питаютъ
Ея луговъ густую зелень.
Когда жъ наступитъ день—
И замокъ мы вверхъ дномъ поставимъ.
Такъ повелѣлъ онъ, и упало,
Какъ съ неба градъ,
На всю окрестность
Его неистовое войско —
И стала вмигъ пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, онъ
Поѣхалъ въ станъ обратно;
За нимъ туда все войско возвратилось.

XII.

Тѣмъ временемъ, какъ въ станѣ вражьемъ
Гроза сбиралась, Гездехѣмъ,
Бѣду почуя, написалъ
Письмо такое къ Кейкавусу:
«Безчисленной толпою
Нахлынули на насъ
Сосѣдственные турки.
Ихъ войско намъ не страшно;
Но страшенъ молодой
Ихъ войска предводитель.
Онъ ростомъ великанъ;
Когда на боевомъ онъ
Конѣ, вооруженный
Желѣзной булавою,
Сидитъ въ желѣзной силѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Онъ всѣ земныя силы
Считаетъ за ничто.
Противника ему
Не сыщется въ Иранѣ;
Одинъ по силѣ будетъ
Ему Рустемъ; зовутъ
Его Зорабомъ; онъ
Родился въ Семенгамѣ.
Хеджиръ, его увидя,
Изъ замка, съ нимъ сразиться,
Пустился на конѣ;
Но въ замокъ конь обратно
Хеджира не принесъ.
Когда бы не успѣлъ я
Моихъ воротъ проворно
Захлопнуть передъ нимъ,
Какъ вихорь бы влетѣлъ онъ
Одинъ въ мой крѣпкій замокъ.
Ужъ нашу всю окрестность
Огонь опустошилъ;
Хеджиръ въ плѣну, и замку
Не устоять; и нынѣ,
Какъ скоро ночь наступитъ,
Со всей моей дружиной
Спасаюсь бѣгствомъ я.
Тебя же, царь, молю:
Сбери скорѣе войско,
Чтобъ царство защитить
Могучею плотиной
Отъ злаго наводненья.
Всего жъ необходимѣй,
Чтобъ въ войскѣ былъ Рустемъ:
Лишь сильному Рустему
Возможно пересилить
Такого великана.»

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

XIII.

Письмо съ нарочнымъ Гездехѐмъ
Отправилъ въ ту же ночь къ царю;
Потомъ созвалъ свою дружину;
Свою казну, свои богатства собралъ,
И тайнымъ подземельнымъ ходомъ,
Который велъ далеко въ поле,
Изъ замка вышелъ.
Гурдаферидъ пошла за нимъ;
Но шла она, казалось, по неволѣ;
Была задумчива, какъ будто ей
Какой-то голосъ тайно
Шепталъ: не уходи;
Какъ будто съ кѣмъ, ей милымъ,
Навѣкъ она прощалась.
И всѣ ушли.... и замокъ опустѣлъ.
Въ туманѣ занялося утро;
Зорабъ повелъ свои дружины къ замку:
И на гору онѣ взбѣжали съ крикомъ;
И кинулся, какъ бѣшеный, Зорабъ
Къ тяжелымъ воротамъ.
Онъ ждалъ отпора, но отпора
Не дождался — все было въ замкѣ,
Какъ во гробѣ, тихо; на стѣнахъ
Никто не шевелился. Въ нетерпѣньи
Зорабъ схватилъ огромный камень
И имъ ударилъ въ ворота—
Онѣ свободно растворились:
Ушедшіе нарочно ихъ
Оставили незапертыми.
Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ —
Ихъ своды громко повторили
Его коня гремучій топотъ;
И все умолкло.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сквозь сумракъ утренній Зорабъ
Очами ищетъ
Людей—но все предъ нимъ
И пусто и безмолвно;
Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
Стѣснилось сердце;
И стѣны онъ нѣмыя вопрошалъ:
Куда ушла моя невѣста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
Иль призракомъ пропала, не оставивъ
Слѣда? О гдѣ же ты?
На мигъ одинъ была
Ты мнѣ видѣньемъ чуднымъ.....
И нѣтъ тебя;
И гдѣ найти тебя, не знаю.
И началъ онъ прилежно замокъ
Обыскивать: какъ изступленный,
Онъ бѣгалъ по стѣнамъ,
На башни лазилъ, проникалъ
Въ глубокіе подвалы,
И безпрестанно возвращался
На мѣсто, гдѣ она ему
Явилась наканунѣ,
Въ надеждѣ, что опять
Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
На безпредѣльную окрестность онъ смотрѣлъ,
И звалъ свою невѣсту
Со всѣхъ концовъ пустаго небосклона;
И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
И птицъ воздушныхъ,
И облака лазореваго неба.
А между тѣмъ окрестъ него
Все падало, все разрушалось;
Какъ коршуны расклевываютъ трупъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Такъ ратники Зораба
Крушили замокъ;
Не находя нигдѣ
Ожиданныхъ сокровищъ,
Они за то наказывали стѣны;
Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ:
Его душа была далеко.

XIV.

И къ витязю, невольнику любви,
Съ упрекомъ строгимъ обратился
Суровый пѣстунъ Баруманъ:
Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
Не таковы бываютъ тѣ, которымъ
При нихъ и долго послѣ нихъ
Въ награду дѣлъ великихъ
Отечество и всѣ народы
Дань славы и любви приносятъ.
Самихъ себя они не отдаютъ
Мгновенію ничтожному на жертву;
Не отдаютъ безумно и безпечно
Во власть любви они ума и сердца.
И имъ случается поймать
Своею сѣтью легкую газелу,
Но съ нею въ сѣть самихъ себя
Не путаютъ ребячески они;
Орелъ, влюбленный въ солнце,
Какъ соловей, по розѣ не вздыхаетъ;
Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
Возьми его—тогда вѣнецъ любви
Наградою получишь отъ побѣды.
Не обнаживъ меча, такую крѣпость
Ты захватилъ—но цѣль твоя еще далеко;
На насъ свои всѣ силы вышлетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Царь Кейкавусъ, тогда....
Но выслушай, Зорабъ, совѣтъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершины этой всѣмъ Ираномъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящіе набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь,
Могучій самъ — не разоряй же
Безумно замка; нѣтъ; его напротивъ въ честь
Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;
Но въ честь ея и духомъ укрѣпися.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иранъ завоевать —
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня — тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Онѣ, какъ солнца лучъ, пронзили
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ,
И во мгновенье грознымъ крикомъ
Былъ усмиренъ неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, спокоенъ Бѣлый Замокъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И КЕЙКАВУСЪ.

ССОРА, ПРИМИРЕНІЕ, ПОХОДЪ.

I.

Когда письмо отъ Гездехѣма,
Гонецъ поспѣшный Кейкавусу
Въ его столицѣ Истахарѣ
Вручилъ, и сдѣлалось извѣстно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана —
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собрался къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераборъ
[Сынъ царскій и наслѣдникъ трона],
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехѣдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Гургинъ, Милатъ, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ.
И Гездехемово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ: Зорабъ мнѣ этотъ страшенъ;
Онъ овладѣлъ безъ боя Бѣлымъ Замкомъ,
Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надежныхъ мы имѣли —
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудерсъ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей—зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранскаго молокососа?
Но правда, пишетъ Гездехѣмъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажите жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?
И въ голосъ всѣ воскликнули: послать.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Былъ Гефъ, Рустемовъ зять, отправленъ.

II.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
«Ирана щитъ, Сабула обладатель,
Великій царскій пехлеванъ!
На насъ гроза съ Турана поднялася;
Врагами схваченъ Бѣлый Замокъ;
Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
Лѣтами юноша, а силой
Пожаръ, землятрясенье, громъ,
Отъ семенгамскихъ происходитъ,
Въ народѣ говорятъ, царей.
И пишетъ вождь нашъ Гездехѣмъ,
Что этого богатыря
Не одолѣть намъ, что одинъ
Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
Я свой совѣтъ верховный собралъ,
И всѣ совѣтники мои
Со мной согласны, что тебя
Намъ должно вызвать изъ Сабула,
Что лишь твоя рука отъ царства
Такую гибель отразитъ.
И такъ зову тебя, Рустемъ,
Вѣнецъ, убранство, щитъ царя,
Спасительная пристань царства,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Твердыня трона, войска слава,
Ирана жизнь, Турана смерть;
Спѣши, спѣши; когда получишь
Мое письмо, сидишь ли—встань,
Стоишь ли — не садись;
Идешь ли въ замокъ—не входи;
Но въ тотъ же мигъ вели подать
Доспѣхи, бросься на коня,
И пусть съ тобою конь твой славный,
Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
И ты, Ирана громъ защитный,
Будь громомъ бѣдствія Турану.»

III.

Царь Кейкавусъ, окончивъ
И запечатавъ пестрымъ воскомъ
Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
Помчался; день и ночь скакалъ онъ,
Забывъ о пищѣ и ночлегѣ,
Не думая о томъ, куда вела
Дорога, подъ гору иль въ гору,
И было ль вёдро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставалъ,
Какъ будто чуялъ онъ,
Куда, къ кому и съ чѣмъ
Спѣшитъ сѣдокъ неутомимый.
Гонца увидя вдалекѣ,
Рустемъ послалъ къ нему навстрѣчу
Зевара, брата своего,
И былъ обрадованъ, когда
Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
Спросилъ Рустемъ, пожаловалъ въ Сабулъ?
Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Подай. И прочитавъ письмо,
Рустемъ задумался; онъ долго, долго
Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
Потупивъ голову и неподвижно
Глаза уперши въ землю.
И такъ съ собой онъ говорилъ:
Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
Какъ настоящее, опять
Оно передо мною нынѣ
Свершается.... Невѣроятно,
Чтобъ этотъ чудный воинъ былъ
Мой сынъ; и если подлинно имѣю
Я въ Семенгамѣ сына, онъ
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляютъ.
Конечно, быть орломъ орленку суждено:
Но мой орленокъ испытать
Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ,
И ждетъ своей поры;
Когда жъ его пора наступитъ,
Взлетитъ онъ высокò,
Втораго въ немъ Рустема
Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
Родился сынъ Теминѣ отъ Рустема,
То скоро громкая о немъ
По всей землѣ молва раздастся,
И онъ придетъ по праву славы
Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
Онъ встрѣтится со мною въ полѣ,
А жданымъ гостемъ постучится въ двери
Отцовскаго жилища; и ему
Отворятся онѣ гостепріимно;
И будетъ праздновать отецъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Созвавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
И въ немъ моя помолодѣетъ старость.

IV.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный воинъ,
И мысли черныя тѣснили
Его взволнованную душу:
Но что ея волненья было
Причиной—онъ того не вѣдалъ.
Вдругъ онъ очнулся, и гонцу,
Который, вовсе имъ забытый,
Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
Сказалъ: спѣшить намъ нужды нѣтъ;
Ты нынѣче гость мой; прежде
Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
Въ случившемся для нихъ не вижу;
Что̀ страшно имъ, то мнѣ смѣшно;
И оттого, что старый сумасбродъ,
Испуганный турецкимъ смѣльчакомъ,
Безъ боя сдалъ нашъ замокъ порубежный,
Имъ чудится, что врагъ
Уже стоитъ передъ столицей,
И долженъ я, встревоженный ихъ бредомъ,
Скакать къ нимъ, голову сломя.
Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;
Мнѣ нынѣче нѣтъ охоты воевать:
Нежданый гость пожаловалъ ко мнѣ;
Хочу его я на просторѣ
Повеселить и самъ повеселиться
Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
За пѣнной чашею на время
Военныя тревоги; разскажи
Поболѣ мнѣ теперь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О дочери и внучатахъ моихъ,
И жизни дерево зеленое со мной
Полей виномъ животворящимъ.
А ты, Зеваръ, пойди и учреди
Скорѣе пиръ богатый;
Земное все уходитъ легкой тѣнью —
Хочу съ тобой и съ нашимъ Гефомъ,
Упиться сладостнымъ виномъ
До полнаго забвенья
О скоротечности земнаго счастья.

V.

Такъ старый воинъ говорилъ;
На языкѣ его былъ пиръ веселый,
А на душѣ лежалъ тяжелый камень
Предчувствія, похожаго на робость.
Зеваръ пошелъ готовить пиръ;
А Гефъ пошелъ за тестемъ
Въ его великолѣпный замокъ;
И заикнуться не посмѣлъ онъ
О строгомъ повелѣньи шаха:
Онъ зналъ, какъ было плохо
Ломать копье съ упрямымъ старикомъ,
И думалъ: самъ, какъ знаешь, послѣ
Ты разочтешься съ Кейкавусомъ;
Съ тобою пировать я радъ;
Твоимъ виномъ мой запыленный
Языкъ я промочу, а завтра
Конямъ мы прыти придадимъ,
И быстрота намъ возвратитъ
Часы, потерянные лѣнью.
Весь день роскошный длился пиръ
Въ богато-убранныхъ палатахъ;
Какъ розы, пламенно сіяя
На темной зелени кустовъ,

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Благоуханьемъ угощаютъ
Звонко-поющихъ соловьевъ,
Такъ и хозяина и гостя
Младыя дѣвы сладкопѣньемъ
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавусъ
Забыты были въ шумѣ пира;
Однѣ лишь пламенныя щеки,
Однѣ лишь свѣжія уста
Являлись ихъ очамъ, и не потоки
Ліющейся въ сраженьи крови,
А пурпуръ благовонный
Вина сверкалъ предъ ними въ драгоцѣнныхъ,
Лилейною рукой младыхъ
Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
Въ весельи шумномъ день и вечеръ,
Виномъ запитые, исчезли;
Запскрилась звѣздами ночи
Глубокая пучина неба,
Запскрились кипучей пѣной
Вина послѣдняго фіалы;
И наконецъ могучій хмѣль
На мягкомъ ложѣ сладкой силѣ
Сна миротворнаго ихъ предалъ.

VI.

И рано на другое утро
Явился Гефъ, готовый въ путь.
Но въ путь еще Рустемъ не собирался.
На что спѣшить, сказалъ онъ, добрый гость;
И этотъ день съ тобою мы,
Откинувъ всякую заботу,
Въ весельи проведемъ.
Кто знаетъ, близко ль, далекò ли
Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Пока подъ кровлей мы домашней —
Не станемъ помышлять
О бурѣ, воющей кругомъ.
Быть можетъ, что ужъ въ этомъ домѣ болѣ
Мы никогда такъ веселы не будемъ;
Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
Я угощаю. Подойдите жъ,
Мой братъ Зеваръ и зять мой Гефъ, ко мнѣ;
Ты, Гефъ, садися съ правой,
А ты, Зеваръ, садися съ лѣвой
Моей руки; и помогите пить мнѣ
Душеусладное вино.
Мнѣ въ эту ночь все снилось
О сынѣ, снилось, будто сынъ
Нашелся у меня; и это мнѣ
Напомнило, что о Зорабѣ я
Тебя еще не разспросилъ подробно;
Садися жъ, Гефъ, и разскажи
За чашею вина
Мнѣ сказку о Зорабѣ.
Онъ сѣлъ; по правую съ нимъ руку
Сѣлъ Гефъ, по лѣвую Зеваръ;
Вино запѣнилося въ кубкахъ,
И пиръ съ музыкой, пѣньемъ, пляской,
Какъ наканунѣ, закипѣлъ.
Подъ шумъ его задумчиво Рустемъ
Разсказы слушалъ о Зорабѣ,
И думы черныя свои
Виномъ огнистымъ запивалъ.
Такъ день прошелъ, и вечеръ миновался,
И наступила ночь, и хмѣль могучій
Опять ихъ предалъ тихой власти
Миротворительнаго сна.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

VII.

На утро также рано,
Готовый въ путь, пришелъ
Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
По прежнему не торопился въ путь,
Ему сказалъ онъ: выслушай безъ гнѣва
Меня, отецъ; не раздражай царя;
Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ вспыльчивъ;
Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ наши грани:
Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, не видитъ и не слышитъ
Нашъ Кейкавусъ; ему вездѣ
Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,
Рустемъ; позволь мнѣ Грома осѣдлать;
Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ. —
Не бойся, Гефъ, отвѣтствовалъ Рустемъ,
Никто мнѣ въ свѣтѣ не указчикъ;
И твердо знаетъ Кейкавусъ,
Что царствуетъ въ Иранѣ онъ
По милости Рустема;
Онъ знаетъ, что моя рука
Всегда его вытаскивать умѣла
Изъ ямъ, въ которыя своей виною
Онъ безразсудно попадалъ.
Но я согласенъ; намъ пора
Отправиться въ дорогу;
Вели мнѣ Грома осѣдлать,
И ѣдемъ. Такъ сказавъ, Рустемъ
Виномъ наполнилъ кубокъ,
Окинулъ мрачными глазами
Палату пировую
И всѣхъ своихъ домашнихъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вино все разомъ выпилъ,
И кубокъ въ дребезги разбивъ,
Велѣлъ трубить походъ.
На громкій зовъ Рустемовой трубы
Вмигъ собрались Рустемовы дружины.
Окинувъ ихъ желѣзный строй глазами,
Рустемъ подумалъ: съ ними
На цѣлый свѣтъ могу войною выйти.
И за себя Зевару поручивъ
Начальство надъ сабульской ратью,
Онъ сѣлъ на Грома,
И поскакалъ впередъ
Самъ-другъ съ отважнымъ Гефомъ.
И трубы загремѣли,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.

VIII.

Когда молва достигла въ Истахаръ
О приближеніи Рустема,
Всѣ первые вельможи: Фераборъ,
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехѣдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Геразъ, Гургинъ, Милатъ, Ферхабъ, Бехремъ,
На день пути къ нему на встрѣчу вышли.
Сынъ шаховъ Фераборъ и вождь верховный Тусъ
Сошли съ коней, его увидя;
Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ;
И сдѣлали привѣтствіе другъ другу.
Блестящей ихъ толпою окруженный,
Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
И съ торжествомъ его ввели они
Въ палату, гдѣ великій царь
Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.
Но было сумрачно и гнѣвно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Его лицо; не отвѣчавъ ни слова
На поздравительные клики
Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
Кто ты, Рустемъ,
Чтобъ съ дерзостью такою
Топтать ногами
Святыя царскія слова?
Когда бъ въ моей рукѣ былъ мечъ,
Къ моимъ ногамъ бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тусъ, закуй ихъ въ цѣпи,
И чтобъ теперь же тесть и зять
На висѣлицѣ оба
Передъ народомъ заплясали.
Такъ въ изступленьи гнѣва
Кричалъ на тронѣ Кейкавусъ;
И всѣ кругомъ его вельможи
Въ оцѣпенѣніи стояли.
Когда жъ увидѣлъ шахъ,
Что повелѣнье медлилъ
Его исполнить Тусъ,
Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
Кричитъ съ высокаго утеса:
Предатель самъ, кто руку наложить
На дерзкаго предателя не смѣетъ!
Бери ихъ, Тусъ, я повторяю;
И съ ними съ глазъ моихъ долой;
Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!

IX.

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
Его исполнить повелѣнье;
Онъ за руку Рустема взялъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
Его увесть и дать свободу
Утихнуть бѣшенству царя —
При этомъ видѣ всѣ вельможи
Затрепетали. Но Рустемъ,
Не замѣчая ничего,
Смотрѣлъ горящими глазами,
Какъ левъ увидѣвшій змѣю,
На шаха; онъ, казалось, вдругъ
Сталъ цѣлой головою выше,
Сталъ вдвое шире грудью и плечами;
И онъ сказалъ: а ты кто, чтобъ меня
Такъ дерзостно позорить?
Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
Грози же петлею не мнѣ,
А своему Зорабу. Развѣ я
Твой подданный? Я царства пехлеванъ;
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что когда
Я топаю ногою — подо мной
Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь—
Отъ топота его шумитъ все небо,
И, быстротѣ его чудяся,
Потокъ бѣжать перестаетъ?
Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
Что мой престолъ сѣдло, что шлемъ моя корона?
И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?
И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
Поднять въ повиновенье
Безумной ярости твоей?
При этомъ словѣ онъ такъ сильно
Ударилъ Туса по рукѣ,
Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
Черезъ лежачаго Рустемъ
Перешагнулъ, толпу раздвинулъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты,
И всѣ вельможи, Кейкавуса
Оставивъ одного на тронѣ,
Пошли поспѣшно за Рустемомъ.
Они его нашли передъ крыльцомъ
Сидящаго на Громѣ. Онъ съ сѣдла
Имъ закричалъ: простите всѣ; прости,
Иранъ. Въ Сабулъ я возвращаюсь;
Въ Сабулѣ я такой же царь,
Какъ здѣсь въ Иранѣ Кейкавусъ.
Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами
Ведите свой разсчетъ; Сабулъ
Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
Случится то же, что съ Хеджиромъ,
И если царскій Истахаръ,
Какъ Бѣлый Замокъ, будетъ схваченъ
Врагами, въ томъ не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царемъ владѣетъ нетерпѣнье
И необузданная ярость!
Сказавъ, онъ крикнулъ — Громъ помчался;
Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
Недалеко отъѣхавъ по дорогѣ
Въ Сабулъ, остановился онъ
Въ гостинницѣ, чтобъ на покоѣ тамъ
Дождаться брата,
Съ дружинами Сабулистана.

X.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
Вельможи — безъ него, какъ стадо
Безъ пастуха оставшись — обратились
Къ Гудерсу и ему сказали:
Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
Помочь въ бѣдѣ великой можешь;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Твои совѣты любитъ шахъ;
Пойди къ нему и въ волны
Его погибельнаго гнѣва
Пролей твоихъ совѣтовъ
Мирительное масло.
А ты скачи за тестемъ, Гефъ;
И догони его, пока Сабула
Онъ не достигъ. И Гефъ пустился въ путь.
Гудерсъ пошелъ къ царю.
Его увидѣлъ онъ, уединенно
Сидящаго на тронѣ;
Онъ былъ угрюмъ, но тихъ; онъ былъ
Подобенъ тучѣ громовой,
Готовой, отблиставъ и отгремѣвъ,
Дождемъ свѣжительнымъ пролиться.
И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ:
Могучій повелитель,
Царь голова, а царство тѣло;
Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
Совѣтникомъ разсудокъ; у кого же
Совѣтникъ свой молчитъ,
Тотъ слушайся чужаго,
И не стыдись исправить зло,
Поспѣшно сдѣланное въ гнѣвѣ;
Изъ устъ неосторожно бросилъ
Ты оскорбительное слово—
Пошли за нимъ мирительное вслѣдъ;
Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
Тому, кого щадить велитъ разсудокъ—
И ею былъ не онъ одинъ обиженъ:
Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
Рустема въ петлю! А Рустемъ
Тебя на тронъ отцовскій посадилъ,
И онъ же трона
Твердѣйшая опора;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Что жъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
Теперь изломанъ мечъ Ирана,
Изсохла мужества рука,
Плотины нѣтъ на вражье наводненье.
Всѣ наши витязи извѣстны Гездехему —
А что намъ пишетъ Гездехемъ?
«Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
Не устоитъ, что на него
Одна гроза—Рустемъ.» Но гдѣ же
Теперь Рустемъ? За промедленье
Двухъ дней тобой онъ изгнанъ навсегда.
Меня къ тебѣ твои вельможи
И съ ними сынъ твой Фераборъ
Прислали умолять, чтобъ ты
Благоволилъ съ Рустемомъ примириться.
Никто, ни Фераборъ твой сынъ—
Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ —
Ни бодрый твой военачальникъ Тусъ,
Ни я съ осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
Твоя надежная защита.
Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

XI.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
Отъ сердца сказанное слово;
Онъ отвѣчалъ: пословица святую
Намъ правду говоритъ, что стариковъ
Совѣта полныя уста
Вѣрнѣйшіе хранители царей.
Я самъ теперь раскаяваюсь горько,
Что оскорбительное слово
Въ кипѣньи гнѣва произнесъ.
Ступайте жъ всѣ къ Рустему, и зовите

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Его обратно въ Истахаръ
На миръ и доброе согласье
Съ своимъ царемъ.—Хвала царю! воскликнулъ
Гудерсъ. И возвратиться
Онъ поспѣшилъ къ вельможамъ, ожидавшимъ
Его съ великимъ нетерпѣньемъ.
Царево сердце ненадежно
[Такъ разсуждали межъ собою
Они въ невѣдѣньи, смирится ль шахъ иль нѣтъ];
Одно и то же слово можетъ
Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево жъ сердце то огонь,
То море бурное—огню
Даетъ двойную силу масло,
А море бурное оно покоитъ.
Такъ царскіе вельможи говорили;
Но мрачныя печалью лица ихъ
Вдругъ стали радостію свѣтлы,
Когда принесъ имъ вѣсть благую
Гудерсъ. Теперь Иранъ спасенъ!
Они воскликнули. Поѣдемъ
Скорѣй всѣ вмѣстѣ за Рустемомъ;
Его догнать намъ должно прежде,
Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.

XII.

И всѣ они отправилися въ путь,
И ѣхали весь день, всю ночь;
И той гостинницы достигли,
Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
Онъ на покоѣ ждалъ Зевара
Съ дружинами Сабулистана,
Рѣшась упорно, вопреки

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Всѣмъ убѣжденьямъ Гефа,
Не возвращаться въ Истахаръ.
Но вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
Передъ собой вельможъ Ирана.
Они къ нему смиренно подошли;
Почтительно онъ всталъ, чтобъ ихъ принять.
И выступя впередъ, сказалъ ему Гудерсъ:
Рустемъ, мы присланы отъ шаха,
Тебя просить, Ирана пехлеванъ,
Чтобъ ты съ нимъ примирился.
О томъ же просимъ мы
И именемъ всего Ирана, просимъ
За нашихъ юношей, въ бою
Себя еще не испытавшихъ;
За нашихъ опытныхъ мужей,
Съ тобой ходившихъ на врага
За славою, побѣдой и добычей;
За нашихъ хилыхъ стариковъ;
За нашихъ женъ, дѣтей и внучатъ;
За весь народъ, за весь Иранъ;
Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;
Не отдавай же царства въ жертву
Свирѣпому Турану за одно
Тебя обидѣвшее слово.
Ты вѣдаешь, какъ опрометчивъ,
Какъ безразсудно гнѣвенъ шахъ:
На слово онъ ругательное скоръ,
Но такъ же скоръ и на признанье
Своей вины; съ раскаяніемъ онъ
Свою тебѣ протягиваетъ руку;
Не отвергай ея, Рустемъ.
Тебя ужалившее слово
Не ядомъ напоенный мечъ,
А легкій звукъ—забудь, Рустемъ,
О легкой, несмертельной ранѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И возвратися въ Истахаръ,
Гдѣ ждетъ тебя нетерпѣливо
Съ удвоеннымъ благоволеньемъ шахъ.

XIII.

Рустемъ отвѣтствовалъ угрюмо:
Скажите шаху Кейкавусу,
Что мнѣ ни висѣлицъ его,
Ни царскихъ милостей не нужно.
Въ Сабулъ я ѣду; тамъ я царь,
Такой же царь, какъ онъ въ Иранѣ.
Мнѣ надоѣло воевать;
Довольно я игралъ
Своею жизнью и чужою
На службѣ шаха—онъ меня
И наградилъ по милости своей.
Спасибо. Мы съ нимъ кончили разсчетъ.
Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Мой Громъ на самомъ рубежѣ
Ирана спотыкнулся; я впервые
Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
Мнѣ тяжелы—когда жъ обратно
Поѣхалъ я, мой конь запрыгалъ
И радостно заржалъ. Простите жъ; добрый
Вамъ путь, но я вамъ не попутчикъ. —
Рустемъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
Чтобъ это былъ послѣдній твой отвѣтъ.
Тебя твой царь обидѣлъ, правда;
Но руку онъ на примиренье самъ,
Признавъ себя виновнымъ, подаетъ —
Чего жъ еще желаешь болѣ?
И что подумаетъ Иранъ,
Такой отвѣтъ услышавъ?
Не скажутъ ли: Рустемъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Состарѣвшійся левъ, бѣжитъ
Отъ львенка молодаго;
Рустемъ Зораба испугался;
Орелъ нашъ крылья опустилъ;
Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:
Тамъ носится другой орелъ,
Его моложе и отважнѣй;
Вотъ отчего ему такъ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Вотъ отчего и Громъ на рубежѣ
Ирана спотыкнулся, и впервые
Рустему шлемъ и панцырь стали
Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Рустемъ,
Чтобъ про тебя молва такая
Вдругъ по всему Ирану разнеслася,
И чтобъ она постыднымъ о тебѣ
Преданьемъ перешла къ потомкамъ?—
Рустемъ, сверкнувъ глазами тигра,
Воскликнулъ: Гефъ, подай мнѣ Грома.
И слова не сказавъ Гудерсу,
Онъ на кипучаго коня
Вскочилъ, и поскакалъ путемъ обратнымъ;
И всѣ за нимъ во слѣдъ
Толпою шумною помчались.

XIV.

Съ Рустемомъ примирившись,
На пиръ веселый Кейкавусъ
Созвалъ своихъ вельможъ. И длился
Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
А той порой, когда въ царевыхъ
Палатахъ праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во всѣ входила домы,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Неспящимъ улыбалась,
Заснувшихъ пробуждала,
Разглаживала всѣмъ
Пріятной вѣстью лица.
Вдругъ ей попался кто-то
Навстрѣчу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была въ своемъ полетѣ
Свѣтла и весела.
И громко засмѣявшись,
Летунья у него
Спросила: кто ты, плакса?
Меня, онъ отвѣчалъ ей,
Зовутъ Печальнымъ Слухомъ;
Я по всему разнесъ Ирану,
Что шахъ поссорился съ Рустемомъ,
И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
И всѣхъ мои тревожатъ вѣсти.
Зажми же ротъ, сказала
Веселая Молва;
Съ Рустемомъ примирился
Твой гнѣвный Кейкавусъ;
Они теперь пируютъ
И ссору запиваютъ
Виномъ благоуханнымъ.
Печальный Слухъ съ сомнѣньемъ покачалъ
Своей косматой головою;
За это разсердилась
Веселая Молва,
И началася драка.
Печальный Слухъ былъ неуклюжъ,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигомъ былъ Печальный Слухъ,
Прибитый, изъ города выгнанъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И снова начала она
По улицамъ летать,
И гдѣ ни пролетала,
Воздушную летунью
Старикъ и молодой,
Здоровый и недужный,
И бѣдный и богатый,
Ласкали, миловали;
Кому жъ на сонъ грядущій
Услышать удавалось
Ея живое слово,
Тотъ сладко засыпалъ,
Обвѣянный толпою
Веселыхъ сновидѣній.

XV.

Когда на слѣдующій день
Явилось солнце, и раздернувъ
Востока занавѣсъ пурпурный,
Среди лазореваго неба
Свое воздвигло золотое
Всеосѣняющее знамя,
Когда на пажитяхъ земли
Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
Стада пространно зашумѣли —
Труба военная столицу огласила,
И весь народъ на площадь Истахара
Шумящею толпою побѣжалъ:
Тамъ, раздѣляся на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И передъ каждою дружиной
Былъ вождь ея; а позади
Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
Великій царства пехлеванъ,
На грозномъ Громѣ ѣхалъ
Рустемъ одинъ. Не велъ дружины онъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Но въ немъ одномъ была душа
Всего безчисленнаго войска
Его сабульскою дружиной
Военачальствовалъ Зеваръ;
А главнымъ воеводой рати
Былъ Тусъ, испытанный боями.
Когдаже царь все войско осмотрѣлъ—
Знамена заиграли,
Тимпаны загремѣли,
Задребезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.
И разліясь широкимъ наводненьемъ,
Шло войско къ рубежамъ Ирана;
Подъ нимъ земля стонала и тряслася;
Отъ топа конскаго дрожали горы;
Отъ кликовъ тучи расшибались;
Стотысячно ликъ солнца отражался
На панцыряхъ, на конскихъ збруяхъ;
Какъ на пригоркахъ въ бурю
Волнуются вершины сосенъ,
Такъ волновались перья и султаны
На шишакахъ и на турбанахъ;
И тамъ земля какъ пестрый лугъ сіяла,
Гдѣ войско шло; но гдѣ оно прошло,
Тамъ все являлось голой степью,
Тамъ были всѣ ключи изсушены
И въ пыль растоптаны всѣ нивы.
И скоро войско на границѣ
Ирана станъ свой утвердило
Въ виду горы, на высотѣ которой,
Окрестности владыка, Бѣлый Замокъ
Стоялъ какъ туча громовая,
И въ глубинѣ той тучи громовой
Таился молнія Зорабъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

КНИГА ПЯТАЯ.

ПИРЪ ВЪ БѢЛОМЪ ЗАМКѢ.

I.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
О приближеньи къ замку персовъ;
Ему наскучило давно
Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
И ждать прибытія гостей....
Вотъ наконецъ пожаловали гости.
И было все готово къ ихъ пріему:
И замокъ, снова укрѣпленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вмѣстѣ съ Баруманомъ
Зорабъ, взошедъ на башню,
Окинулъ, какъ орелъ,
Очами всю окрестность—
Очамъ его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Безчисленное войско.
Какъ смѣлый радуется ястребъ,
Увидя стадо голубей,
Въ которомъ онъ любаго
Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,
Такъ храбраго Зораба
Обрадовала сила
Идущаго противъ него врага.
Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;
И страхъ его замѣтя,
Зорабъ сказалъ съ улыбкой:
Не бойся, наведи
На щеки прежній ихъ румянецъ.
Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!
Какъ много ихъ сюда пришло,
Чтобъ здѣсь мнѣ дать побѣды славу!
И слава та навѣкъ моею будетъ!
Но если бъ я и гибель встрѣтилъ
Въ борьбѣ съ такой великой силой —
Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,
Что я дерзнулъ надѣяться побѣды.
Противъ утеса одного
Ихъ море цѣлое стеклося;
При имени моемъ затрепеталъ
Въ своей столицѣ Кейкавусъ;
Всѣ витязи Ирана,
Которыхъ мужество и силу
Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
Сошлися здѣсь противъ Зораба.
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого,
Съ которымъ было бъ славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильныхъ
И славныхъ подымаетъ
Прославленный свой мечъ,
Которому въ бою не уступить
Великой честью озарило бъ
Мои младые годы?
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого?
Такъ спрашивалъ Зорабъ;
Но онъ не смѣлъ
По имени того назвать,
Отъ чьей руки такъ скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

II.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
Тебѣ великой было бъ славой;
Но знать хочу, о комъ ты мыслишь самъ?
О, благородно пламенѣетъ,
Какъ факелъ, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтобъ не упалъ
Твой факелъ въ воду—въ хладной влагѣ
Онъ заклокочетъ, зашипитъ,
И, задымяся, вдругъ погаснетъ;
Не вѣдай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За нимъ твой конь летитъ, какъ на крылахъ,
Но мигъ одинъ—во рву и конь и всадникъ.
Былъ миръ, война спала—
Ее теперь ты разбудилъ;
Но знаешь ли, какую схватитъ
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся жъ, примѣчая,
Что я дрожу—не за себя дрожу я,
Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынутъ жребій,
И за тебя—судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучшихъ.
Иди же въ бой, Зорабъ,
Не опрометчивымъ ребенкомъ,
А твердо-осторожнымъ мужемъ.
Благодари Афразіаба,
Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣпкимъ замкомъ,
Упершися въ него ея крыломъ—
И врагъ тебя не одолѣетъ; если жъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Захочешь славы—пусть тобой
На поединокъ вызванъ будетъ
Тотъ витязь, кѣмъ стоитъ Иранъ,
И кто сраженный увлечетъ
Въ свое паденіе всю силу
И все величіе Ирана.
Такъ говорилъ Зорабу,
Мѣшая медъ совѣта
Съ отравою измѣны,
Коварный Баруманъ;
Но не посмѣлъ и онъ назвать
По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
При этомъ имени — измѣна,
Какъ тайная змѣя,
Его сосала сердце.
Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
Полюбовавшись на блестящій
Равнину всю покрывшій станъ,
Зорабъ пошелъ съ подзорной башни,
И пиръ велѣлъ роскошный приготовить,
Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
При звонѣ кубковъ, при шипѣньи
Злато-пурпурнаго вина,
Отпраздновать съ друзьями
Враговъ желанное явленье.

III.

Тѣмъ временемъ въ широкій станъ
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что конямъ,
Слонамъ, верблюдамъ, будетъ тѣсно
Все безпредѣльное пространство;
Но наконецъ — когда разросся
Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
Рядами улицы и на широкихъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Межъ ними площадяхъ
Живая разлилась торговля —
Въ спокойное пришелъ устройство
Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
Когда жъ на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли — утихло все,
И каждый ратникъ подъ своимъ
Заснулъ шатромъ и въ высотѣ
Одинъ раскинулся надъ всѣми
Шатеръ небесъ, звѣздами ночи
Усыпанный необозримо.
И въ этотъ часъ, пришедши къ шаху,
Ему сказалъ Рустемъ:
Я не могу безъ дѣла оставаться;
Хочу идти къ Зорабу въ гости;
Хочу увидѣть, кто навелъ
На васъ такой незапный ужасъ;
Хочу взглянуть въ лицо богатыря,
Передъ которымъ весь Иранъ
Такъ задрожалъ; хочу своими
Глазами видѣть, стоило ль труда
Сѣдлать мнѣ Грома, надѣвать
Свой старый шлемъ, и будетъ ли какая
Мнѣ честь его убить моей рукою.
Туранъ я часто посѣщалъ;
Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
Турецкое надѣвши платье
Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый Замокъ,
И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
Державный шахъ, пришелъ просить
На то соизволенья. Кейкавусъ
Съ улыбкой отвѣчалъ: Рустемъ,
Ты и въ турецкомъ платьѣ будешь
Красой и славою Ирана.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рука всей рати въ день сраженья,
Ты хочешь быть и зоркимъ окомъ
Ея во тьмѣ ночной. Иди,
И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.

IV.

Одѣвшись туркомъ, осторожно
Отправился въ свой путь Рустемъ.
Хотя въ шатрѣ онъ всѣ свои доспѣхи,
Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ покинулъ —
Но безоруженъ не остался:
Его рука была, какъ булава
Желѣзная, крѣпка. Во мракѣ ночи
Онъ къ Бѣлому подходитъ Замку—
Тамъ были слышны крики пированья;
И близъ воротъ незатворенныхъ
На стражѣ не стоялъ никто. Какъ левъ голодный,
Въ тотъ часъ, когда забывъ
Заграду затворить, безпечно пастухи
Шумятъ на праздникѣ ночномъ,
Врывается въ средину стада,
И изъ него сильнѣйшаго быка
Уноситъ—ревъ услыша, пастухи
Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
Съ добычею, погони не страшася,
Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
А пастухи назадъ приходятъ въ горѣ,
И вовсе ихъ ночной разстроенъ праздникъ—
Такъ въ замокъ грозный левъ Рустемъ
Прокрался пиръ разстроить турковъ.
Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ
Огнями; онъ шумѣлъ
Отъ говора пирующихъ, отъ звона
Виномъ кипящихъ чашъ,
Отъ пѣнья, отъ бряцанья струнъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Отъ бѣшено-веселой пляски:
Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ
И все съ нимъ праздновало войско.
И притаяся въ темномъ
Углу, на все смотрѣлъ
И видѣлъ все изъ темноты
Никѣмъ не видимый Рустемъ.

V.

На пиршествѣ безпечно
При факелахъ зажженныхъ
Зорабъ сидѣлъ съ гостями;
На немъ не шлемъ желѣзный,
А праздничный изъ свѣжихъ
Цвѣтовъ сіялъ вѣнокъ,
И онъ, самъ яркій блескъ,
Былъ яркимъ окруженъ
Блистаньемъ, былъ прекрасенъ,
Какъ цвѣтъ благоуханный
Надежды, и въ его
Груди кипѣла младость;
И голову младую
Онъ бодро подымалъ,
И обѣгая окомъ
Воспламененнымъ праздникъ,
Съ весельемъ гордѣливымъ
Считалъ съ нимъ пировавшихъ
Сподвижниковъ. И видя
Его передъ собою
Прекраснаго такъ чудно,
Они позабывали
Вино, и клики ихъ
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой изъ неба

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ благоволеньемъ звѣзды
Смотрѣли на него,
И на небѣ о немъ,
Земной звѣздѣ прекрасной,
Назначенной такъ скоро
Въ своей красѣ угаснуть,
Печалилися звѣзды.
Тогда одна изъ нихъ
Своимъ сестрамъ небеснымъ
Печальная сказала:
Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ
Такъ скоро, скоро долженъ
Увянуть! На землѣ
Прекраснаго являлось
Намъ много.... и очей мы
Отвесть не успѣвали,
Какъ ужъ съ земли оно
Скрывалось—но доселѣ
Еще намъ не случилось
Тамъ видѣть ничего
Прекраснѣй и мгновеннѣй
Той прелести, какая
Такъ сладко въ этотъ мигъ
Собой насъ утѣшаетъ,
И такъ своею быстрой
Кончиною печалитъ.
О, какъ онъ милъ! какъ веселъ!
Пошлемъ въ сіяньи нашихъ
Очей, имъ веселимыхъ,
Видѣніе туда,
Гдѣ мать о немъ тоскуетъ,
Куда уже къ ней онъ
Не возвратится вѣчно;
Пускай его она
Хоть разъ еще увидитъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
Отваги и надежды....
Его, быть можетъ, завтра
Придетъ схватить судьбина.

VI.

Такъ говорили звѣзды неба
О милой праздника звѣздѣ.
И вотъ онѣ паровъ и блеска—
Въ пространствѣ воздуха разлитыхъ
Межъ небомъ и землею—взяли,
И свили сонъ....
И этотъ сонъ подобенъ
Былъ разноцвѣтному ковру,
Блестящему шелками,
Какой женихъ издалека
Невѣстѣ милой посылаетъ;
На немъ она въ землѣ своей
Все видитъ, что въ землѣ далекой
Ея возлюбленнаго очи
Встрѣчаютъ: горы снѣговыя,
И многоводные потоки,
И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
Деревьяхъ. И когда
На тотъ коверъ невѣста
Глядитъ—ей мнится, что сама
Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея
Онъ, возвратяся, отдыхаетъ.
Такую ткань видѣній
Изъ блеска и паровъ
Соткали звѣзды въ высотѣ;
И дали воздуху онѣ
Ее нести, и съ нею тихо
Летѣть въ Туранъ,
Чтобъ спящей матери лицо

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Она неслышимо покрыла;
И воздухъ полетѣлъ;
И матери привидѣлся прекрасный,
Какъ утро свѣтлый, сонъ;
И въ этомъ снѣ увидѣла она
Сидящаго на пиршествѣ ночномъ
За полнымъ кубкомъ сына;
Его горѣли щеки,
Его уста цвѣли,
Его сверкали очи,
Онъ полонъ былъ отваги;
И таяло отъ радости въ ней сердце.
Казалось ей, что онъ,
Въ немногіе разлуки дни,
Изъ отрока созрѣлъ
Могущественнымъ мужемъ;
И вкругъ него, казалось, много
Знакомыхъ ей, и незнакомыхъ
Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
Одинъ; и притаясь, изъ темноты
Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что къ сыну выйти не хотѣлъ
Отецъ на свѣтъ; но горе скоро
Провѣяло, какъ легкій воздухъ;
Ей стало весело, что къ сыну
Отецъ такъ близко, и что онъ
Свою узнавъ повязку,
Изъ мрака выйдетъ и ему
Съ любовію протянетъ руку.

VII.

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
Была такимъ прекраснымъ сновидѣньемъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Лелѣема, Зорабъ
Съ гостями праздновалъ безпечно;
И пили всѣ кипучее вино;
И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,
Одинъ по правую, другой
По лѣвую съ нимъ руку;
Былъ слѣва Баруманъ,
Къ нему не изъ любви, не для храненья
Приставленный Афразіабомъ;
А справа Синдъ; его
Послала вслѣдъ за сыномъ мать,
Чтобъ съ глазъ Зораба не спуская,
Онъ былъ ему въ чужой землѣ
Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
Онъ былъ изъ рода семенгамскихъ
Царей, былъ крѣпокъ сплой, ростомъ
Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
И такъ очами зорокъ,
Что ночью видѣть могъ, какъ днемъ;
И это побудило мать
Ему надзоръ за сыномъ ввѣрить,
Дабы, когда имъ встрѣтится Рустемъ,
Онъ могъ немедля
Его Зорабу указать
[Остались въ памяти у Синда
Черты Рустема съ той поры,
Когда царемъ онъ въ Семенгамѣ
Былъ такъ роскошно угощенъ,
И бракомъ сочетался
Съ царевною Теминой].
И Синдъ на праздникѣ Зораба
Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
И молча думалъ: завтра
Ему я укажу Рустема.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

VIII.

Но рысьими глазами Синдъ
Увидѣлъ вдругъ, что кто-то въ темнотѣ
Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
И къ мѣсту темному пошелъ
Поспѣшнымъ шагомъ, чтобъ своими
Его глазами осмотрѣть.
Онъ тамъ увидѣлъ великана,
Огромнаго, какъ слонъ;
Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
Его глазамъ когда встрѣчался;
Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема;
Но этотъ былъ въ турецкомъ платьѣ,
Хотя и замѣчалъ
Въ немъ Синдъ какъ будто что чужое.
Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
Здѣсь спрятался и выступить на свѣтъ
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай отвѣтъ. Но не далъ
Ему Рустемъ отвѣта.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синдъ схватилъ,
Чтобъ вытянуть на свѣтъ изъ темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустемъ взмахнулъ,
И грянулъ Синда кулакомъ
По головѣ—и Синдъ упалъ,
Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
Зорабъ примѣтивъ, что ушедшій
Не возвращался долго Синдъ,
Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащаго, обратно,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ изступленный, прибѣжалъ,
Крича: убили Синда! Синдъ
Убитъ! Затрепетавъ, Зорабъ
Вскочилъ; вскочили съ нимъ всѣ гости,
И съ факелами побѣжали
Толпою къ мѣсту роковому.
Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
Онъ былъ убитъ—но кѣмъ?
Никто того не вѣдалъ.

IX.

О горе! возопилъ Зорабъ,
Въ заграду волкъ ворвался
И лучшаго зарѣзалъ въ стадѣ
Овна; а пастухи
Съ собаками дремали.
Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!...
Но некого ужъ было догонять,
Исчезъ ночной убійца. Возвратясь,
Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
Кругомъ его печально сѣли гости;
И онъ сказалъ: не радуетъ меня
Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
На право отъ меня моимъ
Ближайшимъ другомъ занятое
Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
Онъ милой матерью моею,
И могъ одинъ въ Иранѣ указать мнѣ
Рустема; онъ одинъ изъ насъ
Его видалъ. Кто мнѣ теперь
Его укажетъ?—То услыша, покраснѣлъ
Сидѣвшій слѣва—покраснѣлъ
Предатель Баруманъ,
Не изъ любви, не для храненья
Приставленный къ нему Афразіабомъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ Синдъ, Зорабу
Онъ могъ бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
Зорабъ, поднявъ высоко
Виномъ наполненную чашу,
Воскликнулъ: пью послѣдній кубокъ пира;
Онъ не виномъ, а клятвою кровавой
Наполненъ, клятвою отмстить
Убійцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
Его найду, и будетъ отъ меня
Ему убійство за убійство.
Когда жъ моей я клятвы не исполню,
Пускай въ отраву обратится
И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
Вино въ послѣдней этой чашѣ,
Мной осушаемой до дна.
Съ такою клятвой мщенья
[Противъ кого? О томъ не вѣдалъ онъ]
Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,
И въ дребезги расшибъ, ударивъ оземь, кубокъ.
Потомъ всѣ гости встали съ мѣстъ,
Чтобъ Синда въ землю опустить;
И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погребеньемъ.

X.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.
При видѣ турка, Гефъ его окликнулъ
И вся его дружина стала въ строй;
Рустемъ, узнавъ по клику зятя,
Ему знакомый подалъ голосъ;
И Гефъ, его впустивъ въ заграду стана,
Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
Гдѣ былъ ты, старый богатырь?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
Съ духами ль темными ночную
Бесѣду ты завелъ? Въ союзъ ли съ ними
Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
Мы знаемъ, съ демонами тьмы
Давно ты водишься; и вѣрно
Отъ нихъ ты занялъ черное искусство
Быть невредимымъ, что теперь
Такъ беззаботно, безоружный,
Одинъ, переодѣтый туркомъ, ходишь
Ночной порой между шатровъ Ирана.
Рустемъ сказалъ: не въ этомъ дѣло;
Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
Издалека его увидѣлъ я,
И буду радъ, когда вблизи увижу.
Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
Нежданый помѣшалъ; насильно
Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
Я въ темнотѣ ударомъ кулака
Его убилъ—себѣ иначе
Помочь не могъ я—но о немъ
Непостижимо-грустно мнѣ, и я готовъ
Почти заплакать. Гефъ, найди скорѣе
Персидскій для меня уборъ;
Замаранное кровью это платье
Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
Со всѣхъ сторонъ сбѣгутся съ лаемъ
На турка, вкругъ шатровъ персидскихъ
Ходящаго ночнымъ дозоромъ.
Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
Рустемъ турецкую одежду.
Какой-то жалобный въ немъ голосъ
Противъ ночнаго дѣла вопіялъ;
Невольно онъ жалѣлъ о Синдѣ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
Свое спасенье отъ чего-то,
Неизбѣжимаго теперь.
И не пошелъ онъ къ шаху съ донесеньемъ;
Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
И легъ, и тяжко спалъ всю ночь.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

I.

Когда взошла заря на небо,
Зорабъ взошелъ на башню замка;
Съ ея площадки могъ онъ весь
Иранскій станъ, какъ на ладони, видѣть.
И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
Онъ думалъ: Синда нѣтъ; Хеджиръ
Рустема вѣрно знаетъ; мнѣ
Его укажетъ онъ. Хеджиръ
Окованный былъ приведенъ. Оковы
Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
Сказалъ: Хеджиръ, желѣза плѣна
Я золотомъ свободы замѣню,
Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
На все, о чемъ тебя разспрашивать я стану;
Будь откровененъ; съ чистымъ,
А не съ подмѣшаннымъ виномъ
Подай теперь свою мнѣ чашу.—
Я не солгу, отвѣтствовалъ Хеджиръ;
Готовъ я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Извѣстно мнѣ.—Богатые шатры

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я въ станѣ вижу, продолжалъ Зорабъ;
Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
Изъ тѣхъ шатровъ принадлежитъ?
Когда о томъ по истинѣ мнѣ скажешь,
Тебя осыплю золотомъ и честью;
Когда же нѣтъ, не усидитъ
Твоя на шеѣ голова. —
Чего же медлишь? возразилъ
Хеджиръ; разспрашивай, я буду
По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
Я не бывалъ, а смерти не страшуся.

II.

И началъ спрашивать Зорабъ:
Тамъ въ серединѣ самой стана
Я вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во всѣ концы
Дороги; и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ будто съ робкимъ ожиданьемъ;
Другіе весело отходятъ отъ шатра,
Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ
Сидитъ орелъ; и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не витязю простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ?—Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
Въ немъ шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дружина вѣрная стоитъ
Тѣлохранителей. И никакой
Не страшенъ врагъ великому царю.—
Налѣво, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А наверху я вижу грифа:
Широко вѣющее знамя
Съ изображеніемъ луны,
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ.—
Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераборъ, ближайшій
Къ престолу и къ цареву сердцу.—
На то Зорабъ сказалъ: имъ честь и слава!
Когда одна душа въ отцѣ и въ сынѣ,
Они всю землю завоюютъ.

III.

И продолжалъ разспрашивать Зорабъ:
Направо тамъ отъ золотаго
Шатра стоитъ, я вижу, черный;
Онъ окруженъ безчисленною стражей;
И безпрестанно скачутъ
Къ нему и отъ него гонцы.
У входа слонъ, покрытый пышнымъ
Ковромъ, и на его спинѣ
Огромные тимпаны войска;
А наверху шатра сіяетъ
Драконъ; въ его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звѣздами,
И разстилается, какъ небо,
Широко вѣя, надъ шатрами.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Кому такая почесть?
Кто раздѣляетъ власть съ державнымъ шахомъ?—
Его военачальникъ Тусъ,
Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ сродникъ шаха,
И право онъ имѣетъ родовое
Въ сраженьи мѣсто заступать царя;
На зовъ его сошлося это войско,
Грозящее погибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь;
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, приросшихъ къ нимъ драконовъ;
Къ святой хоругви этой
Прикована побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Блѣднѣетъ врагъ, ее увидя.—
Зорабъ при этомъ словѣ улыбнулся,
И продолжалъ: а этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто сѣдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?
Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и всѣ
Къ нему лицомъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣйно,
Какъ сыновья передъ отцомъ?—Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: это старецъ
Гудерсъ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечемъ пронзителенъ и крѣпокъ,
Онъ сильный царь въ своей семьѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя..... а я
Осьмидесятый; и меня
Въ строю ихъ нѣтъ.—Зачѣмъ дался ты въ плѣнъ?
Сказалъ Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И нынче жъ будешь вмѣстѣ съ ними.

IV.

Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всѣми
Шатрами поднялся? И также твердъ онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ, шатаемъ бурей,
Она жъ не двигнется, и шаткій лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ.
Конечно тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ иранскомъ войскѣ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидитъ, я вижу, воинъ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь;
Тотъ воинъ великанъ;
Тотъ конь чудовище; и воинъ
Сидитъ не на высокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой;
Всѣ на него почтительно глядятъ,
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарища испытаннаго въ битвахъ;
Копытомъ конь нетерпѣливымъ
Разбрасываетъ землю, а когда

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ—
Онъ чутко уши подымаетъ,
И фыркаетъ; когда же
Его волнистую онъ треплетъ гриву —
Конь бѣсится, кругомъ
Стоящіе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колѣну
Дубина; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Иль изъ ноженъ до половины
Выхватываетъ мечъ—
Конь прыгаетъ, послыша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.
Мнѣ никогда такой сѣдокъ,
Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался—конь, который
Однимъ такимъ лишь сѣдокомъ
Обузданъ можетъ быть; сѣдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынесть можно. Вѣрно
О сѣдокѣ и о конѣ
И старъ и малъ въ Иранѣ знаетъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.
Онъ замолчалъ, какъ будто убѣжденный,
Что эти имена: Рустемъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

V.

Хеджиръ задумался: ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступая къ бой, Зорабъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Своимъ отцомъ назвалъ Рустема;
И про себя Хеджиръ подумалъ:
Когда тебѣ Рустемъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомленъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не булаву
Желѣзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.
Нѣтъ! отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я не намѣренъ.
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ.
Что жъ ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ;
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори.—Я думаю, сказалъ
Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный витязь.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно онъ въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ намъ слухъ дошелъ, что сильный богатырь
Изъ Индіи далекой
Царемъ на помощь вызванъ —
Быть можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое.—
Но какъ зовутъ его, спросилъ Зорабъ.
Не знаю, отвѣчалъ Хеджиръ.—
Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую.—Не знаю,
Твердилъ Хеджиръ упорно,
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣньи;
Рустемовы всѣ признаки онъ видѣлъ,
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Рустемъ —
Но имени желаннаго не могъ онъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Изъ непреклоннаго Хеджира.
И снова сталъ разспрашивать его
Зорабъ: кому принадлежитъ
Тотъ свѣтлорозовый шатеръ?—
Его назвать могу я, отвѣчалъ
Хеджиръ; могучему Гуразу.—
А этотъ желтый чей?—Гургиновъ.—
А этотъ голубой?—Въ немъ Гефъ живетъ,
Рустемовъ зять.—При этомъ на Хеджира
Зорабъ разгнѣванныя очи
Оборотилъ: теперь мнѣ явно,
Что ты безстыдный лжецъ; мнѣ всѣхъ
Назвалъ ты, объ одномъ Рустемѣ
Ни слова. А Рустемъ душа Ирана,
И безъ него сраженій не бываетъ.
Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного
Принадлежащаго Рустему; гдѣ же
Рустемъ? Его съ намѣреньемъ скрываешь
Ты отъ меня. Но чудный воинъ тотъ
Передъ шатромъ зеленымъ—онъ конечно
Рустемъ. Скажи, Хеджиръ; скажи, что это онъ!
Всѣ признаки Рустемовы я вижу,
Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;
Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,
Желалъ бы, чтобъ Рустемомъ былъ
Одинъ лишь этотъ. О! скажи,
Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты,
Немедля въ станъ къ отцу и братьямъ будешь
Отпущенъ съ честью и дарами.—
Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
Ты какъ, Зорабъ нетерпѣливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ:
Не выходи противъ него. Тебѣ
Передъ Рустемовой ужасной силой

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не устоять; когда Рустемъ
На Громѣ въ поле выѣзжаетъ,
И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепетъ;
Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
Его дыханье буря; онъ какъ прутья
Ломаетъ крѣпкія деревья;
И кто бъ его противникъ ни былъ,
Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
Горы, его Рустемъ растопчетъ,
Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
Но, къ счастью своему, грозы
Ты избѣжалъ: Рустема въ войскѣ нѣтъ;
Съ царемъ поссорясь, онъ
Въ Сабулистанъ свой возвратился,
И тамъ, о битвахъ позабывъ,
Въ роскошномъ розовомъ саду
Пируетъ весело съ гостями,
И ждетъ спокойно за виномъ,
Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана.
Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
Его хотѣлъ онъ обмануть,
Придумавши вражду царя съ Рустемомъ;
Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

VI.

Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
Съ негодованіемъ Зорабъ;
Молчи, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей!
Повѣрю ли, чтобъ пехлеванъ Ирана,
Чтобы Рустемъ, властитель боя,
Отъ боя убѣжавъ, лѣниво
Подъ кровлею домашней пировалъ?
Тогда бъ и женщины и дѣти
Его достойно осмѣяли.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Поссориться онъ могъ конечно съ шахомъ,
Когда, забывшись, шахъ его,
Завоевавшаго ему отцовскій
Престолъ, чѣмъ оскорбилъ; но Кейкавусъ
Еще не потерялъ разсудка;
И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Рустемомъ,
То ужъ они навѣрно примирились:
Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу?
Что значитъ туча громовая
Безъ молніи и грома? Безъ Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иранъ вашъ значитъ? Говори жъ
Немедля, кто Рустемъ! Иль вмигъ твоя
Перелетитъ черезъ ограду замка
Къ шатрамъ иранскимъ голова. —
Хеджиръ отъ злости поблѣднѣлъ,
Ты изъ меня, подумалъ про себя онъ,
Насиліемъ не вырвешь слова,
Котораго сказать я не хочу.
Не страшны мнѣ твои угрозы;
Меня убьешь ты — отъ того
Не потемнѣетъ день, и въ кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только изъ своихъ
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
За то съ семидесятью девятью
Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ
Противъ Хеджирова убійцы.
И онъ сказалъ: зачѣмъ, Зорабъ,
Ты такъ бѣснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты—
Убей, ты властенъ; имя жъ,
Которое такъ жадно хочешь слышать,
Останется во мнѣ, какъ запертое

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ могилѣ; я не вымолвлю его,
Хотя бъ и зналъ стократно, кто и гдѣ
Рустемъ. Убей меня—пусть кровью заплачу
За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей.
Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ кипѣньи гнѣва
Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь пронзить Хеджиру;
Но онъ одумался, и только по щекѣ
Его съ такой ударилъ силой,
Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
Когда никто—восклинулъ онъ—
Не хочетъ мнѣ Рустема указать,
Мой мечъ къ нему прочиститъ мнѣ дорогу.

VII.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
Вооружился, на коня,
Крылатаго дракона, прянулъ
И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
Онъ страшенъ былъ—кругомъ его
Клубился, выбитый конемъ,
Изъ нѣдръ земли кипучій вихорь пыли;
И въ этой черной тучѣ,
Какъ молнія, броня его сверкала,
И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
Коня топочущаго ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летѣла туча громовая;
И всѣ, покинувшіе станъ,
Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
Въ испугѣ бросились назадъ,
Спѣша укрыться за окопомъ.
Такъ на лугу, заграду табуна
Покинувъ, скачутъ жеребята;
Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Пугаются его косматой гривы,
И шумно ломятся въ заграду;
Такъ ужасомъ объятые къ шатрамъ
Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
Но мелкаго врага не замѣчая,
Онъ вихремъ мчался къ валу стана,
Чтобъ, на него взлетѣвъ съ конемъ,
Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
На смертный вызвать поединокъ;
И съ высоты окопа закричалъ
Зорабъ такимъ гремящимъ кликомъ,
Что отъ него и мертвый бы въ могилѣ
Перевернулся: шахъ великолѣпный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крѣпкою оградой стана;
Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
Ты спрятался тамъ отъ меня,
Какъ за плетнемъ отъ волка
Съ овцами прячется пастухъ?
Съ моимъ копьемъ противъ тебя
Я выѣзжаю; въ Бѣломъ Замкѣ
Былъ умерщвленъ разбойнически Синдъ;
Я за виномъ кровавую далъ клятву
Разбойнику за друга отомстить,
И въ ясный день убить убійцу,
Столь храбраго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтобъ шелъ со мной сразиться;
Когда жъ тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
Инаго—лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
Но если изъ твоей заграды
Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
Въ твой станъ проникну и къ шатру,
Гдѣ ты таишься недоступно,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Себѣ мечемъ прочищу доступъ.
Не устрашатъ меня твои два стража,
Твой левъ и тигръ; до солнца твоего
Мое копье крылатое допрянетъ;
И выронитъ орелъ твой изъ когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатеръ твой повалю,
И ты отъ сна безпечнаго проснешься.

VIII.

При этомъ кликѣ шахъ въ испугѣ
Вскочилъ. Бѣгите за Рустемомъ,
Онъ закричалъ. Какъ этотъ звѣрь провѣдалъ,
Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю?
Скорѣй, скорѣй позвать Рустема!—
Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
Когда гонецъ предъ нимъ явился
И задыхаясь возопилъ:
Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
Шатеръ напасть грозится онъ;
Спѣши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.
Рустемъ, не покидая мѣста,
Сказалъ: служить накладно Кейкавусу;
Покоя нѣтъ ни днемъ ни ночью;
Я прошлую провелъ въ работѣ ночь,
Теперь хочу день цѣлый отдыхать.
Но вотъ второй гонецъ примчался
За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
За третьимъ; быстро,
Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
Они летѣли другъ за другомъ,
И каждый повторялъ: Рустемъ!
Зорабъ ворваться хочетъ въ станъ;
Бѣги скорѣй къ царю на помощь. —
Увидя общую тревогу,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рустемъ сказалъ: да развѣ небо
Упало? Всѣ дрожатъ передъ однимъ!
Отъ одного такой пожаръ всемірный!
Но вдругъ предъ нимъ явились
Вельможи, посланные шахомъ,
Верховный воевода Тусъ
И самъ царевъ наслѣдникъ Фераборъ;
И всѣ его доспѣхи принесли
Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
Тяжелый панцырь на него,
Гургинъ поножья; шлемъ
Былъ поданъ Фераборомъ;
Гуразъ принесъ колчанъ и лукъ;
Съ копьемъ, мечемъ и булавой пришли
Три сына стараго Гудерса;
И наконецъ съ могучимъ Громомъ,
Совсѣмъ осѣдланнымъ явился зять
Рустемовъ Гефъ. Увидя,
Какъ бѣшено, почуя бой, кипѣлъ
И прядалъ Громъ, его товарищъ вѣрный,
Рустемъ воспламенился;
На Грома онъ вскочилъ,
И грозно крикнувъ, поскакалъ....
И всѣ очами вслѣдъ за нимъ
Въ глубокомъ страхѣ устремились.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

I.

Онъ поскакалъ туда, гдѣ богатырь,
Съ нимъ однокровный, ждалъ; гдѣ сынъ его родной

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Стоялъ, противъ отца вооруженный.
Завидѣвши одинъ другаго, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
Сынъ Грома—тотъ, отца принесшій
На убіенье сына; этотъ,
Принесшій сына, чтобъ погибъ
Рукой отца: но какъ родные
Они привѣтственнымъ другъ друга ржаньемъ
Окликнули.... о горе! неразумнымъ
Звѣрямъ былъ внятенъ голосъ крови,
А въ глубину души отца и сына
Онъ не проникъ — такъ бѣдный человѣкъ,
Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
Слѣпорожденнаго слѣпѣй бываетъ —
Для витязей то родственное ржанье
Призывомъ было въ бой свирѣпый,
И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
Остановясь одинъ противъ другаго,
Отецъ и сынъ издалека другъ друга
Смертельнымъ окомъ, молча, озирали.
А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями поединка,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Полки блестящіе Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
И тихимъ рати строемъ
Одна противъ другой стояли,
Какъ двѣ на двухъ концахъ противныхъ неба
Стоятъ грозой чернѣющія тучи;
Желанье боя только въ двухъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Избранныхъ витязяхъ горѣло;
А вкругъ ихъ все молчало, роковаго
Событія со страхомъ ожидая.

II.

И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга
Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ: здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! моя завидна участь:
Я лѣтами еще полуребенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Сѣдой боецъ, твоя не сладитъ старость. —
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ: не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ.
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Убитаго, во глубь земли холодной.
Когда же паче ожиданья
Моей руки ты избѣжишь,
То ужъ тебѣ никто, ни человѣкъ,
Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя. — Такую рѣчь
Привѣтнонѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала.
И онъ сказалъ: о, бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
Именовать.... какой-то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель.—Такъ сказалъ Зорабъ.....
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нѣжную любовь....
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ;
И знать тебѣ нѣтъ нужды о Рустемѣ.
Я подданный, а онъ державный князь;
Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я у тебя въ долгу: вчера я, вѣдай,
Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
Ночное совершилъ убійство.

III.

При этомъ словѣ гнѣвомъ вспыхнулъ,
Какъ туча молніей, Зорабъ,
И разомъ оба поскакали,
Зорабъ направо отъ Рустема,
Рустемъ направо отъ Зораба;
И отскакавъ во весь опоръ
На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
Коней; и быстро полетѣли
Другъ противъ друга двѣ грозы.
И начался межъ сыномъ и отцомъ
Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
Они пустили копья —
Со свистомъ пронизали
Они щиты, подставленные имъ,
И пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись въ землю.
Тутъ обнаженными мечами
Они разить другъ друга принялися —
Мечи, скрестяся на ударѣ,
Переломились разомъ оба;
Они, мечей обломки бросивъ,
Желѣзныя схватили булавы.
Чего копье не тронуло, то мечъ
Разсѣкъ; чего не тронулъ мечъ,
То раздробила булава —
Такъ бились витязи, упорствомъ
И силою одинъ другаго стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемахъ блеска не осталось,
Всѣ перья съ гребней облетѣли,
И ни одно кольцо на ихъ кольчугахъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не уцѣлѣло; всѣ избиты
Ихъ были члены; потъ ручьями
Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
Подъ ними кони ихъ дымились.
Такъ на небѣ двѣ тучи громовыя,
Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ,
И молніи на молніи бросаютъ;
Онѣ другъ друга истребить
Не могутъ, но подъ ихъ войною
Земля приходитъ въ трепетъ,
Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
И вся подъ ними сторона
Становится пустынна, какъ великимъ
Сраженіемъ растоптанная нива;
Когда жъ ихъ силы истощатся,
Онѣ расходятся и грозно
Издалека другъ на друга сверкаютъ,
И глухо, ропотно гремятъ.
Такъ витязи, истративъ силы,
На время бой упорный прекратили.

IV.

Отецъ и сынъ избиты были оба.
Сошедъ съ коней, они имъ дали волю
Вздохнуть; а сами разошлися,
И издали дивилися другъ другу.
Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
Не можетъ быть, чтобъ этотъ звѣрь,
Столь яростно меня терзавшій,
Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
Всѣ признаки описанные мнѣ,
Но о такой неимовѣрной злости
Мнѣ мать не говорила; въ ней
Любовь къ нему родиться не могла бы,
Когда бъ ея очамъ явился онъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
Но онъ и самъ назвалъ себя
Убійцей Синда... нѣтъ! онъ не Рустемъ;
Я клятвы долгъ святой исполню,
И отомщу убійствомъ за убійство.
Въ то время и Рустемъ съ собою
Такъ разсуждалъ: не отъ простой
Онъ матери; она конечно
Не человѣческой, а великанской
Породы: въ возрастѣ его
Подобной силы не имѣлъ я.
Рустемъ, Рустемъ, остерегись;
Сбери всю крѣпость, старый богатырь;
Два войска смотрятъ на тебя;
Бѣда и стыдъ, когда съ тобою
Турченокъ безбородый сладитъ
И, возвратяся въ Семенгамъ,
Разскажетъ сыну твоему
О поношеніи отца его Рустема.
Такъ, отдыхая, размышляли
Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ ихъ кони,
Усталые отъ жаркой схватки,
Но пощаженные въ бою,
Провѣтрились, остыли, освѣжились
И приготовился снова
Своихъ могучихъ сѣдоковъ
Нести на смертный поединокъ.

V.

Еще усталые, чтобъ силы обновить,
Они за луки и за стрѣлы
Схватились. Двѣ первыя стрѣлы
На воздухѣ слетѣлись остріями,
И обезсиленныя пали
На землю; въ слѣдъ за ними частымъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дождемъ другія зашумѣли;
Такъ вихремъ сыплются сухіе
Съ деревьевъ листья при осеннемъ
Свистящемъ вѣтрѣ; такъ
Кругомъ ульевъ, когда согрѣетъ ихъ
Лучемъ весеннимъ солнце,
Сверкаютъ и жужжатъ, роясь, пчелы.
И непрестанно въ ихъ рукахъ
Сгибалися и разгибались луки,
Визжали рѣзко тетивы;
И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;
И вслѣдъ за каждой изъ очей
Взоръ смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
Отъ панцырей отпрыгивали стрѣлы,
Ихъ остріе ломалося объ шлемы,
Въ щиты вонзаяся, на нихъ
Онѣ густой щетиною торчали;
Такъ солнца острые лучи,
Гранитъ могучій осыпая,
Ему пронзить не могутъ твердой груди,
И лишь ея поверхность разжигаютъ.
Истративъ стрѣлы, наконецъ
Противники свои пустые
Колчаны бросили, и на коней
Вскочили оба, чтобъ начать
Войну губительную снова.

VI.

Слетѣвшись на коняхъ, они
Вцѣпились крѣпкими руками
Другъ другу въ кушаки. Рустемъ
Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
Что онъ ни схватывалъ рукою,
Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
Какъ не колеблется утесъ,
Обвитый кольцами удава,
Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зорабъ напрасно мышцы
Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
Какъ не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдругъ, кушакъ отцовъ покинувъ,
Какъ бѣшеный, Зорабъ впился руками
Въ его серебряныя кудри,
Разсыпанныя по плечамъ,
Въ сраженьи выпавъ изъ подъ шлема;
Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
Не покачнувшись, усидѣлъ;
Одинъ лишь клокъ серебряныхъ сѣдинъ
Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
Ты богатырь неодолимый
Подъ сѣдинами старика!
Воскликнулъ онъ, зачѣмъ, зачѣмъ
Съ моею молодостью сильной
Свою выводишь старость въ бой?
О! сердце у меня въ груди поворотилось,
Когда въ моей рукѣ остались
Твои сѣдые волоса!
Мнѣ показалось, что обидѣлъ
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы другъ друга

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Должны такъ яростно губить?
Уже ль другихъ здѣсь не найдется
Противниковъ, чтобъ успокоить
Въ насъ жажду огненную боя?
Такъ воинъ молодой сказалъ;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотилъ грозящее лицо.

VII.

И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ стадо
Овецъ, онъ кинулся съ мечемъ
На рать туранскую. Зорабъ
При этомъ видѣ повернулъ
Коня, и яростный, какъ тигръ,
Изъ тростника въ табунъ коней
Однимъ влетающій прыжкомъ,
Явился межъ дружинъ Ирана;
И началъ мечъ его сверкать,
Какъ молнія, направо и налѣво;
И люди вкругъ меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополамъ
Пересѣченный. Той порой
Рустемъ, уже достигшій строя
Дружинъ туранскихъ, вдругъ остановился,
И обративъ глаза на рать Ирана
Увидѣлъ, что̀ въ ея рядахъ
Разстроенныхъ происходило;
Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
Подумалъ онъ о страхѣ Кейкавуса,
И быстро, не взглянувъ на турковъ,
Къ своимъ на помощь поскакалъ.
Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
Какъ разсыпалъ рубины крови
На яркій поля изумрудъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Своимъ мечемъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ:
Остановись! зачѣмъ на слабыхъ
Такъ бѣшено ты нападаешь?
Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
Что вдругъ на нихъ ты кинулся, нежданый,
Какъ звѣрь голодный на добычу?
Зорабъ, его увидя, изумился.
А ты, мой старый богатырь,
Воскликнулъ онъ, за что на бѣдныхъ турковъ
Такъ яростно ударилъ? Чѣмъ они
Тебя обидѣли? Но вижу,
Что снова ты въ сраженье вызвать
Меня желаешь—я готовъ.
На то Рустемъ отвѣтствовалъ: ужъ день
Смѣнила ночь; она покою
Принадлежитъ, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востокѣ солнце, витязь неба,
Свой мечъ подыметъ золотой и землю
Имъ облеснетъ мы бой возобновимъ;
Будь здѣсь, и я здѣсь буду:
Мы пѣшіе, борьбою
И боемъ рукопашнымъ дѣло
Начатое окончимъ; оба войска
Сраженія свидѣтелями будутъ;
Увидимъ мы, которое изъ двухъ
Богатыря оплачетъ своего.

VIII.

Они разстались; сумраченъ былъ вечеръ,
И темное тревожилося небо:
Оно какъ будто въ погребальный
Покровъ заранѣ облекалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый Замокъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Онъ на пути спросилъ у Барумана:
Что этотъ левъ, которой такъ измялъ
Мои бока тяжелой лапой,
Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ? Много ль
Погибло отъ него народа?—
Ты повелѣлъ, чтобъ войско было тихо
[Такъ Баруманъ отвѣтствовалъ] и войско
Стояло строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженью; вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ будто изъ земли
Родившійся, незапно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленьемъ рати;
Всѣ приготовились къ отпору;
Но онъ, какъ будто устрашенный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ
Какъ привидѣнье.—Громко засмѣявшись,
Сказалъ Зорабъ: и такъ онъ только
Васъ навѣстилъ по милости своей;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ.
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ иранской кровью;
Насъ темнота ночная развела:
Но завтра на разсвѣтѣ
Опять начнется бой нашъ; завтра
Увидимъ мы, который устоитъ
Изъ насъ двоихъ, который ляжетъ мертвый.
И обѣ рати станутъ въ строй,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы.
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтить съ ликованьемъ—это
Намъ скажетъ завтрашнее утро;
А нынѣче намъ приличнѣй, всѣ забывъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Тревоги, влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены,
И освѣжить языкъ сожженный зноемъ.
Скорѣй, премудрый Баруманъ,
Вели намъ пиръ обильный приготовить.

IX.

Тѣмъ временемъ, достигнувъ стана,
Рустемъ въ шатрѣ царя,
Съ нимъ и съ его вождями,
За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во-время не подоспѣлъ,
Бѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?
И зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: такого богатырства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человѣкъ,
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ искусствѣ;
А свѣжей младостью своей
Мою онъ старость превосходитъ.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой.
Я испыталъ сперва копье,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву—
Все отразилъ онъ; напослѣдокъ, вспомнивъ,
Что въ старину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ сѣдла,
Ему въ кушакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тьма съ нимъ разлучила—
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?
А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя станутъ въ строй;
И въ этотъ часъ ужъ будетъ завтра всѣмъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Лежитъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Всѣ на лицо, озолотимъ
Безпечнымъ пированьемъ
Канунъ спокойный роковаго,
Быть можетъ, бѣдственнаго дня.
Державный шахъ, благоволи
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ.

X.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Задумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пировавшихъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино; за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И наконецъ по долгомъ пированьи,
Всѣ по шатрамъ на сонъ и на покой
Полухмѣльные разошлися.
Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
Зеваръ, мой братъ, ты видѣлъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О томъ изъ насъ не вѣдаетъ никто.
Я завтра рано выйду къ дѣлу;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моей сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадетъ побѣда,
Не стану я на мѣстѣ крови медлить,
И ты меня въ шатрѣ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди въ Сабулъ; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть
Отъ юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарѣлся и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; немало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;
Немало крѣпкихъ замковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло —
Теперь насталъ чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно
Со всадникомъ своимъ — кто бъ ни былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій—
Примчится; каждому изъ насъ
Въ тѣ ворота въ свой часъ придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольненье здѣсь отъ смерти
Онъ записи отъ неба не имѣлъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

На вѣчное подданство ей
Мы всѣ укрѣплены судьбою.»
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина послѣднюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеваръ,
И спи спокойно; остальное
Звѣздамъ на волю отдадимъ.
Рустемъ умолкнулъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокій погрузился.

КНИГА ОСЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ВТОРОЙ БОЙ.

I.

Когда павлинъ денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, опоясалъ
Губительный свой мечъ,
И боемъ дышащій, вскочилъ
На огнедышащаго Грома;
И бурею на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звѣзда, пророкъ
Великихъ бѣдствій, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно шлемъ косматый
Блисталъ на головѣ Рустема;
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирался, но Зораба

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Тамъ не было: Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукѣ лютнь, безпечно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману:
Со мною этотъ старый левъ
И крѣпостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плеча, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркалѣ себя; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звѣзды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.
Взглянувъ ему въ геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мнѣ стыдно, я краснѣю, въ грудь мою
Втѣсняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруманъ, ужъ не Рустемъ ли онъ? Скажи
Мнѣ правду; Баруманъ, спаси
Меня; не дай мнѣ быть отцеубійцей
На ужасъ всей землѣ. Что, возвратясь,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умылъ
Въ крови отца? Всѣ знаки, ею
Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
Мои глаза; недостаетъ
Лишь одного мнѣ убѣжденья. Если онъ
Рустемъ, то я еще ему въ глаза
Сказать не смѣю: я твой сынъ!
То имъ самимъ запрещено;
Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
Когда же не Рустемъ онъ.... О! какая
Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцомъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Богатыря такого одолѣвши!
Кто разрѣшитъ мое недоумѣнье?
Когда вчера такъ звѣрски
Со мной онъ бился, мысль, что онъ
Отецъ мой, показалась мнѣ
Мечтой несбыточной; но въ эту ночь
Я видѣлъ сонъ..... я видѣлъ, что лежу
Въ его объятіяхъ, такъ нѣжно,
Такъ весело, съ такой любовью дѣтской.....
Нѣтъ! не могу и не хочу съ нимъ биться.

II.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
Афразіабъ, коварный Баруманъ
Отвѣтствовалъ: ты видѣлъ сонъ,
Проснулся—вотъ и все. Уже ль, повѣря
Мечтѣ, начатаго такъ славно
Не довершишь? Ты слово далъ,
И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ
Стыдомъ себя покроешь. Въ полѣ
Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжествуя,
Ужъ думаетъ: передо мной робѣетъ
Мой недозрѣлый богатырь.
Такъ и Иранъ съ нимъ вмѣстѣ скажетъ;
То повторится и въ Туранѣ.
Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебѣ лежитъ святая клятва
Отмстить за Синда; самъ же онъ сказалъ
Тебѣ, что Синдъ убитъ его рукою.
А для чего свое таитъ онъ имя,
Не знаю; мой совѣтъ: не любопытствуй
И ты о томъ узнать; убей и уничтожь
Его, пока онъ самъ тебя убитъ
И уничтожить не успѣлъ—

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Тогда избѣгнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
Такъ искуситель говорилъ;
Его слова звучали глухо;
Онъ поглядѣть въ лицо не смѣлъ Зорабу,
И блѣденъ былъ, какъ полотно;
Но всѣ сомнѣнья онъ разрушилъ
Въ душѣ Зораба. Мщеньемъ закипѣвъ,
Поспѣшно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихаго прянулъ,
И полетѣлъ на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
Его спросилъ, привѣтно улыбнувшись:
Покойно ль спалъ ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный:
Прекрасенъ этотъ день—таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило;
Цвѣты всѣ утреннимъ виномъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ;
Невидимо подъ вѣтвями деревъ
И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи сіяя льются;
На солнцѣ блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ....
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; заключимъ
Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пусть будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.
Я знакъ подамъ—и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Желѣзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твои мнѣ милыя сѣдины;
И сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,
О бранныхъ подвигахъ, и всемъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу,
И славное свое мнѣ скажешь имя.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О! не упорствуй, другъ; скажи,
Скажи его—мы не должны
Такъ чужды быть другъ другу; насъ
Съ тобой вчера побратовала битва.

IV.

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ —
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье;
Такъ раскрывается младая
Распуколька отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
Она сжимается и увядаетъ;
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душѣ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.
Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
Сюда пришли мы, чтобъ роскошно
На луговомъ коврѣ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То я ужъ не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго;
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла;
Она моимъ состарѣвшимся членамъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Живую крѣпость придаетъ.
И такъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разсказовъ о бояхъ
Соперники на мѣстѣ боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.

V.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ: будь по-твоему, упрямый
Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ; и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь кого принесть ей въ жертву долженъ.
На землю спрянулъ онъ съ коня,
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали;
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ друга
Обфыркали, и ознакомясь,
Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свѣжею водою,
И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душѣ готовя.

VI.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили,
Ужасно ихъ наморщилися лица
И загорѣлися глаза,
И разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались.
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили, перли, гнули, жали —
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю —
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста:
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье —
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

VII.

Рустемъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся турковъ, ты не знаешь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Обычаевъ Ирана—знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой иранскій нашъ обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
[Чтобъ отъ себя погибель отвратить]
Къ обману.—Я, отвѣтствовалъ Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но, скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ?—На это возразилъ
Рустемъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушенъ, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына; а Зорабъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ему сказалъ съ усмѣшкой: отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ.
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа —
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ—
Какъ будто что напомнилось ему—
Пошелъ поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ.
Его земля не выносила;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у турковъ, онъ
Во мракѣ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
Осиплый хохотъ. Кто хохочетъ? Гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я!
«А ты кто?» — Горный духъ. «Чему смѣешься?»
Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если —
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены —
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда, и кликни — я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы; и духъ
Сталъ видимъ, хмурный и туманный;
И онъ спросилъ: къ кому пришелъ ты? —
Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые:
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли?—Темный духъ
Отвѣтствовалъ: съ трудомъ; ты сталъ
И старъ и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рустемъ сказалъ: отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ;
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье.
Духъ отвѣчалъ: Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ—
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣненная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плечи дряхлыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще непоздно; мой совѣтъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ—
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался—
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба день ужъ начиналъ
Сходить и тѣни становились
Длиннѣе. Но.... Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
«Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ—
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?».... И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема;
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
И не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ: должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи,
Успѣемъ ли?.... Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И вышли—яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день—
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись
День удалившійся простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя.....
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око.....
Они сошлись—и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ—Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ—и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: о ты, невѣрный обольститель!
Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ.
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
[А онъ раздастся скоро],
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ Рустема и Темины.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ?—Я сынъ Рустема и Темины,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ сказалъ Зорабъ.
Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама,
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощанья
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь—увидишь самъ.
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ....
И тамъ [увидѣлъ онъ] сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,
Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ,
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ ее увидя,
И глухо прошепталъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ будто задушенный:
Зорабъ, ты сынъ мой.... я Рустемъ!

V.

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ....
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,
Имъ въ логѣ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,
Слѣпой отъ голода, отецъ въ остервененьи
Бросается, его когтями
На части рветъ, и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотолѣ, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра—
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,
Какъ будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ рядомъ сынъ;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти, и наконецъ такъ страшно
Нашелъ.... И онъ теперь [какъ наканунѣ
Ему привидѣлось во снѣ]
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ мракѣ оба войска
Стояли мо̀лча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ,
И все опять утихо;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто; когда же наконецъ
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича: Рустемъ
Убитъ! на Громѣ нѣтъ Рустема!
Тогда нашелъ на войско трепетъ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко̀
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чѣмъ оно прійти успѣло къ мѣсту,
Достигъ туда его далекій шумъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному страданью
Былъ пробужденъ; и тяжко
Онъ застоналъ—но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Послѣднее дыханье,
Послѣдній свѣтъ души своей онъ собралъ,
И на его блѣднѣющихъ устахъ
Чуть слышною музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная рѣчь;
И тихо рѣчь лилась,
Какъ теплая, слабѣющая кровь,
Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

VII.

«Отецъ, пока еще во мнѣ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ—къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,
Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
Произносимое на свѣтѣ слово:
Отецъ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славѣ подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушиться? О, не плачь!
Не ты, не ты меня убилъ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звѣздами предназначенъ;
На то и Синдъ напрасно ею

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать;
На то и ты былъ долженъ Синда ночью
Убить, чтобъ ужъ никто не могъ
Насъ вовремя другъ съ другомъ познакомить.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ; позволь, чтобъ Баруманъ
Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ,
Онѣ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ;
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ,
Тебя назвать отрекся.... Ахъ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесятъ сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣетъ
Хеджиръ и Бѣлымъ Замкомъ;
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ какъ сонъ,
Гурдаферидъ себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнитъ:
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнесть въ Сабулъ и положить
Туда, гдѣ всѣ положены
Мои прославленные предки;
А здѣсь пускай раскинутъ надо мною

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рустемовъ царственный шатеръ.
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь....
Пришелъ, какъ молнія; ушелъ, какъ вѣтеръ.
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,
И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема.»

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ;
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Желѣзной судорогой были,
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.
Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынѣ темноты
Онъ остается, и ему
Ужъ никакое на пути
Не руководствуетъ сіянье —
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался;
Рустемъ въ разстройствѣ скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ на встрѣчу,
Окровавленный, весь въ пыли,
Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
Не видывалъ..... но громозвучнымъ крикомъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ живой явился.
Такой подъемлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
Ее схватившаго врага:
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликовало
Рустема встрѣтившее войско.
И ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ: сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите всѣ, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ;
Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана,
Я много бо́евъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью,
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славѣ:
Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына.
Такъ говорилъ Рустемъ и голосъ
Его не трепеталъ; и были сухи
Его глаза; и былъ онъ страшно тихъ.
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго;
Еще за часъ цвѣтущій, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ —
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лицо....

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Еще онъ живъ! воскликнулъ онъ;
Скорѣй гонца отправьте къ шаху
Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ изцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ...
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
Гонецъ, и такъ сказалъ: Рустемъ
Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью
Всѣ пораженные рыдаютъ; ими
Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.
Но шахъ отвѣтствовалъ на это,
Не торопясь: благодаренье Богу!
Рустемъ спасенъ, а врагъ лежитъ убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной ужъ силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ, ихъ обойхъ
Не выдержать Ирану.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Но если такъ Рустемъ желаетъ,
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость,
И самъ сюда придетъ,
И проситъ милости у шаха на колѣнахъ.
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы словъ,
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ
Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказѣ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ;
Не могъ пойти, не могъ остаться;
Но наконецъ передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
Пошелъ.... но десяти шаговъ переступить
Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кромѣ гроба,

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

РУСТЕМЪ.

I.

Рустемъ пришелъ обратно; той порой
Они ужъ мертваго покрыли.
Была кругомъ тройная ночь:
На небесахъ, въ душѣ отца,
И въ скинiи пустой,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Гдѣ такъ недавно
Душа Зорабова сіяла.
Поднявъ въ молчаніи покровъ,
При слабомъ звѣздъ сіяньи,
Отецъ увидѣлъ
Умершаго лицо:
Оно отъ темноты,
Какъ блѣдный призракъ, отдѣлялось
Своею смертной бѣлизной;
И холодъ ужаса въ него проникъ;
Покровъ на мертваго опять онъ наложилъ,
И шопотомъ, какъ будто разбудить
Заснувшаго остерегаясь,
Сказалъ: я часто смерти
Глядѣлъ въ глаза, и никогда
Мнѣ не было предъ нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
На этомъ образѣ прекрасномъ...
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебѣ, Рустемъ! всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладѣвшей.
Что подвиги твои теперь?
Всѣ прежніе послѣдній опозорилъ.
О милый сынъ мой, сынъ моей души!
Такую ль встрѣчу твой отецъ
Тебѣ былъ долженъ приготовить?
Тебя съ младенчества прельщалъ
Погибельный, невѣрный призракъ;
Рустемовы дѣла
Въ твою гремѣли душу;
Они къ отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью и жизнью было

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Упасть на грудь отца.... ты на нее упалъ,
Но объ нее расшибся; ты насильно
Въ мои объятія ворвался—
И былъ въ нихъ задушонъ.
Тебѣ я, какъ врагу, дивился,
Завидовалъ.... слѣпой безумецъ!
Обманомъ я разжалобилъ твою
Безхитростно-довѣрчивую душу,
Чтобъ у тебя украсть изъ рукъ
Остатокъ дряхлой жизни,
Мнѣ самому теперь презрѣнной,
И чтобъ потомъ разбойнически младость
Твою убить въ союзѣ съ темной силой.
И наконецъ я за тебя, мой сынъ,
Пошелъ на стыдъ и униженье,
Пошелъ упасть къ ногамъ надменнымъ шаха,
Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти
Тебя не спасъ я.... О! пусть будетъ этотъ стыдъ
Мирительной уплатою за все,
Что сотворилъ тебѣ въ обиду
Отецъ твой.... такъ рѣшили звѣзды:
Я возмечталъ до неба вознестися—
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство.

II.

Такъ сѣтовалъ Рустемъ во тьмѣ ночной,
И всѣ вожди и всѣ вельможи,
Съ нимъ вмѣстѣ сѣтуя, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней
Трапезѣ. Ихъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертваго глядѣлъ,
И роковую стиснувъ
Въ рукахъ повязку, такъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ей говорилъ: ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!
Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вòвремя сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таилъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти никакой
Ни о себѣ ей не давалъ,
Ни отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила
Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бъ туда я не входилъ—
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бъ не отнялъ жизни.
Ахъ! конь мой, конь мой, въ черный день
Меня понесъ ты на охоту—

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ добычу намъ досталася бѣда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отнынѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую.

III.

Такъ сѣтовалъ во тьмѣ ночной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ свой отказъ жестокій оправдать;
Но было холоднѣй мороза
Его безчувственное слово.
Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана пехлеванъ великій,
Лежишь въ пыли, и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой —
Хотя бъ могли съ подошвы гору сдвинуть,
Или шатеръ небесный повалить
На землю—не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью—дичью легконогой
Гоняется охотникъ смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ;
Послѣдній часъ всегда въ расплохъ насъ ловитъ.
Я самъ издалека дивился
Его великой силѣ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ
И исполинской красотѣ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто изъ насъ
Подумать и во снѣ,
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранѣ отъ руки отца?
Теперь ему не нуженъ болѣ
Мой жизненный бальзамъ; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великолѣпнымъ погребеньемъ
Его почту, и въ немъ тебя, великій
Ирана пехлеванъ; и будетъ въ Истахарѣ
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнутъ.
Теперь мнѣ дай лицо его увидѣть.

IV.

Такъ говоря, онъ подошелъ,
Чтобъ мертвому лицо открыть, но тяжкой
Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
И головы не подымая, шаху
Сказалъ онъ: видѣть Кейкавусъ
Рустемова не будетъ сына. Удались,
Державный царь; оконченъ пиръ, гостямъ
Здѣсь мѣста болѣ нѣтъ; а сына самъ я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назадъ пойдетъ свободно:
Его душа исчезла. Также
И ты, могучій Кейкавусъ,
Не медли здѣсь; иди въ свой Истахаръ,
И разскажи, когда тамъ будешь,
Какую легкую побѣду
Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было
Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
Идите всѣ; меня здѣсь одного

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ моимъ оставьте сокрушеньемъ.
Онъ замолчалъ, и отъ покрова
Руки не отнялъ, головы не поднялъ,
И не взглянулъ на шаха; на землѣ
Близъ сына онъ лежалъ, не отводя
Отъ мертваго очей. Оборотясь
Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
Имъ Кейкавусъ: его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
Какъ сѣтуетъ Ирана пехлеванъ—
Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ желаетъ
Остаться здѣсь одинъ; пойдемъ. И шахъ
Пошелъ; и всѣ пошли за нимъ
Храня молчаніе; и въ полѣ
Рустемъ одинъ остался съ мертвымъ сыномъ.
И вскорѣ все пришло въ движенье войско;
Шатры попадали и станъ исчезъ—
Какъ будто міръ какой великій
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Въ обратный путь пошли дружины.

V.

Съ земли поднявшися отъ сына,
Рустемъ увидѣлъ вдалекѣ
Лишь только пыль, подъемлемую войскомъ
На краѣ небосклона; поле,
Гдѣ былъ разбитъ иранскій станъ,
Ужъ было пусто; одиноко
Среди его стоялъ зеленый
Шатеръ; а въ сторонѣ шатры Сабула,
Гдѣ полководствовалъ Зеваръ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
Ему сказалъ: теперь всему конецъ.
Иди, Зеваръ, и отъ меня
Турану миръ съ Ираномъ объяви.
Хеджиру возврати свободу,
И власть ему вручи надъ Бѣлымъ Замкомъ,
Примолвивъ: «отъ Зораба
Въ награду за твою правдивость.»
Потомъ ты скажешь Баруману:
«Зорабъ тебя за добрые совѣты
И за любовь къ царю Афразіабу
Отсюда съ миромъ отпускаетъ.»
И самъ его до рубежей Турана
Съ отборною сабульскою дружиной
Потомъ ты проводи; когда жъ проводишь,
Въ сосѣдній городъ Семенгамъ,
Поди и дочери царя,
Теминѣ, эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтобъ кровь съ нея не стерлась:
То матери единственный остатокъ
Отъ сына. Также ей отдай
И всѣ Зорабовы доспѣхи—
Пускай они печаль ея насытятъ;
А ты, увидя, какъ она
Безъ утоленья будетъ плакать,
И рваться въ судорожномъ горѣ,
И сына тщетно призывать,
Скажи въ отраду ей, какимъ
Меня ты здѣсь оставилъ....
Ты день пробудешь въ Семенгамѣ;
Потомъ сюда о ней живую вѣсть
Мнѣ принесешь. Иди жъ немедля;
Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
Когда же возвратишься,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Свое сокровище тебѣ я ввѣрю,
И ты его въ Сабулистанъ
Отсюда съ честью понесешь,
Рустемовымъ сопутствуемый войскомъ.

VI.

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:
Принесть сюда зеленый мой шатеръ!
Отъ мѣста, на которомъ мною
Былъ сынъ убитъ, я не пойду.
Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
Стоялъ шатеръ отца—пускай надъ нимъ и мертвымъ
Стоитъ онъ. И шатеръ воздвигся
Надъ юношей, спокойно погруженнымъ
Въ непробудимый смерти сонъ.
Его отецъ на пурпурный коверъ,
Межъ ароматовъ благовонныхъ,
Своими положилъ руками,
Накрылъ парчой, потомъ всего
Цвѣтами свѣжими осыпалъ —
Такъ, окруженный прелестями жизни,
Онъ тамъ лежалъ, объятый хладной смертью.
Потомъ Рустемомъ похоронный
Былъ учрежденъ обрядъ:
Соединивъ передъ шатромъ
Всю ратъ Сабулистана,
Онъ повелѣлъ, чтобъ каждый день она—
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце—
Торжественно, въ порядкѣ боевомъ,
Знамена распустивъ,
При звукѣ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
Передъ шатромъ; и были гривы

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луковъ тетивы
Ослаблены, и копья остріями
Внизъ опрокинуты. Рустемъ
Не ѣхалъ впереди; надъ сыномъ
Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
Бесѣду безотвѣтно велъ.
Онъ утромъ говорилъ:
«Зорабъ, мой сынъ,
Звучитъ труба.... ты спишь.»
А вечеромъ онъ говорилъ:
«Зорабъ, мой сынъ,
Ужъ землю солнце покидаетъ;
И ты покинешь скоро землю.»
Такъ девять сутокъ онъ провелъ
Безъ сна, безъ пищи,
Неутѣшимой преданный печали.

VII.

Въ однѣ изъ этихъ сутокъ — былъ ужъ близко
Разсвѣтъ зари — какъ неподвижный
Желѣзный истуканъ, сидѣлъ
Рустемъ во глубинѣ шатра
Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холоднымъ полусвѣтомъ
Едва начавшагося утра
Чуть озаренное пустое небо
Межъ ними было видно..... вдругъ
На этой блѣдной пустотѣ
Явился бѣлый образъ; отъ нея
Онъ отдѣлился, и безшумно,
Какъ будто вѣющій, проникъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ шатеръ... то былъ прекрасный образъ дѣвы.
Увидя мертваго, она
У ногъ его простерлася на землю,
И не вставала долго,
И слышалось въ молчаньи ночи
Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
Ручья. Съ земли поднявшись,
Она приблизилася къ тѣлу,
И снявъ съ лица покровъ,
Смотрѣла долго
На блѣдное лицо,
Которымъ [безотвѣтно
На все земное] обладала смерть:
Зажаты были очи, нѣмы
Уста, и холодно, какъ мраморъ,
Чело. Она его въ чело, уста и очи
Поцѣловала, на голову свѣжій
Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,
Потомъ, лицо опять одѣвъ
Покровомъ, тихо удалилась,
И въ воздухѣ ночномъ,
Какъ будто съ нимъ слiянная, пропала.
И стало пусто
Опять въ шатрѣ, лишь на востокѣ
Багрянѣй сдѣлалося небо,
И одиноко тамъ горѣла
Денницы тихая звѣзда.
Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
Въ безсонномъ забытьи сидѣлъ онъ,
И думалъ смутно: это сонъ.
Когда жъ при восхожденьи солнца
Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
Чтобъ утренній привѣтъ свой
Ему сказать—на головѣ его
Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

VIII.

Въ десятый день изъ Семенгама
Зеваръ съ дружиной возвратился.
Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,
Что тамъ сидѣлъ надъ мертвымъ сыномъ
Рустемъ, приникнувъ головою
Къ его холодному челу —
И волосы его сѣдые
Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
На блѣдныхъ мертваго щекахъ.
При входѣ брата приподнялъ
Онъ голову. Зеваръ
На тѣло, молча, положилъ
Окровавленную повязку.
При этомъ видѣ содрогнувшись,
Рустемъ спросилъ: зачѣмъ, мой братъ Зеваръ,
Принесъ назадъ мою повязку?
Зеваръ отвѣтствовалъ: тамъ никому
Она ужъ болѣ не нужна. — Понявъ
Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
Прижалъ опять лицо свое Рустемъ
Къ челу Зораба. И никто
Не смѣлъ его ужаснаго покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, съ зарей поднявшись,
Все войско стало въ строй, Рустемъ,
Всю ночь безъ сна проведши
Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
Зеваръ, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
Надъ головой моею опрокиньте,
И отъ меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня. Когда же конь
Былъ приведенъ—какъ будто отъ недуга

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Шатаясь, сокрушенный, блѣдный,
Онъ вышелъ изъ шатра.....
И онъ заплакалъ взрыдъ,
Когда коня безъ сѣдока
Передъ собой увидѣлъ. Полы
Шатра отдернувъ,
На господина мертваго коню
Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши быстро,
Могучій конь оторопѣлъ,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Обѣими руками
Обнявши голову его, Рустемъ
Ее поцѣловалъ, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,
Сказалъ: отнынѣ никому
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ. Понялъ конь разумный
Его слова: онъ жалобно и грозно
Заржалъ, ужасно прянулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
И скрылся—и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
Рустемъ, оборотяся къ брату,
Ему сказалъ: тебѣ, мой братъ Зеваръ,
И войску моему я сына
Передаю; въ Сабулистанъ
Несите сына моего;
Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
Пусть будетъ съ предками своими
Онъ въ землю положонъ.
А нашей матери, такъ часто
Желавшей внуковъ отъ Рустема,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука;
Что въ красотѣ души и тѣла,
Въ отважности и силѣ богатырской
Ему подобнаго земля
Съ созданья не видала;
Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
Когда бъ въ немъ только одного
Порока не было — кинжала,
Ему во грудь вонзеннаго отцомъ.
Идите. Я останусь здѣсь —
Зачѣмъ останусь? Что со мною будетъ?
О томъ узнать никто не любопытствуй.
Поклонъ прощальный отъ меня
Отдайте царству и народу.
Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
Мое исполнить завѣщанье; самъ же
Въ Сабуль я не пойду; я не могу увидѣть
Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ; здѣсь,
Въ пустынѣ, самого себя
Хочу размыкать я, и змѣя —
Грызущее мнѣ душу горе —
Убить. То будетъ мой послѣдній,
Мой самый трудный подвигъ; змѣй
Свирѣпъ, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ.
Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте
Всѣ счастливы, и не крушитесь,
Что, вслѣдъ за мной сюда пришедши,
Назадъ пойдете безъ меня,
Такъ дòлжно быть. Простите.
Когда же о Рустемѣ
Тамъ станутъ говорить и спросятъ:
Куда пошелъ Рустемъ?
Отвѣтствуйте: не знаемъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1848

—

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ.
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Воемъ дикой непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумившій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавныя встаютъ
И толпою всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ
Мощный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1848—1852

—

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦІИ. *

1789.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый,
Сынъ Франціи, дофинъ.
Младенцемъ королева
Любуясь, говоритъ:
Онъ Франціи надежда;
Рости, мое дитя!
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «ура!
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ отецъ!»
И лѣтъ проходитъ мало....
Сынъ Франціи, дофинъ,
Избитый, умираетъ

---

* Это стихотвореніе, написанное 6 (18) февраля 1848 года, въ Баденѣ, было помѣщено въ № 8 «Москвитянина» на 1849 г. (стр. 228—231), съ слѣд. предисловіемъ Жуковскаго: «Первыя четыре строфы этихъ стиховъ сочинены въ 1846 году. Авторъ ихъ неизвѣстенъ. Переводя эти пророческія 4 строфы, я прибавилъ къ нимъ пятую. Будетъ ли она пророчествомъ?—Мы уже видѣли народный бунтъ, изгнаніе короля и его семейства; видѣли порывающійся воскреснуть терроризмъ 1793 года, котораго тѣнь явилась въ національномъ собраніи подъ страшнымъ именемъ Горы, наконецъ видѣли уже и тѣнь Наполеона, торжествующаго надъ безначаліемъ: все это быстрое повтореніе многолѣтняго прошлаго совершилось менѣе нежели въ годъ... Повторится ли остальное?» — Со времени напечатанія этого стихотворенія, Жуковскій прибавилъ еще четыре строфы, которыя здѣсь печатаются въ первый разъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

У Симона въ когтяхъ;
А мать на гильотинѣ,
Всей Франціи въ виду,
Ругательной рукою
Подъ ножъ кладетъ палачъ.

1812.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый;
И честь ему отдать
Сѣдые гренадеры
Становятся во фрунтъ:
Ему завоевала
Полсвѣта храбрость ихъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «ура!
Онъ будетъ императоръ,
Когда умретъ отецъ!»
И лѣтъ прошло не много....
Дней новыхъ Прометей,
Угаснулъ императоръ
Въ неволѣ на скалѣ;
А сынъ, томимый прошлымъ
Величіемъ отца
И сномъ временъ чудесныхъ,
Изчахъ въ тоскѣ души.

1830.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ, Людовика
Святаго милый внукъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Еще лилися слезы
На гробъ его отца,
Когда онъ Богоданнымъ
Отъ всѣхъ былъ нареченъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «ура!
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!»
И лѣтъ проходитъ мало....
Въ изгнаніи король.
Въ изгнаньи Людовика
Святаго милый внукъ.
Ему съ клейнодомъ право
Осталося одно:
Надежды трость, чтобъ тверже
Онъ шелъ дорогой бѣдъ.

1846.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Дитя.... его былъ прадѣдъ
Филиппъ Egalité;
И весело играетъ
Дитя на мѣстѣ томъ,
Гдѣ весело играли
Предмѣстники его.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: «ура!
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!»
Дитя, не вѣрь ихъ крику:
Встрѣчаетъ крикомъ чернь
И ходъ къ коронованью
И къ плахѣ страшный ходъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не вѣрь тому, что крадетъ
Здѣсь воръ и точитъ моль;
Не вѣрь своей коронѣ... .
Вѣрь Богу одному.

18**.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Народъ самодержавный;
Имъ созданный король
И имъ же сокрушенный,
Сказалъ вѣнцу: прости!
Близъ мѣста, гдѣ на плаху
Взведенъ былъ Людовикъ,
Сломивъ рѣшетку сада,
«Ура! кричитъ толпа,
Разрушены заграды;
Теперь твое—мое!»
И дней проходитъ мало.....
Разстрѣлянъ царь-народъ;
На тѣнь Горы ступила
Наполеона тѣнь;
Что далѣ?.... Богъ не дремлетъ!
Въ одинъ, мы зрѣли, годъ
Свершилося полвѣка!
Онъ близко – день суда.

*

Шагаетъ по широкой
Террасѣ Тюльери
Кровавый, страшный призракъ,
И вопитъ день и ночь
Онъ граду: горе! горе!
И внемля грозный вопль,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Трепещетъ ожиданьемъ
Оцѣпенѣнный градъ;
А бѣдностью голодной
Озлобленная чернь,
Грабежъ желанный чуя,
Тайкомъ свой точитъ ножъ.
Но вдругъ изъ мрака ночи
Сверкнулъ граненый штыкъ,
Заговорилъ всѣхъ бунтовъ
Смиритель барабанъ....
Исчезъ кровавый призракъ
И спрятала свой ножъ
Благимъ совѣтомъ пушки
Наставленная чернь.

*

Гуляетъ по широкой
Террасѣ Тюльери
Двойникъ Наполеона
Пока лишь президентъ,
Но скоро императоръ
Наполеонъ Второй;
Уже орлы смѣняютъ
Повсюду пѣтуха;
Свободу и равенство
И братство на стѣнахъ
Народъ самодержавный
Замазывать спѣшитъ;
И все, что опрокинулъ
Бунтующій февраль
Воскрешено волшебствомъ
Втораго декабря:
Воскресли дюки, перы,
Полиціи министръ,
И шитые мундиры,
И съѣзды въ Тюльери.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дала намъ мелодраму
Ты, Франція, свою;
Полвѣка представленье
Тянулося ея;
Теперь, пять актовъ кончивъ,
Дать хочешь водевиль;
Но долго ль представленье
Протянется его?
Неопытный директоръ
Театра невпопадъ
Созвалъ двухъ несовмѣстныхъ
Актеровъ вмѣстѣ пѣть:
Народъ самодержавный
Съ владыкою штыкомъ.
Имъ спѣться невозможно:
Они не знаютъ нотъ,
Ни такта — будутъ соло
По одиначкѣ пѣть
То штыкъ самоуправный,
То бунтовщикъ-народъ.

*

О Франція, такая ль
Должна развязка быть
Шестидесятилѣтнихъ
Накликанныхъ тобой
На всѣ страны волненій,
Кровавыхъ сѣчъ и золъ?
Судъ Божій правъ: изъ чаши,
Въ которой буйно ты
Цареубійства ужасъ,
Безвѣрія чуму,
И бѣшенство разврата
Въ одинъ смѣшала ядъ,
Святой воды здоровья
Не можешь ты испить

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ни ты, ни зараженный
Твоимъ безумствомъ свѣтъ,
Но есть спасенья чаша:
Она передъ тобой;
Къ ней, къ ней со страхомъ Божьимъ
И съ вѣрой приступи.

1849

—

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

[ПОСВЯЩЕНЫ ПАВЛУ И АЛЕКСАНДРѢ ЖУКОВСКИМЪ].

I. ПТИЧКА.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ!
Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

II. КОТИКЪ И КОЗЛИКЪ.

Тамъ котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Помадитъ свой ротикъ;
А козликъ сѣдою
Трясетъ бородою.

III. ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны;

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя.

IV. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

[СКАЗОЧКА]

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ,
Какъ искры глазенки,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ пухъ волосенки;
Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочекъ атласной
Лилеи прекрасной;
Проворную пчолку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ,
И съ пчолкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя
Цикады слетались,
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая,
И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною жъ порою
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась,
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажжённой

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой Эльфовъ летучій;
Они — какъ бѣгучій
Источникъ волнами —
Шумѣли крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило — смолкали
И вмигъ исчезали
Плясуньи ночныя;
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись,
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ...

. . . . . .

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, пережившій, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашонный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ явленьемъ,
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жъ, старикъ печальный,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою,
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты,
И почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы — вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба — вьется подъ короной
Царской, отъ окрестныхъ бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко̀ раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

1851

—

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ

ПРИВѢТСТВІЕ ОТЪ РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ БАДЕНѢ.

Посланникомъ отъ нашихъ добрыхъ русскихъ
Я выбранъ, чтобъ въ цвѣтахъ благоуханныхъ
Полудня вамъ, благословенной гостьѣ
Ихъ сѣвера, привѣтъ ихъ передать.
Благодарю соотчичей моихъ
За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ
По сердцу; весело на чужѣ мнѣ
Предъ дочерью царя Россіи нашей,
Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
Сказать за нихъ и за себя, что мы
Свою царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
Любовію, какая согрѣваетъ
Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ
Отечествѣ и о его великомъ
Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я
Вамъ, русская великая княгиня,
Встрѣчальный русскій нашъ привѣтъ. А самъ
Съ растроганной душою [послѣ долгой
Съ отечествомъ разлуки] вамъ смотрю
Въ лицо, столь мнѣ знакомое, которымъ
Отъ колыбели вашей до цвѣтущихъ
Лѣтъ милой младости, день за день, я

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Такъ любовался. Тамъ, въ царевомъ домѣ,
Въ его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
Той прелести, которая была
Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
Какъ быстро для меня промчались годы!
Но жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
Перевела меня въ уединенный
Пріютъ семейный, далекò отъ шума
Мірскаго. И со мною на просторѣ
Тамъ милое минувшее мое,
Въ воспоминаніи дружася съ настоящимъ,
Въ отечество чужбину превращая,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,
Здѣсь въ очарованномъ явленьи вашемъ,
Оно лицомъ къ лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, какимъ
Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ
Здѣсь собранныхъ царя любящихъ русскихъ,
И за мою жену съ двумя моими
Дѣтьми, молитву приношу къ святому
Хранившему вашъ путь далекій Богу,
Чтобъ до конца его онъ сохранилъ,
Чтобъ съ вашего страдающаго сердца
Отеческой рукой тревоги сгладилъ,
И чтобъ при радостномъ на Русь святую
Моемъ возвратѣ я царю и царству
Могъ вѣсть сказать, что Божьей благодатью
Вамъ все то спасено, въ чемъ ваше сердце
Свои сокровища земныя заключило.

1851. Іюля 1 [13]. Баденъ-Баденъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1851—1852

—

ВИДѢНІЕ ІОАННА БОГОСЛОВА. *

Великихъ четырехъ шестокрылатыхъ
Животныхъ и предъ тропомъ золотымъ
Коронами вѣнчанныхъ старцевъ
Я видѣлъ, и на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце нѣкто.
И слышалъ пѣнье: святъ! святъ! святъ!
И гласъ съ престола былъ: я альфа и омега,
Я первый и послѣдній, я всему
Начало и конецъ. Я видѣлъ книгу
Запечатлѣнную семью печатьми
Въ рукѣ сидящаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ агнца, предъ которымъ все —
Животныя, престолоносцы, старцы
И ангелы, и все, что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ морей —
Все въ пѣснь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати агнецъ снялъ
Съ великой книги, какъ четыре быстро
Коня спустились: бѣлый, черный, красный,
И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страшный
Именовался смерть. Я видѣлъ ужасъ
Землетрясенья, какъ затмилось солнце,
И кровью сдѣлалась луна, и звѣзды
Попàдали на землю, и свернувшись
Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышалъ я, какъ раздался вопли
Земныхъ людей: падите на главы

* Этотъ опытъ подражанія Апокалипсису отчасти вошелъ въ поэму «Агасверъ», для которой повидимому и былъ составленъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Намъ, горы, и сокройте насъ
Отъ агнца! часъ суда его насталъ!
Я видѣлъ ангела, съ востока въ блескѣ
Идущаго, неся въ рукѣ печать
Живаго Бога; и свершилъ онъ ею
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье.
И быстро предо мной, во снѣ, видѣнья
Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Ангеловъ губительныхъ, на землю
Всѣ бѣдствія пославшихъ, я увидѣлъ.
И ангелъ, на морѣ и на землѣ
Стоявшій, поклялся съ поднятой къ небу
Десницею, что время миновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился,
Увидѣлъ я, на небѣ храмъ отверстый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отвсюду
Зажглися молніи, заговорили
Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену,
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтный
Пожрать ея младенца порывался,
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни агнцемъ
Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я человѣческаго сына съ острымъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ ангелы, семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Исшедшій произнесъ: свершилось все!
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
Сказавшій: палъ великій Вавилонъ!
Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣ ономъ, аллилуія!
Какъ въ небесахъ явился чудный всадникъ
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ, а самъ себя
Онъ Словомъ Божіимъ именовалъ;
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за нимъ на бѣлыхъ
Коняхъ въ виссонъ одѣянное чистый
Шло воинство, и какъ изъ устъ его
На казнь людей мечъ острый исходилъ;
Увидѣлъ я, какъ на него поднялся
Съ своею силой звѣрь, какъ схваченъ былъ
И звѣрь и лжепророкъ его, людей
Ему въ служенье увлекавшій, какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли, острый мечъ же, исходившій
Изъ устъ вождя, всю рать ихъ истребилъ;
Какъ послѣ, змія древняго дракона
Могучій ангелъ цѣпью оковалъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе. И видѣлъ я великій бѣлый тронъ,
И отъ лица сидѣвшаго на тронѣ
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ глубина земли и моря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону, какъ предъ ними
Раскрылася на судъ послѣдній книга
Животныхъ, какъ былъ страшный вѣчный судъ
Произнесенъ, какъ смерть и адъ навѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый какъ невѣста....

АГАСВЕРЪ,

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу;
Онъ, Всемогущій, Вседержитель, былъ
Какъ человѣкъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе, потомъ шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношей снова падалъ,
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному, столь чуждому любви,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ
Надъ нимъ изречь какъ Богъ свой приговоръ,
Онъ поднялъ скорбный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «ты будешь жить,
Пока я не приду», и удалился.
И наконецъ онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложонъ
На плечи Симона изъ Кириней.
И скоро онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за нимъ; все замолчало
На улицѣ ужасно опустѣлой.
Народъ вокругъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилося, чьи были тѣ
Слова, которыхъ каждый звукъ свинцовой
Буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, и тамъ
Сидѣлъ неисторжимъ, неслышенъ
Уху, но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши
Какъ полусонный очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Мòріи надъ храмомъ
Чернѣли тучи съ запада, съ востока,
И съ сѣвера, и съ юга, въ одну густую
Сліявшіяся тьму. Туда упёръ онъ
Испуганное око; вдругъ крестъ-нà-крестъ
Тамъ молніей разрѣзалася тьма,
Громъ грянулъ, чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ, и весь
Незапно потемнѣлъ, лишенный солнца;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами;
Изъ глубины ея былъ голосъ, было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;
Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза. Толпами отъ Голгоѳы
Бѣжалъ народъ, былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ страхѣ,
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ
Вслѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.
Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. И вотъ надъ этой темной бездной
Отъ тучъ ихъ затмѣвавшихъ небеса,
Ужъ полныя звѣздами ночи, стали чисты:
Въ ихъ глубинѣ была невыразима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали
Ихъ стражи ангелы съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась.

Агасверъ,
Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой
На чистомъ небѣ ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Онъ былъ задвинутъ; невдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ
Глаза—одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить, и какъ безумный
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы.

ЧАСТЬ I.

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Водъ и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда
Въ сіяньи дня уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ въ лазури безпредѣльной;
Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря,
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются какъ змѣи вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая,
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаоса господиномъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло; воздухъ густо былъ наполненъ
Парами; въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сливалось съ ними, и весь западъ неба,
И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяли; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ надъ бездной на скалѣ,
И на море [которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося] смотрѣлъ. Предъ нимъ широко
Пустыня пламенная разстилалась.
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце
Съ негодованьемъ силы, вдругъ лишенной
Свободы, онъ смотрѣлъ на этотъ хаосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
Имъ быстро созданный и столь же быстро
Погибшій; а широкій океанъ,
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались, а въ дали далекой

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Звучалъ потомства неумолчный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Инаго міра встрѣтить ждутъ его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ, орелъ
Ширококрылый, отъ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему; весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Горгоны,
Ему предсталъ; всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ быть, и долгій путь
Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество; и онъ затрепеталъ;
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море, и оно его
Къ себѣ какъ будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало.
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила....

Въ этотъ мигъ его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «куда, Наполеонъ!» При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все нечеловѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ подобно
Созданьямъ допотопнымъ въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса,
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылитыми; лобъ
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на-крестъ были
Изрѣзаны; одежда въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираясь.—Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи и сказалъ:
Куда ты шелъ и гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ вò-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя;
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва... Врачемъ твоей души
Хочу я быть, и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала.
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти
И въ смерти жизни, вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный,
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и что̀ когда любилъ на свѣтѣ —
Все пережившій, все похоронившій,
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ — они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій — меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
И сонный не страдалъ — мое жъ страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка.
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою... Слушай.

Я Агасверъ; не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала; нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душою.
Я Агасверъ — вотъ исповѣдь моя.
О нѣтъ! языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что нѣкогда свершилось, что
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою
Преобратило. Имя Агасверъ
Тебѣ сказало все... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то изобразить, что̀ былъ я самъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Что мыслилось, что видѣлось, что ныло
Въ моей душѣ, и что въ ночахъ безсонныхъ
Что въ тяжкомъ снѣ, что въ привидѣньяхъ,
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго; въ дни несказанной
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!... Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость
И подозрительность суровыхъ взглядовъ,
Все было знаменьемъ чего-то, страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго; кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: «горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!» повторялъ.
А я изъ всѣхъ людей Ерусалима,
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей
Мечталась мнѣ страшнѣйшая моя:
Чудовище съ лицомъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что онъ сказалъ мнѣ —
Я словъ его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ него,
Который ядомъ слова одного

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ немъ видѣть;
Но чувствовалъ, что я приговоренъ....
Къ чему?... Невѣдѣнья ужасный призракъ
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Противъ
Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непонятымъ мной словомъ
Изрекшаго, и противъ всѣхъ его
Избранниковъ я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Не одержимы; кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи,
Безъ роскоши, ужъ тотъ конечно былъ
Слугой Исуса Назорея; въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О немъ воспоминанье; часто посреди
Ерусалимской смутной жизни было
Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ незлобныхъ;
И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И наконецъ убійствомъ. Я какъ дикій
Звѣрь ликовалъ, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда потомъ пріяли муку два

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Іакова—одинъ мечемъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ его, и память
О немъ погибнетъ. Тщетная надежда!
Во мнѣ тоска отъ страха непзвѣстной
Мнѣ казни только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли; властвовалъ четвертый, Нѣронъ;
Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ лежало
Вокругъ меня четыре поколѣнья
Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу...
Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился;
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость; самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуковъ,
И правнуковъ, казался я надгробнымъ
Камнемъ, межъ ихъ могилъ стоящимъ камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Всѣ ужъ дѣти
И всѣ ужъ внуки были взяты смертью;
И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
Побѣшенствомъ я началъ хоронить...

Тѣмъ временемъ часъ отъ часу душнѣе
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Что̀ будетъ, всѣ Исуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ и ушли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что̀ предсказалъ онъ: Палестина вся
Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы; то время наступило,
Когда, какъ онъ пророчилъ: «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣвамъ.»
Веспасіановъ сынъ извнѣ пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Приликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита... Всюду бой;
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,
Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голодныхъ
Младенцевъ, матерей тяжелый вой...
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій мечъ,
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
Пророча гибель... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхальнымъ
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены: убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на чужбинѣ.
Погибъ Господній градъ — и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ —
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался и, съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тутъ начался; и наконецъ, спасаясь,
Вкругъ скиніи, во внутренней оградѣ
Столпились мы, отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ... Тутъ увидѣлъ
Я несказанное: подъ святотатной
Рукою скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль—ковчегъ завѣта... Въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ и въ скинію пожаръ
Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слился крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Обвившій змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ все для меня исчезло.
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ, почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились.
Безпамятство мной овладѣло... Долго ль
Продлилося оно—не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье. Боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запертаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей при страшной мукѣ
И голода и жажды—это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ, безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ
Какъ тяжкой грезой вся душа
Была задавлена и трепетала
Всѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ
Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ; разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя; межъ нихъ лежали

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Долины, и всѣ онѣ покрыты были
Обломками, какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившися съ неба,
Незапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка—
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза—и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья снова
Послышалося мнѣ: «ты будешь жить,
Пока я не приду». Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! я буду жить, пока
Онъ не придетъ!.. Какъ жить? Кто онъ? Когда
Придетъ?.. И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ
И не родится; жизнь моя вся будетъ,
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ завылъ
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней.
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ; но то было
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?
О, какъ я плакалъ, какъ вопйлъ, какъ дико
Роптalъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ; и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей, незапершей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его—
О, этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало;
День умиралъ въ зарѣ вечерней, ночь
Въ сіяньи дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все, въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть—
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть—
Всему, что̀ жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Всего живущаго я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на твореньe, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца,
И съ несказанной ненавистью противъ
Распятаго, отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждой влекомый,
Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета
И безъ надежды, гдѣ остановиться
Или куда дойти; я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ. Какъ нищій,
Я побирался... милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ, успокоитель жизни, отнятъ.
Что днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятіе, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины—
Непризнаваемой, но безпрестанно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Грызущей сердце—боль, то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ,
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій,
Я бѣшенствомъ души моей сливался.
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
[Тамъ одинокая межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ],
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вились,
Дробя деревья и утесы; я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Надежда бѣдная, что можетъ быть
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ, и съ чумными въ больницѣ душной
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной аравійской шелъ;
Вдругъ раскаленное затмилось небо
И солнце въ немъ исчезло: вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ; храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды, люди пали ницъ—я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остововъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей обрывки
Истлѣвшихъ труповъ.—Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ; при стонѣ и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева,
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгствѣ
Толпящихся сквозь пепелъ, все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмигъ прожженный, въ уголь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Былъ обращенъ, и въ море,
Гонимый землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На брегъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой насильствомъ
Взять смерть; я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, ожившi
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ и послѣдней ждетъ
Минуты, задыхаясь: такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. Всему
Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность—такъ
Сказалъ я самому себѣ.

Но слушай.
Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Непзглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ—и что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій и съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
Тебя [запѣли тихо] Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ... О, это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы, здѣсь мою всю душу
Проникнуло незапнымъ вдохновеньемъ.
Что̀ предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что̀ вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился—я

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущённый левъ, и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря.... Онъ уже кидался къ намъ
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, кротко всторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди...»
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя; когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклетѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я
Отъ мѣста крови, плача, удалился
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ.
Что̀ послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась надвое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубоко мнѣ втѣснилось въ грудь, и знàкомъ
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно плачущую обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Незапная отрада посѣтила:
Хотя еще къ моей груди усталой,
По прежнему, во мракѣ ночи сонъ
Не прикасался; но уже во тьмѣ
Не ужасы минувшаго, какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза; а что-то тихое и мнѣ
Еще неоткровенное, какъ свѣжій,
Предутренній, благоуханный воздухъ—

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вливалося въ меня и усмиряло
Мою борьбу съ собой. О, этотъ взглядъ!
Онъ мнѣ напомнилъ тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой,
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лицо во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати, первый
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ незапно началося... Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима—и къ брегамъ желаннымъ
Поплылъ я, и корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ его любимый.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О немъ не вѣдалъ я; но провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась.

ЧАСТЬ II.

Скитаясь одиноко, я незапно
Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святаго
Апостола.
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ, и долго онъ
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ.
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысящелѣтняго лица съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою,
Какой не знаетъ міръ. Онъ продолжалъ:
Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахѣ,
Съ тоской раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутый огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ того, кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святаго мира,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И наконецъ, когда я, сокрушенный
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: помяни меня,
Когда во царствіи своемъ пріидешь!
Онъ оросилъ меня водой крещенья,
И на другое утро—о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей—
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христа
За насъ пронзенномъ тѣлѣ, и Христовой
За насъ пролитой крови.» И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной жизни,
И наконецъ передъ моими мракомъ
Покрытыми очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ.

Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда меня перекрестивъ, со мною
Святой евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубоко почувствовалъ; впервые

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель—
Былъ ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба.
Все что пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ образахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Непомраченные, часъ отъ часу
Живѣй изъ облекающей ихъ тайны
Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущія. Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь,
Летѣлъ, а я непробудимымъ сномъ
Подъ вѣяньемъ полуночной прохлады
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ, и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ
Разоблачалъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мной
Во снѣ пророка, все передо мной
И надо мной, на сушѣ, на водахъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли, видѣній чудныхъ было полно.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
Печатями великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ страшный всадникъ, смерть,
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ агнцемъ все, и небо, и земля,
И все что̀ въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тьмы ангеловъ на небесахъ,
Въ единое слилось славохваленье.
Я зрѣлъ, какъ ангелъ свѣтлый совершилъ
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье
Печатію живаго Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими трубами,
И слышалъ голосъ: время миновалось.
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женой, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началась
Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ [себя жъ именовалъ
Онъ Слово Божіе] явился всадникъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какъ вслѣдъ за нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ его на казнь людей
Мечъ острый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій, бѣлый
Явился тронъ; какъ отъ лица на тронѣ
Сидящаго и небо и земля
Бѣжали и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ.

И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ; и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый
Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
Сіяющій, увидѣлъ. И раздался
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
«Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
Здѣсь храма нѣтъ ему, здѣсь самъ онъ храмъ свой;
Здѣсь всякую слезу отретъ онъ;
Ни смерти болѣе, ни слезъ, ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дѣло

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Господнее; не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба; здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лицо
Спасенные очами видѣть будутъ.»
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду говорящій:
«Я Богъ живой, я альфа и омега,
Начало и конецъ, подходитъ время.»

Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ святой земли,
Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Не даромъ я о томъ здѣсь говорю,
Что изъ писаній ты безъ вѣры знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой жребій.
Когда пророкъ святое откровенье
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры,
Во тьмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти.

Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда
Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
На лонѣ голубаго моря темной
Тянулся полосою брегъ святой
Земли; однѣ лишь горы снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедроносный

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ
Свои зажженныя лучами солнца
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
Ужъ не было Израиля! Прошла
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, что былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней, и что потомъ со мной
Сбылося, и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ, гдѣ всѣ, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли; гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи,
И съ ними, самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ, обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога собственное сердце. Я
Не помню, что во мнѣ сильнѣе было,
Свободы ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память.
Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ
Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблачнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но его
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на̀ землю немногихъ старцевъ,
И женщинъ, и дѣтей—остатокъ бѣдный
Израиля. Они, рыдая, пѣли:
Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ, богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!
При этомъ пѣньи я упалъ
На зѐмлю и въ молчаньи плакалъ горько,
О прежней славѣ Божьяго народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
Его ничто земное ни унизить,
Ни возвеличить: онъ, народъ избранный—
Народъ отверженный отъ Бога былъ;
На немъ лежитъ печать благословенья—онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью;
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужъ свершилося и вновь
Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое благо; и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра.
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежъ отворенной дверью. Въ ней
Сидѣлъ шакалъ. Онъ, злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ. То былъ мой прежній домъ,
И я стоялъ предъ дверью роковой,
Свидѣтелемъ погибели моей;
И мнѣ въ глаза то мѣсто, гдѣ тогда
Измученный остановился онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подошедшаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя, пятномъ кровавымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицомъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливалъ ее; и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ
Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій... Я поднялся.
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ.
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ; но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго, долго
Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи.
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ;
Но въ этотъ мигъ раскаянья терзанье—
И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей; что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить.
Дни праздника провелъ я одиноко
На высотѣ Голгоѳы въ покаяньи,
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися и перешедъ Кедронъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до гефсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя онъ здѣсь—
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ, послѣднихъ
Съ страданіемъ лишенный силъ—въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью гефсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной.
Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ человѣческій на небеса
Вознесся, предо мной явилось солнце
Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Еще надъ сѣнью маслинъ гефсиманскихъ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остовомъ посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской
Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Сіянья воскресительнаго ждущій.
Въ послѣдній разъ съ святой горы взглянулъ я
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ; еще въ его обломкахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами,
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть. Была готова

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ;
На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голгоѳою и вовсе чуждый
Израилю бездомному, какъ я
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку
Господній градъ, я отъ него пошелъ,
И съ той поры я странствую. Но слушай:
Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ
Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что̀ первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ землетрясенье пастью; не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими
Порывами на самоистребленье:
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся, и нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась, самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклиналъ; я бѣшено бороться
Съ неодолимой силою дерзалъ.
О, я теперь иной!... Тотъ за меня
Поднятый къ небу мученика взглядъ,
И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиреніе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, онъ въ тотъ мигъ, когда я имъ ругался,
Меня казнилъ какъ Богъ: меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ своемъ проклятіи благословенье.
Какимъ путемъ его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ?
Какое далъ мнѣ воспитанье онъ
Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И какъ цѣна, которою купилъ я
Сокровище, имъ избранное мнѣ,
Предъ купленымъ неоцѣнимымъ благомъ
Ничтожна! Такъ, перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ, взявъ на плеча
Весь грузъ моей судьбы, и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О, благодать смиренія! о, сладость
Цѣлительной раскаянья печали
У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію; какой
Во мнѣ и вкругъ меня открылся
Великій міръ, когда себя низвергнувъ
Смиреньемъ въ прахъ, и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя, я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя.
Очами видѣлъ я; но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я, всю мою вину постигнувъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Къ ногамъ обруганнаго мною Бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось. Тотъ, кого безумно
Я отрицалъ, моимъ въ пустынѣ жизни
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все
Земное замѣнившимъ, все земное
Забвенію предавшимъ сталъ;
За нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
Которое, мою пронзая душу,
Къ нему ея глубокую любовь
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ него
Я вѣру всею силою любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.
Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу
Передъ толпой ругательной колодникъ,
Я часто былъ тоской одолѣваемъ;
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось;
Но каждый разъ, когда такой порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горькимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавленному кресту Голгоѳы.
И наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій
Ввергающихъ въ отчаянье къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ въ крѣпкій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Металлъ кующихъ душу испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ,
Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все. Чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
Начто тревожить страждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе иль злобу отъ людей?
Я съ нимъ, онъ мой, онъ все, въ немъ все, имъ все;
Все отъ него, все одному ему.
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово:
«Отецъ, прости имъ; что творятъ, не знаютъ!»
Межъ ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
И знай, пространства нѣтъ здѣсь для меня
[Такъ соизволилъ Богъ]: въ одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлетъ на помощь;
На помощь—но не дѣломъ—словомъ, что
Могу я сдѣлать для людей? не словомъ
Бродяги—нѣтъ, могущественнымъ словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ.
Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ; я
Не радуюся ни чьему рожденью,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И никого роднаго у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:
Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Любовью къ людямъ безнаградной—я
Любовь къ Спасителю, любовь къ царю
Любви, къ ея источнику, къ ея
Подателю питаю. И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ міръ любви въ меня проникнулъ,
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ тому,
Кто первый возлюбилъ меня; любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;
Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Такой любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью; въ веселья ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота на горькую утрату,
Я въ кругъ людей вхожу; чтобъ смертью
Въ ея земныхъ явленьяхъ насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда разцвѣтшую невѣсту, дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежатъ спокойно—
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня,
Какъ устарѣлаго скитальца память
О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами, томитъ; и слезы лью
Изъ глазъ, и я завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ. Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соискупленный ихъ братъ, вступаю:
Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины, я къ тайнѣ причащенья
Со страхомъ Божіимъ и вѣрой сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ престоломъ въ храмѣ служатъ,
И херувимовъ братство христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дорвносимаго чинами

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Небесными царя царей подъемлетъ,
Въ великій часъ, когда на всѣхъ концахъ
Созданія въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ христіанъ таинственная жертва,
Когда живые всѣ—и царь, и нищій,
И счастливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
Единое совокупяся, чашѣ
Спасенья предстоятъ—о, въ этотъ часъ
Я людямъ братъ, моя судьба забыта,
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ,
Все предо мной земное исчезаетъ,
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ.
О, что̀ бъ я былъ безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобнымъ
И нераскаяннымъ богоубійцей
Сошелъ бы въ землю... А потомъ? Теперь же...
О, будьте вы навѣкъ благословенны
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О ты, лицо подъ тернами вѣнца
Облитое струями крови, ты,
Печальный на меня поднятый взоръ,
Ты, голосъ сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда—васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней своею мукой въ вѣру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,
Онъ далъ въ замѣну мнѣ себя. За нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Путемъ, чужой всему, что вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мнѣ? На голодъ—корка хлѣба,
Ночлегъ—на непогоду, ветхій платъ—
На покровенье наготы; во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу мнѣ одно:
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
«Твое, а не мое да будетъ!» Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть тому
Надъ нею предали смиренно, кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земнаго, долженъ
Казаться дикою пустыней—нѣтъ,
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ силою всевышнею постигнутъ,
И уничтоженный предъ нею палъ
Во прахъ, она передо мною вся
Въ твореніи господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ какъ призракъ
Передъ господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
Пріяло высшее знаменованье.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О, этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ; но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ, тому
Природа врачъ, великая бесѣда
Господняя, развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,
Которой я истерзанный на грудь
Упалъ, которая лекарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ—я словъ
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ, свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба,
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая иль голосъ
Невыразимый въ бурю; горъ, потопа
Свидѣтелей, громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, ревъ и грохотъ водопадовъ...
О, какъ могу изобразить творенья
Все обаяніе. Среди господней
Природы я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой—но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

А смиреннымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ нимъ уничтоженья:
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ нему горящая стремится—
Такою предъ его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія—земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова.
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою—и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ,
И все движенье жизни скоротечной.

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Созданія идетъ онъ, тамъ, гдѣ я
Лишь небеса господнія святыя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Надъ головою вижу, а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога.
Изъ глубины уединенья, гдѣ
Онъ мой единый собесѣдникъ, мнѣ
Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И ужъ второе
Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогою иду; и въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остовы древнихъ
Имперій [какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ], слитые въ одно
Великаго минувшаго созданье.....

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1852

—

РОЗЫ.

[ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РИСУНКА ИЗЪ РОЗЪ, СЪ СТЕБЛЯМИ ВВИДѢ КРЕСТА].

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня;
Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокой
Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ:
Розъ разновидныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
Стеблѣ—не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ—
Крестъ, претворяющій чудно своей жизнодательной силой
Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ.
Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія почки надежды,
Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились—
Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
Все, что плѣняетъ какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ какъ тернъ,
Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ промыслъ тайной рукой.
Розы прекрасныя, въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ вы
Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для васъ;
Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой
Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ ароматъ.

[Мартъ 1852].

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ПРОЗА.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1797

—

МЫСЛИ ПРИ ГРОБНИЦѢ.

Уже ночь раскинула покровъ свой и серебристая луна явилась въ тихомъ своемъ велелѣпіи. Морфей помаваетъ маковою вѣтвію, и сонъ съ цѣлебною чашею ниспускается на землю. Все тихо, все молчитъ въ пространной области творенія; не слышно работы кузнечика, и трели соловья не раздаются уже по рощѣ. Спитъ ратай, спитъ волъ, вѣрный товарищъ трудовъ его, спитъ вся натура. Одинъ я не могу сомкнуть глазъ своихъ, одному мнѣ чуждо всеобщее успокоеніе. Встану и пойду... Какъ величественно это небо, распростертое надъ нами шатромъ и украшенное міріадами звѣздъ! а луна?... какъ пріятно на нее смотрѣть; блѣдномерцающій свѣтъ ея производитъ въ душѣ какое-то сладкое уныніе и настроиваетъ ее къ задумчивости... Вездѣ царствуетъ тишина, только тамъ, вдали, шепчетъ дремлющій ручеекъ и едва-едва слышно колебаніе листьевъ. Прекрасно, прекрасно! говорилъ я съ восхищеніемъ, и нечувствительно приближался къ озеру, окруженному древними дубами, коихъ вершины изображались въ тихой и спокойной поверхности водъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Смотрю на нихъ съ почтеніемъ; иду впередъ, и взору моему представляется полуразвалившаяся гробница. Сѣдой мохъ покрываетъ ее; гнѣзда хищныхъ птицъ находятся въ ея трещинахъ; эмблема смерти—черепъ изсѣченъ вверху, и еще примѣтны нѣкоторые остатки изглаженной надписи. При семъ видѣ я содрогнулся, трепетъ объялъ мое сердце. Но мало по малу бодрость моя возвратилась, страхъ исчезъ, нѣкоторая томность овладѣла мною, и мысль за мыслію тѣснились въ душѣ моей. Живо почувствовалъ я тутъ ничтожность всего подлуннаго, и вселенная представилась мнѣ гробомъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

«Смерть, лютая смерть! сказалъ я, прислонившись къ изсохшему дубу, когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей, и когда, когда престанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравные? Ты неумолима, законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость... Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едва распустившейся розѣ; здѣсь лѣпообразнаго, сановитаго юношу, гордящагося превосходными дарованіями своими. Нѣжные родители не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими дышутъ, ими живутъ—и надежда, что они будутъ нѣкогда славою своего рода, украшеніемъ своего времени, восхищаетъ чадолюбивое ихъ сердце. Тщетная надежда... одинъ махъ косы твоей — и ихъ нѣтъ... стонъ и вопль раздаются, но ты не внемлешь и спѣшишь къ новымъ жертвамъ. Спѣшишь — и мужъ добродѣтельный, коего вся жизнь посвящена благотворенію, коего примѣръ есть свѣтильникъ вверху горы стоящій, мужъ, достойный жить цѣлые вѣки, колеблется, падаетъ и еще разъ взглянувъ глазами любви на оставляемый имъ міръ, закрываетъ ихъ навѣки. Спѣшишь — и столѣтній старецъ, безпечно вчера игравшій съ милыми праправнучатами, сегодня впослѣднее прижимаетъ ихъ къ хладной груди своей, и сердце его перестаетъ биться. Ты спѣшишь далѣе, смерть грозная, и все — отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей. И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей алчности, и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—и можетъ быть глаза мои, сомкнутые хладною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой развѣютъ...»

Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ. «Но почто смущаться сею мыслію, сказалъ я потомъ, развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ: тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ отецъ любви. Смерть есть путь въ сію вѣчно-блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

добро, тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжество, а гробъ лѣствица къ небу. Но вы, злодѣи, трепещите... «Тутъ глаза мои устремились къ гробницѣ. «Скажи мнѣ, воскликнулъ я, чей прахъ вмѣщаешь ты, чьи кости въ тебѣ почиваютъ? Другъ ли человѣчества здѣсь спитъ сномъ безпробуднымъ, или извергъ естества, притѣснитель себѣ подобныхъ? Скажи: да омочу тлѣніе сіе слезою чувствительности, или да изреку....»

При словѣ семъ вдругъ вспорхнула изъ гробницы вѣщая сова и стономъ своимъ возмутила царствовавшую окрестъ тишину. Кровь во мнѣ волновалась, голова отяжелѣла; я почувствовалъ нѣкоторую слабость, и медленными шагами, съ растроганнымъ сердцемъ, возвратился въ сельскую свою кущу.

1798

МИРЪ И ВОЙНА.

Зазвучали оружія брани, засверкали острые мечи, знамена гордо развѣваются въ воздухѣ и пернатые шлемы осѣняютъ главы ратниковъ. Соединившись въ единое ополченіе, съ нетерпѣливостію ожидаютъ они знака къ сраженію. Раздается гласъ трубный, и подобно молніи летятъ они на враговъ своихъ; кровь брызжетъ подъ ударами; мечъ, разсѣкая воздухъ, съ свистомъ упадаетъ на крѣпкую броню; она зыблется, и багровая кровь струится по блестящей стали. Стонъ пораженныхъ, мѣшаясь со звукомъ оружій, раздается въ долинѣ, и земля дрожитъ подъ тяжкими стонами противоборцевъ.

Пламя войны все пожираетъ; ничто не сокроется отъ ужаснаго бича брани; тамъ пылаетъ домъ беззащитной вдовицы и подавляетъ ее своимъ паденіемъ; тамъ стонетъ сирота, лишенный родителей. Тщетно слабое дитя простираетъ невинныя свои руки, дабы испросить себѣ пощады; убійца, жаждущій крови, не смягчается и съ свирѣпствомъ поражаетъ свою жертву. За струилась кровь изъ груди младенца, послѣдній вздохъ излетаетъ изъ сердца его и блѣдность смерти покрываетъ его чело. Тщетно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

почтенный старецъ дрожащими стопами хочетъ сокрыться отъ ярости ожесточеннаго ратника; извергъ настигаетъ его и, не взирая на сѣдины старца, вонзаетъ дымящійся кровію мечъ въ трепещущее его сердце; онъ падаетъ, и смертный хладъ объемлетъ его чувства. Ужасъ крыломъ своимъ покрываетъ поле брани и всѣ окрестныя мѣста трепещутъ отъ военныхъ громовъ; всюду отчаяніе и горесть поселились, и радость отвратила блестящій взоръ свой.

Поспѣши, благодѣтельный миръ, поспѣши утушить вражду человѣковъ, осѣни крыломъ твоимъ ратующихъ братій и излей бальзамическій сокъ твой въ сердца, возженныя пламенемъ войны.

Онъ нисходитъ, и свѣтлая струя радости пробѣжала въ сердца, горѣвшія злобою. Ратники, за часъ прежде сего яростно сражавшіеся и безъ жалости убивавшіе другъ друга, тѣ самые ратники съ дружелюбіемъ объемлются; мечъ не блистаетъ болѣе въ ихъ рукахъ, и кровь не кипитъ уже на свѣтлой стали; все утихло, и радость, окруженная лучами, явилась посреди воинства.

Супруги въ объятіяхъ семействъ своихъ вкушаютъ неизреченныя радости; сынъ на колѣнахъ объемлетъ руку сѣдовласаго родителя и съ геройскою улыбкою полагаетъ къ стопамъ его залоги своего мужества. Теплыя слезы текутъ изъ очей старца и орошаютъ румяныя щеки юноши, гордящагося таковымъ торжествомъ.

Все радуется, все восхищается.

Воинство вступаетъ во градъ, гдѣ милосердый монархъ, нѣжный отецъ своего народа и тщательно устрояющій блаженство своихъ подданныхъ, съ милостію пріемлетъ дѣтей своихъ и вкупѣ съ ними наслаждается плодами тишины.

Продлися, вожделѣнный миръ, продлися между людей; подъ тихимъ покровомъ твоимъ блаженство ихъ не поколеблется и они въ тишинѣ будутъ наслаждаться благами жизни и дарами своего творца.

ЖИЗНЬ И ИСТОЧНИКЪ.

Солнце торжественно появлялось на горизонтѣ и заря, предшествуя ему, покрывала румянцемъ вершины горъ; природа скинула

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тихій покровъ ночи и день на крыльяхъ зефировъ взлетѣлъ на лазурный сводъ неба.

Морфей отлетаетъ въ царство тѣней, и сны подобно рою пчелъ послѣдуютъ за нимъ. Природа пробуждается; блестящій царь свѣтилъ, возсѣдя на лучезарной колесницѣ, сѣетъ животворные лучи на поверхность шара; тихая роса блеститъ и мало по малу исчезаетъ на листахъ древесъ, и жаворонокъ, стремяся въ высоту сияго неба, первымъ гимномъ поздравляетъ пробуждающуюся природу.

Сижу на возвышенномъ холмѣ, вѣнчающемъ пестрый лугъ; свѣтлый кристаллъ ручейка омываетъ подошву пригорка и оставляетъ перлы въ травѣ. Его журчанье трогаетъ мое сердце; голосъ соловья, тихо пробираясь сквозь священный дубовый лѣсъ, куда лучъ солнца не дерзаетъ проникнуть, мѣшается съ гармоніею потока, и эхо далеко его повторяетъ. Здѣсь, подъ навислыми утесами, въ молчаніи дремлетъ море, и его волны, величественно протекая неизмѣримое пространство, разбиваются о камни. Источникъ, который тамъ, подъ нѣжными сводами душистыхъ цвѣтовъ, скромно извивался черезъ лугъ, вдругъ по голому, неровному утесу, кипя, низвергается въ море, и струи его пропадаютъ тамъ, такъ какъ часы въ вѣчности.

«Разительная картина жизни!» сказало мое сердце, и флеровая мантія меланхоліи покрыла мои чувства; воображеніе на быстрыхъ крыльяхъ переносило меня отъ одной мысли къ другой, и полетъ его не находилъ предѣловъ.

«Скоро пролетаютъ дни наши, думалъ я, особливо дни счастія; долго текутъ часы несчастій и ихъ теченіе оставляетъ глубокіе слѣды въ нашемъ сердцѣ.»

«Человѣкъ, вышедъ изъ утробы матери, бываетъ чистъ и непороченъ; зло не дерзаетъ осквернить его своимъ прикосновеніемъ и страсти спятъ въ его душѣ; но это только младенецъ, онъ ничего не знаетъ, ничто не можетъ его тронуть, самая добродѣтель не имѣетъ прелестей въ глазахъ его; жизнь его подобна тому мѣсту, откуда вытекаетъ ручей, подобна зарѣ.—Ахъ! солнце не взошло еще; можетъ быть облака его закроютъ...»

«Изъ младенчества переступаетъ человѣкъ на стезю юности и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

теченіе жизни его уподобляется тогда струямъ ручья, журчащаго уже среди цвѣтовъ; но камушки препинаютъ путь его, такъ какъ страсти иногда совращаютъ юношу съ истиннаго пути. Если жъ благодѣтельная рука исторгнетъ сіи камни изъ волнъ источника, то бѣгъ его становится прозраченъ и чистъ. Если мудрый наставникъ гласомъ истины извлечетъ изъ неопытнаго сердца юноши жало страстей, то дни его просвѣтятся и солнце благоразумія разсѣетъ туманъ заблужденій.—Счастливъ тотъ юноша, который въ златое время своей непорочности посаждаетъ въ своемъ сердцѣ сѣмя добродѣтели; оно пуститъ корни и превратится въ дерево.»

«Теперь источникъ жизни нашей становится быстрѣе, онъ течетъ по голому утесу, совратяся съ благовонныхъ луговъ, и съ шумомъ низвергается въ море. Человѣкъ приходитъ въ мужескія лѣта—и если сѣмя добродѣтели не пустило корней своихъ въ его сердцѣ, если порокъ прежде времени вырвалъ его оттуда, то—несчастный — море заблужденій, море несчастій его поглощаетъ и ничто не въ силахъ его оттолѣ исторгнуть; онъ бьется между валовъ его и, думая достигнуть береговъ, только что отъ нихъ удаляется. О человѣкъ, для чего ты не слѣдуешь добродѣтели?»

«Наконецъ приближается старость, и онъ погибаетъ въ пучинѣ. Тиха старость праведника, солнце чистой совѣсти оживляетъ ее своими лучами; оно закатится лишь тогда, когда поцѣлуй смерти похититъ его жизнь.»

«Порочный, какая была цѣль твоя? Вдали предъ тобою синѣлся океанъ бѣдствій, и ты не задрожалъ; тогда только, когда увидѣлъ ты бѣгущую къ тебѣ смерть, тогда ты почувствовалъ ужасъ. Для чего не страшился ты пороковъ? Они ужаснѣе смерти. Для чего позволилъ ты развращенію исторгнуть сѣмя добродѣтели изъ твоего сердца? Для чего не далъ ты ему превратиться въ дерево? Ты бы умеръ—заснулъ подъ его тѣнью.»

Смертный, берегись совращаться съ истиннаго пути, иначе ты, подобно источнику, будешь поглощенъ неизмѣримымъ моремъ несчастій.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

РѢЧЬ НА АКТѢ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ ПАНСІОНѢ, 14 НОЯБРЯ 1798 Г.

Любезные товарищи! Никогда еще не посѣщали сѐрдца нашего толь сладкія чувства, какъ въ сіи достопамятныя для насъ минуты. Заслужить отличіе въ благонравіи, въ стремленіи къ добру, къ просвѣщенію; заслужить право первенства между вами, право, утвержденное собственнымъ признаніемъ безпристрастныхъ, невинныхъ сердецъ вашихъ—не есть ли восхитительно, неоцѣненно?—Заслужить!... Нѣтъ, любезные товарищи, мы не заслужили толь лестнаго преимущества. Самая сія радость, самое сіе восхищеніе, которое вы читаете теперь въ глазахъ нашихъ, не есть ли уже слабость, малодушіе? Такъ, мы недостойны толь отличной оказанной намъ чести. Многіе изъ васъ имѣютъ, можетъ быть, гораздо болѣе права на то первенство, коимъ вы насъ почтили по одному снисхожденію, по одной своей къ намъ любви. Не мы васъ, вы сами себя побѣдили, и поднесенный вами вѣнокъ другимъ, приличнѣе бы могъ украшать васъ самихъ. Мы слабы, неопытны, часто претыкаемся и падаемъ. Способности наши очень ограничены, достоинства малозначущи, поступки не такъ чисты и неукоризненны, чтобы можно было поставить ихъ въ образецъ подражанія, и если есть въ насъ что нибудь доброе, то можетъ быть единая готовность сдѣлаться нѣкогда прямо добрыми. Вотъ всѣ наши преимущества, вотъ единственное наше право на то драгоцѣнное для насъ первенство, коимъ вы насъ почтили. — Друзья любезные, при подножіи сихъ священныхъ для насъ изображеній, * поставленныхъ здѣсь пламенною нашею благодарностію, еще дерзаемъ мы повторить торжественный обѣтъ свой, что употребимъ всѣ силы, да сѣмя добра, лежащее въ груди нашей, произраститъ спасительные плоды свои, и тѣмъ потщимся доказать, сколь высоко цѣнимъ мы снисходительное ваше о себѣ мнѣніе, и сколь признательность наша чистосердечна. Счастливы, счастливы будемъ, если предохранимъ кого нибудь изъ васъ хотя

* Здѣсь разумѣются новопоставленные портреты гг. кураторовъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

отъ одного дурнаго поступка, влекущаго за собою горькія слѣдствія, если умножимъ хотя однимъ зерномъ его познанія, если приближимъ его хотя на одинъ шагъ къ добродѣтели.

Священная добродѣтель, не ты ли основаніе прямаго нашего счастія? Не ты ли блюститель нашего спокойствія? Не ты ли тотъ чистый, неизсякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы всѣ истинныя свои наслажденія, всѣ радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы. Блаженъ тотъ, кто воинствуетъ подъ побѣдительнымъ знаменемъ твоимъ. Блаженъ, ибо никакія сопротивныя силы не поколеблютъ его, никакія бѣдствія и страданія не одолѣютъ. Душа его свѣтла и безмятежна, какъ покоящаяся при вечерѣ нива. Любезные товарищи, мы всѣ ищемъ пути къ счастію: онъ въ добродѣтели. Я знаю васъ: вкругъ сердца вашего обращается кровь благородная—и вы не можете не разумѣть меня; а сіе ваше вниманіе, сіи неподвижные взоры ваши, на меня устремленные, не показываютъ ли ясно, что вы жаждете заняться со мною нѣсколько минутъ симъ драгоцѣннымъ для всѣхъ насъ предметомъ. Повинуюсь—и слабою, дрожащею кистью изображу вамъ нѣкоторыя черты добродѣтели, увѣренъ будучи, что сія картина дѣтской руки моей не останется безъ дѣйствія.

Посмотрите на сего благодѣтеля человѣчества, посмотрите, какъ толпятся вокругъ его несчастные, какъ устремляютъ на него слезящее око благодарности, какъ расцвѣтаетъ веселіемъ томное чело ихъ. Это бѣдные, неимѣвшіе пристанища и получившіе покровъ отъ благодѣтельной руки его.—Посмотрите, какъ взоры его чисты, божественны. На ланитѣ блеститъ слеза восхищенія, въ душѣ царствуетъ миръ и тишина. Онъ есть благотворное нѣкое существо, обитающее не въ рукотворенномъ храмѣ, но въ скиніи обязанныхъ сердецъ. Здѣсь, въ семъ святилищѣ, поставленъ ему алтарь, на коемъ курится чистая, неугасаемая жертва благодарности; алтарь, коего рука времени не сокрушитъ и паденіе земли не поколеблетъ. Чистая, непорочная совѣсть друга человѣчества будетъ ему щитомъ противъ ударовъ ожесточеннаго рока, и украшеніемъ во дни счастія. Сонъ его есть сонъ праведника, и хотя бы камень служилъ ему возглавіемъ, хотя бы колючій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тернъ былъ ему одромъ, то и тогда бы во всякой ранѣ его тѣла блистала роса душевнаго здравія.

Посмотрите на сего бѣднаго, лишеннаго одежды, пищи, пристанища, но богатаго добрымъ сердцемъ; посмотрите, съ какою твердостію покоряется онъ опредѣленіямъ судьбы. Сердце его покойно, подобно ясному солнечному дню, когда ни одно облачко не плаваетъ по лазури неба. Подъ соломеннымъ кровомъ своей хижины находитъ онъ то счастіе, коего вельможа ищетъ въ своихъ чертогахъ и не обрѣтаетъ. Кусокъ хлѣба, который достанетъ онъ въ потѣ лица своего, сладостнѣе для него роскошной пищи сластолюбца. Сколь часто, съ душевнымъ умиленіемъ, преклонивъ колѣно свое долу, устремляетъ онъ взоры свои туда, гдѣ царствуетъ вѣчная любовь, и говоритъ: «я бѣденъ, я несчастенъ; но ты благъ, отецъ небесный; ты не оставишь меня и наградишь мое терпѣніе». Такъ говоритъ онъ, и пламенная слеза, катящаяся изъ сердца его, не упадетъ на землю, но проникнетъ небеса и принесется во всесожженіе живущему на нихъ. Добродѣтельный человѣкъ твердъ въ несчастіи, непоколебимъ въ напастяхъ, и терпѣливо, безъ ропота проводитъ бѣдственную жизнь свою.... Но можно ли назвать бѣдственною такую жизнь? Нѣтъ; пускай напыщенный богачъ ступаетъ по златошвейнымъ персидскимъ коврамъ, пускай стѣны чертоговъ его сіяютъ въ златѣ: злато сіе, многоцѣнныя истканія сіи—они помрачены вздохомъ угнетеннаго, кровію измученнаго раба. Нѣтъ; съ чистымъ сердцемъ, съ тихою совѣстію, предпочту я сѣнистый лѣсъ мраморному дворцу, гдѣ всякій камень, представляющійся глазамъ моимъ, возмутитъ мою душу; гдѣ неумолимое раскаяніе, съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклымъ взоромъ, будетъ слѣдовать по стопамъ моимъ. Въ мирномъ убѣжищѣ простоты и невинности, въ тишинѣ лѣсовъ, съ подругой души своей, добродѣтелью, сооружу я изъ согбенныхъ вѣтвей чертогъ свой, и мягкій дернъ будетъ моимъ престоломъ.

Посмотрите далѣе на сего невинно заключеннаго узника. Мракъ темницы его объемлетъ, но свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ во глубинѣ души его. Клочокъ соломы служитъ ему горестнымъ одромъ, и тяжкія оковы обременяютъ его руки. Но взгляните на лицо его: какая небеснаярадость, какое величіе. Душа

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

его спокойна и сердце дремлетъ подъ щитомъ совѣсти. Онъ радуется, что скоро достигнетъ цѣли жизненнаго своего странствія, что скоро душа его оставивъ бренную скинію тѣла, на легкихъ крыліяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ плѣняться восхитительною, невѣдомою для смертнаго слуха гармоніею блаженныхъ небожителей. Каждый звукъ цѣпей напоминаетъ ему теченіе минутъ, приближеніе торжества. Сердце его пламенѣетъ, душа исполняется умиленія и онъ въ восторгѣ цѣлуетъ бременящія его узы. Когда жъ предстанетъ ему смерть и благодѣтельною рукою отверзетъ врата вѣчности, когда расторгнетъ покрывающую глаза его завѣсу и укажетъ предлежащую ему судьбу, тогда съ восторгомъ праведника, сбросивъ бренное свое покрывало въ объятіяхъ ея, устремится онъ туда, въ оныя вѣчноцвѣтущія поля, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы, ни мщенія, и гдѣ царствуетъ единая присноживая любовь.

Посмотрите на сего добраго, честнаго поселянина, окруженнаго многочисленнымъ семействомъ. Какъ онъ доволенъ! Желанія его умѣренны и счастіе обитаетъ въ его хижинѣ. Съ пришествіемъ дня выходитъ онъ на дѣланіе свое, и съ бодростію, съ удовольствіемъ принимается за работу. Когда жъ силы его начнутъ слабѣть и востребуютъ подкрѣпленія, онъ возвращается домой; жена и дѣти встрѣчаютъ его, и съ нѣжностію пріемлютъ въ свои объятія. Умѣренный обѣдъ, приправленный дружествомъ и любовію, утоляетъ его голодъ; послѣ краткаго отдохновенія снова принимается онъ за работу, и престаетъ трудиться тогда, когда солнце престаетъ освѣщать землю. Ночь наступаетъ; сонъ его тихъ и кротокъ, и совѣсть, молчащая въ душѣ его, засыпаетъ съ нимъ вмѣстѣ. Такъ проходитъ его день, такъ пройдетъ и жизнь его. Время рукою своею убѣлитъ власы его и покроетъ морщинами чело. Смерть, сія предвѣстница его блаженства, тихими шагами приближится къ нему, и онъ съ улыбкою непорочности бросится въ ея объятія.

Посмотрите на сего героя, на сего браннаго витязя. Преданность къ государю, ревность къ службѣ, любовь къ славѣ, пламенѣютъ въ груди его. Отечество взываетъ къ нему: спаси меня! и онъ летитъ на поле брани; изсунетъ мечъ—и необоримыя силы

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

валятся. Громъ умолкъ, молнія потухла, побѣда приноситъ свои лавры, но кого увѣнчаетъ она, гдѣ герой нашъ? Онъ здѣсь, любезные товарищи, на сихъ развалинахъ, на сихъ кучахъ пепельныхъ, на сихъ дымящихся кровію тѣлахъ; онъ здѣсь и проливаетъ слезы. Да будетъ благословенно имя твое, витязь бранный; сердце твое отверсто состраданію, ты скорбишь о человѣчествѣ, ты любишь добродѣтель. — —

Но кто изочтетъ лучи солнца—и кто исчислитъ красоты добродѣтели, кто исчислитъ спасительныя ея дѣйствія? О священная добродѣтель!

Сіяешь ты въ вертепахъ темныхъ,
И въ самыхъ пропастяхъ подземныхъ,
Всегда свѣтла, мила, чиста.
Тебя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, радость и покой;
Вселенну громы поражаютъ,
Но всюду благодать съ тобой.
Ты носишь въ сердцѣ вѣчну радость,
Твоя стихія миръ и сладость.
Блаженна жизнь, блаженъ твой сонъ.
Сады срѣтаешь въ дебряхъ райски,
Зимою дни вкушаешь майски;
Твой манна хлѣбъ, твой холмикъ тронъ.

Да будетъ тронъ ея и въ сердцахъ нашихъ, любезные товарищи. Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдь звѣнящая, кимвалъ брящаяй, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель!—соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, да царствуютъ онѣ совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему должны стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество, ожидаютъ благотворные наши попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды, о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо счастливыми. Безчисленны къ намъ ихъ благодѣянія, но дѣла ихъ, но добродѣтельный примѣръ ихъ есть то, что̀ мы драгоцѣннѣйшаго отъ нихъ получили.

Воззрите на сіи изображенія. Се ликъ Шувалова. Грозная

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

судьба похитила его отъ насъ, но—сердце еще бьется въ груди нашей, и Шуваловъ тамъ живетъ. Другъ человѣчества, ты достоинъ вѣнца безсмертія, и грядущіе, отдаленные вѣки съ благоговѣніемъ повторятъ имя твое. — Се образъ Мелиссина. Любезные товарищи, почто не можемъ мы повергнуться на гробъ его, на сіе вмѣстилище драгоцѣннаго для насъ праха, почто не можемъ окропить его своими слезами. Отъ нихъ возрасли бы на немъ цвѣты, и благоуханіемъ своимъ возвѣстили бы страннику: здѣсь почіетъ покровитель наукъ. — Шуваловъ! Мелиссино! тѣни ваши можетъ быть носятся теперь надъ нами и улыбаются, видя любовь нашу. Божественная улыбка! она побуждаетъ насъ слѣдовать по стопамъ вашимъ, и если можно, вамъ уподобиться. Тѣни священныя, покойтесь въ селеніяхъ праведныхъ; мы не возмутимъ тишины вашей уклоненіемъ отъ пути добродѣтели. Херасковъ, добрый, чувствительный, незабвенный основатель сего благотворнаго мѣста, воспитанію благородныхъ юношей посвященнаго, Херасковъ съ досточтимыми своими сотрудниками насъ руководствуетъ.

Питомцы толь знаменитыхъ мужей, потщимся заблаговременно пользоваться благодѣтельными поученіями, изъ устъ наставниковъ нашихъ текущими. Время летитъ, и сѣмена мудрости и добродѣтели, насажденныя во дни юности въ умахъ и сердцахъ нашихъ, возрастутъ въ древо великое, коего плоды будемъ мы собирать и въ самой вѣчности.

1800

—

КЪ НАДЕЖДѢ.

Надежда, кроткая посланница небесъ, тебя хочу я воспѣть въ восторгѣ души своей. Услышь меня, подруга радости, и ангельская улыбка твоя да будетъ мнѣ наградою.

Тобою всѣ живутъ и дышутъ, о божественная! Отъ вѣнценосца до пастуха, отъ перваго счастливца до послѣдняго бѣдняка,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

отверженнаго цѣлымъ міромъ, въ тебѣ находятъ всѣ отраду и услажденіе.

Безъ тебя царь несчастенъ на тронѣ своемъ и унылъ среди пышности, среди блеску, его окружающаго, среди хвалебныхъ въ честь ему восклицаній.

Безъ тебя герой хладѣетъ и лишается бодрости своей. Ты одушевляешь его, летящаго на поле брани; и среди окровавленныхъ труповъ, среди дымящихся развалинъ, среди кучъ пепельныхъ, ты показываешь ему растущіе побѣдные лавры.

Ты водишь плугомъ земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлывающаго поле его, и поддерживаешь ослабѣвающую руку его, предвѣщая ему щедрую награду за труды.

Ты управляешь кораблемъ мореходца, плывущаго по зыбкимъ хребтамъ непостоянной и грозной стихіи въ страны отдаленныя, и веселишь сердце его, возвѣщая ему близкій предѣлъ его странствія, а тамъ—несмѣтныя ожидающія его сокровища.

Ты радуешь нѣжную мать, неусыпно пекущуюся о дѣтяхъ своихъ. Ты говоришь ей, что они будутъ нѣкогда украшеніемъ ея, подпорою, и извлекаешь изъ очей ея слезы восторга.

Ты утѣшаешь нищаго, оставленнаго человѣчествомъ, издыхающаго на голомъ камнѣ. Ты снимаешь благодѣтельною рукою покровъ съ томныхъ очей его, и показываешь ему въ отдаленіи будущее—онъ взираетъ, и видитъ могилу, конецъ своихъ страданій, за нею Бога, вѣчную радость; видитъ—и вооружается твердостію.

Ты озаряешь лучами отрады темницу узника, обремененнаго оковами и необрѣтающаго сожалѣнія въ сердцахъ братій своихъ. Ты рождаешь бодрость въ унывающей душѣ его, и льешь цѣлительный бальзамъ въ раны его сердца. Ты сопутствуешь ему до послѣдней минуты горестнаго бытія, и провождаешь его даже за предѣлы гроба.

О надежда, усладительница нашихъ горестей, сопутствуй мнѣ на мрачномъ пути сея жизни; сопутствуй до того времени, когда ангелъ смерти, отворивъ таинственныя врата вѣчности, приметъ меня изъ объятій твоихъ и на крыльяхъ безсмертія понесетъ въ лучшій, блаженный міръ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

МЫСЛИ НА КЛАДБИЩѢ.

Ночь наступаетъ. Молчаніе, одѣянное мракомъ, величественно несется на землю — все безмолвствуетъ подъ кровомъ его ризы.

Луна, собесѣдница горестныхъ, медленно подъемлетъ блѣдное чело свое изъ-за отдаленныхъ горъ; слабо осребряетъ она кремнистыя ихъ вершины, и лучъ ея пробирается въ дремлющій лѣсъ; кажется тѣни, чада молчаливой ночи, блуждаютъ въ густотѣ его.

Сѣрыя облачка опушаютъ задумчивый образъ луны—тѣмъ она любезнѣе, тѣмъ привлекательнѣе. Трепещущій лучъ ея, преломляясь о нихъ, тихо несется долу.

Здѣсь, въ обители смерти, * въ долинѣ спокойствія, разливаетъ онъ блѣдное сіяніе на могилы, скрывающія въ нѣдрѣ своемъ почившихъ, онъ мѣшается съ юными чадами весны, дышущими на нихъ благоуханіемъ, и кажется хочетъ проникнуть гробные камни, чтобы оживить тлѣніе.

Бьетъ полночь — это часъ смерти — луна на половинѣ пути своего; она прямо надъ моею головою; свѣтъ ея ударяетъ въ узкое окно развалившейся часовни, и рисуетъ рѣшетки ея на руинахъ.

Облокотясь на падшій столбъ, смотрю я вокругъ себя — все молчитъ — почившіе спятъ сномъ безпробуднымъ. Геній унынія, въ бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидитъ на гробовыхъ обломкахъ, и стонетъ о бренности всего подлуннаго.

Они спятъ — сіи сыны тлѣнія; они спятъ — и кто ихъ пробудитъ?

Натура, одѣянная мракомъ, дремлетъ на лонѣ полуночи; все молчитъ; ни единый гласъ не взываетъ къ нимъ.

Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ; соловей давно остановилъ громкія трели свои—все молчитъ....

Но се грядетъ утро. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется благотворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе возглашаетъ гимны. Се грядетъ утро; но они спятъ.

---

* На кладбищѣ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Они спятъ, не внемля гласу взывающаго къ нимъ дня; они спятъ—и кто ихъ пробудитъ?

Спите, сыны тлѣнія; еще не время — наступитъ утро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце міра — и вы возстанете отъ сна своего.

Спите, сыны тлѣнія; еще не время....

ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ.

Послѣдній лучъ зари угасъ на западѣ, и ночь на крыльяхъ тишины спустилась на землю; луна въ кроткомъ сіяніи катится по синему своду небесъ, и лучи ея осребряютъ верхи дубовъ.

Стою у чистаго ручья: въ струистомъ кристаллѣ его трепещетъ образъ луны; на берегу воздвигнутъ обелискъ — смотрю, и при свѣтѣ луны вижу неизгладившуюся еще надпись: побѣдителю.

Побѣдителю! сказалъ я, и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ.—Кто сей побѣдитель? Конечно убійца тысячъ? И убійцъ называютъ побѣдителями, сооружаютъ имъ памятники для того, чтобъ потомство прославляло имена ихъ!...

Нѣтъ; пускай прославляетъ ихъ безумецъ; но тотъ, кто имѣетъ сердце, кто любитъ добродѣтель, тотъ съ ужасомъ отвратитъ взоръ отъ гордаго обелиска, воспомнивъ, сколько жертвъ пало прежде, нежели онъ воздвигнутъ.

Герои, куда стремитесь вы съ обнаженными мечами, за чѣмъ бѣжите?—За славою? За призракомъ, котораго вы не достигнете?—Оглянитесь: слѣды ваши обагрены кровію; тѣла убіенныхъ покрываютъ путь вашъ; злоба бѣжитъ съ вами, потрясая пламенникомъ своимъ; природа унываетъ вокругъ васъ, и бѣдствія ліются отъ руки вашей.

Гдѣ же сія слава, которой вы такъ алкали? Вѣнецъ на главѣ вашей, пустота въ сердцѣ— вы достигнете предѣла жизни своей, глыба земли покроетъ прахъ вашъ, рука времени низложитъ гордый обелискъ, въ честь вамъ воздвигнутый, и громъ дѣлъ вашихъ, раздавшись, подобно эху умолкнетъ.

Слеза благодарности на могилу—вотъ вѣнецъ славы. Бла-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

гословенія несчастливца—вотъ пѣснь торжественная. Другъ человѣчества—вотъ истинный герой, котораго дѣла въ сердцахъ, котораго слава въ вѣчности.

1803

—

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ МАЛОРОССІЮ.

Вышла новая книга: Путешествіе въ Малороссію, изданное К. П. Шаликовымъ. Я читалъ ее съ примѣчаніемъ, съ удовольствіемъ, и желаю сообщить мысли, которыя при чтеніи родились въ головѣ моей, тому, кто захочетъ узнать ихъ.

При самомъ началѣ путешествія открывается цѣль автора. Changeons de lieu pour nous défaire du temps, говоритъ онъ, и ѣдетъ не съ тѣмъ, чтобы описывать города и провинціи, но съ тѣмъ, чтобы уѣхать отъ времени, и если можно, увезти читателя съ собою.

Не будемъ же искать въ этой книгѣ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній.... Авторъ думалъ объ одномъ удовольствіи читателя. Изъ отрывковъ его [сія книга составлена изъ отрывковъ] мы не узнаемъ, сколь многолюденъ такой-то городъ, могутъ ли ходить барки по такой-то рѣкѣ, и чѣмъ больше торгуютъ въ такой-то провинціи—мы будемъ бродить вмѣстѣ съ странникомъ, куда глаза глядятъ; взойдемъ вмѣстѣ съ нимъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о прошедшемъ, которое невозвратно, которое быстро сокрылось и, можетъ быть, унесло наше счастіе.

Кого не трогаетъ чувствительность? Кто не предавался меланхоліи? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ, съ пламенною душею хотѣлъ бы, кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками, и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде созидала вокругъ него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него—развалины. Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ, воспоминанія—въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя....

Ce peu d'instans, helas! et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un desert, ces temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine!

Ахъ! кому не дороги сіи минуты слишкомъ быстрыя, сіи цвѣты увядшіе? И что бы осталось намъ въ этомъ мірѣ, когда бъ, заранѣе положивъ во гробъ свое сердце, мы не могли.... Но я, кажется, хотѣлъ говорить о путешествіи господина Шаликова? Возвратимся къ нему.

Всякій скажетъ со мною: пріятно путешествовать! Единообразная, сидячая жизнь наскучитъ; душа наша любитъ перемѣны; одни и тѣ же предметы дѣйствуютъ на нее часъ отъ часу слабѣе, наконецъ перестаютъ дѣйствовать, и она засыпаетъ; всегда новые предметы, безпрестанно ее возбуждая, не даютъ ей придти въ разслабленіе, питаютъ ея силу. Правда, мы можемъ и не выходя изъ горницы быть дѣятельны и всегда находить новыя занятія для ума, души и сердца; не спорю—но если путешествіе доставляетъ намъ новое, пріятнѣйшее средство занимать свою душу, то мы не должны презирать его, и можемъ имъ воспользоваться.

Путешественникъ съ образованною душею, съ чувствительнымъ сердцемъ никогда не узнаетъ скуки. Сцены природы, которая, какъ будто на показъ, выставляетъ передъ нимъ свои богатства; сцены городовъ шумныхъ, въ которыхъ тонкій, наблюдательный взоръ его будетъ слѣдовать за человѣкомъ по лѣстницѣ гражданскихъ состояній, отъ степени работника до степени законодателя—вотъ предметы, которыми займется душа его. Иногда,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

наскучивъ пестротою городскихъ обществъ, сойдетъ онъ съ блестящаго, многолюднаго театра, удалится въ мирное село, въ хижину земледѣльца, и опытомъ повѣритъ слова сердца своего, что счастіе живетъ въ объятіяхъ природы, въ простотѣ и невинности нравовъ. Скопивъ сокровище новыхъ, разнообразныхъ идей и чувствъ, возвратится къ своимъ Пенатамъ, поставитъ свой посохъ въ уголъ своей хижины, и смотря на него, будетъ веселиться воспоминаніями. Онъ будетъ счастливъ, или по крайней мѣрѣ достоинъ счастія. Кто украсилъ свою душу цвѣтами мудрости, тотъ имѣетъ право не бояться рока, или ожидать его благодѣяній,...

Но я опять забылъ свой предметъ, и думаю, что наскучилъ читателю, если, разумѣется, имѣю читателя. Терпѣніе!

Я читалъ, повторяю, Путешествіе г. Шаликова съ удовольствіемъ, и взялъ перо не съ тѣмъ, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что я.... читалъ его. Человѣкъ, не слишкомъ строгій, не станетъ бранить меня за то, что отнимаю у него двѣ или три минуты, которыя, можетъ быть, и безъ меня были бы потеряны для его удовольствія. Совѣтую всякому любителю русскихъ книгъ познакомиться съ нашимъ путешественникомъ и замѣтить особенно главы: Могила друга, Яковъ садовникъ, Физіономія, Послѣдній взглядъ на Днѣпръ, Монастырь, Лѣтній вечеръ въ Малороссіи; ручаюсь, что онѣ многимъ полюбятся; а между тѣмъ могу и выписать одну изъ нихъ—напримѣръ «Лѣтній вечеръ въ Малороссіи»:

«Ежели въ теченіе дня сердце ваше было грустно, печально, то вышедъ при захожденіи солнечномъ въ поле, вы пьете въ здѣшнемъ вечернемъ воздухѣ спасительныя струи Леты — забвенія всего, кромѣ счастія. Какая тишина, какой миръ льется въ душу! Какое благоуханіе, какая прохлада освѣжаетъ чувства! Сладкій восторгъ объемлетъ сердце ваше; цвѣтущія фантазіи окружаютъ воображеніе—вы счастливы, и признаетесь въ счастіи своемъ! Нѣтъ! на уныломъ вашемъ Сѣверѣ такихъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ здѣсь, не бываетъ! Тамъ безконечный день истощитъ всѣ силы, и минутный вечеръ не успѣетъ предложить вамъ своихъ пріятностей; здѣсь — посреди лѣта — въ семь часовъ уже вечеръ —

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

уже время прохлады, свѣжести и счастія. Одинъ съ моими мечтами, и съ моимъ сердцемъ, иду въ поле или рощу, наслаждаться вечернею природою. Заботы и прискорбія дня исчезаютъ мгновенно въ животворныхъ объятіяхъ ея, подобно какъ въ объятіяхъ страстной любовницы или нѣжнаго друга; душа моя освобождается отъ всѣхъ тяжелыхъ узъ рока—и я благословляю участь свою. Смотря на прекрасный разноцвѣтный западъ—на солнце, которое, въ видѣ алаго яхонтоваго шара, съ величественнымъ спокойствіемъ опускается ниже—ниже, думаю о томъ времени, когда смотрѣлъ я на сіе великолѣпное зрѣлище природы изъ оконъ Д... или Т...; множество сладкихъ воспоминаній мнѣ представляется; съ благодарнымъ чувствомъ говорю прости миловидному солнцу; оглядываюсь кругомъ; ищу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобный шаръ—блѣдную луну, которая—по мѣрѣ того, какъ опускается и тускнетъ затмѣвающее ее свѣтило—возвышается и получаетъ сіяніе.... Такъ счастіе одного смертнаго зиждется на бѣдствіи другаго; такъ меркнетъ одинъ, и уступаетъ блескъ другому!»

«Люди, вотъ образъ судьбы вашей.»—А мы примолвимъ: читатели, вотъ примѣръ слога нашего путешественника. Иной, прочитавъ эту статью, скажетъ самому себѣ: поѣду въ Малороссію; тамъ такіе прекрасные вечера! Ахъ, если бъ скорѣе пришло лѣто! Но я скажу ему на ухо: не ѣзди въ Малороссію для однихъ лѣтнихъ прекрасныхъ вечеровъ; они и здѣсь, въ Москвѣ, прекрасны. Выйдешь на пространное Дѣвичье Поле; тамъ, гдѣ возвышаются гордыя стѣны Дѣвичьяго монастыря, сядешь на высокомъ берегу свѣтлаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, изображаются и зубчатыя монастырскія стѣны съ ихъ башнями, и златыя главы церквей, озаренныя заходящимъ солнцемъ, и ясное небо, на которомъ носятся блестящія облака; сядешь, и съ тихимъ, спокойнымъ чувствомъ будешь смотрѣть, какъ солнце, приближаясь къ горизонту, начнетъ блѣднѣть, мало по малу терять свой ослѣпляющій блескъ, и обратясь въ багряный, пламенный шаръ, броситъ послѣдній, умирающій взоръ на тихую рѣку, на отдаленный лѣсъ, на монастырскія стѣны, на золотыя главы церквей, и потухнетъ. А ты, мой любезной читатель,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

между тѣмъ будешь сидѣть задумавшись, мечтать, прислушиваться къ тихому гласу вечера, къ журчанію водъ, къ дыханію вѣтра, который будетъ колебать тростникъ, растущій на берегу пруда, и струить зеркальную воду; плѣнишься вечеромъ и.... забудешь о Малороссіи.

ВАДИМЪ НОВОГОРОДСКІЙ. *

Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи, къ вамъ стремлюсь душею, пѣвецъ природы, незнаемый славою. Сокройте меня, сокройте. Радости міра не прельщаютъ моего сердца; радости міра тлѣнны, быстры какъ тѣни облака, носимаго вихремъ. — Подъ кровомъ неизвѣстнымъ, на лонѣ природы, пускай расцвѣтетъ и увянетъ жизнь моя. Гордый и славный не посѣтятъ моей хижины; взоръ ихъ отвратится съ презрѣніемъ отъ скромной обители пустынника; но бѣдный и гонимый рокомъ приближатся къ ней съ тихимъ восторгомъ благодарности; но сирота забвенный благословитъ ее; но добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели, найдетъ въ ней счастіе, неизвѣстное гордымъ и славнымъ. Благословляю тебя, жилище спокойствія и свободы. Теките мирно, дни моей жизни, да грозная буря не помрачитъ васъ; будьте ясны какъ чистое небо въ красотѣ весенней; цвѣти веселіе по слѣдамъ вашимъ; ваши слѣды да не будутъ ужасны, какъ слѣды льва разъяреннаго на пескахъ пустынной Сары.

Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе, да осѣнятъ меня твои кипарисы; задумчивый мракъ ихъ да погрузитъ мою душу въ меланхолію. Здѣсь, на брегѣ рѣки, медленно ліющейся и шумящей, воздвигну тебѣ алтарь изъ дерна, и въ часы торжественнаго безмолвія природы буду мечтать о жизни, смотря на тихія волны, угасающія съ вечернимъ солнцемъ. Здѣсь моя скромная муза робко будетъ звучать на лирѣ, обвитой цвѣтами, посвященной свободѣ и добродѣтели. Здѣсь воображеніе будетъ воспламенять мою душу,

---

* Молодой авторъ этой пьесы и мой пріятель, г. Жуковскій, извѣстенъ читателямъ «Вѣстника Европы» по Греевой элегіи, имъ переведенной. — Карамзинъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и ночь въ угрюмомъ величіи непримѣтно пролетать надъ главою моею. Здѣсь радостный образъ мирнаго счастія плѣнитъ меня своимъ призракомъ, и пепелъ протекшихъ радостей оживится моими слезами сладкими, посвященными воспоминанію; и тѣни сокрытыхъ во гробѣ, услышавъ мой голосъ, ихъ призывающій, покинутъ безмолвныя жилища праха, соединятся со мною оставленнымъ, и будутъ сопутниками, друзьями души моей въ уединенномъ странствіи.

О ты, незабвенный; ты, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ увядаетъ лилія, прелестная, благовонная; гдѣ слѣды твои въ семъ мірѣ? Жизнь твоя улетѣла, какъ туманъ утренній, озлащенный сіяніемъ солнца. Ахъ! гдѣ обитаетъ безсмертная, преображенная душа твоя? Куда унесенъ ты смертію неизъяснимою? Гдѣ, гдѣ искать тебя? Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную. Руки мои не опустились еще, а тебя нѣтъ, и уже гробъ твой, безмолвный, непроницаемый, передо мною. Священная тайна провидѣнія! чье око дерзнетъ въ сію бездну? Смертный исчезаетъ во мракѣ. Ему ли вступить во святилище безконечнаго? Ему ли вопрошать неизъяснимаго? — Но горесть, сія жестокая, сія непреклонная, вырываетъ стоны изъ слабаго сердца. — Да не оскорбится милосердіе безпредѣльное: вся душа моя устремлена къ сему невозвратному, навсегда улетѣвшему счастію. Ахъ! гдѣ сіе время наслажденій мирныхъ и безмятежныхъ? Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ рука въ руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ, веселымъ спокойствіемъ?... Все исчезло! Никогда, никогда невстрѣтимся въ семъ мірѣ. О другъ мой, ты не усыплешь цвѣтами уединеннаго пути моего; твой милый голосъ не прольетъ отрады въ мою душу. Вотще потусклые взоры мои будутъ искать тебя въ минуту страшную, когда смерть повлечетъ меня ко гробу; вотще буду простирать холодную руку, чтобы въ послѣдній разъ ощутить біеніе твоего сердца: тебя не будетъ; не примешь моего вздоха, не отпустишь меня съ миромъ — ты упредилъ меня, счастливецъ. Рука утѣшительной дружбы закрыла глаза твои; рука нѣжная бла-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

гословила тебя охладѣвшаго и безчувственнаго. А я, несчастный, я разлученный съ тобою въ рѣшительный часъ сей — не слыхалъ твоихъ стоновъ, не облегчилъ боренія твоего съ смертію; не зрѣлъ, какъ посыпалась земля на безвременный гробъ твой и навѣки тебя сокрыла. Покойся, милый, священный пепелъ! Не уже ли рука провидѣнія, милосердая, благодатная, могла угасить навѣки свѣтило души прелестной? Ахъ, нѣтъ! пускай отецъ и друзья терзаются надъ гробомъ нечувствительнымъ; пускай умоляютъ его возвратить свою добычу. Тѣнь веселая и мирная, ты наслаждайся безпримѣрнымъ блаженствомъ; носись невидимо надъ нами; простирай къ намъ руки съ высотъ эѳира..... мы твои, твои несомнѣнно.

Въ сей тихой обители сокроется жизнь моя; въ сей тихой обители воздвигну памятникъ тебѣ незабвенному. Я не зрѣлъ твоей могилы; въ отдаленномъ краю осыпаетъ ее весна цвѣтами — но тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца.—Такъ, въ ея священномъ присутствіи, прахомъ твоимъ любезнымъ, драгоцѣннымъ остаткомъ милой жизни, клянусь быть другомъ добродѣтели. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя предъ собою, если порокъ услышитъ хвалу мою, и гордый возвеселится моимъ униженіемъ. Тихая муза моя непорочна, какъ сама природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она скитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя.

Тебѣ, увядшій на зарѣ прелестной, тебѣ посвящаетъ она первый звукъ своей лиры. * Тихій мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно. Задумавшись, опирается муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ.

---

* Сія трогательная дань горестной дружбы принесена авторомъ памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершаго молодаго человѣка рѣдкихъ достоинствъ. — Карамзинъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

КНИГА ПЕРВАЯ.

Оживись, пепелъ протекшаго! Тѣни героевъ и великихъ, возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитесь, явитесь при блескѣ мѣсяца въ грозномъ величіи! Дерзаю пѣть вашу славу; дерзаю сыпать цвѣты на мшистые камни могилъ вашихъ.

Осенній вечеръ ниспускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучъ катилось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучъ его. Вѣтеръ вылъ; озеро вздымалось; мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились.

На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ. На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потусклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ лунь сѣдую, на правую руку, опирающуюся на колѣно; въ лѣвой держалъ арфу; борода его и длинные волосы, всклокоченные вѣтромъ, развѣвались. Часто во взорахъ его мелькало быстрое пламя, и лицо мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лицо опять омрачалось, и взоры снова потухали—онъ ударилъ по струнамъ арфы—сильный, величественный звукъ раздался—струны затрепетали—долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе—утихли—пустынникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу, вздохнулъ опять—заигралъ и запѣлъ:

«Шумите, шумите осенніе вѣтры, чада угрюмаго Позвизда! * Обнажайтесь холмы, обнажайтесь дубравы; подымайся, листъ изсохшій, столбомъ съ долины; стелитесь, густые туманы; улети, сокройся веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое счастіе. Давно бѣлѣетъ зима на главѣ слабаго старца; давно исчезла крѣпость его мышцы, и охладѣвшая кровь не волнуется. Нѣтъ мирной тѣни подъ дубомъ, разбитымъ стрѣлою Перуна; нѣтъ жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увядшемъ какъ листъ осенній.

«Пронеслось оно—пронеслось и сокрылось мое счастіе. Слава

* Борей славянскій.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дней моихъ улетѣла, какъ дымъ, унесенный вѣтромъ. Гдѣ вы, любимцы души моей, чада мужества и брани? Разсѣяны по лицу земному, или въ могилахъ покоитесь? Ахъ, блаженны почившіе сномъ безмятежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна, какъ часъ полуночи въ долинѣ уединенной. Миръ вамъ, сыны праха.

«Но горе, горе мнѣ, страннику. Одни вѣтры пустынные, однѣ волны шумящія со мною бесѣдуютъ. Сокрылись любимцы души моей — сокрылись, какъ ясные дни лѣта. Мечъ мой и палица закоснѣли въ праздности; пыль на щитѣ моемъ и шлемѣ. Угасаю, какъ заря на западѣ, какъ уголь истлѣвающій.

«А ты, моя отчизна; ты, незабвенная и въ дикой пустынѣ и на краю гроба, куда дѣвалось твое величіе? Почто утратился блескъ твоей славы? Печаль, какъ туманъ, покрываетъ тебя своимъ мракомъ. Не вижу храбрыхъ сыновъ твоихъ: пали могущіе, или сокрылись. Иноплеменники ругаются надъ твоимъ безсиліемъ; иноплеменники терзаютъ тебя, какъ волки хищные свою добычу. Къ тебѣ, обожаемая, къ тебѣ летятъ мои вздохи. По тебѣ унываю; но кто услышитъ мои стенанія? Кто прольетъ отраду въ изсохшее сердце?

«Посреди скалъ уединенныхъ и безплодныхъ увяну въ горестномъ одиночествѣ; земля не покроетъ костей моихъ; другъ славы не посѣтитъ моей могилы. Набѣжитъ горный вѣтеръ, и прахъ мой разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ лучи вечерніе на облакахъ летящихъ!...»

Старецъ замолчалъ; звуки арфы его исчезли въ пространномъ воздухѣ — мракъ всюду царствовалъ, и озеро невидимо шумѣло. Долго, уныло задумавшись, сидѣлъ пустынникъ, и слушалъ свисты вѣтра; наконецъ всталъ и ушелъ въ хижину. Яркій огонь, пылавшій на очагѣ, освѣщалъ ея стѣны, почернѣвшія отъ дыму, и багровое сіяніе проливалось сквозь узкое окно и отверстія худой двери на мрачную зелень и кустарники, со всѣхъ сторонъ окружавшіе хижину. Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ доспѣховъ военныхъ — щита, панцыря, меча и шлема — покрытыхъ ржавчиною и паутиною, придвинулъ къ огню сосновый отрубокъ, служившій ему стуломъ, сѣлъ и началъ грѣть свои руки. Дымъ волновался какъ паръ и выходилъ въ узкое отверстіе, на срединѣ потолка оставленное. Старецъ былъ задумчивъ, мраченъ; молча-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ніе царствовало въ хижинѣ; только изрѣдка прерывалось оно шумомъ вѣтра и печальнымъ крикомъ сверчка.—Вдругъ послышался шорохъ — дверь застучала. — «Впустите странника, потерявшаго дорогу!» сказалъ голосъ. Вся внутренность старца содрогнулась: языкъ незабвенный, языкъ милой родины, поразилъ слухъ его, долго внимавшій однимъ волнамъ и вѣтрамъ. Со всею живостію молодыхъ лѣтъ, онъ бросился къ двери, оттолкнулъ ее — и незнакомый юноша, прелестный какъ Дагода, величественный какъ Свѣтовидъ, съ лукомъ въ рукѣ, съ колчаномъ за спиною, представился его взорамъ. * Изумленный, долго не могъ онъ произнести ни одного слова, и быстрыми глазами смотрѣлъ на пришельца. Позволь, добрый пустынникъ — сказалъ юноша такимъ голосомъ, отъ котораго запылала вся душа старца — позволь провести ночь въ твоей хижинѣ. Я заблудился; на дворѣ темно и холодно. «Благословляю приходъ твой, незнакомецъ; войди, согрѣйся. Никогда еще голосъ человѣка не веселилъ меня въ сей дикой пустынѣ. Давно сердце мое не трогалось разговоромъ дружелюбнымъ. Благословляю тебя, странникъ; прижмись къ моей груди.» Молодой незнакомецъ кинулся обнимать его съ такимъ живымъ, искреннимъ чувствомъ, что пустынникъ на минуту забылся— вообразилъ себя въ объятіяхъ милаго сына. «Сядь къ огню, добрый юноша, сказалъ онъ: мой ужинъ простъ и невкусенъ, постеля жестка и неспокойна; но ты усталъ и голоденъ»—и юноша, ослабивъ тетиву своего лука, и снявъ съ плечъ колчанъ, туго набитый стрѣлами, сѣлъ подлѣ очага, на которомъ блестящее пламя развѣвалось и дрова трещали. Старикъ между тѣмъ приготовилъ простой ужинъ, изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленный; разостлалъ на полу медвѣжью кожу, и сказалъ своему посѣтителю: «вотъ все, чѣмъ богата моя хижина; утоли свой голодъ и успокойся.» Незнакомецъ поблагодарилъ гостепріимнаго пустынника, насытился, пожелалъ ему доброй ночи, и бросясь на медвѣжью кожу, скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ спящимъ незнакомцемъ; душа его была въ волненіи; сладкія, долго молчавшія струны въ

* Дагода Зефиръ, Свѣтовидъ богъ свѣта и брани, которому поклонялись славяне острова Рюгена.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ней оживились. Очарованный взоръ его не могъ отвратиться отъ соннаго полубога, небрежно передъ нимъ простертаго. Сіе лицо выразительное, запечатлѣнное добродушіемъ; сей взглядъ быстрый, пылающій; темнорусые волосы, мягкіе какъ шолкъ, и кудрями по плечамъ разсыпанные; величественный станъ; высокая, бѣлая грудь; нѣжный и мужественный голосъ—все вмѣстѣ производило неизъяснимое дѣйствіе надъ сердцемъ пустынника. Темное воспоминаніе минувшаго погружало его въ тихую меланхолію; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшія радости и горести заключены были въ одномъ очаровательномъ образѣ, въ образѣ незнакомца, который такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; сердце его трепетало и слезы градомъ катились. Время быстро и непримѣтно мчалось. Огонь на очагѣ погасъ, мерцали одни уголья, и блѣднымъ, трепещущимъ блистаніемъ озаряли мрачную хижинку—то гасли, то опять оживлялись—наконецъ все исчезло; глубокая тьма и безмолвіе воцарились, и погруженный въ мысли старецъ ничего не чувствовалъ: душа его летала надъ безднами протекшаго. Вдругъ мелькнула заря: онъ опомнился, осмотрѣлся — незнакомецъ еще спалъ, но утро уже цвѣло на восточномъ небѣ и ночь стремилась къ западу.

Онъ вышелъ изъ хижины — все блистало, все было великолѣпно. Не осталось ни одного слѣда ночной непогоды. Утихшее озеро алѣло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою и къ ней прикасался. На востокѣ парило солнце; голубые, отдаленные лѣса, возвышаясь одинъ надъ другимъ, подобно огромному, необозримому амфитеатру, были покрыты свѣтлымъ, прозрачнымъ туманомъ.

Съ мирною, обновленною душою стоялъ пустынникъ на утесѣ, и безмолвно восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Изумленный, растроганный, онъ долго искалъ причины сей непонятной радости, которая такъ быстро пролилась въ его сердце—искалъ напрасно. Сей незнакомый, величественный странникъ своимъ явленіемъ очаровалъ всѣ предметы, передъ нимъ разсѣянные; чувство новаго, сильнаго бытія пробудилось въ немъ и пылало.

Наконецъ отворилась дверь хижины—полубогъ явился, ожив-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ленный, украшенный мирнымъ спокойствіемъ. Юношеское пламя играло на щекахъ его; смятые, густые волосы вились и развивались; на быстрыхъ глазахъ мелькали еще легкіе оттѣнки сна... Онъ подошелъ къ пустыннику съ онымъ яснымъ плѣняющимъ взоромъ, который потрясаетъ сердце, и подалъ ему руку. Они обнялися; пожелали другъ другу пріятнаго утра. «Сонъ твой былъ сладокъ и спокоенъ, молодой незнакомецъ,» сказалъ пустынникъ: «живость и свѣжесть блистаютъ на лицѣ твоемъ. Я внутренно веселился, когда ты спалъ такъ тихо и безпечно. Печаль и заботы неизвѣстны твоему сердцу. Завидная участь! А я, пустынный обитатель утесовъ, я въ первый разъ еще вижу красное утро въ семъ безмолвномъ уединеніи. Семь лѣтъ, продолжительныхъ и мрачныхъ, сокрылись, не оставивъ ни одного слѣда радости въ душѣ моей. Приходъ твой, странникъ, оживилъ ее, какъ лучъ весенній изсохшее дерево. Давно, давно я не былъ такъ счастливъ, такъ веселъ.»

Юноша, который совсѣмъ уже изготовился въ путь, опершись на лукъ свой, пристально смотрѣлъ на старца, и нѣжное состраданіе въ глазахъ его блистало. Ты ошибся, пустынникъ, сказалъ онъ: и мнѣ достался мой удѣлъ печали; молодость не защитила меня отъ горя; пасмурно утро моей жизни. Такъ же, какъ и ты, скрываюсь въ пустынѣ; какъ и ты, оставленъ я міромъ. Уединенный гробъ отца, изгнанника, убитаго печалью, составляетъ все мое богатство. Не зови меня счастливцемъ; не завидуй моему щастію....

«Но кто ты, неизъяснимый?» Воскликнулъ пустынникъ съ видимымъ безпокойствомъ.—Я — Вадимъ...

«Вадимъ? О Перунъ!... Вадимъ!» — Развѣ ты меня знаешь? «Мнѣ не знать тебя? Сердце мое не обманулось—не обманулось!» повторялъ старецъ, прижимая ко груди молодаго человѣка и смотря ему въ глаза съ восторгомъ: «теперь понимаю, отчего такая радость, такое волненіе въ душѣ моей; отчего во всю ночь глаза мои не смыкались. Ты, несчастный, ты въ моей хижинѣ, въ моихъ объятіяхъ. Но знаешь ли, кто передъ тобою? Знаешь ли, кто далъ тебѣ пристанище, кто утолилъ твой голодъ, тебя успокоилъ?... Гостомыслъ!»

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вадимъ содрогнулся. «Ты Гостомыслъ!» воскликнулъ онъ, упавъ на колѣна. «Ты Гостомыслъ!» повторилъ онъ, рыдая и прижавъ лицо къ ногамъ пустынника: «о жребій человѣческій!»

Нѣсколько минутъ продолжилось унылое молчаніе. Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осыпалъ поцѣлуями лицо его. «Такъ, юноша!» говорилъ онъ: «Гостомыслъ передъ тобою! Славянскій вождь, убогій, оставленный, покрытый рубищемъ, передъ тобою! Обними меня, обними, какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствіе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину, когда устремилъ на меня взоры. Ахъ! мнѣ казалось, что самъ Радегастъ, товарищъ моей славы, отецъ твой, со всѣмъ очарованіемъ юныхъ лѣтъ и красоты цвѣтущей, стоялъ передо мною. Мечта не обманула меня. Это Вадимъ — живой, украшенный образъ героя, любимца души моей.»

Вадимъ, безмолвный и горестный, мрачными глазами смотрѣлъ на пустынника. Сердце его разрывалось. Образъ сего человѣка, пораженнаго рокомъ, но величественнаго на самыхъ развалинахъ величія, приводилъ его въ трепетъ. «Ты Гостомыслъ,» повторялъ онъ: «ты другъ отца моего? Въ сей пустынѣ, въ семъ бѣдномъ рубищѣ?» И слезы его катились градомъ, и пламенныя уста невольно прижимались къ рукѣ старца.... «Успокойся, Вадимъ; успокойся, сынъ мой! Тебѣ ли проливать слезы? Меня ли оплакивать? Вадимъ, пощади Гостомысла! Твое сожалѣніе да не оскорбитъ его! Кто выше бѣдъ и несчастій, тотъ можетъ ли быть жалокъ? Скажи, что̀ ужаснетъ мою душу въ сей дикой пустынѣ, гдѣ узы ея всѣ разорваны и гдѣ самая слава для нея не существуетъ? О сынъ мой, уже нѣтъ будущаго въ моей жизни: оно исчезло; желанія, надежды не волнуютъ моего сердца—но память протекшаго для меня священна; ему иногда посвящаю горестные вздохи. Погибшая слава, отчизна горестная, и вы, сокрывшіеся друзья мои, по васъ унываю, по васъ льются мои слезы и по васъ терзаюсь сердцемъ. Но дамъ ли пасть моему духу? Погибнетъ ли мое мужество? Нѣтъ, Вадимъ; нѣтъ, другъ мой; среди утесовъ я свободенъ; среди утесовъ не знаю властелина. Кто дерзнетъ пожалѣть о судьбѣ моей?»

Священный ужасъ таился въ груди Вадима и взоръ его непо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

движно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Гостомыслъ, подъ рубищемъ пустынника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ.

«Сядемъ, продолжалъ старецъ, сядемъ на сей гранитный отломокъ. Утро ясно и тихо: посвятимъ его сладкимъ воспоминаніямъ. Вадимъ, говори мнѣ объ отцѣ твоемъ.... Гдѣ покоится прахъ великаго Радегаста? Въ какой странѣ потухла жизнь его, славная и несчастная? Какимъ случаемъ заведенъ ты въ сію пустыню?»

— Ахъ! сказалъ Вадимъ, устремивъ задумчивый взоръ на южный берегъ Ладожскаго озера: давно покрыты землею кости отца моего. Тихая могила Радегаста заросла травою и скрыта отъ взоровъ человѣческихъ. Тамъ, на сей высокой горѣ, окруженной соснами, опѣняемой шумящимъ озеромъ, жилъ и угасъ старецъ, изгнанникъ, герой славянскій. Мраченъ и печаленъ былъ вечеръ его жизни. Съ веселымъ сердцемъ онъ встрѣтилъ кончину...

«Благословляю тебя, могила моего друга!» воскликнулъ Гостомыслъ, поднявшись съ гранита и простерши руки въ ту сторону, гдѣ находился гробъ Радегастовъ. Быстрый, чувствительный Вадимъ бросился на колѣна, и слезы его на прахъ покатились. Пролетѣла минута священной горести. Пустынникъ прижалъ ко груди пылкаго юношу; они сѣли опять на камень, и Вадимъ продолжалъ:

Тамъ гніетъ опустѣвшая хижина Радегастова. Старецъ, лишенный отчизны, лишенный силъ тѣлесныхъ и наконецъ зрѣнія, совершалъ путь свой, не слабѣя духомъ. Протекли пять лѣтъ, и ни одна жалоба не вырвалась изъ души его. Три года тому, какъ земля приняла въ свое лоно сего странника, бѣдами не побѣжденнаго.... Рука моя закрыла померкшіе глаза Радегаста; рука моя украсила дерномъ священную его могилу.... Мирный сонъ безмолвному праху! — Вадимъ умолкъ, снова отеръ слезы, блеснувшія на щекахъ его, и потомъ продолжалъ:

Будучи двѣнадцатилѣтнимъ младенцемъ, я скрылся въ пустыню съ отцомъ моимъ. Тамъ, гдѣ шумящій Волховъ съ пѣною ввергается въ озеро и въ немъ исчезаетъ, на крутой горѣ, во мракѣ сосенъ, построили мы хижину. Съ трудомъ питала насъ рыб-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ная ловля. Радегастовъ мечъ, нѣкогда врагамъ ужасный, рубилъ дрова; на щитѣ раскладывали огонь, а въ шлемѣ варили пищу; время текло, и силы мои развивались. Я стрѣлялъ изъ лука, прежде въ цѣль, потомъ въ птицъ, а наконецъ мои стрѣлы, мѣткою, сильною рукою пускаемыя, сдѣлались гибельны для звѣрей свирѣпыхъ. Рѣдко безъ добычи возвращался я къ отцу моему слабому, отягченному болѣзнію и лѣтами.

Онъ угасалъ непримѣтно, угасалъ, какъ ясный вечеръ на тихомъ небѣ угасаетъ. Наконецъ глаза его померкли. Я пересталъ удаляться отъ хижины, покинулъ свой лукъ и стрѣлы, оставилъ охоту и посвятилъ все время свое немощному старцу. Примѣръ человѣка, непоколебимаго и твердаго среди волненій жизни; слова его, убѣдительныя и сильныя, образовали мое сердце: я трепеталъ и хватался за мечъ, когда отецъ мой со всею живостію пылкаго юноши говорилъ о славѣ, о подвигахъ славянъ храбрыхъ; изображалъ ихъ великодушіе, ихъ вѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ обѣтамъ и клятвамъ. Душа моя пламенѣла; въ восторгѣ я падалъ къ ногамъ Радегаста, и орошалъ ихъ кипящими слезами.... О, если бы ты могъ видѣть слѣпаго воина, простирающаго руки къ шумящему Волхову, благословляющаго ту землю, изъ которой изгнали его неблагодарные.

Часто, согрѣтый, оживленный лучами солнца, онъ леталъ мыслію въ протекшее; думалъ о тебѣ, Гостомыслъ, и восхищалъ мою душу плѣнительнымъ изображеніемъ твоихъ доблестей. Я боготворилъ тебя въ пустынѣ. Образъ великаго вождя славянъ соединялся въ моемъ сердцѣ со всѣми совершенствами человѣка. Воображая Гостомысла, я воображалъ Перуна въ его могуществѣ и блескѣ.

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди пустынника. Лицо его измѣнилось и взоры, печально устремленные въ землю, померкли. Вадимъ продолжалъ:

Время текло, дни исчезали. Радегастъ сокрылся изъ моихъ объятій. Далеко отъ взоровъ человѣческихъ цвѣтетъ его могила. Мракъ и спокойствіе надъ нею; сонъ почившаго безмятеженъ.

Долго въ тоскѣ сердечной я плакалъ надъ мирнымъ гробомъ. Глыба земли, покрывшая нечувствительной пепелъ, казалась мнѣ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

оживленною: вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижины меня ужасала, безмолвіе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разстаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носилась надо мною; таинственное молчаніе ночи возвѣщало ея присутствіе. Въ шорохѣ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающій сердце: воображеніе оживляло передо мною всѣ предметы.

Прошелъ годъ, прошелъ другой: ничто не возмутило моей пустынной жизни. Мой лукъ и стрѣлы ужасали звѣрей; опасности меня веселили. Превозмогать трудности, взбираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ, почиталъ я великою славою, и симъ ограничивалъ свое честолюбіе. Сердце мое было спокойно; я не думалъ, чтобы сіе спокойствіе когда нибудь могло исчезнуть — оно исчезло. Настала весна; природа обновилась, а я увялъ, Скука, жестокая, несносная, мною овладѣла. Безпокойныя желанія во мнѣ пробудились. Я хотѣлъ дѣйствовать, но прежняя дѣятельность казалась мнѣ слишкомъ слабою, единообразною. Слава отца моего, слава героевъ славянскихъ явилась предо мною во всемъ величіи. Сей образъ очаровалъ мою душу. Все для меня исчезло. Вездѣ я видѣлъ воиновъ, вездѣ встрѣчалъ побѣдителей. Гонимый воображеніемъ, я бѣгалъ изъ лѣса въ лѣсъ, по скаламъ, по долинамъ, безъ всякой цѣли, только для того, чтобы не сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Вчера едва озарилось небо утреннимъ свѣтомъ, я вышелъ изъ хижины съ лукомъ и стрѣлами. Гдѣ я бродилъ и какъ здѣсь очутился, не знаю. Мрачная, бурная ночь застала меня среди утесовъ. Звуки арфы поразили слухъ мой — я опомнился, оглянулся, увидѣлъ огонь, хижину, жилище человѣка... Сердце мое затрепетало, кровь запылала... я бѣжалъ, летѣлъ... О Перунъ, Гостомыслъ обиталъ въ сей хижинѣ!

Мечты мои были прелестны, восхитительны. Я воображалъ себя гражданиномъ великаго Новаграда, воиномъ, побѣдителемъ, видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста; видѣлъ вѣнцы, летящіе къ ногамъ его сына; славу, благо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

денствіе могущаго народа — ужасъ враговъ его.... Ты плачешь, Гостомыслъ?»

1808

—

ПИСЬМО ИЗЪ УѢЗДА

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію журналиста. Наши провинціалы обрадовались, когда услышали отъ меня, что ты готовишься быть издателемъ Вѣстника Европы; всѣ предсказываютъ тебѣ успѣхъ; одинъ угрюмый, молчаливый Стародумъ качаетъ головою и говоритъ: молодой человѣкъ, молодой человѣкъ; подумалъ ли за какое дѣло берется; шутка ли выдавать журналъ.

Ты знаешь Стародума—чудакъ, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются; онъ никогда не споритъ, никогда не вмѣшивается въ общій разговоръ, но слушаетъ и замѣчаетъ; говоритъ мало и отрывисто, когда матерія для него непривлекательна; краснорѣчиво и съ жаромъ, когда находитъ въ ней пріятность.

Вчера Стародумъ и нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей провели у меня вечеръ, ужинали, пили за твое здоровье, за столомъ разсуждали о Вѣстникѣ и журналахъ, шумѣли, спорили; Стародумъ по обыкновенію своему сидѣлъ спокойно, на всѣ вопросы отвѣчалъ: да, нѣтъ, кажется, можетъ быть. Наконецъ спорщики унялись; разговоръ сдѣлался порядочнѣе и тише; тутъ оживился безмолвный геній моего Стародума: онъ началъ говорить—сильно и съ живостію; литература его любимая матерія. Мало по малу всѣ замолчали, слушали; я не проронилъ ни одного слова, и записалъ для тебя, что слышалъ.

«Друзья мои — говорилъ Стародумъ—желаю искренно пріятелю нашему успѣховъ; не хочу ихъ предсказывать, опасаясь прослыть худымъ пророкомъ, но буду радоваться имъ отъ добраго

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сердца; люблю словесность и русскую особенно: въ этомъ случаѣ не стыжусь пристрастія. Всякая хорошая русская книга есть для меня сокровище. Я подписывался и буду подписываться на всѣ русскіе журналы. Нѣкоторые читаю, другіе просматриваю, а на другіе только смотрю, поставляя излишнимъ искать въ нихъ хорошаго содержанія. До сихъ поръ Вѣстникъ Европы, скажу искренно, былъ моимъ любимымъ русскимъ журналомъ; что будетъ впередъ, не знаю: помоги Богъ нашему общему пріятелю.

«Русскіе— говорю только о тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно должны ограничить себя одною отечественною литературою—любятъ читать; но если судить по выбору чтенія и тѣмъ книгамъ, которыя, предпочтительно предъ другими, печатаются въ нашихъ типографіяхъ, читаютъ единственно для разсѣянія; подумаешь, что книгою обороняются отъ нападеній скуки. Раскройте Московскія вѣдомости! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ, и прочее и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство.

«Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой: занятіе безъ вниманія, пустая пища для ума, нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ забвеніи самого себя, безъ скуки и дѣятельности, совершенно потерянныхъ для будущаго. То ли называется, государи мои, чтеніемъ? Нѣтъ, такая привычка занимать разсудокъ пустыми бездѣлками болѣе мѣшаетъ, нежели способствуетъ образованію—и удивительно ли, что романы въ такой у насъ модѣ? Покуда чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока не будемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, и романы—самые нелѣпые—будутъ стоять на первой полкѣ въ библіотекѣ русскаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи; пускай

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми—и то и другое равно необходимы; въ обществѣ мертвыхъ друзей становишься достойнѣе живыхъ—то и другое требуютъ строгаго выбора. Каждый день нѣсколько часовъ посвяти уединенной бесѣдѣ съ книгою и самимъ собою; читать не есть забываться, не есть избавлять себя отъ тяжкаго времени, но въ тишинѣ и на свободѣ пользоваться благороднѣйшею частію существа своего—мыслію; въ сіи торжественныя минуты уединенія и умственной дѣятельности ты возвышаешься духомъ, разсудокъ твой озаряется, сердце пріобрѣтаетъ свободу, благородство и смѣлость; самыя горести въ немъ утихаютъ. Читать съ такою цѣлію—дѣйствовать въ уединеніи съ самимъ собою для того, чтобы научить себя дѣйствовать въ обществѣ съ другими, есть совершенствоваться, стремиться къ тому высокому предмету который назначенъ для тебя творцомъ, часъ отъ часу болѣе привязываться ко всему доброму и прекрасному. О, друзья мои, какъ далеко отъ такой благородной дѣятельности духа сіе ничтожное, унизительное разсѣяніе, которое обыкновенно мы называемъ чтеніемъ книгъ.

«Дѣло идетъ о журналахъ. Въ Россіи — при такой сильной охотѣ читать и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія—хорошій журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія. Обязанность журналиста—подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны: къ его услугамъ богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе—разборчивость. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостію, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами: иногда разсуждая какъ моралистъ или метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностію, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ и, можетъ быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе со-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

зданіями поэзіи, прелестію стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства. Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство, и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи міра; листы его, такъ сказать, соединяютъ читателя со всѣми отдаленными и близкими краями земли: съ одной стороны открываютъ передъ глазами его сцену кровопролитія, съ другой сцену благоденствія и мира; знакомятъ его съ великими характерами, которыхъ вліяніе, благотворное или гибельное, слишкомъ замѣтно въ системѣ разнообразныхъ произшествій; даютъ понятія о новыхъ открытіяхъ человѣческаго ума, дѣйствующихъ на благо общества, къ извѣстнымъ способамъ пользоваться жизнію прибавляющихъ новые, или болѣе совершенствующихъ старые. Критика—но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства; а мы еще не Крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ. А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ геніямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ. Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики. Однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую молодому пріятелю нашему вооружаться бичемъ Аристарха, хотя не запрещаю иногда обращать вниманіе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя—и потому самому рѣдкія—явленія словесности; довольно дѣла и безъ критики: пускай знакомитъ русскаго читателя съ предметами, достойными его ума; питаетъ живое, раздраженное, нетерпѣливое любопытство его новымъ, привлекательнымъ и небезполезнымъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Конечно пріятно было бы въ русскомъ журналѣ находить одно русское, собственное, не занятое; но можно ли этого требовать? Самый обширный умъ долженъ ограничить себя нѣкоторымъ только числомъ предметовъ, а первое достоинство журнала разнообразіе; какъ же хотѣть, чтобы журналистъ умѣлъ говорить обо всемъ и съ одинаковою пріятностію? Довольно, если онъ будетъ говорить о чемъ умѣетъ и такъ, какъ должно; словомъ, позволимъ ему, когда не имѣетъ своего, занимать насъ чужимъ; позволимъ собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ, не будемъ вмѣшиваться въ выборъ; единственное требованіе наше: удовольствія, удовольствія, занятія благороднаго и не пустаго. Таковы обязанности журналиста—исполнитъ ли ихъ нашъ молодой пріятель, незнаю; согласенъ надѣяться хорошаго, а не худаго; Богъ милостивъ! Желалъ бы, для чести журнала и собственно для себя, находить въ его листахъ произведенія нашихъ лучшихъ писателей, которыхъ стихи и проза такъ часто утѣшали меня въ моей пустынѣ, трогали, веселили, успокоивали мою душу: напримѣръ, и я и всякій истинно русскій были бы конечно рады, когда бы какому нибудь доброму человѣку пришла счастливая мысль подслушать, записать и напечатать въ Вѣстникѣ нѣкоторые монологи старика Силы Андреевича Богатырева, котораго теперь надобно искать не на Красномъ Крыльцѣ, а вѣрно въ какомъ нибудь уединеніи, гдѣ въ нѣдрѣ семейства, довольный самимъ собою, наслаждается онъ яснымъ вечеромъ жизни, работаетъ въ саду, разсказываетъ дѣтямъ о прежнихъ своихъ подвигахъ, учитъ ихъ добру и привязанности къ землѣ русской, и часто, можетъ быть, покоясь одинъ подъ древнимъ прародительскимъ дубомъ, разговариваетъ въ самимъ собою о томъ и о другомъ.... Но, виноватъ! я отклонился отъ матеріи; люблю мечтать; на старости лѣтъ бываю иногда ребенкомъ.

«Обращаюсь къ журналамъ. Скажу опять: ожидаю великой пользы отъ хорошаго журнала въ Россіи! Произведенія философіи требуютъ особенной зрѣлости въ читателяхъ; одинъ любопытный, жадный, привыкшій къ дѣятельности умъ ищетъ удовольствія въ бесѣдѣ съ важною мыслію мудреца; творенія поэта цѣнимы однимъ образованнымъ вкусомъ; иногда великій духъ, опередившій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

своихъ современниковъ, блистаетъ въ толпѣ ихъ невидимо, и блескъ его замѣчается однимъ потомствомъ. Безъ нѣкоторой особенной готовности, безъ нѣкотораго пріобрѣтеннаго навыка размышлять и плѣняться изящнымъ, не можемъ пользоваться дарами ума и искусства—въ такомъ случаѣ хорошій журналъ можетъ служить приготовленіемъ. Нерѣдко полезная книга или совсѣмъ или очень долго не выходитъ изъ лавки книгопродавца: ея не читаютъ потому, что не ищутъ; она дѣйствуетъ исподоволь, на нѣкоторыхъ частныхъ людей, и очень медленно; напротивъ, хорошій журналъ дѣйствуетъ вдругъ и на многихъ, однимъ ударомъ приводитъ тысячи головъ въ движеніе. Прочесть толстую книгу отъ доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей и такъ, чтобы закрывъ ее, можно было дать самому себѣ отчетъ, какою дорогою дошелъ до послѣдней мысли писатель, есть важный подвигъ, на который, по мнѣнію моему, не всякій, привыкшій къ легкимъ или пріятнымъ трудамъ, способенъ рѣшиться. Сочиненія, обыкновенно помѣщаемыя въ журналахъ, не требуютъ такой утомительной работы вниманія; они вообще кратки, привлекательны своею формою; трудишься не чувствуя труда, слѣдуешь за авторомъ безъ всякой усталости, не замѣчая неволи, съ пріятностью, потому что видишь вблизи конецъ своего поприща; такія легкія, часто возобновляемыя усилія открываютъ дорогу къ труднѣйшимъ и болѣе продолжительнымъ: умъ въ движеніи, любопытство возбуждено, воображеніе и чувства пылаютъ. И такъ существенная польза журнала—не говоря уже о пріятности минутнаго занятія—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса, и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлію, съ выборомъ, для пользы. А слѣдствія такого чтенія? Какія счастливыя, какія благодѣтельныя.

«Я старъ, друзья мои; въ виду у меня одна могила; но, будучи прохлажденъ въ моихъ чувствахъ и почти равнодушенъ къ жизни, я еще не охладѣлъ къ добру, и часто юношескія мечты о будущемъ животворятъ увядшее мое сердце. Возможное, близкое благоденствіе отечества моего меня трогаетъ; охота читать кни-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ги—очищенная, образованная — сдѣлается общею; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о счастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы. Что есть просвѣщеніе? Искусство жить, искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука промысла; въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастіе. Вообразите жъ такое просвѣщеніе общимъ—и назову ли его мечтою, рано или поздно оно будетъ — вообразите вокругъ себя людей довольныхъ, благодаря убѣжденію просвѣщеннаго ума, тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ провидѣнія. Съ успѣхами образованности, состоянія должны придти въ равновѣсіе: земледѣлецъ, купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, каждый равно дѣятельный въ своемъ особенномъ кругѣ, и въ сей дѣятельности заключившій свое счастіе, равно увѣренный въ частныхъ преимуществахъ своего особеннаго званія, для котораго онъ приготовленъ, взирающій завистливымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него несвойственно, сравняются между собою въ стремленіи къ одному и тому же предмету, въ стремленіи образовать, украсить, приблизить къ творческой свою человѣческую натуру. Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизнію соединятъ чертоги и хижину. Взглянувъ на первые, будете говорить: тамъ средства находить счастіе разнообразнѣе и тонѣе; взглянувъ на послѣднюю, скажете: здѣсь средства находить счастіе простѣе и легче; но тамъ и здѣсь живутъ съ одинакою цѣлію. Человѣкъ непросвѣщенный, человѣкъ непонимающій достоинства жизни, незнакомъ самому себѣ; одни обстоятельства даютъ ему счастіе; оно зависитъ отъ вѣтренаго мнѣнія людей, не можетъ существовать безъ свидѣтелей; онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы опереться на одномъ себѣ—просвѣщеніе уничтожаетъ сей обманъ: оно показываетъ человѣку, что самъ онъ всего выше, всего привлекательнѣе въ семъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, представляющихся ему въ жизни. Просвѣщеніе стѣсняетъ сильныя, непорочныя связи, но разрываетъ слабыя или низкія: тогда увидите людей менѣе разсѣянныхъ въ шумномъ, обширномъ кругѣ свѣта, всему предпочитающихъ мирный и тѣсный кругъ семейства; въ семействахъ будетъ заключено сладкое счастіе,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязано сердце, что радуетъ, возвеличиваетъ душу; понятія о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ приличій, но радостнымъ, нераздѣлимымъ товариществомъ на пути къ счастію, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства; жилище двухъ супруговъ не будетъ мѣстомъ стеченія празднолюбцевъ, но мирнымъ святилищемъ невидимаго счастія, гдѣ обитаетъ невинность, куда летитъ дружба, гдѣ благодарностію хранится любовь, гдѣ часто восхищенный супругъ, простертый у ногъ своей супруги, глубокимъ, безмолвнымъ чувствомъ благодаритъ ее за тѣ радости, за то очарованіе, которыя разливаются окрестъ ея присутствія. Воспитанію — высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, сближающей его съ творцомъ, который и счастіемъ и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ—воспитанію возвратятся отнятыя права; любовь матери не будетъ однимъ врожденнымъ, непобѣдимымъ чувствомъ, но дѣятельностію просвѣщенною, основанною на правилахъ, дѣятельностію, имѣющею предметъ великій — образованіе совершеннаго. Молодая женщина, привязанная къ своему званію, не будетъ легкомысленныхъ забавъ предпочитать материнскимъ заботамъ, перемѣнчивыхъ удовольствій разсѣянности постоянному счастію семейственной жизни; равнодушный наемникъ не займетъ ея мѣста; несчастіе отказаться отъ лучшихъ наслажденій человѣческихъ, наслажденій отца или матери, не будетъ покупаемо цѣною золота... Но, друзья мои, замѣчаю, что я нечувствительно очутился на треножникѣ Пиѳіи; старость еще не прохладила моей головы—на краю гроба предсказываю золотой вѣкъ.»

Глаза добраго Стародума сверкали; я забылъ объ его сѣдинахъ, видѣлъ передъ собою пылкаго молодаго человѣка, плѣняемаго всѣми пріятными призраками надежды и воображенія, и съ чувствомъ пожималъ его руку.

«Мой другъ — сказалъ онъ мнѣ съ любезнымъ простосердечіемъ— пожелай отъ меня счастія общему нашему пріятелю. Онъ посвятилъ себя такому званію, которое уважаю. Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, умѣть ихъ изображать, стремить-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ся къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ — вотъ благородное назначеніе писателя. Счастливъ, когда провидѣніе, наградивши его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое, чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Скажи молодому пріятелю нашему о томъ, что̀ слышалъ отъ меня: онъ вѣрно уважитъ совѣты старика, въ глазахъ котораго ни лѣта, ни опытность не обезобразили міра, который при концѣ своихъ дней еще съ наслажденіемъ смотритъ на оставляемую имъ землю, и съ радостнымъ чувствомъ, съ волненіемъ участія слѣдитъ глазами за пылкимъ юношею, который—воспаленный духомъ, влекомый надеждою, наполненный желаніемъ дѣйствовать для собственнаго и чужаго добра—смѣло бросается въ открытое, для него еще новое и можетъ быть опасное поприще.

«Нашъ другъ, посвящая себя трудамъ писателя, долженъ забыть пріятную разсѣянность большаго свѣтскаго круга: желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ автора. И можно ли съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностію ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтѣ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое. Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, сбирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества. Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію.

«Но можно ли—ты скажешь—совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ однѣми безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастіе? Кто жъ награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава его, когда не въ обществѣ? Мой другъ, я не хочу запереть пріятеля нашего въ келію, но говорю

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способнѣе другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые—быть можетъ въ разныхъ сторонахъ земли—живутъ, думаютъ, дѣйствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и распространять добро; ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки. Имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты могъ бы исполнить всѣ лучшія мечты, озаряющія твою душу въ часы уединеннаго размышленія; симъ сладостнымъ ожиданіемъ разсѣявай скуку временнаго одиночества; воображая, что дѣйствуешь въ глазахъ избраннаго, достойнаго любви, привязаннаго къ тебѣ сердцемъ существа, которое слѣдуетъ за тобою взоромъ, понимаетъ тебя, съ тобою раздѣляетъ надежды, живетъ, образуется твоими мыслями, которое нѣкогда за все наградитъ тебя счастіемъ, ты будешь дѣйствовать съ успѣхомъ, наслажденіемъ, неутомимо; ничто неблагородное не коснется твоей души; перо твое изобразитъ однѣ высокія мысли, достойныя современниковъ, которыя не умрутъ и для потомства.... Однимъ словомъ, мой другъ, скажи пріятелю нашему, чтобы онъ опасался разсѣянія чрезмѣрнаго. Я сказалъ, гдѣ онъ можетъ искать отдыха, ободренія, образованія и награды.

«А слава?... Но что такое слава? Одобреніе всеобщее, тихій приговоръ немногихъ, который съ покорностію повторяетъ безчисленная толпа вслухъ; вдали она привлекательна, вблизи ничтожна. Удались отъ того театра, на которомъ она раздается безъ выбора, когда не хочешь, чтобы животворящая мечта о ней исчезла. Непристрастная, заслуженная похвала избранныхъ, которыхъ великое мнѣніе управляетъ общимъ и можетъ его замѣнить, вотъ слава истинная, продолжительная, достойная исканія. И можно ли предпочесть ей минутные успѣхи, получаемые въ толпѣ, которой рукоплесканія повинуются незапному побужденію? Разбери до-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стоинство снхъ случайныхъ похвалъ: одинъ хвалитъ изъ дружбы, другой изъ жалости, третій изъ противорѣчія, четвертый въ надеждѣ подкупить, пятый отъ равнодушія: для него все равно, хвалить или не хвалить, что скажется прежде, что прежде услышитъ отъ другихъ; шестой изъ зависти, желая оскорбить или унизить соперника; многіе ли потому, что истинно любятъ прекрасное и радуются, когда его замѣчаютъ? Скажи жъ, достойны ли уваженія такія похвалы? Не должно ли съ презирающимъ чувствомъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ претендентовъ безсмертія, которые сумму такихъ похвалъ называютъ славою, которые заботятся, употребляютъ хитрости, разсыпаютъ ласкательства— для чего? Для того, чтобы изъ милости имъ бросили принадлежащее по праву, на колѣнахъ требуютъ вѣнка. Нѣтъ, мой другъ, кто неспособенъ опереться на благородное чувство собственнаго достоинства, кому не довольно утѣшительной хвалы немногихъ, но просвѣщенныхъ судей, необходимой потому, что человѣческая слабость требуетъ подпоры; кто сими двумя щитами не можетъ отразить оскорбленій зависти и клеветы, для кого все равно производить хорошее или худое, лишь бы похитить успѣхъ, тотъ долженъ отказаться отъ мнимыхъ своихъ правъ на славу. Онъ будетъ торжествовать, благодаря невѣжеству и легкомыслію, но торжество его не оставитъ и признака слѣдовъ; никогда не достигнетъ онъ благородной цѣли писателя—пользы, распространенія идей, благодѣтельныхъ для человѣчества, наслажденій, совершенствующихъ душу.

«Еще одно слово, другъ мой, и замолчу. Пріятель нашъ, когда не ошибаюсь, согласенъ со мною въ понятіяхъ о славѣ; надѣюсь, что онъ не унизитъ себя исканіемъ награды недостойной; но можетъ быть и другія награды похититъ у него судьба, но можетъ быть назначено ему ограничить себя однимъ собою, и будущее не озарено для него никакимъ счастливымъ, никакимъ подкрѣпляющимъ ожиданіемъ: тогда, мой другъ [и если я отгадалъ, то сожалѣю о немъ во глубинѣ души; желалъ бы подать ему руку, но хилая, трепещущая рука старца не можетъ служить подпорою: не долго пробуду на землѣ, и дружба наша была бы однимъ печальнымъ приготовленіемъ къ разлукѣ], тогда пусть ищетъ замѣны

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ собственной дѣятельности; въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовію къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ человѣкъ, совершенствуя свою натуру, какъ гражданинъ, трудясь съ намѣреніемъ [иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ] приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій. Мечта потомства—можетъ ли она служить прибѣжищемъ при недостаткѣ наградъ ближайшихъ и болѣе драгоцѣнныхъ, не знаю!—мечта потомства пускай, хотя въ отдаленіи, предъ нимъ блистаетъ. По крайней мѣрѣ—говорю убѣжденный моимъ сердцемъ—въ минуту прекращенія бытія, тогда, когда ничего кромѣ прискорбія о прошедшемъ не остается для человѣка, когда онъ чувствуетъ, что всему конецъ, но силится еще удержать летящую жизнь, мечта потомства должна быть прибѣжищемъ утѣшительнымъ: она воспламеняетъ угасающую душу его, удаливъ отъ нея страшную мысль небытія, и въ мірѣ, который онъ покидаетъ, представляя очамъ его негробъ—печальный признакъ его ничтожества, но памятникъ—неизгладимый слѣдъ его жизни. Въ минуту рѣшительной борьбы онъ полонъ надеждою на прошедшее, какъ нѣкогда надеждою на будущее: одна неприметно смѣняетъ другую, и нечувствительно забывшись, еще наслаждаясь нѣкоторымъ образомъ жизнію, которая вся заключена для него въ однихъ воспоминаніяхъ, имъ оставляемыхъ, съ отрадою переходитъ онъ въ усыпительныя объятія смерти.»

Стародумъ пересталъ говорить; я не отвѣчалъ ни слова, и могъ ли отвѣчать? Мы разстались. Еще растроганный его краснорѣчіемъ, я сѣлъ писать къ тебѣ письмо, и даю обѣщаніе самому себѣ, всякій разъ, когда невольная унылость во мнѣ поселится, когда почувствую нужду въ подпорѣ, идти къ Стародуму: душа старика еще пылаетъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ТРИ СЕСТРЫ.

ВИДѢНІЕ МИНВАНЫ.

Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть.

Нынѣ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ; я гуляла по берегу рѣки; пріятное, меланхолическое воспоминаніе о прошедшемъ наполняло мою душу—тогда была я счастлива, я счастлива и теперь, и въ будущемъ предчувствую одно счастіе. Прошедшее, настоящее и будущее сливалися для меня въ одно сладостное чувство.

Солнце спокойно склонялось къ голубымъ холмамъ; вечерніе лучи его золотили поверхность озера; мелкіе острова, на немъ разсѣянные, будучи осыпаны розовымъ блескомъ запада, казались воспламененными и прозрачными. Вечерній вѣтерокъ разливалъ прохладу: все успокоивалось; стада бѣжали съ полей, пастушій рогъ вторилъ отдаленному соловью, и пѣсня рыбака, который плылъ одинъ на маленькой лодкѣ посреди озера, неслась ко мнѣ по гладкой поверхности водъ.

Я шла задумавшись— нечувствительно очутилась у зеленой дубовой рощи, растущей на полугорѣ, и вдругъ вижу передъ собою трехъ молодыхъ дѣвушекъ, совершенно сходныхъ лицомъ, прекрасныхъ, цвѣтущихъ какъ майскій день. Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кипарисомъ; другая лежала небрежно на травѣ подъ розовымъ кустомъ; а третья смотрѣла на заходящее солнце: въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя; величественное лицо, озаренное лучами солнца, казалось нечеловѣческимъ. Я удивилась, не знала, идти ли къ нимъ, или удалиться; но одна изъ нихъ—та, которая лежала подъ розовымъ кустомъ—подлетѣла ко мнѣ, какъ легкій вѣтерокъ и, улыбаясь, сказала: «милый другъ, не удаляйся, пойдемъ со мною, я познакомлю тебя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

съ сестрами. Сядь подъ этотъ розовый кустъ: розы мои также чисты и нѣжны, какъ твоя красота; ихъ сладкій запахъ также привлекателенъ, какъ непорочность твоей души, и самая жизнь твоя не иное что, какъ распускающаяся роза. Да сохранятся вѣчно ея пріятность, ароматы и свѣжесть.»

Мы взялись за руки и побѣжали; новая знакомка моя, подавая мнѣ розу, сказала: «подарокъ въ день твоего рожденія.» Старшая сестра—та, которая сидѣла подъ дубомъ, облокотившись на урну—устремила на меня задумчивый взглядъ, и душа моя невольно наполнилась унынiемъ, когда я всмотрѣлась въ черты ея лица, веселаго, но вмѣстѣ и прискорбнаго; тайная сила влекла меня къ ея сердцу, но я не смѣла приближиться и молчала.

«Ты насъ не знаешь, мой милый другъ, сказала она мнѣ ласково: мы сестры. Я называюсь Прошедшее; имя средней сестры, которая подарила тебѣ розу, Настоящее, а младшей Будущее; иначе называютъ насъ: Вчера, Нынѣ, Завтра. Мы неразлучны; тотъ, кого полюбитъ одна, становится любезенъ и другимъ; противный одной необходимо долженъ быть противенъ и прочимъ.

«Милая Минвана, прекрасное созданіе природы, ты будешь намъ любезна — ты рождена для счастія; святое провидѣніе сохранитъ тебя на пути жизни.

«Теперь, начиная только жить, ты можешь и должна любить одну сестру мою Нынѣ, пріятную, живую. Другъ мой, играй душистыми розами, которыя даритъ она тебѣ съ веселою улыбкою; знай, о Минвана, что свѣжесть и ароматы ихъ не исчезнутъ, доколѣ въ сердцѣ твоемъ, еще спокойномъ и чистомъ, сохранится невинность.

«Дружась съ сестрою моею Нынѣ, ты приготовишься любить и меня и сестру мою Завтра; наступитъ, наступитъ время, когда почувствуешь, что дружба наша для тебя необходима—желанія и надежды откроются въ безмятежной твоей душѣ, а розы настоящаго... никогда не родятся безъ шиповъ.

Тогда, мой другъ, моя привлекательная, тихая Минвана, веселая Завтра да будетъ твоимъ прибѣжищемъ. Смотри... она указываетъ тебѣ на отдаленный западъ: тамъ сіяетъ величе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ственное солнце, тамъ ясный закатъ напоминаетъ объ ясномъ утрѣ.

«Мой другъ, наслаждаясь непорочно розами настоящаго, ты будешь съ веселіемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сію привлекательную отдаленность будущаго: веселіе и надежда сопутницы непорочности.

«А если, мой другъ, обманутая красотою розы, уколешься ея шипами, то спокойная довѣренность къ сестрѣ моей Завтра, единый взглядъ на очаровательные предметы, которые она открываетъ вдали, должны усладить твое страданіе. Но такое услажденіе получаетъ одна непорочность.

«Иногда—о, сохрани тебя творецъ, моя невинная Минвана — иногда непріязненный жребій затмѣваетъ утѣшительный блескъ отдаленнаго, будущее скрывается; самое настоящее, утративъ свою веселость, облекаетъ себя покровомъ печали..... Минвана, сестры мои, привлекательныя лицомъ, непостоянны: люби ихъ, но берегись измѣны.

Въ сіи минуты испытанія, минуты одиночества души я буду съ тобою.... во мнѣ ищи утѣшителя и друга. Я твоя. Прошедшее съ тобою неразлучно. Близъ урны моей оживетъ для тебя утраченное въ настоящемъ и замѣнятся веселые призраки будущаго; близъ урны моей, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ воспоминаніе, которое говоритъ о томъ, что было и чего уже нѣтъ; задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, носится мыслію надъ гробами, и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость. Съ невинностію, твоею подругою, приди подъ сумракъ моего кипариса: въ бесѣдѣ моей найдешь отраду. Близъ урны моей ты будешь наслаждаться сама собою, и нечувствительно съ лица настоящаго спадетъ покровъ печали; прискорбная Нынѣ опять улыбнется, и вѣтреная Завтра опять прилетитъ къ тебѣ съ своими мечтами.

«О мой другъ, придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни; тогда ни горестныя моленія дружбы помедлить, не удаляться, ни тщетная привязанность къ прелестному бытію, которое угасаетъ, ничто не удержитъ тебя посреди милыхъ, покидаемыхъ навѣки.

Digital Library (repository)
*of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

«Тогда явимся предъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя. Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго. Безсмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда..... О Минвана, вся твоя жизнь да будетъ приготовленіемъ къ сей минутѣ.

«Иди, мой другъ, иди, не опасаясь той неизвѣстности, которою покрыты пути сей жизни: небесное провидѣніе твой хранитель. Вѣрь его присутствію, вѣрь его наградамъ. Счастіе неотъемлемый удѣлъ непорочности: но гдѣ, и когда?.... Это тайна.»

Она замолчала. Въ эту минуту закатилось солнце; и небо, и воды, и поля померкли. Ищу глазами прелестныхъ богинь, но привидѣніе исчезло.... чувствую одно вѣяніе вѣтерка, благовоніе лилій и розъ, слышу одну гармонію источника, тихо льющагося у ногъ моихъ по камнямъ.

КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ—каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ, чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе: добрый, чтобы имѣть право именоваться счастливымъ.

Ты съ честію служишь отечеству; судья справедливый — всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ—никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ: я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ—я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ—всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться однимъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ него порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ.

Великіе подвиги въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ толь-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ко тогда, когда сердце твое наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ, и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу—дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ не раздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ—плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцомъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые, счастливцы міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга; они боятся вступить въ его святилище. Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ и согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца: благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ. Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтелію, твоею совѣстію. Такъ, если провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ рѣдкимъ—но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію — если провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить ссбѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу все утраченное его достоинство; на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище возвышающее душу представляетъ намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человѣкъ. Войдите въ его домъ веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то непзъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? Не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собой довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро; для каждой минуты есть собственное необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцомъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца спокойный, увѣренный въ бытіи божества, которое неотрицаемо для сердца, испытавшаго прямую любовь, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь — вездѣ вы его найдете одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою стремится къ одной и той же цѣли—къ счастію, основанному на совершенствѣ моральномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда. Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только постороннимъ: главная дѣятельность его внутри семейства—мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ его, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

окрестъ него царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться—здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: они услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе; благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ жилище печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи промысла: ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе провидѣніе, для кого легче любить своего создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами ихъ милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе; молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги, отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты жилъ вмѣстѣ съ ними; ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми существами; спутники твои исчезли... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями. Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

уже одиночества; горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

ПИСАТЕЛЬ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Положеніе писателя въ большомъ свѣтѣ кажется вамъ затруднительнымъ; вы говорите, что онъ не долженъ надѣяться въ немъ успѣха: мнѣніе, слишкомъ неограниченное. Вопреки ему, позволяю себѣ утверждать, что и писатель наравнѣ со всѣми можетъ съ успѣхомъ играть свою ролю на сценѣ большаго свѣта.

Прежде всего опредѣлимъ для самихъ себя: что называется обыкновенно большимъ свѣтомъ? Что значитъ имѣть въ немъ успѣхъ? Какими средствами успѣхъ сей пріобрѣтается?

Слово: большой свѣтъ, означаетъ кругъ людей отборныхъ—не скажу лучшихъ—превосходныхъ предъ другими состояніемъ, образованностію, саномъ, происхожденіемъ; это республика, имѣющая особенные свои законы, покорная собственному, идеальному и всякую минуту произвольно смѣняемому правителю—модѣ, гдѣ существуетъ общее мнѣніе, гдѣ царствуетъ разборчивый вкусъ, гдѣ раздаются всѣ награды, гдѣ происходитъ оцѣнка и добродѣтелей и талантовъ. Вообразите множество людей обоего пола, одаренныхъ отъ фортуны или избыткомъ, или знатностію, соединенныхъ одни съ другими естественною склонностію къ общежитію, поставляющихъ цѣлію своего соединенія одно удовольствіе, заключенное въ томъ единственно, чтобы взаимно другъ другу нравиться—и вы получите довольно ясное понятіе о томъ, что называете большимъ свѣтомъ. Слѣдовательно свѣтскій человѣкъ есть тотъ, который имѣетъ сношеніе всегдашнее и болѣе или менѣе тѣсное съ людьми, принадлежащими къ большому свѣту, которому обыкновенія и законы сей идеальной республики извѣстны въ точность —и тотъ единственно, кто, пользуясь удовольствіями свѣта, умѣетъ самъ доставлять ихъ; кто, обладая общими, отъ всѣхъ признанными за дѣйствительные, способами нравиться, имѣетъ сверхъ того собственные, одному ему свойственные и заключающіеся въ особенности его ума, характера и способностей: тотъ единствен-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

но, говорю, можетъ съ одобреніемъ играть свою ролю на семъ обширномъ театрѣ, гдѣ всякій есть въ одно время и дѣйствующій и зритель. Два рода успѣховъ свѣтскихъ. Къ первому надлежитъ причислить сіи мгновенныя торжества, пріобрѣтаемыя блестящими, но мелкими средствами. Представьте человѣка, устремившаго всѣ мысли свои на то единственно, чтобъ нравиться всегда, во всякомъ мѣстѣ и всѣмъ: наружностію, одеждою, краснорѣчіемъ языка, лица, движеній; онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа обращаетъ на пользу свою всякое обстоятельство; умѣетъ въ разговорѣ своемъ быть и забавнымъ и важнымъ; неподражаемъ въ мелкихъ вещахъ: въ искусствѣ разсказать привлекательно и быстро анекдотъ или повѣсть, оживить своею изобрѣтательностію общественныя забавы, представить важное смѣшнымъ, или смѣшное важнымъ, сказать пріятнымъ образомъ лестное слово; онъ перелетаетъ изъ одного общества въ другое; одушевляетъ каждое мгновеннымъ своимъ присутствіемъ; исчезаетъ въ одномъ, чтобы явиться въ другомъ и снова исчезнуть; такаго человѣка называютъ любезнымъ; ищутъ его для того, что онъ нуженъ для увеселеній общественныхъ; онъ имѣетъ въ свѣтѣ успѣхъ; никто не думаетъ о моральномъ его характерѣ; ему благодарны за то удовольствіе, которое доставляетъ онъ другимъ въ ту минуту, когда онъ съ ними. Другаго рода успѣхъ, болѣе твердый и съ большею трудностію пріобрѣтаемый, основанъ на уваженіи, которое имѣютъ въ обществѣ къ уму и качествамъ моральнымъ. Чтобъ заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характеръ, имѣть правила твердыя, разсудокъ образованный, быть дѣятельнымъ для блага общаго; съ сими важными преимуществами надлежитъ соединять и мелкое, совершенно необходимое для пріобрѣтенія отъ общества благосклонности, искусство обращаться пріятно. Конечно тотъ, кто имѣетъ въ виду одну благородную цѣль: заслужить всеобщее уваженіе качествами и поступками превосходными, отстанетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ человѣка, употребившаго всѣ дарованія свои на то исключительно, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ быть пріятнымъ; конечно нѣкоторые мелкіе способы послѣдняго могутъ быть или неизвѣстны первому, или оставлены имъ безъ вниманія; но въ томъ же самомъ обществѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ которомъ послѣдній будетъ восхищать другихъ своею любезностію, тайное предпочтеніе всегда останется на сторонѣ перваго: къ нему будутъ привязаны чувствомъ постояннымъ, чувствомъ, которое не уменьшится и въ его присутствіи, ибо своимъ обхожденіемъ простымъ, но пріятнымъ, онъ будетъ соотвѣтствовать своему характеру. Понятіе о человѣкѣ только любезномъ должно мѣняться съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ представляется обществу; о немъ не имѣютъ общаго мнѣнія; привязанность къ нему или уменьшается, или исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую онъ самъ скрывается отъ вашихъ взоровъ; онъ долженъ непремѣнно быть на сценѣ, чтобы могли о немъ помнить, или ему удивляться.

Теперь спрашиваемъ: почему писателю невозможно искать въ обществѣ успѣха, и званіе писателя противорѣчитъ ли состоянію человѣка свѣтскаго? Вы скажете, можетъ быть: всякій писатель обыкновенными занятіями своими слишкомъ отдѣленъ отъ жизни свѣтской, шумной, разнообразной и неразлучной съ разсѣянностію. Согласенъ, если подъ именемъ свѣтской жизни разумѣете вы скучное состояніе праздныхъ, которые посвятили себя однимъ удовольствіямъ общественнымъ, которые безпрестанно живутъ внѣ себя, не имѣютъ ни занятія собственнаго, ни должности государственной, которыхъ девизъ—быть пріятными безъ пользы, а иногда и со вредомъ другихъ. Но вы видѣли, что успѣхъ въ свѣтѣ—не эфемерный, но истинный и продолжительный—соединенъ необходимо съ дѣятельностію полезною и качествами высокими. Нѣтъ человѣка, который назывался бы просто свѣтскимъ; каждый имѣетъ, или долженъ имѣть особенное занятіе, которое на время отдѣляетъ его отъ свѣта и требуетъ уединенія болѣе или менѣе продолжительнаго; многіе подчинены обязанностямъ по службѣ, и всѣ вообще семейственнымъ заботамъ. Обязанность писателя привязываетъ его къ уединенному кабинету, но разлучаетъ ли она его съ обществомъ, и можетъ ли воспрепятствовать быть ему членомъ большаго свѣта наравнѣ съ другими, имѣющими каждый особенныя свои заботы и должности? Конечно, писатель, такъ же какъ и всѣ избравшіе какую нибудь важную цѣль, не можетъ пріобрѣсти сего легкаго, пріятнаго бле-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ска, которымъ украшены люди, почитающіе, такъ сказать, единственнымъ своимъ ремесломъ искусство жить въ свѣтѣ; но онъ обладаетъ способами нравиться столь же дѣйствительными и безъ сомнѣнія благороднѣйшими.

Писатель—потому единственно, что онъ писатель—лишенъ ли качествъ человѣка любезнаго? Будучи одаренъ богатствомъ мыслей, которыя умѣетъ выражать лучше другаго на бумагѣ, долженъ ли онъ именно потому не имѣть способности выражаться съ пріятностію въ разговорѣ, и обращаясь бо̀льшую часть времени въ своемъ кабинетѣ съ книгами, осужденъ ли необходимо быть страннымъ и неискуснымъ въ обращеніи съ людьми? Не думаю, чтобъ одно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другаго.

Вы утверждаете, что авторъ, вступая въ общество, долженъ быть непремѣнно жертвою коварнаго любопытства мужчинъ и взыскательнаго самолюбія женщинъ: мнѣніе сіе почитаю не совсѣмъ справедливымъ. Писатель свѣтскій человѣкъ, будучи всегда въ свѣтѣ, не можетъ возбуждать особеннаго вниманія именно потому, что лицо его уже знакомо, и что онъ играетъ одинакую роль со всѣми: роль собесѣдника, примѣняющагося къ другимъ своимъ обхожденіемъ, своею наружностію, своимъ тономъ. Въ свѣтѣ не любятъ отличій, неохотно показываютъ удивленіе, и рѣдкій бываетъ въ немъ предметомъ любопытства, которое само по себѣ есть уже знакъ отличія. Въ свѣтѣ ни отъ кого не требуютъ много, можетъ быть, потому что высокія требованія неразлучны съ признаніемъ великаго превосходства; а люди, особенно свѣтскіе, хотя вообще справедливые, не любятъ никогда обнаруживать такого признанія.

Прибавимъ: писатель имѣетъ въ обществѣ существенное преимущество предъ людьми болѣе свѣтскими: онъ можетъ порядочнѣе и лучше мыслить. Отъ умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, пріучается онъ обдумывать тѣ предметы, которые свѣтскій человѣкъ только что замѣчаетъ; будучи весьма часто одинъ съ собою, онъ имѣетъ гораздо болѣе времени возобновлять воспоминаніемъ то, что видѣлъ глазами; привычка приводить въ порядокъ, предлагать въ связи и выражать съ точностію свои мысли, даетъ понятіямъ его особенную ясность, опредѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ленность и полноту, которыхъ никогда не могутъ имѣть понятія человѣка, исключительно занимающагося свѣтомъ: послѣдній, по причинѣ разнообразія предметовъ, мелькающихъ мимо его съ чрезвычайною быстротою, принужденъ, такъ сказать, ловить ихъ на лету и устремлять на нихъ вниманіе свое только мимоходомъ. Уединеніе дѣлаетъ писателя глубокомысленнымъ; въ обществѣ пріучается онъ размышлять быстро, и наконецъ заимствуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли. Конечно, всякій писатель отъ образа своей жизни, болѣе или менѣе ограниченнаго, долженъ быть нѣсколько отъ другихъ отличенъ, но развѣ отличіе и странность одно и то же? И нѣкоторое несходство съ другими, если оно неразительно, а только что замѣтно, развѣ не имѣетъ своей пріятности? Человѣку естественно любить разнообразіе. Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнію, писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить особенность своей физіономіи; конечно, онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но въ то же время не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою [слѣдовательно непріятною] съ ними противоположностію. Оригинальность, разумѣется натуральная, неподдѣланная, имѣетъ въ себѣ нѣчто любезное. Напримѣръ, задумчивая молчаливость, если она впрочемъ соединена съ пріятнымъ умомъ, и не происходитъ ни отъ неловкости, ни отъ угрюмаго характера, понравится именно потому, что она служитъ легкою противоположностію веселому и слишкомъ вѣтреному многорѣчію людей свѣтскихъ.

Отчего же, спросите вы, бо́льшая часть писателей не имѣетъ никакого успѣха въ свѣтѣ, неловки въ обращеніи, и вообще менѣе уважаемы, нежели ихъ книги? Отъ трехъ причинъ, изъ которыхъ двѣ общія писателю со всѣми: отъ страстной привязанности къ своему искусству, отъ самолюбія, отъ ограниченности состоянія.

Всякая страсть, наполняя человѣческую душу предметомъ единственно ей любезнымъ, отдѣляетъ ее отъ всего внѣшняго и сему предмету чуждаго. Напримѣръ, взгляните на страстно влюбленнаго: каковъ онъ въ обществѣ? Молчаливъ, разсѣянъ, на лицѣ его написано задумчивое уныніе; свѣтская принужденность

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

для него мучительна, мысли его тамъ, гдѣ его сердце: начните съ нимъ говорить: онъ будетъ вамъ отвѣчать несвязно, или безъ смысла; онъ скученъ, тяжелъ и страненъ. Таковъ честолюбивый, преданный тайнымъ своимъ замысламъ; таковъ и писатель, исключительно прилѣпленный къ своимъ идеямъ. Онъ неохотно является въ общество, и находясь въ немъ, всегда бываетъ отъ него въ отсутствіи: въ шумную толпу людей переноситъ онъ уединеніе своего кабинета. Онъ неспособенъ примѣняться къ другимъ, и часто оскорбляетъ ихъ своимъ разсѣяніемъ или грубымъ пренебреженіемъ обыкновенныхъ, ему одному неизвѣстныхъ, приличій; не можетъ говорить пріятно, потому что неспособенъ внимательно слушать: въ то время, когда вы съ нимъ говорите, онъ, можетъ быть, занятъ разрѣшеніемъ философическаго вопроса, или описываетъ въ воображеніи спокойный вечеръ, тоску оспротивѣвшей любви, очарованный замокъ Альцины. Воображая, что предметы ему любезные для всѣхъ одинаково привлекательны, онъ утомляетъ ими ваше вниманіе, и перестаетъ васъ слушать, когда начинаете говорить ему о томъ, что важно для васъ самихъ. Имѣетъ ли такой человѣкъ нужду въ обществѣ, которое, можно сказать, для него не существуетъ? Онъ обитаетъ въ особенномъ, ему одному знакомомъ, или имъ самимъ сотворенномъ мірѣ; существа идеальныя всегдашніе его собесѣдники; онъ ограниченъ въ самыхъ естественныхъ своихъ потребностяхъ: все то, что ему нужно, находится въ немъ самомъ, въ его идеяхъ, въ мечтахъ его воспламененнаго воображенія.

Другою причиною неуспѣховъ писателя въ свѣтѣ полагаю чрезмѣрность самолюбія, свойственнаго ему со всѣми другими людьми, но вообще въ писателяхъ болѣе ослѣпленнаго, примѣтнаго и смѣшнаго. Напримѣръ, взгляните на людей свѣтскихъ: одинъ, обманувши нѣсколько слабыхъ или вѣтреныхъ женщинъ, увѣряетъ себя, что уже ни одна изъ нихъ не можетъ быть для него непобѣдима: онъ страненъ своимъ излишнимъ уваженіемъ къ самому себѣ, своею самолюбивою надежностію на красоту свою и любезность; другой, сказавши нѣсколько острыхъ словъ, замѣченныхъ въ одномъ обществѣ и повторенныхъ его друзьями въ другомъ и третьемъ, обманывая себя самолюбіемъ, не открываетъ рта безъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

того, чтобы не сказать остроты, ищетъ за каждое имъ произнесенное слово лестнаго одобренія въ глазахъ своихъ слушателей, и вмѣсто того, чтобы нравиться, бываетъ осмѣянъ. Таковъ и писатель; сдѣлавшись славнымъ по нѣкоторымъ превосходнымъ сочиненіямъ, онъ входитъ въ общество торжествующимъ; онъ требуетъ отъ другихъ удивленія, какъ дани, ему принадлежащей; онъ говоритъ рѣшительно, воображая, что мнѣніе его должно имѣть перевѣсъ, что его ожидаютъ, что оно не можетъ не быть принято съ уваженіемъ; гордяся авторскими успѣхами, онъ смѣшиваетъ ихъ съ успѣхами свѣтскими, и вмѣсто того, чтобы примѣняться къ другимъ, воображаетъ напротивъ, что другіе должны примѣняться къ нему. Вы смотрите на него пристально: онъ думаетъ, что вы ищете на его лицѣ того великаго ума, который сіяетъ въ его твореніяхъ. Вы молчаливы при немъ: это отъ робости, чтобы не сказать въ присутствіи великаго человѣка чего нибудь глупаго. Вы разговорчивы — какое сомнѣніе? Вы хотите отличиться при немъ краснорѣчіемъ, познаніями, остроуміемъ. Два человѣка, ему незнакомые, шепчутъ, сидя въ углу; одинъ изъ нихъ безъ всякаго намѣренія на него взглянулъ — довольно: они о немъ говорятъ, они удивляются и прозѣ его и стихамъ, они въ восторгѣ отъ чрезвычайнаго таланта его. Такой человѣкъ долженъ натурально казаться педантомъ, смѣшнымъ, тяжелымъ, неловкимъ; онъ вооружаетъ противъ себя самолюбіе, подвергается гоненіямъ зависти, и отдѣляя себя отъ толпы для того, чтобы ему удивлялись, становится напротивъ предметомъ колкихъ насмѣшекъ и наблюденій коварныхъ. Прибавимъ: самолюбіе автора гораздо замѣтнѣе и смѣшнѣе самолюбія прелестниковъ и имъ подобныхъ, тонкаго, искуснаго и болѣе скрытнаго. Они всегда въ свѣтѣ, слѣдовательно и самыя странности ихъ менѣе разительны; ихъ суетная гордость прикрыта маскою простоты; они только изрѣдка себѣ измѣняютъ. Напротивъ писатель, будучи весьма часто одинъ, и слѣдственно сохранивъ болѣе собственнаго въ своемъ характерѣ и обращеніи, отличнѣе отъ другихъ и въ смѣшномъ и въ странномъ. Свѣтскій человѣкъ, научившись замѣчать, по многократному замѣчанію за другими, смѣшную сторону собственнаго своего самолюбія, умѣетъ ее и украшать цвѣтами пріятнаго. Писатель въ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

этомъ случаѣ простодушнѣе; будучи невнимателенъ къ другимъ и слѣпъ къ самому себѣ, онъ не старается и не умѣетъ скрывать самолюбія своего, слѣдственно обнаруживаетъ его во всей его странности.

Третья причина случайная: ограниченность состоянія. Она можетъ мѣшать писателю наравнѣ съ другими пользоваться выгодами и удовлетворять требованіямъ свѣтской жизни. Лишенный способовъ играть одинакую ролю съ людьми, одаренными избыткомъ, и будучи не въ состояніи доставлять имъ тѣ удовольствія, которыя самъ отъ нихъ получаетъ, писатель — которому вмѣстѣ съ дарованіемъ досталась въ удѣлъ и бѣдность — принужденъ являться въ общество изрѣдка, и то не иначе, какъ зритель, не имѣющій никакой тѣсной связи съ дѣйствующими на сценѣ его лицами. Сія необходимость быть простымъ зрителемъ, препятствуетъ ему пріобрѣсть искусство обхожденія, познакомиться съ приличіями, узнать всѣ нужные обряды свѣтской жизни. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, составляющими большой свѣтъ, отчужденъ отъ нихъ своимъ состояніемъ, своими обстоятельствами для нихъ непзвѣстными; являясь на глаза ихъ рѣдко, онъ всегда кажется имъ новымъ лицомъ, слѣдовательно всегда обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но вниманіе, производимое не достоинствами личными, а только новостію предмета, простое, можетъ быть, оскорбительное любопытство. Чувствуя свое одиночество и свое неравенство въ способахъ наслаждаться свѣтскою жизнію даже съ такими людьми, которые во всемъ другомъ его ниже, но поддержаны въ свѣтѣ или богатствомъ, или знатнымъ родомъ, чувствуя свое невѣжество въ наукѣ жить, извѣстной всегда тому, кто имѣетъ и можетъ только имѣть сношеніе съ большимъ свѣтомъ, онъ дѣлается робокъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ, слѣдовательно и неловокъ и страненъ; непріятность играемой въ обществѣ роли прилѣпляетъ его часъ отъ часу болѣе къ уединенію, часъ отъ часу болѣе отчуждаетъ отъ свѣта, и слѣдовательно дѣлаетъ его часъ отъ часу неспособнѣе имѣть въ немъ какой нибудь успѣхъ.

Но писатель, который отъ ограниченности своего состоянія не имѣетъ способовъ наслаждаться пріятностями большаго свѣта, уже ли долженъ почитать потерю свою весьма важною? Нѣтъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

конечно. Свѣтская жизнь имѣетъ много привлекательнаго, но только для тѣхъ, которымъ даны средства пользоваться всѣми ея преимуществами безъ исключенія. Человѣкъ, желающій, не смотря на препятствія бѣдностію ему положенныя, оспаривать у сихъ счастливцевъ удовольствія, на которыя, такъ сказать, сама фортуна дала имъ полное право, получитъ въ награду одно оскорбительное чувство собственнаго безсилія. Писатель съ дарованіемъ истиннымъ щедро вознагражденъ природою за всѣ обиды пристрастной фортуны. Имѣя въ виду одни благородныя занятія мыслящаго, богатаго чувствомъ и любовію ко всему прекрасному человѣка, онъ будетъ въ тишинѣ души довольствоваться скромнымъ своимъ удѣломъ, своею дѣятельностію въ маломъ кругѣ; онъ будетъ довольствоваться распространеніемъ своего ума и ограниченіемъ своего сердца. Утрату разнообразія въ удовольствіяхъ замѣнитъ онъ продолжительностію ихъ и полнотою. Для него человѣческое общество раздѣлено будетъ на два круга: одинъ обширный, въ который онъ входитъ изрѣдка съ твердою рѣшимостію быть просто зрителемъ спокойнымъ, холоднымъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ требованій и надеждъ, безъ всякаго соперничества съ людьми, желающими въ немъ торжествовать, равнодушный къ собственнымъ своимъ неуспѣхамъ, желающій единственно пріобрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ понятій, нѣкоторой образованности, необходимой его таланту; онъ будетъ незамѣченъ, это вѣрно; за то не будетъ и страненъ, ибо въ свѣтѣ находятъ странными одни усилія самолюбивыхъ, безполезно желающихъ отличить себя предъ другими какимъ нибудь превосходствомъ; тихая скромность будетъ его украшеніемъ. Вся дѣятельность его въ семъ кругѣ ограничится единственно тѣмъ вліяніемъ, которое онъ можетъ имѣть на него посредствомъ своего таланта. Другой кругъ — тѣсный, есть тотъ, въ которомъ онъ счастливъ, любимъ и любитъ, гдѣ онъ имѣетъ успѣхъ безъ всякаго усилія, не прибѣгая къ утонченному и коварному искусству; тамъ его уединеніе, гдѣ онъ наслаждается жизнію, въ трудѣ безмятежномъ и полезномъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ самимъ собою, гдѣ онъ высокими чувствами и мыслями совершенствуетъ душу свою, гдѣ онъ ввѣряетъ бумагѣ сокровище собственныхъ мыслей и чувствъ для пользы современниковъ, быть

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

можетъ, и для пользы потомковъ; тамъ его друзья, соединенные съ нимъ одинакою дѣятельностію, сходствомъ жребія, склонностей, дарованій; ихъ строгая разборчивость его образуетъ, ихъ благодѣтельное соревнованіе животворитъ въ немъ творческій пламень, въ ихъ искренней похвалѣ его воздаяніе и слава; тамъ наконецъ его семейство. Для писателя, болѣе нежели для кого нибудь, необходимы семейственныя связи; привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями,онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой; въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца; вселенная, со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ.

ТРИ ПОЯСА.

[РУССКАЯ СКАЗКА].

Въ царствованіе великаго князя Владиміра, не подалеку отъ Кіева, на берегу быстраго Днѣпра, въ уединенной хижинѣ жили три молодыя дѣвушки, сиротки, очень дружныя между собою; одна называлась Пересвѣтою, другая Мирославою, а третья Людмилою. Пересвѣта и Мирослава были прекрасны какъ майскій день; сосѣди называли ихъ алыми розами, отчего онѣ сдѣлались нѣсколько самолюбивы. Людмила была не красавица, никто ее не хвалилъ, и подруги ея, которыхъ она любила всѣмъ сердцемъ, твердили ей каждый божій день: Людмила, бѣдная Людмила, ты никогда не выйдешь за мужъ; кто тебя полюбитъ; ты не красавица, и не богата. — Добрая Людмила вѣрила имъ въ простотѣ сердца и не печалилась. Онѣ говорятъ правду; я никогда не выйду за мужъ: что жъ нужды? Я буду любить Пересвѣту и Мирославу болѣе всего на свѣтѣ, буду ими любима: какого сча-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стія желать мнѣ болѣе. Такъ думала простосердечная Людмила, и чистая душа ея была спокойна. Ей минуло пятнадцать лѣтъ, но еще никакое смутное желаніе не волновало невиннаго ея сердца: любить своихъ подругъ, ходить за цвѣтами, распѣвать пѣсни, какъ нѣжная малиновка—таковы были всѣ удовольствія доброй Людмилы.

Въ одинъ день всѣ три подруги гуляли по берегу ручья, осѣненнаго соснами и березами. Пересвѣта и Мирослава рвали цвѣты для украшенія головы своей, и Людмила также рвала ихъ—для Пересвѣты и Мирославы: она воображала, что ей неприлично думать объ украшеніи. Вдругъ видятъ онѣ на берегу ручья старушку, которая спала глубокимъ сномъ: солнечные лучи падали прямо на ея голову, сѣдую и почти лишенную волосъ. Пересвѣта и Мирослава засмѣялись.—Сестрица, сказала одна, какова покажется тебѣ эта красавица?—Лучше тебя, Мирослава!—И тебя, Пересвѣта!—Шафранъ едва ли превзойдетъ желтизною эти прекрасныя щеки, покрытыя пріятными морщинами.—А этотъ носъ, Пересвѣта, не правда ли, что онъ очень скромно пригнулся къ подбородку?—Сказать правду, и подбородокъ отвѣчаетъ своею фигурою красивому носу.—Они срослись, сестрица!—Въ продолженіе разговора и та и другая безпрестанно смѣялись.—Ахъ, сестрицы, сказала тихая Людмила, вамъ непристало смѣяться надъ этою старушкою. Что она вамъ сдѣлала? Она стара—ея ли это вина? И вы состарѣетесь въ свою очередь: для чего же смѣяться надъ тѣмъ недостаткомъ, который непремѣнно будете имѣть сами? Смѣяться надъ старыми, значитъ прежде времени смѣяться надъ собою. Будьте разсудительны; скажу лучше, будьте жалостливы. Посмотрите, какъ солнце палитъ голову этой бѣдной женщины. Наломаемъ березовыхъ вѣтокъ, сплетемъ вокругъ нея маленькій шалашъ, чтобъ сонъ ея могъ быть и спокоенъ и безопасенъ. Проснувшись, она благословитъ насъ, будетъ за насъ молиться; а небо всегда исполняетъ молитвы стариковъ и нищихъ, такъ говорила мнѣ покойная матушка.—Пересвѣта и Мирослава почувствовали вину свою; онѣ наломали вмѣстѣ съ Людмилою березовыхъ вѣтокъ, сплели шалашъ и прикрыли имъ голову спящей. Она скоро проснулась, увидѣла надъ собою тѣнь, удиви-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

лась, начала осматриваться—передъ нею стояли Пересвѣта и Мирослава и Людмила. Благодарю васъ, милыя незнакомки, сказала она; приближтесь: хочу оставить вамъ памятникъ моей благодарности. Вотъ три пояса—каждая изъ васъ можетъ выбрать для себя тотъ, который покажется ей лучше и болѣе къ лицу. Старушка кладетъ на траву три пояса: два изъ нихъ были чрезвычайно богатые, изъ крупнаго жемчугу и алмазовъ, третій былъ простая, необыкновенной бѣлизны лента, украшенная фіалками. Пересвѣта и Мирослава бросились на жемчугъ и алмазы; Людмилѣ досталась бѣлая лента.—Благодарю тебя, сказала она старушкѣ, этотъ простой уборъ мнѣ приличнѣе. Пересвѣта и Мирослава прекрасны лицомъ: имъ должно имѣть и одежду прекрасную, а для меня довольно простой и самой скромной.—Ты говоришь правду, мой другъ, сказала старушка Людмилѣ, надѣвая на нее поясъ; никогда, ни за какія сокровища въ свѣтѣ не снимай съ себя этой ленты; не вѣрь людямъ, которые будутъ говорить, что она тебѣ не къ лицу; остерегайся обольщенія гордости: потерявъ этотъ поясъ, ты потеряешь и счастіе, съ нимъ неразлучное.—Людмила поцѣловала старушку и дала ей слово не отдавать никому подарка. Старушка исчезла. Пересвѣта и Мирослава не могли вслушаться въ ея слова; онѣ съ восхищеніемъ разсматривали свои жемчуги и алмазы, и едва успѣли сказать, что онѣ очень ей благодарны.

Пересвѣта и Мирослава взялись за руки и побѣжали въ свою хижину. Людмила, замѣтивъ, что онѣ имѣли между собою тайну, шла за ними издали. Не правда ли—сказала наконецъ Мирослава, оборотясь къ Людмилѣ—что эта смѣшная старушка сдѣлала тебѣ чрезвычайно богатый подарокъ?—Не богатый, но очень для меня пріятный; я не люблю пышности.—Но для чего бы ей не сравнять тебя съ нами?—Я объ этомъ не подумала. То, что мнѣ даютъ, пріятнѣе для меня того, въ чемъ мнѣ отказываютъ.—Посмотри, какъ наши алмазы блистаютъ.—Посмотрите на мою ленту, какъ она бѣла.—И тебѣ не завидно?—Можно ли завидовать тѣмъ, кого любишь? Я довольна, если вы счастливы.—Ты добрая дѣвушка, Людмила. Останься дома, а мы пойдемъ въ Кіевъ покупать новыя платья: наши слишкомъ бѣдны для та-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

кихъ поясовъ, которые украшены алмазами и жемчугомъ. За одну жемчужину можемъ купить десять паръ самаго богатаго платья.— Пересвѣта и Мирослава пошли въ Кіевъ; Людмила осталась дома поливать цвѣты и кормить своихъ птичекъ.

Ввечеру Мирослава и Пересвѣта возвратились въ хижину съ великимъ запасомъ богатыхъ уборовъ. Важная новость, сестрица — сказала Пересвѣта Людмилѣ — молодой князь Святославъ, Владиміровъ сынъ, прекрасный какъ весенній день, и храбрый какъ богатырь Добрыня, хочетъ выбирать себѣ невѣсту. Множество красавицъ, боярскихъ дочерей и даже простыхъ поселянокъ, собираются въ Кіевъ изъ дальныхъ русскихъ городовъ, изъ деревень и хижинъ. Кто жъ запретитъ и намъ искать руки прекраснаго князя Святослава? Богъ далъ намъ красоту, а добрая старушка наградила насъ богатствомъ. Мирослава и я хотимъ переселиться въ Кіевъ: каждая изъ насъ, благодаря своему драгоцѣнному поясу, можетъ съ честію и отличіемъ показаться въ люди. Мы рѣшились, и завтра отправляемся въ Кіевъ. И ты, добродушная Людмила, можешь за нами послѣдовать—ты будешь смотрѣть за нашимъ домомъ, а наконецъ увидишь и церемонію выбора, которая должна быть чрезвычайно великолѣпна.— Охотно исполню ваше желаніе, сестрицы, отвѣчала съ веселою улыбкою Людмила; буду служить вамъ отъ всего сердца: ваше удовольствіе составляетъ мое счастіе. Старайтесь плѣнить прекраснаго князя, а я буду молить Бога, чтобы онъ склонилъ къ вамъ его сердце.

Что сказано, то и сдѣлано. Подруги на другой день, рано поутру, отправились въ Кіевъ. Мирослава и Пересвѣта объявили себя дочерями богатыхъ новогородскихъ посадниковъ. Одинъ изъ бояръ Владиміровыхъ записалъ имена ихъ въ число желающихъ представить себя на выборъ князю Святославу. Людмила не показалась ни кому: она молилась Богу о счастіи своихъ подругъ, шила имъ платья, низала для нихъ ожерелья, выкладывала золотымъ галуномъ и алмазами ихъ сарафаны; забывая самое себя, она жила для однихъ милыхъ подругъ своихъ.

Наконецъ наступилъ торжественный день выбора. Ввечеру дворецъ великаго князя Владиміра освѣтился тысячами свѣтильни-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ковъ; палата, назначенная для торжества, обита была малиновымъ бархатомъ; скамейки, на которыхъ надлежало сидѣть красавицамъ, иногороднымъ и кіевскимъ, были покрыты шелковыми коврами съ золотою бахромою; а для великаго князя Владиміра и князя Святослава приготовили возвышенное мѣсто, на которомъ стояли два кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. На улицѣ, ведущей къ княжескому двору, тѣснилось множество народа, и горѣли огни разноцвѣтные. Наконецъ зазвучали бубны—представилось зрѣлище восхитительное: сто красавицъ, цвѣтущихъ какъ весеннія розы, идутъ попарно, среди восхищенной толпы кіевлянъ, ко дворцу великаго князя; каждая изъ нихъ имѣетъ при себѣ прислужницу: Людмила сопутствуетъ Пересвѣтѣ и Мирославѣ. Людмила одѣта была въ бѣлое платье и опоясана своимъ поясомъ; русые волосы ея, заплетенные косою, были перевиты простою лентою; она приближилась съ сильнымъ трепетомъ сердца къ палатѣ князя Владиміра, сѣла позади своихъ подругъ, и съ тайнымъ, робкимъ предчувствіемъ смотрѣла на дверь, въ которую должны были войти великій князь Владиміръ и сынъ его Святославъ прекрасный. Долго царствовала глубокая тишина въ княжеской палатѣ. Вдругъ заиграла военная музыка; двери растворились съ шумомъ; входятъ попарно бояре и богатыри, одни въ богатыхъ парчевыхъ платьяхъ, другіе въ великолѣпныхъ военныхъ доспѣхахъ, въ золотыхъ кольчугахъ, въ блестящихъ шлемахъ, осѣненныхъ бѣлыми перьями. Они раздѣляются и становятся по обѣимъ сторонамъ княжескаго трона.—Утихаетъ бранная музыка—играютъ нѣжныя флейты—всѣ глаза обращены на отверстыя двери—вдругъ является князь Владиміръ въ богатомъ княжескомъ уборѣ; онъ ведетъ за руку молодаго Святослава, одѣтаго просто, съ открытою головою, съ разбросанными по плечамъ свѣтлорусыми кудрями, прелестнаго, цвѣтущаго молодостію; на щекахъ его игралъ румянецъ, свѣжій какъ весенняя роза; въ глазахъ большихъ, черныхъ и осѣненныхъ густыми рѣсницами, сіяло нѣжное пламя; станъ его былъ гибокъ и строенъ, походка величественная, всѣ движенія пріятныя. Ахъ, Людмила, бѣдная Людмила, что сдѣлалось съ твоимъ сердцемъ при первомъ взглядѣ на прекраснаго юношу? Для

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чего я не красавица, для чего я не богата? Подумала она, вздохнула, опустила глаза на грудь свою, которая волновалась сильнѣе прежняго, но скоро опять, противъ воли, устремила ихъ на прелестнаго князя, который стоялъ одинъ, посреди обширной палаты, прелестный какъ ангелъ въ видѣ человѣка... Но что же она почувствовала?... Вся душа ея пришла въ волненіе... глаза ея встрѣтились съ глазами прекраснаго Святослава. О небо, онъ подходитъ къ ней... Мирослава и Пересвѣта встаютъ, думая, что выборъ долженъ пасть на одну изъ нихъ... Святославъ подаетъ руку Людмилѣ. «Вотъ она, говоритъ онъ, вотъ та, которая представлялась душѣ моей и наяву и въ мечтахъ сновидѣнія. Ей отдаю и руку и сердце.» Людмила едва не лишилась памяти; она не вѣрила своимъ ушамъ, трепетала, блѣднѣла, краснѣла... Святославъ подводитъ нареченную свою невѣсту къ великому князю Владиміру, потомъ сажаетъ ее подлѣ его на кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. Въ палатѣ послышался ропотъ. «Какой выборъ!» шептали оскорбленныя красавицы, смотря на скромную Людмилу, одѣтую просто и совсѣмъ неимѣющую красоты блестящей. Пересвѣта и Мирослава были внѣ себя отъ досады и зависти. Кто бы это подумалъ—говорили онѣ одна другой—намъ предпочесть Людмилу; какое ослѣпленіе!—Мужчины также смотрѣли на Людмилу, но чувства ихъ были другаго рода. Какъ она прелестна!—восклицали и старики и молодые—какая привлекательная скромность, какой невинный взглядъ, какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая маткина-душка! Людмила сама не понимала того нѣжнаго чувства, которымъ наполнено было ея сердце; она не смѣла взглянуть на прекраснаго князя Святослава, и еще болѣе украшала себя милымъ своимъ смятеніемъ. Святославъ пожималъ ея руку и ободрялъ ее пламеннымъ своимъ взглядомъ.

Но великій князь Владиміръ началъ говорить, и все утихло. Сынъ мой—сказалъ онъ прекрасному Святославу—твой выборъ пріятенъ моему родительскому сердцу; но красота не одно достоинство супруги; хочу, чтобы она соединена была съ качествами и дарованіями болѣе надежными. Избранная тобою невѣста пре-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

восходитъ всѣхъ другихъ прелестями лица: посмотримъ, сравняются ли онѣ съ нею дарованіями и умомъ.—Людмила поблѣднѣла, услышавъ слова великаго князя Владиміра. «Ахъ! воскликнула она—я ничему не училась! Это минутное торжество послужитъ только къ тому, чтобы доказать всему свѣту мое невѣжество. Отпусти меня, великій князь Владиміръ; я пришла сюда не для того, чтобы оспаривать у другихъ, болѣе достойныхъ, то счастіе, для котораго я не рождена судьбою; я пришла насладиться счастіемъ милыхъ подругъ моихъ. Отпусти меня; мой жребій скрываться въ бѣдной хижинѣ, ходить за цвѣтами, довольствоваться удѣломъ низкимъ, и никогда не мечтать о пышномъ тронѣ.» Князь Владиміръ посмотрѣлъ съ улыбкою благоволенія на скромную Людмилу, и приказалъ ей остаться на своемъ мѣстѣ. Приносятъ стройныя гусли. Всѣ красавицы, каждая въ свою очередь, пѣли пѣсни въ похвалу храбрыхъ витязей, или въ похвалу нѣжной любви; каждая изображала то чувство, которое влекло ея душу къ прекрасному князю Святославу. Пришла очередь Людмилы: она блѣднѣетъ, трепещетъ; вдругъ кто-то, невидимый, шепчетъ ей на ухо: Людмила, ободрись; хранительные взоры мои надъ тобою. Спой ту пѣсню, которую научила тебя твоя мать; ты еще не знаешь, какими дарованіями наградила тебя природа. Людмила узнаетъ голосъ благодѣтельной волшебницы—той старушки, которая подарила ей поясъ. Она идетъ къ гуслямъ, садится—о чудо! пальцы ея съ легкостію вѣтерка летаютъ по струнамъ; голосъ ея имѣетъ чистоту и звонкость соловьинаго: онъ льется въ душу, онъ возбуждаетъ въ ней сладкое восхищеніе, погружаетъ ее въ задумчивость, производитъ въ ней томную мечтательность. Людмила поетъ ту пѣсню, которую нѣжная мать пѣвала, качая ее въ колыбели:

Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой;
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!
Такъ мотылекъ златой
Розѣ шепталъ.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Розѣ невнятенъ былъ
Скромный совѣтъ;
Роза плѣняется
Блескомъ однимъ!
«Солнце блестящее
Любитъ меня.
Мнѣ ли красавицѣ
Тѣни искать?»
*
Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запахъ исчезъ.
*
Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменныя
Помни примѣръ.
Маткиной-душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.
*
Данный судьбиною
Скромный удѣлъ,
Дѣвица красная,
Счастье твое!
Въ рощѣ скрываяся,
Ясный ручей,
Бури не вѣдая,
Мирно журчитъ.

Людмила замолчала; но голосъ ея отдавался еще въ сердцахъ слушателей. Молодой князь, въ неописанномъ восхищеніи, прижимаетъ ее къ сердцу: «нѣтъ, ты не можешь быть смертная; ты ангелъ, слетѣвшій съ неба для того, чтобы сдѣлать счастливымъ Святослава!» — «Ахъ, я бѣдная Людмила; сама не постигаю того, что дѣлается со мною; какое нибудь очарованіе ослѣпило ваши взоры. Вы думаете, что я красавица, это обманъ; я никогда не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бывала прекрасною. Святославъ, ты хочешь возвести меня на тронъ; но я рождена поселянкою, рождена для бѣдной и неизвѣстной хижины.»

Опять заиграла музыка и началась пляска. Соперницы Людмилы очаровали зрителей своими пріятными движеніями, своею легкостію, своею быстротою; но Людмила, снова ободренная голосомъ волшебницы, затмила искусство прелестію простоты: во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то очаровательное—скромность, соединенная съ милою веселостью. Она являла глазамъ невинность, играющую съ удовольствіемъ; зрители не могли довольно на нее насмотрѣться; сердца летѣли за нею вслѣдъ.... но музыка замолчала.... Людмила, съ потупленными глазами, съ разгорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, сѣла на свое мѣсто, не смѣла радоваться, не смѣла взглянуть на Святослава прекраснаго.

Давно уже прошла половина ночи. Великій князь беретъ Святослава за руку, и они выходятъ изъ палаты съ боярами и богатырями; красавицы удалились — но еще испытаніе не кончилось: оно должно было продолжаться три дни сряду. Людмилу отвели въ дворцовый теремъ, убранный великолѣпно; приставили къ ней множество прислужницъ. Она осталась одна, погруженная въ задумчивость, съ новыми, доселѣ незнакомыми ей чувствами, и съ милымъ образомъ прелестнаго Святослава въ душѣ своей.

И мы, оставя на время Людмилу, вспомнимъ о двухъ подругахъ ея, Пересвѣтѣ и Мирославѣ. Могли ли мы это вообразить! сказала Мирослава Пересвѣтѣ, возвратившись съ нею домой. Намъ предпочесть Людмилу! Конечно, они слѣпы; нельзя, чтобы это было естественно! Какъ ты думаешь, Пересвѣта? Не скрывается ли какой-нибудь талисманъ въ томъ поясѣ, который подарила ей старая волшебница? Будучи къ намъ столь щедрою, могла ли она позабыть Людмилу? Конечно, простой ея поясъ драгоцѣннѣе нашихъ, осыпанныхъ жемчугомъ и алмазами. Замѣтила ли ты, какъ онъ блисталъ на ней вчера ввечеру?—Такъ, Мирослава, ты говоришь правду: Людмила имѣетъ талисманъ, которому сама не знаетъ цѣны—должно его похитить. Тогда увидимъ, помрачитъ ли она и тебя и меня своими дарованіями, своею красотою.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

На другой день, рано поутру, Пересвѣта и Мирослава идутъ въ теремъ Людмилы: она бросается къ нимъ въ объятія, цѣлуетъ ихъ съ восторгомъ и краснѣетъ, внимая нескреннимъ ихъ поздравленіямъ. Милыя подруги, говоритъ имъ скромная Людмила, сама стыжусь тѣхъ почестей, которыми вчера была я осыпана; сама не понимаю, какъ могли предпочесть меня бѣдную, некрасивую Людмилу, вамъ прекраснымъ, богатымъ, достойнымъ всякаго предпочтенія. — Добрая Людмила, отвѣчала Мирослава, странное для тебя кажется для насъ весьма естественнымъ: мы не завидуемъ, но искренно радуемся твоему счастію. Время открыть тебѣ глаза: перестань почитать себя не красавицею. Богъ наградилъ тебя лицомъ прелестнымъ; изъ любви къ тебѣ, называли мы тебя дурною—похвалы могли бы испортить твое невинное сердце. Теперь притворство безполезно, и тебѣ наконецъ должно узнать, милая Людмила, что ты превосходишь всѣхъ другихъ женщинъ красотою, любезностію, дарованіями.—Сестрицы, не смѣетесь ли вы надо мной?—Ахъ, мой другъ, какъ можешь это объ насъ подумать? Мы говоримъ истинную правду. Но позволь намъ сдѣлать тебѣ одно дружеское замѣчаніе: ты имѣешь два недостатка, весьма важныхъ и препятствующихъ тебѣ воспользоваться дарами природы—ты слишкомъ застѣнчива и слишкомъ небрежна въ своей одеждѣ. Нынѣче ввечеру опять будемъ представлены великому князю Владиміру и сыну его Святославу прекрасному; говорятъ, что въ Кіевъ пріѣхала какая-то псковитянка, ангелъ красотою и чрезвычайно искусная въ одеждѣ: бойся, чтобы она не похитила у тебя любви прекраснаго Святослава; нарядись какъ можно лучше. Красотѣ твоей прилична и одежда пышная; мы принесли тебѣ на выборъ нѣсколько платьевъ. Надѣнь то, которое покажется тебѣ къ лицу, а мы будемъ радоваться твоей побѣдѣ.

Мирослава и Пересвѣта разстилаютъ передъ глазами Людмилы нѣсколько великолѣпныхъ уборовъ. Новое чувство родилось въ душѣ невинной дѣвушки: она вообразила себя первою красавицею во всей русской землѣ, и покраснѣла, взглянувши на простой и бѣдный уборъ свой. Она примѣряла принесенныя платья одно за другимъ, выбрала самое великолѣпное, хотѣла надѣть

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

богатый поясъ сверхъ бѣлой ленты, которую получила въ подарокъ отъ старушки; но по несчастію поясъ былъ слишкомъ малъ— Пересвѣта и Мирослава уговариваютъ ее пожертвовать бѣдною лентою пышному жемчужному поясу. Людмила колеблется. Наконецъ уступаетъ ихъ требованіямъ—отдаетъ Пересвѣтѣ бѣлую ленту и надѣваетъ жемчужный поясъ. Какой стройный, прелестный станъ! восклицаютъ обѣ подруги. Эта псковитянка явилась въ Кіевъ только для того, чтобъ сдѣлать еще славнѣе торжество нашей Людмилы. Прости, милая подруга, ввечеру увидимся во дворцѣ князя Владиміра.—Онѣ разлучились. Людмила, въ восхищеніи отъ новаго богатаго убора, любуется на самоё себя въ зеркало, примѣриваетъ жемчужный поясъ, и бѣлая лента совсѣмъ забыта. Ахъ, Людмила, и ты занимаешься красотою своею, какъ суетная, надменная прелестница, и ты смотришься въ зеркало — а прежде и въ свѣтлый ручей смотрѣла ты только для того, чтобы любоваться его чистотою, легкими струйками и блестящими камушками, на днѣ его разсыпанными.

Наконецъ наступила желанная минута. Красавицы, бояре и богатыри стекаются въ палату великаго князя Владиміра. Святославъ прекрасный съ волненіемъ сердца смотритъ на дверь, въ которую должна войти Людмила—раздаются пріятные звуки флейты — входитъ Людмила, покрытая бѣлымъ покрываломъ и окруженная множествомъ прислужницъ богато одѣтыхъ. Святославъ летитъ къ ней на встрѣчу, нетерпѣливою рукою срываетъ съ головы ея бѣлый покровъ... Боже, какая перемѣна! Онъ не узнаетъ Людмилы. Что вижу! восклицаетъ изумленный Святославъ. Кто ты, незнакомка, и гдѣ моя Людмила? — «Я Людмила; ужели ты не узналъ меня, Святославъ прекрасный?» — Ты? Людмила? Не можетъ быть; это обманъ!—Ропотъ негодованія послышался въ княжеской палатѣ—никто не узнаетъ Людмилы. Святославъ удалился; онъ ищетъ смятенными взорами въ толпѣ красавицъ прекрасной дѣвицы, плѣнившей его душу, но князь Владиміръ подымаетъ руку, и все опять умолкло. Ты называешь себя Людмилою, говоритъ онъ Людмилѣ, трепещущей и печальной: вѣрю твоимъ словамъ; вѣрю, что красота твоя могла измѣниться въ теченіе одного дня, но дарованія твои дол-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жны быть неизмѣнны. Подайте гусли; садись и спой намъ ту самую пѣсню, которую ты пѣла вчера. Людмила, нѣсколько ободренная, подходитъ къ гуслямъ—о чудо! пальцы ея неподвижны, голосъ дикъ и непріятенъ. Князь Владиміръ въ великомъ гнѣвѣ встаетъ съ престола, приказываетъ Людмилѣ удалиться—испытаніе отложено до слѣдующаго вечера.

Что сдѣлалось съ тобою, несчастная, добросердечная Людмила? Ты плачешь, ты мучишься отчаяніемъ, ты страждешь безнадежною любовію. Гдѣ твое прежнее спокойствіе? Гдѣ прежняя безпечность невинной души твоей? Сиротка, заливаясь слезами, оставляетъ Кіевъ и спѣшитъ укрыться въ бѣдную свою хижину, на берегъ свѣтлаго источника, подъ сѣнь развѣсистыхъ березъ, въ которыхъ провела она цвѣтущую свою молодость. Зачѣмъ, зачѣмъ я оставляла тебя, спокойная моя хижина, такъ думала бѣдная Людмила, идя черезъ рощу, по знакомой, излучистой тропинкѣ. Приближается къ хижинѣ и видитъ, что въ ней горитъ огонь—испугалась—не знаетъ, войти ли въ нее, или нѣтъ. Наконецъ рѣшилась—отворяетъ дверь: что же? Въ хижинѣ сидитъ старушка волшебница, ея знакомка. Людмила остолбенѣла отъ удивленія, нѣсколько минутъ не говорила ни слова, наконецъ пришла въ себя и залилась горькими слезами. Ахъ! сказала она старушкѣ, ты одна причиною моего несчастія. Для чего погибельнымъ своимъ очарованіемъ возвела ты меня вчера на тронъ, котораго я не искала, о которомъ никогда не могла думать? И для чего теперь, когда плѣнительная надежда ослѣпила мою душу, когда любовь, произведенная тобою въ моемъ сердцѣ, сдѣлалась для меня драгоцѣннѣе и самыхъ почестей трона, я вдругъ лишена всего, покрыта стыдомъ—и отъ кого же? Отъ тебя, которой я не сдѣлала никакого зла, которой, напротивъ, хотѣла сдѣлать добро, не ожидая никакой за то награды. Ахъ, для чего обольстила ты глаза прекраснаго Святослава? Для чего вложила мнѣ въ душу безнадежную любовь? Что ты будешь теперь, бѣдная Людмила, въ своей уединенной хижинѣ? Прекрасныя мѣста, въ которыхъ я родилась и провела мою молодость, теперь вы для меня темница. Душа моя въ стѣнахъ пышнаго града Кіева. Никогда не забуду о томъ, чего я лишилась, чѣмъ обладала одну

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

минуту. Какое земное счастіе можетъ служить замѣною того милаго взора, который устремилъ на меня Святославъ прекрасный, которымъ воспламенилось мое сердце, прежде спокойное, прежде веселое. Ахъ, душистые мои цвѣты, вы увянете — кто будетъ васъ поливать, кто будетъ за вами смотрѣть? Милыя, голосистыя птички, вы перестанете слетаться къ моей хижинѣ—кто будетъ приносить вамъ зерна и вторить вамъ своею веселою пѣсенкою? Буду сидѣть на большой дорогѣ, смотрѣть на отдаленный Кіевъ градъ и посылать въ него свою душу. Что сдѣлала я тебѣ, волшебница? Чѣмъ навлекла на себя твое гоненіе? — Выслушай меня, добросердечная Людмила, отвѣчала волшебница, мнѣ легко передъ тобой оправдаться. Я полюбила тебя съ перваго взгляда и въ знакъ благодарности подарила тебѣ очарованный поясъ, который имѣетъ силу украшать всякую женщину. Дѣвушка, обладающая имъ, торжествуетъ надъ всѣми своими соперницами, имѣетъ всѣ пріятности, всѣ дарованія; но безъ него и пріятности и дарованія сіи теряютъ всю свою силу: имъ удивляются, но перестаютъ ихъ любить. Для чего же, Людмила, не сберегла ты даннаго мною тебѣ сокровища? Для чего поясъ скромности промѣняла на поясъ суетности? Лишась талисмана, которому ты была обязана своимъ торжествомъ, ты потеряла и прелести съ нимъ соединенныя; самые взоры твоего любовника не могли узнать тебя въ новомъ твоемъ нарядѣ. — Ахъ! воскликнула Людмила, бѣдная жалкая моя участь; я сама всему причиною; сама лишила себя своего счастія. Нѣтъ, уже никогда не видать мнѣ прежняго времени. Улетѣло веселіе души моей, умчались вы прежнія мои радости: никогда не перестать мнѣ обливаться слезами; другая овладѣетъ теперь душою Святослава прекраснаго. — Людмила закрыла обѣими руками лицо свое и плакала горько. — Утѣшься, мой другъ, сказала волшебница, взявъ ее за руку съ нѣжною улыбкою; тебя обманули твоя неопытность и хитрость завистливыхъ твоихъ подругъ, Мирославы и Пересвѣты; но ты невинна въ сердцѣ. Возвращаю тебѣ потерянный поясъ. Я слѣдовала невидимо за Пересвѣтою и Мирославою, когда онѣ пошли отъ тебя со своею добычею. Между ними начался ужасный споръ: каждая хотѣла имѣть поясъ, но онъ не достался ни

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

одной, ибо я унесла его и теперь возвращаю той, которая одна достойна обладать имъ по своему добросердечію и своей скромности.—Людмила бросилась цѣловать руки благодѣтельной волшебницы, которая обтерла ей слезы, поцѣловала ее въ розовыя щеки и опоясала своею очарованною лентою.

Вдругъ, по слову волшебницы, кровля низенькой хижины разступилась; глазамъ изумленной Людмилы предстала великолѣпная колесница, въ которую запряжены были два оленя съ серебряною шерстію, съ золотыми рогами и крыльями. На мѣстѣ безобразной старушки явилась молодая женщина, восхитительной красоты, одѣтая въ очарованную одежду, изъ розовыхъ лучей сотканную, и опоясанная бѣлымъ поясомъ, на которомъ блистали золотые знаки зодіака. Добрада—такъ называлась волшебница—посадила Людмилу въ колесницу; златорогіе олени распустили свои золотыя крылья, и менѣе чѣмъ въ мигъ, колесница очутилась передъ стѣнами великолѣпнаго града Кіева. Волшебница привела Людмилу въ уединенный теремъ, запретила ей выходить изъ него до наступленія вечера, благословила ее, и скрылась.

Наступилъ вечеръ. Людмила, одѣтая очень просто, опоясанная бѣлою лентою, вошла въ палату великаго князя Владиміра и сѣла на прежнее свое мѣсто позади Пересвѣты и Мирославы. Онѣ ее не примѣтили; онѣ смѣялись между собою надъ глупою ея легковѣрностію, и говорили другъ другу о гордыхъ своихъ надеждахъ. Но Людмила забывала о нихъ; взоры ея видѣли одного Святослава. Онъ сидѣлъ подлѣ великаго князя Владиміра, на креслахъ изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою, задумавшись, склонивши на руку свою голову, не удостоивая ни однимъ взглядомъ окружавшихъ его красавицъ; душа его требовала одной Людмилы, одинъ очаровательный образъ Людмилы носился передъ нимъ, какъ милый, плѣнительный призракъ потерянаго блаженства. Вдругъ—о радость! онъ видитъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ увидѣлъ въ первый разъ, въ той же простой одеждѣ, видитъ ее, съ сердечною, нѣжною любовію устремившую на него свои взоры. О Людмила! восклицаетъ онъ и бросается передъ нею на колѣна. — Да здравствуетъ прелестная Людмила! воскликнули единогласно бояре, богатыри и витязи.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Святославъ, внѣ себя отъ восхищенія, прижимаетъ къ сердцу милую свою невѣсту, которая съ своимъ потупленнымъ взоромъ, съ пылающими щеками своими, казалась ангеломъ красоты и непорочности; подводитъ ее къ престолу великаго князя Владиміра и сажаетъ по правую руку его на кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. Пересвѣта и Мирослава поблѣднѣли отъ зависти и досады. Заиграла музыка, и всѣ опять должны были уступить Людмилѣ въ искусствѣ пляски и пѣнія. Опять затмила она своихъ соперницъ, которыя всѣ единодушно, выключая однѣхъ Пересвѣты и Мирославы, согласились признать ее побѣдительницею и даже радовались ея побѣдѣ: столь сильно очарованіе скромной красоты, добродушія, непорочности. Вдругъ раздается въ палатѣ пронзительный вопль. Что такое? Страшныя змѣи, съ отверстою пастію, съ острымъ жаломъ, съ горящими глазами обвивались вокругъ Пересвѣты и Мирославы, вмѣсто жемчужныхъ поясовъ; Людмила бросается къ нимъ на помощь, желаетъ спасти ихъ отъ угрызенія сихъ страшныхъ чудовищъ — ея усилія напрасны. Зрители цѣпенѣютъ отъ ужаса. Вдругъ послышалось тихое пѣніе, соединенное съ звуками магическихъ струнъ; въ воздухѣ распространился пріятный запахъ розъ и полевыхъ фіалокъ—предстала волшебница Добрада, окруженная кроткимъ розовымъ сіяньемъ. Людмила бросилась передъ нею на колѣна. Спаси Пересвѣту и Мирославу, воскликнула она, простирая къ ней руки. Добрая Людмила, отвѣчала волшебница, соглашаюсь простить имъ изъ любви къ тебѣ. Змѣи, которыми они обвиты, суть ядовитыя змѣи самолюбія и зависти. Прикоснись къ нимъ своею бѣлою лентою и онѣ исчезнутъ. Людмила исполнила приказаніе Добрады, и змѣи исчезли. Пересвѣта и Мирослава кинулись въ объятія своей добросердечной подруги; онѣ поклялись питать къ ней искреннюю дружбу; онѣ полюбили ту, которую за минуту ненавидѣли, которую желали ввергнуть въ погибель.

Великій князь Владиміръ благословилъ своего сына и Людмилу. О Святославъ, сказала прелестная невѣста прелестному жениху своему, показывая на волшебницу Добраду, вотъ моя благодѣтельница, вотъ та, которой обязана я твоимъ сердцемъ. Ахъ! за три дня передъ симъ была я не что иное, какъ бѣдная

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Людмила, простая поселянка, но теперь?... Нѣтъ, никогда не была бы я замѣчена взорами Святослава прекраснаго, когда бы могущество благодѣтельной Добрады не украсило меня тѣми пріятностями, тѣми дарованіями, въ которыхъ мнѣ отказала природа. Такъ, Святославъ, въ этомъ очарованномъ поясѣ заключены и красота моя и всѣ мои таланты.

Скромное сіе признаніе украсило еще болѣе въ глазахъ Святослава его прелестную Людмилу. Другъ мой, сказала Добрада, храни этотъ поясъ, драгоцѣнный даръ моей дружбы, ничто не можетъ лучше его украсить женщину, гдѣ бы она ни была, въ бѣдной ли хижинѣ, въ чертогахъ ли княжескихъ; нося его, ты будешь обожаема своимъ супругомъ, своими друзьями и подданными, обожаема до послѣдней минуты жизни.

Добрада исчезла. Нужно ли сказывать о томъ, что случилось послѣ? И можно ли вообразить, чтобы Святославъ не былъ счастливъ, обладая Людмилою?

МАРЬИНА РОЩА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Тихій и прохладный вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Усладъ, молодой пѣвецъ, приближился къ берегамъ Москвырѣки, на которыхъ провелъ онъ дни своей цвѣтущей юности. Гладкая поверхность водъ, тихо лобзаемая легкимъ вѣтеркомъ, покрыта была розовымъ сіяніемъ запада: въ зеркалѣ ихъ отражались съ одной стороны дремучій лѣсъ и теремъ грознаго Рогдая, окруженный высокимъ дубовымъ тыномъ [онъ былъ построенъ на крутой горѣ—тамъ, гдѣ нынѣ видимъ зубчатыя стѣны Кремля, великолѣпные чертоги древнихъ русскихъ царей, соборы съ златыми главами и колокольню Иванъ-Великій], съ другой зеленые берега, покрытые кустарникомъ и осыпанные низкими хижинами земледѣльцевъ. Повсюду царствовало спокойствіе; воздухъ былъ растворенъ благоуханіемъ цвѣтущей липы; иногда во глубинѣ лѣса раздавался голосъ соловья, или печальное пѣніе иволги; иногда непостоянный вѣтерокъ потрясалъ вершины деревъ; иног-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

да робкій кроликъ, испуганный шорохомъ, бросался въ кустарникъ и шумѣлъ изсохшими вѣтками. Усладъ шелъ по тропинкѣ, извивавшейся между деревьями; душа его, наполненная воспоминаніями, погружена была въ задумчивость. Время прошедшее, время, въ которое находилъ онъ себя счастливымъ, представилось мыслямъ его со всѣмъ минувшимъ своимъ очарованіемъ. Гдѣ ты, моя радость, воскликнулъ печальный Усладъ; гдѣ ты, прежнее время? Прихожу на то же мѣсто, на которомъ нѣкогда называлъ я жизнь свою веселіемъ: тѣнистая роща, свѣтлая рѣка, зеленые берега, вы не измѣнились; но, счастіе мое, тебя уже нѣтъ! По-прежнему благовонная липа разливаетъ свой сладостный запахъ, по-прежнему звонкій соловей или пустынная иволга поютъ во глубинѣ дремучаго лѣса; а тотъ, кто нѣкогда услаждался благовоніемъ цвѣтущей липы, или задумавшись при гласѣ звонкаго соловья и стонѣ пустынной иволги, живѣе мечталъ о своемъ счастіи, тотъ уже не похожъ на самого себя. Ахъ! не узнаете вы меня, мѣста прелестныя; очи мои потускли отъ скорби, ланиты мои поблѣднѣли, лицо мое помрачилось унынiемъ.... Усладъ приближается къ берегамъ свѣтлаго ручья, * который, журча и сверкая, бѣжалъ по золотому песку въ зеленомъ кустарникѣ и сливался съ Москвою; онъ увидѣлъ на крутизнѣ горы уединенный теремъ грознаго Рогдая. Послѣднее блистаніе вечера играло еще на тесовой кровлѣ верхней свѣтлицы и на острыхъ концахъ высокаго тына; вершины древнихъ дубовъ, березъ и липъ, которыми покрыта была вся гора, восходящія однѣ надъ другими, мало по малу омрачались, наконецъ потемнѣли совсѣмъ; на одномъ только теремѣ, который, подобно великану, возвышался надъ лѣсомъ, оставалось умирающее мерцаніе; наконецъ и оно померкло; повсюду распространился сумракъ. Усладъ, увидя Рогдаевъ теремъ, затрепеталъ, остановился, долго смотрѣлъ на него въ молчаніи, неподвижный, мрачный, сложивъ крестообразно руки; наконецъ слезы покатились ручьями изъ глазъ его.... Ахъ, Марія! воскликнулъ онъ; вздохнулъ изъ глубины сердца, и голова его склонилась ко груди.

Молодой Усладъ родился на берегу Москвы-рѣки въ бѣдной хижинѣ, отъ честныхъ родителей. Природа наградила его пре-

* Нынѣ мутная Неглинная. В. Ж.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

красною душою, прекраснымъ лицомъ и дарованіемъ слагать прекрасныя пѣсни. Часто, простертый на берегу свѣтлой Москвы и смотря на ея серебряныя волны, провожалъ онъ вечернюю зарю звонкимъ своимъ рожкомъ. Пріятные звуки раздавались по берегамъ и повторяемы были отголосками сѣнистой рощи. Молодыя сельскія дѣвушки любили слушать Услада, когда онъ простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ, или изображалъ пріятность маткиной-душки, которой запахъ сравнивалъ онъ съ милою душою чадолюбивой матери. Усладъ былъ всѣхъ пріятнѣе на посидѣлкахъ: никто не умѣлъ такъ хорошо разсказывать страшныхъ сказокъ, отъ которыхъ робкія дѣвушки трепетали и прижимались къ своимъ матерямъ, а на головѣ молодыхъ мужчинъ становились волосы дыбомъ; ни съ кѣмъ такъ не любили играть въ хороводы и въ разныя игры, какъ съ милымъ, веселымъ, добросердечнымъ Усладомъ. Въ селѣ называли его соловьемъ. Старушки переставали хмуриться и бранить своихъ дочерей, когда приходилъ къ нимъ Усладъ; а старики въ его присутствіи оживлялись и чувствовали себя молодыми. Сельскія дѣвушки засматривались на Услада, который имѣлъ лицо прелестное, черные глаза, омраченные длинными рѣсницами, нѣжные, сіяющіе подъ черными густыми бровями; свѣтлорусые волосы, которые легкими кудрями разсыпались по прекрасному лбу, вились вокругъ открытой шеи, бѣлой какъ снѣгъ, и оттѣняли свѣжія, румяныя какъ молодая роза щеки. Но чаще другихъ и съ чувствомъ болѣе нѣжнымъ смотрѣла на него прекрасная Марія. Хижина ея построена была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый ручей сливался съ прозрачною Москвою. Маріи минуло пятнадцать лѣтъ; она имѣла доброе сердце, но была совершенный младенецъ: все ее веселило, все трогало и увлекало. — Она любила свою старую мать болѣе самой себя; часто смотрѣла ей въ глаза и говорила со слезами: матушка, другъ мой, я готова отдать тебѣ свою душу. Она плакала, когда старушка была или больна, или печальна; но въ то же самое время бездѣлица могла овладѣть ея вниманіемъ: она бросалась за пестрымъ мотылькомъ, или смѣялась отъ добраго сердца, когда слышала забавное слово, замѣчала уродливое лицо. Марія была чувствитель-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

на: никакое нѣжное чувство не могло изгладиться въ сердцѣ ея, но оно могло быть забыто [правда на короткое время] для всякаго новаго, даже слабѣйшаго впечатлѣнія.

Добрая Марія цвѣла, какъ полевая фіалка, подъ сѣнью родительской хижины, хранимая любовію матери. Съ нѣкотораго времени душа ея наполнена была тайнымъ пламенемъ, которымъ оживотворены были въ ней всѣ другія чувства—любовію къ прекрасному Усладу; но это чувство не мѣшало ей быть веселою попрежнему, по-прежнему поливать свои цвѣты, кормить свою малиновку, распѣвать веселыя пѣсенки, когда она сидѣла вмѣстѣ съ матерью за пряжею на порогѣ хижины, и смѣяться отъ всей души, когда подружки разсказывали ей смѣшныя сказки. Прекрасный пѣвецъ ощущалъ нѣжную томность въ груди своей, когда смотрѣлъ въ глаза добросердечной Маріи. Ахъ! онъ любилъ ее страстно. Милый ея образъ носился передъ нимъ, когда онъ засыпалъ; онъ представлялся ему въ сновидѣніи; онъ видѣлъ его при первомъ блескѣ восходящаго утра. Усладъ былъ задумчивъ, когда былъ съ нею розно, задумчивъ, когда видѣлъ ее передъ собою живую, рѣзвую, веселую. Марія вздыхала, на лицѣ ея изображалось глубокое, сердечное чувство, когда глаза ея встрѣчались съ глазами Услада. Она радовалась, когда Усладъ увѣрялъ ее въ нѣжной своей любви; цѣловала его въ розовыя щеки и говорила ему: добрый Усладъ, ты мое счастіе!

Однажды, вечернею порою, пѣвецъ игралъ на рожкѣ своемъ, простертый на берегу источника, въ виду Маріиной хижины. Марія, услышавъ знакомые звуки, взяла кувшинъ и пошла за водою къ свѣтлому источнику. Поровнявшись съ Усладомъ, она поставила кувшинъ на зеленую траву, сѣла подлѣ своего друга, поцѣловала его въ пламенную щеку, и окруживъ его бѣлою рукою, склонила къ нему на плечо свою прелестную голову. Они задумались. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовоннымъ дыханіемъ ландышей, маткиной-душки и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вдалекѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; легкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкія де-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ревья, сливали нѣжное свое плесканіе съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника, осѣнявшаго низкіе берега источника: всѣ сіи звуки производили вмѣстѣ очаровательную гармонію, которая трогала душу и погружала ее въ задумчивое мечтаніе. Усладъ и Марія долго молчали, упоенные любовію.

Ахъ, Марія! —сказалъ наконецъ Усладъ — люблю тебя болѣе своей жизни. Помнишь ли ту минуту, въ которую мы встрѣтились на берегу свѣтлаго источника? Ты пришла зачерпнуть въ кувшинъ свѣжей воды, заслушалась соловья и стояла въ задумчивости подъ тою развѣсистою березою—я возвращался изъ Новагорода, былъ утомленъ путемъ и зноемъ; ты утолила мою жажду и посмотрѣла на меня такимъ ласковымъ взглядомъ, что сердце мое наполнилось въ ту минуту неизъяснимою сладостію. Ахъ! съ той минуты я пересталъ владѣть своею душою; съ той минуты единственное мое счастіе быть съ тобою, или о тебѣ думать. Тобою прекрасный божій міръ сдѣлался для меня еще прекраснѣе. Во всемъ, что радуетъ мою душу, нахожу я твой милый образъ. Твой голосъ усладительнѣе для меня воркованія иволги, когда внимаю ему при блескѣ заходящаго солнца; походка твоя легче игриваго весенняго вѣтерка, когда онъ пролетаетъ надъ поверхностію спокойной Москвы-рѣки, или колышетъ нѣжную травку. Чувствуя въ рощѣ запахъ ночной красавицы, я думаю: онъ такъ же пріятенъ, какъ сладостное дыханіе моей Маріи. Свѣтитъ ли полная луна сквозь частую рощу, я погружаюсь въ задумчивость: мнѣ кажется, что въ свѣтломъ ея мерцаніи летаетъ надо мною твой образъ, что я окруженъ твоимъ невидимымъ присутствіемъ. Часто въ минуту воцаряющагося вечера забываюсь по цѣлому часу вблизи твоей хижины; сокрытый кустами шиповника, смотрю на тебя, когда ты сидишь у дверей вмѣстѣ съ твоею матерью, озаренная розовымъ сіяніемъ вечера; мать твоя перебираетъ долгіе свѣтлорусые твои волосы, заплетаетъ ихъ въ косы, цѣлуетъ тебя, называетъ своею радостію; а ты распѣваешь какъ соловей, или подымаешь на свою мать нѣжный, невинный, исполненный сердечной задумчивости взоръ, тогда... но, милый другъ, прелестная, добросердечная моя Марія, могу ли сказать, что я тогда чувствую? Ахъ! въ эту минуту не нахожу въ себѣ души; она стремится къ тебѣ, она исполнена

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чистѣйшею, непорочною къ тебѣ любовію. — Такъ говорилъ Усладъ. Марія не отвѣчала; но она вздохнула, крѣпче обхватила его бѣлою рукою, нѣжнѣе прижала ко груди его прелестную свою голову. Мы соединимся, продолжалъ Усладъ, когда исполнится тебѣ шестнадцать лѣтъ. Шесть разъ полная луна должна освѣтить вершины деревъ прежде, нежели ты будешь моею; тогда нѣжная твоя мать переселится въ нашу хижину; старость ея пройдетъ спокойно, какъ вечеръ яснаго дня... Теперь, мой милый другъ, продолжалъ Усладъ, помолчавъ минуту, я долженъ на время съ тобою разлучиться. Старый Пересвѣтъ, мой благодѣтель, мой наставникъ, идетъ отсюда въ свою отчизну, къ своимъ ближнимъ и сродникамъ—я долженъ его проводить, ибо мы, вѣроятно, разстаемся навѣки. Путешествіе мое продолжится до третьей полной луны. Марія, не забывай меня въ отсутствіи. Когда взойдетъ луна—въ эту минуту золотые рога мѣсяца мелькнули изъ тучи надъ кровлею Рогдаева терема—когда озлатятся струистыя волны, приди на берегъ источника и думай объ Усладѣ: душа его будетъ надъ тобою. Въ каждомъ пріятномъ звукѣ, съ которымъ прольется въ душу твою сладостная унылость, внимай нѣжному голосу его сердца.—Марія плакала; Усладъ умолкнулъ; они встали. Пѣвецъ поднялъ глаза на высокій Рогдаевъ теремъ — черная туча надъ нимъ носилась; невольно печаль овладѣла его душою: туча сія казалась ему подобіемъ его жребія. О! что ты принесешь мнѣ, время будущее, время далекое, время неизвѣстное? Подумалъ онъ. Быстрая молнія раздвоила тучу пламенною браздою; облака вспыхнули и вдругъ угасли; сердце Услада стѣснилось; онъ бросилъ на Марію задумчивый взглядъ: на миловидномъ ея лицѣ изображена была робость; взоры ея, устремленные на тучу, какъ будто искали на ней слѣдовъ пролетѣвшей молніи: она вздохнула, поцѣловала Услада, и медленно пошла въ свою хижину. Усладъ сѣлъ въ свою лодку, переправился на другой берегъ Москвы, на которомъ находилась его хижина, простерся на траву, печально опустилъ на руку свою голову, и долго смотрѣлъ на хижину Маріи, въ которой свѣтился огонекъ, иногда затмѣваемый легкою тѣнію. Наконецъ сіяніе исчезло. Усладъ закрылъ руками глаза и заплакалъ: ему ка-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

залось, что въ эту минуту угасло счастіе жизни его, что для него уже не было на свѣтѣ Маріи.

Утренняя заря не застала Услада на берегахъ свѣтлой Москвы. Въ первые два дни Марія не переставала крушиться и плакать. Потупивъ голову, закрывъ передникомъ прискорбныя очи свои, орошенныя слезами, сидѣла печальная на порогѣ хижины и не внимала утѣшеніямъ своей добросердечной матери. На третій день пошла она къ источнику. Вдругъ представляется взору ея незнакомый витязь: на немъ сіяла блестящая броня, голова покрыта была шишакомъ, на плечахъ лежала медвѣжья кожа. Лицо неизвѣстнаго было величественно и сурово: глаза, глубоко впадшіе, ярко блистали изъ-подъ густыхъ бровей; черная всклокоченная борода закрывала до половины смуглыя щеки его. Марія оторопѣла. Незнакомецъ поглядѣлъ на нее пристально. Кто ты, красная дѣвица? спросилъ онъ. Марія испугалась громозвучнаго голоса, не посмѣла поднять своихъ глазъ и побѣжала опрометью въ хижину. Витязь послѣдовалъ за нею.

То былъ Рогдай, славный, могучій богатырь. Ему принадлежали обширныя поля, между которыми извивалась прозрачная Москва; ему принадлежалъ высокій теремъ, окруженный дубовымъ тыномъ. Онъ долго служилъ могущественною мышцею великому Новугороду; сподвижники называли его: Рогдай булатная рука; а прочіе люди: Рогдай жестокое сердце; ибо ни одно человѣколюбивое чувство не было ему извѣстно, никогда на челѣ его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщеніи, ни вопли, ни улыбка невиннаго младенца не проницали въ его неприступную душу. Умертвивъ на соборищѣ народномъ одного изъ знаменитѣйшихъ посадниковъ новогородскихъ, и принужденный поспѣшно съ вѣрною дружиною сокрыться изъ великаго града, пошелъ онъ въ знаменитый Кіевъ, къ великому князю Владиміру, дабы служить ему вмѣстѣ съ богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею. Желая на перепутьи посѣтить свое наслѣдіе и отческій теремъ, въ которомъ провелъ младенческія лѣта, явился онъ на берегахъ Москвы рѣки, дни черезъ два по отшествіи пѣвца Услада.

Новое чувство открылось въ душѣ Рогдая въ ту минуту, когда онъ встрѣтился у источника съ Маріею; онъ началъ каждый день

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

посѣщать хижину ея матери. Разговаривая съ старушкою, бросалъ онъ косвенные взгляды на прелестную дочь ея, которая потупивъ голову, краснѣя и трепеща, сидѣла за пряжею и роняла изъ рукъ веретено всякій разъ, когда робкіе взоры ея встрѣчались нечаянно съ задумчивыми взорами Рогдая, въ которыхъ пылало мрачное пламя. Неутолимая страсть, сопутствуемая мукою желаній и тайнымъ волненіемъ ревности, свирѣпствовала въ сердцѣ грознаго витязя. Впервые почувствовалъ онъ желаніе быть любимымъ, впервые научился смягчать громозвучный свой голосъ; иногда на устахъ его показывалась усмѣшка; вездѣ и всякую минуту онъ думалъ о Маріи; искалъ ее на берегу источника, во глубинѣ рощи; слѣдовалъ за нею въ село, и даже нерѣдко, чтобъ угодить ей, вмѣшивался въ веселыя игры поселянъ и поселянокъ. Всякій день приносили ей богатые дары отъ Рогдая: иногда жемчужное блестящее ожерелье, иногда шелковый сарафанъ, обшитый богатымъ галуномъ, иногда ленту съ серебряною бахромою, серьги, золотой перстень. Марія, говорилъ ей грозный витязь, отдай мнѣ свое сердце, я сдѣлаю твое счастіе. Тебѣ будутъ принадлежать мои сокровища, мой теремъ, мои поля и рощи. Будешь ходить въ серебрѣ и золотѣ. Повезу тебя въ великолѣпный градъ Кіевъ, покажу тебѣ великаго князя Владиміра; увидишь богатырскія игры, затмишь собою всѣхъ кіевскихъ красавицъ, будешь украшеніемъ княжескихъ палатъ и радостію всего града Кіева.... Что происходило въ твоемъ сердцѣ, что думала ты, добрая Марія? Сначала она тосковала и плакала. Усладъ, милый Усладъ, для чего нѣтъ тебя со мною? Говорила она, смотря на струистый источникъ, при которомъ они разстались. Увы! она уже чувствовала, что присутствіе Услада было необходимо, чтобъ сохранить въ сердцѣ ея прежнюю къ нему привязанность. Воображая Услада, она воображала счастіе жизни своей; но думая о Рогдаѣ, видѣла въ мысляхъ своихъ одни безчисленныя богатства его, пышный градъ Кіевъ [о которомъ слыхала только въ сказкахъ], славныхъ богатырей, блистаніе великолѣпнаго дворца княжескаго, и никогда не думала о самомъ Рогдаѣ, ибо никогда сердце ея не могло бы поколебаться между прекраснымъ Усладомъ и грознымъ витяземъ, котораго мрачный образъ приводилъ ее въ трепетъ. Но, увы! ослѣпленный разсудокъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ослѣпилъ и нѣжное сердце Маріи; въ продолженіе перваго мѣсяца она всякій божій день приходила къ источнику вспоминать объ Усладѣ—и всякій разъ встрѣчала на берегахъ его витязя Рогдая. Наступилъ другой мѣсяцъ, и Марія съ бо̀льшимъ уже вниманіемъ начала слушать Рогдаевы предложенія: въ душѣ ея, которая прежде была такъ непорочна, родились гордыя мечты о блескѣ, богатствѣ и торжествѣ ея прелестей. Наступилъ третій мѣсяцъ—и Марія отдала руку свою Рогдаю.... Ахъ! кто бы это подумалъ, добрая Марія? Но для чего же обвинять ея доброе сердце? Оно никогда не измѣняло Усладу. Ты обманывалась, Марія, когда увѣряла себя, что болѣе не любишь своего друга. Скоро исчезнетъ твое ослѣпленіе; скоро опять воскреснетъ въ душѣ твоей прежнее чувство любви, къ которому ты привыкла, которымъ была такъ счастлива.... что будешь тогда, невинная, обманутая, несчастная Марія?

Усладъ приближался уже къ мѣсту своей родины; ужъ видѣлъ онъ вдалекѣ высокій Рогдаевъ теремъ, видѣлъ дымъ, вьющійся надъ кровлями хижинъ и озлащенный сіяніемъ восходящаго утра. Душа его наполнена была смутными чувствами радости, любви, нетерпѣнія. Въ эту минуту повстрѣчался ему пастухъ, который гналъ стадо на пастьбу и пѣлъ утреннюю свою пѣсню—они узнали другъ друга. Бѣдный Усладъ, зачѣмъ воротился ты на свою родину, воскликнулъ пастухъ. Усладъ поблѣднѣлъ. Что сдѣлалось? Спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ. Много воды утекло съ того времени, какъ ты оставилъ наше селеніе, отвѣчалъ пастухъ. Марія твоя перелетная птичка; она покинула родимое гнѣздышко и хочетъ летѣть на чужую сторону; она разлюбила тебя; она отдала свою душу богатому и могучему витязю Рогдаю. Ахъ! бѣдный Усладъ, для чего возвращался ты на свою родину? Пастухъ посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ, вздохнулъ, опять погналъ свое стадо, опять запѣлъ свою утреннюю пѣсню. Усладъ не могъ отвѣчать ему ни слова: стоялъ, какъ убитый громомъ и долго неподвижными очами смотрѣлъ на волны; въ которыхъ отражалось чистое небо. Жаворонокъ кружился и пѣлъ подъ облаками; утренній вѣтерокъ дышалъ ему въ лицо; съ полей подымались благовонія цвѣтовъ и травъ. Усладъ ничего не чувствовалъ. Солнце

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

взошло; первые лучи его заиграли на кровлѣ высокаго терема: нечаянно взоры Услада на нее устремились; вся душа его пришла въ волненіе; онъ бросился на траву, залился слезами, и цѣлый день пролежалъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, вздыхалъ и терзался. Наступилъ вечеръ. Земледѣльцы и пастухи пришли съ полей. Веселые голоса ихъ пробудили Услада. Онъ всталъ, опять устремилъ глаза на теремъ, смотрѣлъ на него долго, наконецъ снялъ съ груди пучокъ засохшихъ ландышей, перевязанныхъ волосами Маріи, который подарила она ему наканунѣ разлуки, бросилъ его въ рѣку, нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нимъ глазами по теченію волнъ, потомъ потупивъ голову, стараясь удерживать стѣснившіеся въ груди вздохи, пошелъ назадъ, чтобы никогда, никогда не возвращаться въ то мѣсто, гдѣ все, что радовало его въ жизни, погибло навѣки.

Прошла осень, прошла зима—Усладъ скитался по городамъ и селеніямъ. Увы! онъ думалъ забыть прежнее время, забыть утраченное свое счастіе—напрасно! Въ тѣхъ самыхъ пѣсняхъ, которыми веселилъ онъ горожанъ и сельскихъ жителей, чтобы избавить себя отъ голодной смерти, изображались милыя чувства, нѣкогда услаждавшія душу его, изображенъ былъ тотъ счастливый край, гдѣ прежде встрѣчалъ онъ въ веселіемъ каждое утро, провожалъ съ надеждою каждый вечеръ. Наступила весна и вся любовь, которую онъ почиталъ почти угасшею, опять воспламенилась въ душѣ его. Нѣтъ, воскликнулъ Усладъ, я не могу дышать въ разлукѣ съ нею; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ мой жребій—угаснуть въ любви, увянуть въ страданіи; здѣсь на чужой сторонѣ, все для меня чужое; а тамъ въ отчизнѣ моей, все мнѣ другъ, все было свидѣтелемъ моего счастія, все будетъ повѣреннымъ моей скорби. Не буду съ нею встрѣчаться; но буду съ нею вмѣстѣ, но буду скитаться вокругъ ея жилища, невидимо слѣдовать за нею во глубину рощи, иногда внимать ея голосу, дышать вѣтеркомъ, освѣжающимъ ея грудь, или волнующимъ ея свѣтлые кудри, орошать слезами слѣды, оставленные на муравѣ легкими ея стопами, въ упоеніи, сокрытый мракомъ ночи, смотрѣть на свѣтъ ея лампады, горящей передъ образомъ и проницающей сквозь окна ея свѣтлицы, и вмѣстѣ съ нею молить Божію Матерь о счастіи жизни ея. Такъ, моя родина,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и вы, отеческія рощи, и вы, цвѣтущіе берега Москвы, опять увидите возвратившагося къ вамъ Услада; возвращусь къ вамъ, чтобъ увянуть на вашемъ лонѣ, увянуть тамъ, гдѣ разцвѣло и увяло мое веселіе. Ахъ! видя, какъ другой владѣетъ моимъ счастіемъ, скорѣе умру съ печали. Утро взойдетъ, ранняя ласточка взовьется подъ облака, вѣтерокъ побѣжитъ по вершинамъ деревъ, и листья осенніе посыплются съ шумомъ; тогда, Марія, ты взглянешь въ окно высокаго терема и скажешь: утренняя ласточка, для чего ты поднялась такъ рано? Вѣтерокъ осенній, для чего разсыпаешь ты красоту дубравы? Для чего въ душѣ моей тоска неизвѣстная? Ты выйдешь разсѣять печаль свою въ полѣ; тамъ, близъ тропинки изъ чистой, на краю кладбища, подъ сѣнію древнихъ березъ, увидишь свѣжую могилу; ты устремишь на нее задумчивые взоры. Здѣсь положили пѣвца Услада, скажутъ тебѣ сельскія дѣвушки, печально собравшіяся вокругъ могилы. Ты вспомнишь прежнія наши радости, вспомнишь пѣвца Услада; пріунывши, возвратишься въ свой теремъ, вздохнешь изъ глубины сердца и скажешь: онъ меня любилъ, но его уже нѣтъ.

Солнце почти закатилось, когда Усладъ остановился на берегу источника, въ виду Рогдаева терема.

Долго въ унылой задумчивости смотрѣлъ онъ на жилище Маріи; взоры его искали сіянія лампады въ окнѣ уединенной ея свѣтлицы..... напрасно; глубокая мрачность царствовала въ теремѣ витязя Рогдая. Уже на западѣ исчезла послѣдняя полоса вечерней зари, на востокѣ показывалась полная луна, подобная зареву отдаленнаго пожара: весь теремъ покрылся ея сіяніемъ. Усладъ могъ ясно видѣть, что задвижныя окна были всѣ раскрыты; что крѣпкія тесовыя ворота, не заложенныя затворомъ, ходили на желѣзныхъ петляхъ — невольно робость проникнула въ его душу. Что это значитъ? подумалъ онъ. Отчего такая мрачность въ Рогдаевомъ теремѣ? Что сдѣлалось съ тобой, Марія? — Усладъ переходитъ источникъ въ бродъ, и по тропинкѣ, вьющейся въ кустахъ, идетъ на высоту горы—часто останавливается—слушаетъ—ничего не слышитъ—однѣ только легкія струйки ручья переливаются съ журчаніемъ по песку, изрѣдка стучитъ стрекоза, изрѣдка увядшій листокъ срывается съ дерева и съ трепетаніемъ па-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

даетъ на землю. Что предвѣщаешь ты мнѣ, тишина ужасная? Вопрошалъ Усладъ, осматриваясь съ робостію, и видя вокругъ себя одно печальное запустѣніе. Вдругъ послышался ему близкій шорохъ... кто-то бѣжалъ... сухіе листья хрустѣли подъ ногами... шорохъ приблизился... Усладъ прячется въ кусты... видитъ женщину... луна освѣтила ея лицо... Пѣвецъ узнаетъ добродушную Ольгу, любимую подругу Маріи... бросается къ ней на встрѣчу... Ольга закричала, закрыла обѣими руками лицо... Защитите меня, силы небесныя, воскликнула она: привидѣніе, душа Усладова! — Ноги ея подкосились, она упала бы на траву, когда бы Усладъ не принялъ ея въ объятія. «Что съ тобою сдѣлалось, добрая Ольга? Отчего боишься Услада.»—Ольга дрожала, какъ листъ, не смѣла отворить глазъ, крестилась, читала про себя молитву.—«Опомнись, милая Ольга, погляди на меня. Я не мертвецъ, я Усладъ, живой Усладъ, возвратился въ свою отчизну, хочу увидѣть Марію.» Звуки знакомаго голоса ободрили нѣсколько робкую дѣвушку — нѣсколько минутъ не могла она придти въ себя отъ испуга, наконецъ мало по малу осмѣлилась отворить глаза... Точно ли вижу Услада? спросила она. Въ самомъ дѣлѣ, его лицо, его пріятные взоры, его знакомый голосъ. Ахъ! добрый Усладъ, зачѣмъ ты здѣсь?... Но удалимся отъ этого мѣста — мнѣ страшно. Скоро будетъ полночь; никто изъ нашихъ поселянъ не ходитъ сюда въ это время: я сама нечаянно запоздала въ рощѣ; удалимся, Усладъ; это мѣсто ужасно. — Ольга побѣжала впередъ, потащивъ за собою Услада, и чрезъ двѣ минуты находились они уже на берегу свѣтлаго источника. — «Ольга, сказалъ Усладъ, я не пойду и не пущу тебя далѣе: хочу знать, отчего такъ страшенъ тебѣ Рогдаевъ теремъ, и что сдѣлалось съ Маріею?»—Ахъ! добрый Усладъ, о чемъ ты у меня спрашиваешь! — «Говори, милая Ольга, именемъ Бога прошу тебя; неизвѣстность мучительнѣе смерти.» — Хорошо, Усладъ, слушай. Садись ко мнѣ ближе; здѣсь не такъ страшно: я вижу на томъ берегу источника нашу хижину. — Они сѣли. Усладъ трепеталъ; сердце предсказывало ему что-то ужасное.

Много, Усладъ, очень много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ нашу деревню — такъ начала говорить Ольга.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дорого бѣдная моя подруга заплатила за свое легкомысліе. Ахъ, милосердое небо! для чего, не спросясь съ душою своею, повѣрила она коварнымъ обѣщаніямъ обольстителя?.... Усладъ, Марія твоя ни на одну минуту не переставала о тебѣ помнить. Что дѣлать, если она, какъ младенецъ, прельстилась золотыми парчами, жемчугомъ, лентами, которыми дарилъ ее грозный Рогдай, и суетною надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ? Увы! она сама обманывала себя, когда почитала прежнюю любовь свою угасшею, а гордые свои замыслы привязанностію къ грозному Рогдаю. Нѣтъ, Усладъ, не обижай ея такою мыслію: никогда Маріино сердце не было перемѣнчиво; и можно ли, другъ мой, забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены всѣ наши надежды на счастіе, которыми земля претворяется для насъ въ царство небесное? Ни одной минуты веселія не видала она съ той поры, какъ принуждена была оставить родительскую хижину. Слушай: ввечеру наканунѣ того дня, въ который надлежало ей идти къ вѣнцу и въ церкви Божіей передъ святымъ алтаремъ навсегда отдать себя Рогдаю, поклявшись тайно, что позабудетъ Услада навѣки, я навѣстила мою подругу; но гдѣ же нашла ее? Здѣсь на берегу свѣтлаго источника на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты, Усладъ, въ послѣдній разъ съ нею простился. Она сидѣла въ унынiи, склонивъ ко груди прелестную свою голову, съ потухнувшими глазами, увядшими щеками, какъ будто приговоренная къ смерти. Ахъ, Усладъ! еще не вступила она въ Рогдаевъ теремъ, а уже мечты удовольствій, которыя найти въ немъ она воображала, для нея исчезли: одна только мысль о томъ, что была она готова утратить, одно минувшее время, однѣ погибшія радости наполняли ея прискорбную душу. Увидя меня, она встала, подала мнѣ знакъ, чтобы я за нею послѣдовала, и молча пошла въ свою хижину. Матери ея не было дома; свѣчка горѣла передъ образомъ Богоматери. — Молись вмѣстѣ со мною, сказала Марія, и упала на землю, обливаясь слезами. Святая утѣшительница, воскликнула она, молю не о себѣ; для меня уже нѣтъ счастія: не желаю, не буду искать его, я сама отъ него отказалась; но будь твое милосердіе надъ милымъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

оставленнымъ, осиротѣвшимъ другомъ моимъ; храни его, покровительница несчастныхъ. — На другое утро принесли къ ней богатые дары отъ Рогдая: она посмотрѣла на нихъ съ равнодушіемъ. Сельскія дѣвушки пѣли веселыя пѣсни у дверей ея хижины; Марія, казалось, имъ не внимала. Мать убирала ее къ вѣнцу, ласкала словами и взорами; Марія устремляла на нее умильные глаза, цѣловала ея руки, вздыхала, утирала слезы и не говорила ни слова. Грозный Рогдай изумился, когда она вошла въ церковь, печальная, блѣдная какъ полотно, и съ трепетомъ подала ему руку. Лицо ужаснаго витязя во все продолженіе вѣнчальнаго обряда было мрачно: съ суровымъ подозрѣніемъ разсматривалъ онъ свою невѣсту, которая стояла предъ алтаремъ, какъ жертва, приведенная на закланіе. Ихъ обвѣнчали. Усладъ, я повторяю: ни единою радостію не насладилась твоя Марія съ той самой минуты, въ которую оставила родительскую хижину. Мы видѣлись съ нею каждый Божій день: всегда находила я ее погруженную въ задумчивость. Иногда, вечернею порою, она сидѣла на скатѣ горы и пѣла прекрасныя твои пѣсни; иногда съ прискорбіемъ останавливалась на берегу источника; но чаще всего приходила къ рѣкѣ смотрѣть на отдаленную твою хижину. Суровость витязя Рогдая приводила ее въ трепетъ: онъ любилъ страстною любовію, но самая нѣжность его имѣла въ себѣ что-то жестокое. Простодушная Марія, которой слова и взоры всегда согласны были съ тайнымъ расположеніемъ сердца, отвѣтствовала на любовь его одною тихою покорностію: она подходила къ нему только тогда, когда онъ самъ приказывалъ ей приблизиться; не смѣла къ нему ласкаться, а только съ смиреніемъ принимала его надменныя ласки. Увы! несчастная Марія, которая прежде была такъ весела и рѣзва, которая прыгала отъ удовольствія въ кругу игривыхъ своихъ подругъ, Марія почти никогда уже не улыбалась, и въ самой улыбкѣ ея изображено было душевное прискорбіе. Рогдай замѣтилъ ея тоску; часто съ видомъ угрюмаго подозрѣнія устремлялъ онъ свои взоры на блѣдное лицо Маріи: она содрогалась и потупляла глаза свои въ землю. Часто хотѣлъ онъ спросить ее о причинѣ такой непрерывной унылости, начиналъ говорить и уходилъ, не кончивъ вопроса — и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

что могла бы отвѣчать ему Марія? Прошло три недѣли. Въ одно утро [мы сидѣли вмѣстѣ съ Маріею и низали жемчужное ожерелье для ея матери] приходитъ онъ въ ея свѣтлицу. «Марія, говоритъ онъ, послѣ завтра мы ѣдемъ въ Кіевъ: будь готова.» Марія поблѣднѣла; руки ея опустились; хотѣла отвѣчать и слезы побѣжали изъ глазъ ея ручьями. Что это значитъ? загремѣлъ ужаснымъ голосомъ витязь. — Марія схватила его руку [въ первый разъ позволила она себѣ такую смѣлость]. Ради Бога, воскликнула она, устремивъ на него умильный взоръ, пробудь здѣсь еще одинъ мѣсяцъ, одинъ только мѣсяцъ; дай мнѣ познакомиться съ печальною мыслію, что я должна разстаться съ своею родиною, навсегда покинуть мать свою, моихъ подругъ, мои отеческія поля и рощи. Прижавши прекрасное лицо свое къ рукѣ ужаснаго витязя, она орошала ее слезами. Какое сердце могло бы не тронуться умоляющимъ стенаніемъ Маріи? Нѣсколько минутъ молчалъ суровый Рогдай: въ сумрачныхъ взорахъ его блеснуло чувство. Не могу отказать тебѣ, Марія, отвѣчалъ онъ, смягчивши голосъ, мнѣ сладко тебя утѣшить. Согласенъ; еще на мѣсяцъ остаюсь въ этихъ мѣстахъ; но, Марія!—тутъ устремилъ онъ на нее подозрительный взглядъ — ты худо отвѣчаешь на страстную мою любовь: горе тебѣ, если не одна привязанность къ матери, подругамъ и отчизнѣ удерживаетъ тебя въ этомъ мѣстѣ. — Онъ удалился. Марія посмотрѣла на меня и не сказала ни слова: мы обѣ вздохнули.

Прошло еще двѣ недѣли—самыя печальныя для бѣдной Маріи. Она старалась удалить отъ себя воспоминанія объ Усладѣ, но всякую минуту противъ воли своей думала: онъ скоро возвратится, онъ придетъ отдать мнѣ свою душу, исполненный сладкой надежды, исполненный прежней любви, а я.... Она томилась въ тоскѣ и слезахъ, и не могла утаить ни тоски, ни слезъ своихъ отъ Рогдая; онъ видѣлъ ея печаль—но онъ молчалъ, и грозные взоры его часъ отъ часу становились мрачнѣе; страшная ревность свирѣпствовала въ его сердцѣ. Марія, говорилъ онъ иногда, устремивъ на нее пристальное око, душа твоя неспокойна, совѣсть тебя обличаетъ: взоры мои тебѣ ужасны. Марія, восклицалъ онъ иногда громозвучнымъ голосомъ, отъ котораго несчастная цѣпенѣла; я люблю тебя страстно.... но горе, если ты меня обманула!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Наконецъ наступило время твоего возвращенія, и бѣдная Марія совсѣмъ потеряла спокойствіе. Увы! она боялась ужаснаго Рогдая, боялась твоего милаго присутствія, боялась собственнаго своего сердца: малѣйшій шорохъ заставлялъ ее содрогаться. Она не хотѣла, она страшилась тебя увидѣть; но, Усладъ, не смотря на то, какъ будто ожидая тебя, не отходила она отъ окна своей свѣтлицы, по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу Москвы, устремивъ неподвижные взоры на противную сторону рѣки, туда, гдѣ видима соломенная кровля твоей хижины. Въ одно утро—это случилось на другой день послѣ твоей встрѣчи съ пастухомъ нашего села—навѣщаю ее, нахожу одну, печальную попрежнему, на берегу Москвы, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которое приходила она и вчера и всякій день; сказываю, что тебя видѣли наканунѣ; что ты, узнавши о ея замужствѣ, не захотѣлъ войти въ деревню; что ты удалился неизвѣстно куда. Марія заплакала. Ангелъ хранитель, сопутствуй ему сказала она; пусть будетъ онъ счастливъ; пускай, если можетъ, забудетъ Марію. Она устремила глаза на небо. Мы стояли тогда на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ волны образуютъ мелкій заливъ, разливаясь по свѣтлымъ камешкамъ, съ тихимъ плесканіемъ—одна волна прикатилась почти къ самымъ ногамъ Маріи—разсыпалась—что-то оставила на пескѣ—я наклоняюсь—вижу пучокъ увядшихъ ландышей, перевязанный волосами—подымаю его—показываю Маріи: Боже мой, какія слова изобразятъ ея ужасъ! Казалось, что грозное привидѣніе представилось ея взору, волосы поднялись на головѣ ея дыбомъ, затрепетала, поблѣднѣла: это мои волосы, воскликнула она. Услада нѣтъ на свѣтѣ: онъ бросился въ рѣку. Она упала къ ногамъ моимъ безъ памяти. Въ эту минуту показался Рогдай: подходитъ, видитъ безчувственную Марію, поднимаетъ ее; смотритъ съ недоумѣніемъ ей въ лицо: оно покрыто было блѣдностію смерти; снимаетъ съ головы шишакъ, велитъ мнѣ зачерпнуть въ него воды, и орошаетъ ею голову Маріи, которая, какъ увядшая роза, наклонена была на правое плечо.—Нѣсколько минутъ старались мы привести ее въ чувство; наконецъ Марія отворила глаза—но глаза ея были мутны; она посмотрѣла на Рогдая—и не узнала его. Ахъ, Усладъ! сказала она умирающимъ голосомъ, я любила тебя болѣе

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жизни; послѣднія радости, послѣднія надежды, простите! Какъ описать то дѣйствіе, которое произвели слова ея на душѣ грознаго Рогдая? Лицо его побагровѣло, глаза его засверкали, какъ уголья; онъ страшно заскрежеталъ зубами. Усладъ, воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, кто Усладъ? Что ты сказала, несчастная?—Но Марія была какъ помѣшанная; она не чувствовала, что Рогдай стоялъ передъ нею; съ судорожнымъ движеніемъ прижимала она его руку къ сердцу и говорила: на что мнѣ жить? Я любила его болѣе моей жизни: все кончилось! Рогдай затрепеталъ; въ изступленіи обхватилъ онъ ее одною рукой поперегъ тѣла и помчалъ, какъ дикій волкъ свою добычу, на высоту горы, къ ужасному своему терему. Я хотѣла за ними послѣдовать. Прочь! заревѣлъ онъ охриплымъ голосомъ, блеснувъ на меня звѣрскими глазами—ноги мои подкосились. Съ той поры, Усладъ, ни разу не видала я нашей Маріи... Ввечеру прихожу опять къ горѣ, смотрю на высокій теремъ—все было въ немъ тихо, какъ будто въ могилѣ—свѣтлица Маріи казалась пустою—я долго прислушивалась—но все молчало—ничто, кромѣ трепетанія волнъ и шороха дубравныхъ листьевъ, не доходило до моего слуха—кровь леденѣла въ моихъ жилахъ.—Боже мой, думала я, что сдѣлали они съ тобою, несчастная Марія? Три дни сряду приходила я къ терему: то же молчаніе, та же пустота. Куда дѣвалась Марія? Гдѣ витязь Рогдай? Спрашивали наши поселяне. Одинъ изъ нихъ осмѣлился войти въ самый теремъ; но онъ не нашелъ ни витязя, ни Маріи, ни служителей Рогдаевыхъ: повсюду царствовала пустота, стѣны были голы, всѣ утвари домашнія исчезли—казалось, что никогда нога человѣческая не заходила въ эту обитель молчанія. Увы, Усладъ! съ того времени мы ничего не знаемъ объ участи твоей Маріи. Никто изъ поселянъ не смѣетъ приближаться къ Рогдаеву терему. Горе заблудившемуся пѣшеходцу, который отважится зайти въ него полуночною порою! Божіе проклятіе постигло этотъ вертепъ злодѣйствъ, говоритъ нашъ сельскій священникъ. Мы смотримъ на него изъ-за рѣки, содрогаемся и молимъ Небеснаго Царя, чтобы онъ успокоилъ душу Маріи. Бѣдная мать ея умерла съ печали: мнѣ суждено было отъ Бога заступить при ней мѣсто дочери; я посадила на могилѣ ея шиповникъ и молодую

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

липу, Усладъ, кто знаетъ, можетъ быть, она уже встрѣтилась теперь на томъ свѣтѣ съ своею Маріею.

Ольга перестала говорить; Усладъ не могъ отвѣчать ей ни слова. Несчастный сидѣлъ, потупивъ голову, закрывъ руками лицо—состояніе души его было ужасно; нѣсколько минутъ продолжалось печальное безмолвіе. Усладъ посмотрѣлъ на Маріину подругу: она плакала, онъ поцѣловалъ ее въ щеку. Милая Ольга, сказалъ онъ, возвратись къ своей матери; конечно, безпокоитъ ее теперь долговременное твое отсутствіе; оставь меня, я никогда не сойду съ этой горы; она должна быть моимъ гробомъ. Богъ съ тобою, добросердечная Ольга; будь счастлива; скажи въ деревнѣ, что бѣдный Усладъ живъ, что онъ возвратился, что онъ умретъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мучилась и погибла его несчастная Марія.—Они поцѣловались опять. Ольга переправилась на другой берегъ источника; Усладъ пошелъ по излучистой тропинкѣ на высоту горы, къ ужасному терему.

Полночь была уже близко—полная луна, достигшая вершины неба, сіяла почти надъ самою головою Услада. Онъ приближается къ терему; входитъ въ широкія ворота, растворенныя настежь — они скрыпѣли и хлопали; входитъ на дворъ—все пусто и тихо. Дорога отъ воротъ до крыльца, окруженнаго высокими перилами, покрыта крапивою, полынью и репейникомъ. Усладъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, наконецъ вступаетъ на крыльцо, идетъ въ двери... Дикая лисица, испуганная приходомъ человѣческимъ, давно не возмущавшимъ сего пустыннаго мѣста, бросилась въ высокую траву, сверкнувъ на него глазами; филинъ, пробужденный шорохомъ, встрепенулся, захлопалъ крыльями, полетѣлъ на кровлю и завылъ... Усладъ почувствовалъ робость и началъ осматриваться. При свѣтѣ луны увидѣлъ онъ себя въ обширной горницѣ, въ которой находился длинный столъ, приставленный къ стѣнѣ; двѣ или три скамейки, лежавшія на полу; пустой поставецъ, гдѣ прежде находились образа, и на полу разбросанные черепки разбитыхъ глиняныхъ кружекъ: здѣсь грозный Рогдай угощалъ иногда поселянъ и поселянокъ своей деревни. Усладъ прошелъ еще двѣ или три горницы: вездѣ представлялись глазамъ его голыя стѣны, вездѣ царствовала тишина, изрѣдка нарушае-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мая шумомъ нетопырей, которые быстро надъ нимъ порхали. Наконецъ онъ видитъ маленькую дверь и узкую лѣстницу, обвившуюся винтомъ вокругъ столба: сердце его сильно затрепетало—эта лѣстница вела въ свѣтлицу Маріи. Усладъ идетъ по ступенямъ, входитъ въ свѣтлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударяла прямо въ раскрытыя окна. Душа его наполнилась неизъяснимымъ прискорбіемъ, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бѣдная Марія провела послѣдніе дни своей жизни, встрѣчая утро со вздохами, провожая вечеръ съ унынiемъ. Онъ находилъ горестное удовольствіе дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда она дышала; какъ будто чувствовалъ, что въ тихой полуночной прохладѣ разливалось вокругъ него ея присутствіе. Все было ею наполнено—на все устремлялъ онъ съ неописаннымъ волненіемъ взоры свои, ибо вездѣ мечтались ему слѣды милаго бытія утраченной Маріи. Въ одномъ углу брошены были ея пяльцы съ недоконченнымъ шитьемъ, которое почти истлѣло. Въ другомъ что-то блистало—Усладъ приближается: смотритъ—что же? Находитъ тотъ самый образъ Богоматери въ серебряномъ окладѣ, который привезъ онъ ей изъ Кіева, и который Марія, до самой разлуки съ Усладомъ, носила на шеѣ; онъ упалъ передъ нимъ на землю, заплакалъ, снялъ его съ стѣны, поцѣловалъ и положилъ на грудь свою. Онъ сѣлъ подъ окно—глаза его устремились на Москву, которая тихо вилась подъ горою, отражая въ волнахъ своихъ и берега, покрытые лѣсомъ, и синее небо, усыпанное легкими сребристыми облаками; окрестности, одѣтыя прозрачною пеленою свѣтлаго сумрака, были спокойны; все молчало—и воздухъ, и воды, и рощи. Усладъ задумался; минувшее предстало его воображенію, какъ легкій призракъ; онъ видѣлъ Марію, прежде цвѣтущую, потомъ увядающую во цвѣтѣ лѣтъ. Здѣсь, думалъ онъ, сидѣла она въ унынiи подъ окномъ, смотрѣла въ туманную даль и посылала ко мнѣ свои вздохи; здѣсь, проливая слезы, молилася передъ святою иконою; здѣсь, о Боже милосердый, можетъ быть, на самомъ этомъ мѣстѣ убійца... Онъ содрогнулся; ужасъ проникнулъ всѣ его члены; ему мечталось слышать степанія, выходящія какъ будто изъ могилы мечталось, что скорбное, тоскующее привидѣніе бродило по горницамъ оставленнаго

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

терема; жилы его сильно бились; кровь, устремившаяся въ голову, производила въ ушахъ его звуки, подобные погребальному стону. Часъ полночи, всеобщее безмолвіе, мрачность и пустота ужаснаго терема—все приготовляло душу его къ чему-то необычайному: таинственное ожиданіе наполняло ее. Усладъ сидитъ неподвижно... прислушивается... все молчитъ... ни звука... ни шороха... Вдругъ отъ дубравы подымается тихій вѣтерокъ; листочки окрестныхъ деревьевъ зашевелились, ясная луна затуманилась, по всѣмъ окрестностямъ пробѣжалъ сумракъ, какое-то легкое, почти нечувствительное дуновеніе прикоснулось къ пламеннымъ щекамъ Услада и заиграло въ его разбросанныхъ кудряхъ: казалось, что въ воздухѣ распространялось благовонное дыханіе весны, разливалась пріятная, едва слышимая гармонія, подобная звукамъ далекой арфы. Усладъ подымаетъ глаза... что же? О ужасъ! о радость!... онъ видитъ... видитъ передъ собою Марію—свѣтлый воздушный призракъ, сіяющій розовымъ блескомъ; одежда ея, прозрачная какъ утреннее облако, летящее передъ зарею, разстилалась по воздуху струями; лицо ея, блѣдное какъ чистая лилія, казалось прискорбнымъ, на милыхъ устахъ видима была унылая улыбка; задумчивый взоръ ея стремился къ Усладу. Священный ужасъ наполнилъ его сердце. «Ты ли, душа моей Маріи? Воскликнулъ онъ, простирая къ привидѣнію трепещущія руки. О! скажи для чего покинула ты селенія неба? Велишь ли мнѣ разлучиться съ жизнію? Хочешь ли пріобщить меня къ своему блаженству?» Онъ умолкъ—отвѣта не было. Но призракъ, казалось, хотѣлъ, чтобы Усладъ за нимъ послѣдовалъ—одною рукою указывалъ на дремучій лѣсъ, другою, простертою къ Усладу, манилъ его за собою. Усладъ, осмѣлился ступить нѣсколько шаговъ... привидѣніе полетѣло... Усладъ остановился... и вмѣстѣ съ нимъ остановился призракъ, опять устремивъ на него умоляющіе взоры... Усладъ былъ въ нерѣшимости... не зналъ, идти ли ему, или нѣтъ... наконецъ ободрился... пошелъ... руководствуемый таинственнымъ вождемъ, вышелъ на пустынный дворъ, за ворота, наконецъ въ дремучій лѣсъ, который на нѣсколько верстъ простирался позади Рогдаева терема. Входитъ во глубину лѣса—тишина и мрачность окрестъ него царствуютъ; ни одно живое твореніе

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

не представляется взору его; дикіе дубравные звѣри, какъ будто чувствуя присутствіе безплотнаго духа, ему сопутствующаго, уклоняются отъ стези его съ робостію... храня глубокое безмолвіе, идетъ онъ за блѣднымъ, улетающимъ сіяніемъ... нѣсколько часовъ продолжалось его уединенное шествіе... вдругъ видитъ рѣку, вьющуюся подъ сѣнію древнихъ дубовъ, развѣсившихся березъ и мрачныхъ елей... устремляетъ глаза на свѣтлую свою сопутницу... она остановилась... печаль, прежде напечатлѣнная во взорахъ ея, уже исчезла: они сіяли небеснымъ веселіемъ... Привидѣніе указываетъ ему на небо... улыбается... простираетъ къ нему объятія... и вдругъ, какъ легкая утренняя мечта, исчезаетъ въ воздушной пустынѣ. Все помрачилось; Усладъ остался одинъ, въ глуши дремучаго лѣса, въ странѣ ужасной и дикой... осматривается... видитъ вблизи сверкающій огонекъ... идетъ... глазамъ его представляется низенькая хижина, покрытая соломою... онъ отворяетъ дверь... дряхлый старикъ молится передъ распятіемъ, при свѣтѣ ночника... скрыпъ двери заставилъ его оглянуться... онъ посмотрѣлъ пристально Усладу въ лицо... улыбнулся и подалъ ему руку.

Благословляю приходъ твой, сказалъ отшельникъ; давно пророческое сновидѣніе возвѣстило мнѣ его въ этой пустынѣ. Въ лицѣ твоемъ узнаю того юношу, который нѣсколько разъ являлся мнѣ въ полуночное время, когда въ спокойномъ снѣ отдыхалъ я послѣ трудовъ и молитвы. — Кто ты, старецъ, спросилъ Усладъ, исполненный умиленія и тайнаго страха. — Смиренный отшельникъ Аркадій, отвѣчалъ старикъ. Два года, какъ поселился я на берегу свѣтлой Яузы, въ этой уединенной хижинѣ. Здѣсь провожу дни свои въ молитвѣ, оплакиваю прошедшія заблужденія и спасаюсь. Приди въ обитель мою, несчастный труженикъ: въ ней обрѣтешь утраченное спокойствіе, а съ нимъ и желанное забвеніе прошедшаго. Скажи мнѣ, кто указалъ тебѣ дорогу къ моей неизвѣстной хижинѣ?—Усладъ описалъ ему несчастія своей жизни.— Такъ, воскликнулъ Аркадій, выслушавъ повѣсть Услада, здѣсь на берегу Яузы покоится несчастная твоя Марія; мнѣ назначило Божіе провидѣніе принять послѣдніе взоры ея и примирить съ небомъ ея отлетающую душу. Слушай: въ одно утро я собиралъ ко-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ренья на берегу Яузы; внезапно поразили слухъ мой жалобныя стенанія... Иду... шагахъ въ пятидесяти нахожу женщину, молодую, прекрасную, плавающую въ крови — это была твоя Марія; вдали раздавался конскій топотъ; воинъ, одѣтый въ панцырь, мелькалъ между деревьями; онъ вскорѣ исчезъ въ густотѣ лѣса— то былъ убійца Рогдай. Беру въ объятія умирающую Марію — увы! послѣдняя минута ея уже наступила, уста и щеки ея поблѣднѣли, глаза смыкались. Медленно подняла на меня угасающій взоръ. Прими мою душу, благослови меня, сказала она, усиливаясь приложить руку мою къ сердцу Я перекрестилъ ее — умирающая посмотрѣла на меня съ благодарностію. Ангелъ утѣшитель, сказала она, простирая ко мнѣ объятія, молись о душѣ моей, молись объ Усладѣ. Взоры ея потухли, голова наклонилась на плечо—она скончалась. Могила ея близко. Ты скоро увидишь ее, Усладъ; заря начинаетъ уже заниматься. — Ахъ! несчастная, воскликнулъ Усладъ. Какая участь! И этотъ убійца живъ!... Нѣтъ, Божій угодникъ, клянусь у ногъ твоихъ... Усладъ, не клянись напрасно, отвѣтствовалъ старецъ; небесное правосудіе наказало Рогдая: онъ утонулъ во глубинѣ Яузы, куда занесенъ былъ конемъ своимъ, испугавшимся дикаго волка. Усмири свое сердце, другъ мой; скажи вмѣстѣ со мною: вѣчное милосердіе да помилуетъ убійцу Маріи!—Усладъ утихнулъ. Очи мои прояснились, воскликнулъ онъ, и простерся къ ногамъ священнаго старца. Она сохранила ко мнѣ любовь и за гробомъ. Отецъ мой, тебѣ, воспоминанію и служенію Бога посвятится отнынѣ остатокъ моей жизни.

Заря освѣтила небо, и лѣсъ оживился утреннимъ пѣніемъ птицъ. Старецъ повелъ Услада на берегъ Яузы и, указавъ на деревянный крестъ, сказалъ: здѣсь положена твоя Марія. Усладъ упалъ на колѣна, прижалъ лицо свое, орошенное слезами, къ свѣжему дерну. Милый другъ, воскликнулъ онъ, Богъ не судилъ намъ дѣлиться жизнію: ты прежде меня покинула землю; но ты оставила мнѣ драгоцѣнный залогъ твоего бытія — безвременную твою могилу. Не для того ли праведная душа твоя оставляла небо, чтобъ указать мнѣ мое пристанище и прекратить безотрадное странничество мое въ мірѣ? Повинуюсь тебѣ, священный, утѣшительный голосъ потеряннаго моего друга; не будетъ прискорбна для меня

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жизнь, посвященная гробу моей Маріи: она обратится въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки.

Усладъ поселился въ обители Аркадія: на гробѣ Маріи построили они часовню во имя Богоматери. Прошелъ одинъ годъ и Усладъ закрылъ глаза святому отшельнику. Еще нѣсколько лѣтъ ожидалъ онъ кончины своей въ пустынномъ лѣсѣ; наконецъ и его послѣдняя минута наступила: онъ умеръ, преклонивъ голову къ тому камню, которымъ рука его украсила могилу Маріи.

И хижина отшельника Аркадія, и скромная часовня Богоматери, и камень, нѣкогда покрывавшій могилу Маріи—все исчезло; одно только наименованіе Марьиной Рощи сохранено для насъ вѣрнымъ преданіемъ. Проѣзжая по Троицкой дорогѣ, взойдите на Мытищинскій водоводъ — вправѣ представится глазамъ вашимъ синѣющійся лѣсъ; тамъ, гдѣ прозрачная рѣка Яуза однимъ изгибомъ своимъ прикасается къ рощѣ и отражаетъ въ тихихъ волнахъ и древніе сѣнистые дубы и бѣдныя хижины, разсыпанныя по берегамъ ея—тамъ нѣкогда погибла несчастная Марія; тамъ сооружена была надъ гробомъ ея часовня во имя Богоматери, тамъ наконецъ и Усладъ кончилъ печальный остатокъ своей жизни.

1809

О НРАВСТВЕННОЙ ПОЛЬЗѢ ПОЭЗІИ.

[ПИСЬМО КЪ ФИЛАЛЕТУ].

Я долженъ признаться, Филалетъ, что мнѣніе твое о поэзіи не кажется мнѣ справедливымъ; извиняю твою ошибку; нѣкогда самъ мудрый Сократъ думалъ одинаково съ тобою о семъ предметѣ. Вы оба ограничиваете поэзію непосредственнымъ усовершенствованіемъ добродѣтели, непосредственнымъ возбужденіемъ благородныхъ и высокихъ мыслей; заблужденіе, Филалетъ! но къ сему заблужденію ты прибавляешь еще другое: думаешь, что поставляемое тобою за предметъ поэзіи должно быть принято и за правило въ ея теоріи. Позволь же мнѣ объяснить, почему и въ томъ и въ другомъ случаѣ мнѣніе мое съ твоимъ несогласно.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ты знаешь, что стихотворческое дарованіе заключается въ превосходствѣ и болѣе нежели обыкновенной силѣ низшихъ, или, если хочешь, эстетическихъ качествъ души человѣческой. Способность представлять живо отсутственные предметы, давать имъ посредствомъ воображенія бытіе, совокуплять несходныя, часто далекія одна отъ другой идеи, сильнѣе другихъ трогаться всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ быть согласно съ естественными склонностями человѣческаго сердца, словомъ: мечтательность, даръ воображать, остроуміе, тонкая чувствительность — вотъ истинныя качества стихотворца. Красоты, которыя производитъ геній, одаренный сими необыкновенными силами, не могутъ имѣть вліянія на читателя, если въ душѣ его не будутъ пробуждены ими тѣ же самыя силы. Въ мірѣ духовномъ замѣчается такое же точно соотношеніе между различными силами, какъ и въ мірѣ физическомъ: приведите въ движеніе одну: всѣ другія, съ нею сходныя и къ ней близкія, пробудятся, придутъ въ сотрясеніе, начнутъ дѣйствовать, и такъ какъ въ натурѣ ничто не прекращается вдругъ, не оставляя по себѣ слѣдствій, болѣе или менѣе ощутительныхъ, то и сіе движеніе никогда не бываетъ совершенно безплоднымъ для движимыхъ силъ; дѣятельность, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ мірѣ, способствуетъ къ усовершенствованію дѣйствующей силы: дѣйствуя теперь, становится она способнѣе дѣйствовать послѣ. Ты увѣренъ, Филалетъ, что наша фантазія съ каждою новою картиною поэта пріобрѣтаетъ что нибудь новое; что умъ нашъ, руководствуемый его остротою, обогащается новымъ, тонкимъ замѣчаніемъ, новою, необыкновенною связію мыслей; что наше сердце, увлеченное его чувствами, трогается; но этого не довольно: все наше воображеніе становится живѣе, все наше остроуміе дѣятельнѣе, все наше сердце чувствительнѣе и нѣжнѣе. Силы сіи, будучи неоднократно въ насъ пробуждаемы, пріобрѣтаютъ чрезъ то болѣе готовности, напряженія, совершенства для будущей дѣятельности.

Вотъ что, любезный Филалетъ, называю истиннымъ, высокимъ предметомъ поэзіи. Счастіе человѣка заключено въ совершенствѣ его натуры, а натура его не иное что, какъ сумма тѣхъ силъ, которыми одарилъ его верховный создатель, и тотъ, кто возвышаетъ въ немъ ту или другую силу, какая бы она впрочемъ ни

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

была, тотъ безъ сомнѣнія дѣйствуетъ для его блага, ускоряетъ его стремленіе къ совершенству. Мыслить, что удовольствіе, получаемое отъ чтенія стиховъ, можетъ быть однимъ простымъ удовольствіемъ, не имѣющимъ никакого вліянія на будущее, есть по моему мнѣнію грубая ошибка. Нѣтъ, оно имѣетъ вліяніе, и вліяніе полезное. Правда [замѣчу мимоходомъ], въ одной душѣ можно гораздо болѣе испортить, нежели въ другой усовершенствовать или исправить. Изъ всего сказаннаго выше, Филалетъ, можешь извлечь истинное правило, какъ надлежитъ употреблять талантъ стихотворческій. Стихотворцу не нужно имѣть въ виду непосредственнаго образованія добродѣтелей, непосредственнаго пробужденія высокихъ и благородныхъ чувствъ; нравственное чувство не есть единственное качество души, которое онъ можетъ и долженъ усовершенствовать: оно принадлежитъ къ цѣлой системѣ разнообразныхъ силъ человѣческаго духа, могущихъ быть всѣ приводимыми въ дѣйствіе или возвышаемыми; но дѣйствіе одной силы не производитъ необходимо дѣйствія всѣхъ вмѣстѣ; и такъ какъ въ тѣлѣ одно чувство, будучи благороднѣе и выше другихъ, доставляетъ душѣ обильнѣйшія и болѣе разнообразныя идеи, какъ въ тѣлѣ одно чувство можетъ быть образовано со вредомъ прочихъ, обращено на предметы ему противные, или пріучено къ дѣятельности ложной и ему несвойственной: такъ и въ душѣ нѣкоторыя силы, высшія, благороднѣйшія, драгоцѣннѣйшія, могутъ быть усовершенствованы со вредомъ другихъ, занимаемы недостойными ихъ предметами, пріучены къ дѣятельности, имъ несвойственной или для нихъ пагубной. Но, Филалетъ, скажи мнѣ, должно ли притуплять чувство слуха, чтобы удовлетворить чувству вкуса; давать пищу обонянію и вредить зрѣнію, или пріучать чувство осязанія ко впечатлѣніямъ, противнымъ человѣческой натурѣ? Съ другой стороны, въ отношеніи къ душѣ, надлежитъ ли низшія силы возбуждать къ противоборству съ высшими, или давать имъ направленіе, несоотвѣтствующее цѣли создателя? Такъ и поэтъ: онъ долженъ усиливать воображеніе не со вредомъ разсудку; давать остроумію пищу, но только не на счетъ добродѣтелей общественныхъ; или живописать любовь, не дѣлая привлекательными ни чувственности, ни сладострастія.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Надѣюсь, мой другъ, что правило сіе покажется тебѣ вообще неотрицаемымъ; оно твое, но только распространенное и нѣсколько исправленное. Впрочемъ мы можемъ остаться несогласными въ его примѣненіи къ случаямъ частнымъ, и въ этомъ-то примѣненіи Филалетъ, наиболѣе ошибся Сократъ, или правильнѣе Платонъ, изъяснитель его мыслей. Конечно, относительно къ миѳологіи грековъ, не могъ онъ смотрѣть на поэзію съ той точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на нее теперь, ибо то, что нынѣ принимается за вымыселъ стихотворческій, то было въ Сократово время народною вѣрою, слѣдовательно могло имѣть дѣйствіе совсѣмъ не отвѣчающее тому, какое имѣетъ въ наше время. Но, Филалетъ, и въ отношеніи къ дѣйствію моральному, Платонъ, кажется мнѣ, хочетъ остерегать насъ отъ такихъ опасностей, которыя существуютъ въ одномъ его воображеніи; мнѣ кажется, что онъ весьма часто неморальность предмета смѣшиваетъ съ неморальностію изображенія... Но лучше опредѣлить правило, нежели разсуждать объ его употребленіи. Правило сіе уже найдено; спрашиваю: къ чему принадлежитъ оно болѣе, къ теоріи стихотворства или къ наукѣ моральной?

Нравственность, извѣстно намъ, занимается не одною или нѣкоторыми, но вообще всѣми силами нашей натуры. Каждую изъ нихъ разсматриваетъ она въ отношеніи къ усовершенствованію цѣлаго существа нашего, и всѣ сіи силы старается привести въ ту гармонію, отъ которой необходимо зависитъ человѣческое счастіе; теорія стихотворства, напротивъ, заключена въ предѣлахъ гораздо тѣснѣйшихъ. Поэзія дѣйствуетъ на однѣ эстетическія силы нашей души, слѣдственно и ея теорія должна имѣть отношеніе къ однѣмъ только эстетическимъ силамъ. Предметъ поэзіи: чувственное совершенство, слѣдовательно и предметомъ ея теоріи должно быть сіе же самое чувственное совершенство, изображаемое посредствомъ языка, единственнаго орудія стихотворцевъ. Если жъ наука сія займется не однимъ изящнымъ, но будетъ обнимать въ то же время и совершенства, не подлежащія чувству, или—если позволено говорить языкомъ артиста — не составляющія образа, феномена, то удалится она отъ своего назначенія и выступитъ за собственные свои предѣлы.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

На стихотворно-прекрасное должно смотрѣть съ той же точки зрѣнія, какъ и на стихотворно-истинное. Разсудокъ, проницающій въ сущность вещей и разбирающій слѣдствія, употребляетъ въ сужденіяхъ своихъ не тотъ масштабъ, который употребляетъ чувство. Что нужды стихотворцу, дѣйствующему на одно воображеніе, если разсудокъ, по строгомъ разборѣ понятій, найдетъ вещи совсѣмъ не такими, какими представляются онѣ воображенію? Что нужды ему до противорѣчій логическихъ, если они не ощутительны для чувства, если не иначе могутъ быть замѣчены, какъ съ сильнымъ и долговременнымъ напряженіемъ мыслящей силы? Золотой вѣкъ, въ который переселяютъ насъ стихотворцы, безъ сомнѣнія вымыселъ, несбыточная басня. Человѣкъ, при столь однообразномъ и ограниченномъ образѣ жизни, какую ведутъ аркадскіе пастухи, въ такомъ стѣсненномъ кругѣ дѣйствія, чувства и общежитія, конечно не могъ бы пріобрѣсти такой утонченной образованности, какую находятъ въ немъ стихотворцы; но какая нужда стихотворцамъ до истины. Они хотятъ веселить наше воображеніе пріятными мечтами, насъ забавлять, привлекать и трогать; и если стихотворецъ умѣлъ прикрыть противорѣчіе, далъ вымыслу наружность справедливаго искусствомъ, нигдѣ не отступилъ отъ главнаго предположенія, на которомъ основалъ онъ свой вымыселъ, то онъ въ совершенствѣ исполнилъ предписанное законами его искусства; и если во многомъ погрѣшилъ онъ противу здравой логики, то безъ сомнѣнія не сдѣлалъ ни одной ошибки, какъ стихотворецъ.

Филалетъ, все сказанное мною о стихотворно-истинномъ можетъ естественно примѣнено быть къ стихотворно-прекрасному. Чего требуетъ отъ поэта его искусство? Чтобы онъ не оскорблялъ непосредственно чувства моральнаго, чтобы онъ не противорѣчилъ морально-изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой. Но существенною моральною красотою занимается онъ столь же мало, какъ и существенною логическою истиною. Пускай разсудокъ вооружается противу чувства и страсти, производимыхъ въ насъ стихотворцемъ; пускай отвергаетъ онъ, какъ ложный или мечтательный, тотъ образъ мнѣнія, который мы нечувствительно принимаемъ вмѣстѣ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

съ поэтомъ; пускай находитъ недостойными или чудовищными тѣ характеры, которые, будучи украшены цвѣтами поэзіи, кажутся намъ привлекательными и превосходными — все это не принадлежитъ къ стихотворному искусству: оно имѣетъ въ виду одно изящное, дѣйствуетъ исключительно на одно чувство, остается довольнымъ, если недостатокъ морально-прекраснаго не обратится въ совершенное моральное безобразіе. Стихотворецъ исполнилъ свою должность, какъ стихотворецъ; онъ правъ предъ судилищемъ критики; кто хочетъ его обвинить, тому остается вести его предъ судилище морали.

И такъ, любезный Филалетъ, правило, что стихотворецъ долженъ имѣть единственною цѣлію своею усовершенствованіе или образованіе добродѣтелей моральныхъ, не можетъ принадлежать къ теоріи стихотворнаго искусства; оно было бы въ ней совершенно отчужденнымъ отъ другихъ правилъ, безъ всякой естественной съ ними связи; оно могло бы заключаться не въ самой книгѣ, а развѣ только въ ея предисловіи или дополненіи; оно также мало входитъ въ сію теорію, какъ, напримѣръ, въ трактатѣ объ искусствѣ военномъ важное правило, что всякое государство должно воевать не иначе, какъ для поддержанія своихъ правъ и для охраненія своихъ народовъ. Войну, какъ справедливую, такъ и несправедливую, ведутъ одинакимъ образомъ; и въ той и въ другой одинакія военныя движенія. Спроси Фолярда, онъ скажетъ тебѣ, что Кесарь превосходитъ Помпея, какъ полководецъ, но ты знаешь, что Кесарь сражался для порабощенія своего отечества и что Помпей защищалъ его свободу. Стихи, противные и не противные морали, сочиняемы по одинакимъ правиламъ. Спроси критика, онъ скажетъ тебѣ, что Вольтерова Орлеанская Дѣва, какъ произведеніе искусства, превосходнѣе Религіи, поэмы Расинова сына.

Но, Филалетъ, уменьшаетъ ли все это истину важнаго для писателей правила: имѣйте въ предметѣ образованіе моральныхъ добродѣтелей? Не думаю. То, что не входитъ въ теорію военнаго искусства, можетъ быть еще правиломъ для воина; не принадлежащее къ теоріи стихотворства, можетъ быть, не смотря на то, закономъ для самого стихотворца.

Въ наукахъ теоретическихъ, въ которыхъ вещи представляют-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ся намъ такими точно, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ, отдѣляются обыкновенно отъ другихъ понятій такія, которыхъ не можно привести въ существенность, не подвергая себя заблужденію; въ наукахъ практическихъ, въ которыхъ показываютъ намъ то, что мы должны дѣлать, также встрѣчаются сіи отдѣльныя понятія, которыя столь же мало надлежитъ приводить въ существенность. Искусство стихотворное даетъ понятіе стихотворцу о томъ, что долженъ онъ дѣлать, какъ артистъ; но стихотворецъ, именно потому, что онъ стихотворецъ, уже ли не имѣетъ никакихъ другихъ обязанностей, перестаетъ ли быть человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества, сыномъ отечества? А будучи ими, уже ли не имѣетъ другихъ, важнѣйшихъ обязанностей, всегда неразлучныхъ съ обязанностями поэта? Можетъ ли онъ сказать самому себѣ: уничтожу всѣ прочія свои отношенія, и буду единственно стихотворцемъ? А если не можетъ онъ уничтожить сихъ отношеній, то можетъ ли пренебречь и должности, необходимо соединенныя съ ними? И какой читатель захочетъ предположить въ немъ сей произвольный разрывъ съ самимъ собою? Но всякій читатель, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка; и горе поэту, если одобреніе судіи не будетъ для него столь же важно, какъ и одобреніе критика.

ДВА СЛОВА ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.

Издатель имѣлъ удовольствіе получить изъ Петербурга стихи: Надпись къ портрету моего друга П. С. Онъ почитаетъ за долгъ напечатать ихъ въ Вѣстникѣ, позволяя себѣ однако сдѣлать поправку, которая безъ сомнѣнія будетъ пріятна и для самого автора. Вотъ стихи:

Багряная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три граціи въ картинѣ—
Вотъ все его добро... и счастливъ! онъ поэтъ!

Семенъ Ист...минъ*.

* Въ оригиналѣ выставлено все имя. В. Ж.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ чемъ же состоитъ поправка? Въ бездѣлицѣ. Просимъ нашихъ читателей перемѣнить два слова, и вмѣсто имени, подписаннаго подъ стихами, Семенъ Ист...минъ, прочесть просто: Иванъ Дмитріевъ; а въ доказательство, что наше требованіе не безразсудно, развернуть второй томъ книги, подъ заглавіемъ: Сочиненія И. Дмитріева, на 87 страницѣ — тамъ найдутъ они ту же самую надпись, напечатанную четкими Бекетовскими литерами. Но каждому свое. Старый сочинитель написалъ янтарная заря, а новый отдаетъ преимущество слову багряная—слава ему! однимъ искуснымъ маневромъ пера онъ взялъ въ полонъ четыре прекрасные стиха, которыми разсудилъ наградить своего друга. Побѣда неоспоримая, но — смѣемъ прибавить — примѣръ опасный. Что̀ если какому нибудь другому автору, или самому же господину Ист...мину придетъ въ голову, переписавъ Душеньку Богдановича, поставить въ заглавіи, вмѣсто слова Душенька, другое, собственнаго рукодѣлья, напримѣръ: Душечка, и выдать эту поэму въ свѣтъ подъ своимъ именемъ... кто осмѣлится тогда заспорить? И титулъ оригинальнаго автора не долженъ ли уступить титулу побѣдоноснаго, такъ, какъ иногда, къ несчастію людей, право наслѣдника короны уступаетъ праву ея похитителя? Дѣло ясное! Но горе нашимъ писателямъ—и прозаистамъ и стихотворцамъ—которыхъ сочиненія уже напечатаны и извѣстны публикѣ. Можно сказать, что они еще ожидаютъ своихъ сочинителей, или могутъ имѣть множество новыхъ, которые, въ отношеніи къ старымъ, будутъ тоже, что многіе изъ нынѣшнихъ графовъ, князей и бароновъ въ отношеніи къ своимъ родоначальникамъ, съ тою только разницею, что послѣдніе пользуются именемъ своихъ предковъ, не имѣя иногда ихъ добродѣтелей, а первые будутъ пользоваться добродѣтелями своихъ праотцевъ, не имѣя ихъ имени. Какъ бы то ни было, но теперь пускай кто хочетъ надѣется на славу, а мы осмѣливаемся утверждать, что слава—дымъ, и что стремиться за нею есть то же, что бѣжать въ мракѣ ночи за летучимъ огнемъ, который заводитъ—въ болото. И какъ узнать будущее? Кто, напримѣръ, поручится, что нашему старику Ломоносову не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

назначено судьбою дойти до потомства подъ именемъ какого нибудь Кубышкина, Мартышкина, или Сусликова?

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ древность заворчитъ съ досадой: что за диво!
Я то же до тебя сказала и давно!
«Смѣшна беззубая! вольно
Ей послѣ не прійти, невѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же прежде!

Эта эпиграмма написана не даромъ! Давно молодые стихотворцы обвиняютъ, и едва ли не справедливо, старыхъ въ томъ, что они родились ранѣе ихъ, и завладѣвши лучшими помѣстьями на Парнассѣ, не оставили имъ почти ни одного свободнаго уголка, въ которомъ могли бы они помѣститься съ семействомъ собственныхъ своихъ стиховъ: балладъ, шарадъ, дистиховъ, акростиховъ, сонетовъ, куплетовъ и такъ далѣе, отъ надписи къ портрету до самой огромной эпической поэмы. Иные не довольствуются однѣми тщетными жалобами; но утѣшаютъ себя за потерянное право старшинства нѣкоторыми искусными похищеніями. И кто, повторяю, можетъ предузнать будущее? Откройте исторію! Происшествія политическаго міра не даютъ ли нѣкотораго понятія о томъ, что можетъ случиться въ мірѣ стихотворномъ? Судьба великаго Рима вамъ извѣстна: онъ возрасталъ, усиливался, наконецъ овладѣлъ вселенною—для чего-же? Не для того ли, чтобы достаться въ добычу варварамъ, которые нѣсколько вѣковъ таплись во глубинѣ германскихъ лѣсовъ, и вдругъ устремились на него, какъ волки на добычу свою, будучи сдвинуты съ мѣста выгнанными другими варварами, Богъ знаетъ кѣмъ и за что, изъ степей азіатскихъ. Кто бы, напримѣръ, могъ подумать, что нападеніе орды гунновъ на орду готѳовъ и переходъ послѣднихъ черезъ Дунай причинитъ погибель Западной Римской Имперіи?— Но оно такъ, и слѣдствіемъ сего происшествія, весьма неважнаго съ перваго взгляда, было совершенное уничтоженіе римской власти на Западѣ, всеобщая перемѣна въ нравахъ, правленіи, въ самыхъ наименованіяхъ земель и народовъ, горестный упадокъ наукъ и художествъ. Перенеситесь же изъ политическаго міра въ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

міръ стихотворный—почему не вообразить вамъ, что гдѣ нибудь, въ неизвѣстной глуши Парнасса, скрывается орда стихотворцевъ-гунновъ, готовая при первомъ побудительномъ движеніи устремиться на владѣнія стихотворцевъ-римлянъ, ихъ разорить, присвоить и, уничтоживъ прежнихъ владѣльцевъ, погрузить самыя имена ихъ въ бездну забвенія? Le présent est gros de l'avenir, сказалъ, кажется, Декартъ. Поэты и прозаисты, будьте осторожны, готовы уже за Дунаемъ! *

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ,

СЛУЧИВШЕЕСЯ ВЪ НАЧАЛѢ 1809 ГОДА.

«Описывая вамъ горестную судьбу моего знакомца—такъ говоритъ одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ къ издателю Вѣстника Европы—желаю, чтобы и читатели вашего журнала объ ней узнали. Для чего? спросите вы—признаться, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго отчета; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можетъ перемѣниться; но сердцу моему необходимо сообщить кому нибудь и горесть свою и то мучительное негодованіе, которымъ оно наполнено. Сверхъ того утѣшаю себя мыслію, что низкій злодѣй, разрушившій навсегда счастіе двухъ добрыхъ твореній, прочитавъ эти строки, ужаснется самого себя, и страшный свѣтъ проникнетъ въ мрачную душу его, можетъ спокойную отъ совершеннаго безчувствія.

«Лиза была дворовая дѣвушка. Госпожа N** воспитала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ

* Эта замѣтка была напечатана въ № 6-мъ «Вѣстника Европы» 1809 г., а въ № 8-мъ Семенъ Истоминъ заявилъ, что никакихъ стиховъ въ редакцію не посылалъ и что отъ его имени сдѣланъ подлогъ. Жуковскій прибавилъ къ этому: «Издатель желалъ бы охотно выслать къ г. Истомину оригиналъ присланныхъ къ нему отъ его имени стиховъ, но онъ не могъ найти его между бумагами. Господинъ И. можетъ, и не знавши имени того глупца, который подшутилъ надъ нимъ такъ грубо, заплатить ему за обиду его прощеніемъ и презрѣніемъ.»

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

здравый, сердце наполненное чувствами, необыкновенными въ ея состояніи и еще болѣе образованными воспитаніемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и превышающихъ ее своимъ родомъ и званіемъ. Дѣвица N** вышла замужъ; Лиза досталась ей въ приданое. Въ домѣ W**—новаго ея господина—увидѣла она Ліодора [моего пріятеля], пылкаго, добросердечнаго, благороднаго—увидѣла, полюбила—сердце ея безъ всякой осторожности плѣнилось тѣмъ чувствомъ, котораго еще она не понимала, и которое втайнѣ влекло ее къ одному: любезнѣйшему предмету—мудрено ли! добрая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ, и была еще такъ неопытна. И Ліодоръ почувствовалъ къ ней склонность—а склонность сія въ короткое время сдѣлалась страстію, но страстію нѣжною, почтительною, непорочною. Ліодоръ, осьмнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него счастіе, и привязанность его къ Лизѣ была источникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на счастливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердецъ, которыя не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Ліодоръ и Лиза видались очень часто, и каждый день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

«Въ концѣ послѣдняго года явился въ домѣ господина W** полковникъ Z***, вдовецъ, похоронившій двухъ женъ, человѣкъ грубый, скупой и чрезвычайно непріятный наружностію. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее—что значитъ полюбилъ? Почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ, и совершенно почти усыпленной. Лиза не замѣчала выразительныхъ взглядовъ господина полковника—и могла ли она замѣчать ихъ? Она была такъ невинна, а нѣжная привязанность къ Ліодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** сдѣлался неотступнѣе, наконецъ объяснился—Лиза отвѣчала ему презрѣніемъ. Это раздражило человѣка, непривыкшаго отказывать себѣ ни въ одномъ желаніи. Могъ ли онъ вообразить, чтобъ бѣдная Лиза, рожденная ра-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бою, способна была чувствовать благороднѣе, нежели онъ, старый дворянинъ и полковникъ. Онъ началъ за нею присматривать; скоро замѣтилъ, что она любила и была любима — ревность, которая въ сердцѣ нѣжномъ и страстномъ есть тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовать одни желанія грубыя, есть бѣшенство, ненависть и мщеніе.—Полковникъ Z*** рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ сообщилъ господину W** свои замѣчанія и, разумѣется, очернилъ въ глазахъ его непорочную привязанность Лизы къ Ліодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала видаться съ Ліодоромъ, или видалась съ нимъ окруженная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденіями несправедливыми — одно только блѣдное лицо, одни только померкшіе и унылые взоры ея говорили бѣдному Ліодару, что онъ любимъ, любимъ по прежнему, любовію нѣжнѣйшею. Въ самомъ страданіи находили они нѣкоторую сладость, ибо сіе страданіе было для нихъ любовію. Но полковникъ Z** не могъ довольствоваться однимъ несчастіемъ своего соперника—воспламененная чувственность его требовала полной жертвы. И что священно для человѣка безъ правилъ, развратнаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтельнымъ? Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, господина W**, увѣривъ этого добродушнаго человѣка, что Лиза дала обѣщаніе Ліодору уѣхать съ нимъ въ Петербургъ, что все уже изготовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, господинъ W**, желая можетъ быть избавить себя отъ непріятнаго безпокойства и, вѣроятно, не подозрѣвая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы несчастную Лизу отвезли въ подмосковную полковника Z***, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можете ли вообразить тотъ ужасъ, который наполнилъ душу этой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея господина? Она занемогла жестокою горячкою—но что же? Надъ нею не сжалились—въ бреду и безпамятствѣ отвезли ее въ подмосковную полковника Z**—это случилось 18 февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыта для меня ужасною неизвѣстностію. Но участь Ліодора... ахъ, несчастный!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Полковникъ Z*** распустилъ вездѣ слухъ, что Лиза продана ему господиномъ W**; этотъ слухъ дошелъ и до Ліодора... есть люди, которыхъ сильная горесть погружаетъ въ какую-то мертвую безчувственность, въ какое-то страшное бездѣйствіе, уничтожающія въ нихъ и память и мысли и саму тѣлесную силу. Таковы были первыя чувства Ліодора—и счастливъ ненавистный его убійца. Но Ліодоръ съ того времени не приходилъ уже въ прежнее положеніе—сначала онъ былъ задумчивъ, мраченъ, ни къ чему не внимателенъ, глаза его были тусклы и мертвы, лицо покрыто ужасною блѣдностію, онъ не говорилъ ни слова, казался безчувственнымъ и даже спокойнымъ; но осьмаго марта замѣтили въ немъ признаки сумасшествія. Увы, этотъ несчастный совершенно потерялъ разсудокъ, но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кротость—сумасшествіе Ліодора тихое и унылое: безпрестанно начинаетъ говорить о мученіи своего сердца, о любви, о прежнемъ своемъ счастіи, твердитъ всякую минуту ея имя и задумывается. На сихъ дняхъ я былъ у его отца—ахъ, онъ имѣетъ еще отца, и какимъ жребіемъ наказало провидѣніе этого старца: при концѣ жизни быть надзирателемъ сумасшедшаго сына. Какого жъ сына? Прелестнаго юноши, которымъ онъ утѣшался, въ которомъ заключены были послѣднія надежды его жизни. Причина сумасшествія Ліодорова была ему еще неизвѣстна—я разсказалъ ему обо всемъ. Мы оба заливались слезами, въ присутствіи бѣднаго Ліодора, который ничего не чувствовалъ и безпрестанно, съ выраженіемъ нѣжнѣйшей, глубокой страсти, твердилъ имя своей Лизы, называлъ ее своимъ ангеломъ, своимъ другомъ, своею жизнію. Ахъ, сказалъ мнѣ старикъ, Богъ терпитъ пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гоненіе рано или поздно будетъ наказано его правосудіемъ. Я не желаю мстить господину полковнику Z***, но я боюся узнать его! — Онъ подошелъ къ Ліодору: несчастный, какъ будто почувствовавъ, что горестный отецъ принимаетъ участіе въ его жребіи, протянулъ къ нему руки, прижался къ его сердцу и залился слезами.

«Скажите, милостивый государь, какого имени достоинъ, по вашему мнѣнію, полковникъ Z***? Онъ болѣе, нежели похити-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тель чужой собственности: потерянную вещь, какъ бы ни была она драгоцѣнна, можно забыть или замѣнить ее другою, но что замѣнитъ потерю того блага, съ которымъ сопряжены были всѣ наши надежды, все наше счастіе? Онъ болѣе, нежели убійца: похититель жизни причиняетъ намъ одно минутное зло; но похититель счастія, оставляя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ безполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Извѣстна казнь, опредѣленная законами похитителю и убійцѣ; но что, скажите, опредѣлитъ законъ злодѣю, по наружности правому передъ его зерцаломъ, сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достойнѣе наказанія, нежели преступникъ—и ему однако нѣтъ наказанія! Не говорите мнѣ о презрѣніи свѣта—свѣтъ равнодушенъ и беззаботенъ. Его легко обманешь наружностію; и кто возьметъ на себя разсматривать настоящія причины поступковъ? Въ свѣтѣ презираютъ злодѣя—но показываютъ презрѣніе только къ тѣмъ, которые не имѣютъ ни достатка, ни блеску, сопряженнаго съ чиномъ или знатностію рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣніи, которое онъ заслуживаетъ, но которое отъ него скрываютъ. Полковникъ Z*** имѣетъ достатокъ; онъ можетъ угостить въ домѣ своемъ двадцать или тридцать человѣкъ—чего же болѣе? Онъ спокоенъ на счетъ общаго мнѣнія; а уваженіе нѣкоторыхъ честныхъ чудаковъ также для него мало значитъ, какъ и уваженіе собственное. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣсти—душа, пріученная къ чувствамъ грубымъ, засыпаетъ и дѣлается неспособною къ благороднымъ страданіямъ совѣсти. Я увѣренъ, что всякій закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ [не говорю счастливъ], и даже почитаетъ себя правымъ по тѣхъ поръ, пока окружающіе его, по наружности, его оправдываютъ, или по крайней мѣрѣ его не обвиняютъ—а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей честности и добродѣтели? Всякій старается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній: беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. И такъ, милостивый государь, нельзя надѣяться, чтобы полковникъ Z*** наказанъ былъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

или строгостію законовъ, или презрѣніемъ всеобщимъ; весьма даже вѣроятно, что самая совѣсть его спокойна—я не знаю долго ли продолжится это спокойствіе—но я желалъ бы увидѣть этого человѣка на одрѣ смертномъ.»

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благотвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли чтобы онъ могъ яснѣе почувствовать, современемъ, что провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ—а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный—и такъ, прежде нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его—если она неспособна привязаться къ пороку—увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца—онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ—и этотъ бѣднякъ достался другому, вѣроятно не имѣющему особеннаго уваженія къ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

человѣчеству. Новый господинъ взялъ его въ домъ—и теперь этотъ человѣкъ, который прежде принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную—ѣздитъ въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью господина его — я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служитъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи. Гдѣ же плоды благотвореній, оказанныхъ ему добрымъ его господиномъ? Повторяю: такія благотворенія гибельны и по большей части бываютъ причиною одного разврата. Отчего, напримѣръ, замѣчаютъ въ простыхъ крестьянахъ менѣе испорченности, нежели въ дворовыхъ людяхъ, близкихъ къ господамъ своимъ? Не оттого ли, что послѣдніе, сохраняя свое рабство, имѣютъ яснѣйшее понятіе о состояніи людей свободныхъ, и научаяся презирать собственное, досадуютъ на судьбу свою—а ихъ развращеніе не есть ли необходимое слѣдствіе сей тайной досады, невольно отравляющей душу? Анекдотъ, сообщенный издателю отъ непзвѣстнаго, можетъ быть страшнымъ урокомъ для многихъ, такъ называемыхъ благотворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ счастіи, о которомъ вѣроятно никогда бы не могла подумать, если бъ безразсудная благотворительность ея госпожи не извлекла ее изъ состоянія простой служанки? Для чего воспитали ее съ такимъ тщаніемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать ту бездну, въ которую низвергнута коварною злобою развратника? Кто жъ настоящіе ея губители? Не тѣ ли самые, которые, можетъ быть, въ свѣтѣ присвоиваютъ себѣ великолѣпное титло ея благотворителей.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О БАСНѢ И БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Что въ наше время называется баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя, или твари неодушевленныя. Цѣль сего разсказа—впечатлѣніе въ умѣ какой нибудь нравственной истины, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдовательно болѣе или менѣе полезной.

Отвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ философа-моралиста, дѣйствуя на однѣ способности умственныя, оставляетъ въ душѣ человѣческой одинъ только легкій и слишкомъ скоро исчезающій слѣдъ. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи, и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ, украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для воображенія нашего форму?—Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ баснѣ бываютъ обыкновенно или животныя, лишенныя разсудка, или творенія неодушевленныя. Полагаю тому четыре главныя причины. Первая: особенность характера, которою каждое животное отлично одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемыя изъ общежитія, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются ощутительнѣе. Тотъ міръ, который находимъ въ баснѣ, есть нѣкоторымъ образомъ чистое зеркало, въ которомъ отражается міръ человѣческій. Животныя представляютъ въ ней человѣка, но человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, съ нѣкоторыми свойствами, и каждое животное, имѣя при себѣ свой неотъемлемый постоянный характеръ, есть, такъ сказать, готовое и для каждаго ясное изображеніе какъ человѣка, такъ и характе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ра, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка—я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу—я вижу льстеца или обманщика—и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе читателя въ новый мечтательный міръ, вы доставляете ему удовольствіе сравнивать вымышленное съ существующимъ [которому первое служитъ подобіемъ], а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третье: басня есть нравственный урокъ, который, съ помощію скотовъ и вещей неодушевленныхъ, даете вы человѣку; представляя ему въ примѣръ существа, отличныя отъ него натурою, и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое: прелесть чудеснаго. На ту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ поэзіи такія творенія, которыя въ существенности удалены отъ нея природою—чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщается нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ; а читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣтеніе басни рабству, * а честь сего изобрѣтенія отдаютъ въ особенности какому-то азіятскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличнѣе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Если невольникъ, опасаясь раздражить тирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла, то человѣкъ свободный, въ угожденіе самолюбію—другаго рода тирану и, можетъ быть, еще болѣе взыскательному—не менѣе обя-

* Il est vraisemblable que les fables, dans le goût de celles qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués; des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de déguiser la vérité: on ne peut parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce détour même est-il dangereux. Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie. Art. Fable.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

занъ украшать предлагаемое имъ наставленіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣтенія, то басня, кажется намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенности, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды поэзіи. Вѣроятно, что прежде она была собственностію не стихотворца, а оратора и философа. И ораторъ и философъ, разсуждая о предметахъ политики и нравственности, употребляли, для большей ясности, сравненія и примѣры, заимствованные изъ общежитія или природы. Отъ простаго примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимствованнымъ, легко могли перейти къ баснѣ, въ которой предлагаемая истина выводима изъ дѣйствія вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ дѣйствію настоящему и, такъ сказать, заступающему его мѣсто [ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть принимаемо въ баснѣ (условно) за сбыточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся]. Примѣръ объясняетъ мысль но онъ сливается съ ея предложеніемъ и, такъ сказать, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нѣчто отдѣльное и цѣлое, она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное—отъ сей отдѣльности и цѣлости и самая мораль получаетъ характеръ отличительный; а, будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ исторіи басни можно замѣтить три главныя эпохи: первая, когда она была не иное что, какъ простой реторическій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для оратора или философа нравственнаго—таковы басни, извѣстныя подъ именемъ Эзоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третья, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, то есть получила ту форму, которой обязана въ наше время Ляфонтену и его подражателямъ, а въ древности Горацію. * Древніе философы [древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ морали-

* Сатира VI, книга II.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стамъ, нежели къ поэтамъ] не сочиняли басень; они разсказывали ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ или къ той истинѣ, которую доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ разсказомъ, а просто наставлять, и для того, употребляя басню, какъ способъ убѣжденія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истиною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, заимствованнымъ изъ общежитія, которому онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличительный характеръ басень древнихъ должна быть краткость. Моралистъ, имѣя въ предметѣ: запечатлѣть въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ—слѣдовательно всякое украшеніе почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій—слѣдовательно проза [Федръ писалъ въ стихахъ, но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размѣромъ]; наконецъ, заставляя дѣйствовать скотовъ и тварей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ какъ одни аллегорическіе образы тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить—слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характерамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, неотносительнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то есть, отъ морали, и обратило бы его на принадлежность, то есть, на тѣ аллегорическія лица, которыя входятъ въ составъ басни. Лучшимъ образцемъ такихъ басень могутъ быть, по мнѣнію моему, Лессинговы.—Но, сдѣлавшись собственностію стихотворца, басня перемѣнила и форму: что прежде было простою принадлежностію—я говорю о дѣйствіи—то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ подражаніемъ природѣ; цѣль ея: нравиться воображенію, образуя разсудокъ и сердце—слѣдовательно и баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, нравиться воображенію своимъ подражаніемъ. И такъ въ баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ со всѣми его оттѣнками; животныя, герои басни, представляютъ людей: слѣдовательно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

они должны для воображенія моего сохранить не только собственный данный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ предъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и животное и тотъ человѣческій характеръ, которому оно служитъ изображеніемъ, со всѣми ихъ отличительными чертами. — Баснописецъ-поэтъ составляетъ одинъ фантастическій міръ изъ двухъ существенныхъ: въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ заимствуетъ онъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одни только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ плѣнялъ мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ разсказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣйствовать согласно съ моральными свойствами, имъ данными; чтобы волшебствомъ поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ тотъ мысленный міръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, такъ сказать, согражданиномъ его обитателей; и чтобы наконецъ удовлетворилъ разсудку моему какою нибудь моральною истиною, которая не иное что, какъ цѣль, къ которой привелъ онъ меня стезею цвѣтущею. Таковы басни стихотворцевъ новѣйшихъ, и въ особенности Лафонтеновы.

Изъ всего сказаннаго выше, слѣдуетъ, что басня [не смотря на Лессингово, нѣсколько натянутое раздѣленіе] можетъ быть естественно: или прозаическая, въ которой вымыселъ безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ разсказомъ, служитъ только прозрачнымъ покровомъ нравственной истины; или стихотворная, въ которой вымыселъ украшенъ всѣми богатствами поэзіи, въ которой главный предметъ стихотворца: запечатлѣвая въ умѣ нравственную истину, нравиться воображенію и трогать чувство.

Что же, спрашиваемъ, составляетъ совершенство басни? Въ прозаической — краткость, ясный слогъ, соотвѣтственность вымышленнаго происшествія той морали, которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она требуетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ обра-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

зецъ стихотворной басни, остался навсегда образцемъ неподражаемымъ — я говорю о Лафонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ совершенной басни.

Нельзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвъ того характера, который находимъ въ Лафонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе добродушнаго. Баснописецъ есть сынъ природы, предпочтительно предъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывесть на сцену скотовъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ—но будетъ ли въ произведеніяхъ его та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Лафонтена? Чтобъ принимать живое участіе въ тѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны овладѣть вниманіемъ баснописца, и сдѣлать ихъ занимательными для самаго хладнокровнаго читателя, надлежитъ имѣть сію неискуственную чувствительность невиннаго сердца, которая привязываетъ его ко всѣмъ созданіямъ природы безъ изъятія; сію полноту души, съ которою бываемъ мы счастливы при совершенномъ недостаткѣ преимуществъ, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ которою мы веселы въ уединеніи, и заняты, не имѣя никакого дѣла; сіе расположеніе къ добру, съ которымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, потому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сію беззаботность, которая оставляетъ намъ полную свободу заниматься съ удовольствіемъ такими вещами, которыя для другихъ какъ будто не существуютъ, или кажутся презрѣнными; сіе простодушіе, которое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинакое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинакое съ нами участіе въ тѣхъ предметахъ, которые для насъ одни привлекательны; тогда вся природа наполнена для насъ существами знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенія составляютъ наше семейство — мы трогаемся судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливость ласточки, свивающей для малютокъ своихъ гнѣздо, наслаждаемся, внимая пѣнію пустыннаго соловья, и сожалѣемъ о немъ, бу-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дучи искренно увѣрены, что и онъ имѣетъ свои потери; чувства сіи живы, потому что душа, наполненная ими, будучи истинно непорочна, предается имъ съ младенческою беззаботностію, неразвлекаема никакимъ постороннимъ безпокойствомъ, никакою возмутительною страстію. Таковъ характеръ Лафонтена. Можно ли жъ удивляться, что басни его имѣютъ для всѣхъ неизъяснимую прелесть? Лафонтенъ разсказываетъ намъ о тѣхъ существахъ, которыя къ нему близки, и первый совершенно увѣренъ въ истинѣ своего разсказа. Подумаешь, что натура наименовала его историкомъ того міра, въ который онъ переселился воображеніемъ; онъ разсказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ; онъ хочетъ и васъ заставить полюбить ту сторону, которая ему такъ мила и знакома, онъ говоритъ съ вами не для того, чтобъ быть вашимъ наставникомъ, но для того, что ему весело говорить; не ищите въ басняхъ его морали—ея нѣтъ—но вы найдете въ нихъ его душу, которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ, въ простыхъ, для всякаго ясныхъ мысляхъ, безъ умысла, безъ искусства; вы слышите милаго младенца, исполненнаго высокой мудрости; научаясь любить его, становитесь сами и лучше и довольнѣе собственнымъ бытіемъ, и нечувствительно находите все вокругъ себя прекраснымъ. Читая Лафонтена, замѣчаемъ въ душѣ своей то чувство, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствіе скромнаго, милаго, совершенно добродушнаго мудреца — она спокойна, счастлива, довольна и природою и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Лафонтенъ соединялъ и дарованія поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованіемъ поэта? Воображеніе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сіи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою же ясностію, съ какою и намъ самимъ представляются; способность [въ особенности необходимая баснописцу] разсказывать просто, пріятно, безъ принужденія, но разсказывать языкомъ стихотворнымъ, то есть, украшая безъ всякой натяжки простой разсказъ выраженіями высокими, поэтическими вымыслами, картинами, и разнообразя его смѣлыми оборотами. Таковъ Лафонтенъ въ своихъ басняхъ. Никто не умѣетъ столь не-

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

принужденно переходить отъ простаго предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго разсказа къ стихотворному, никто не имѣетъ такого разнообразія оборотовъ, такой живописности выраженій, такого искусства сливать съ простымъ описаніемъ остроумныя мысли или нѣжныя чувства. Найдите въ баснѣ: Ястреба и Голуби [Livre VII. Fable VIII] описаніе сраженія; читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о римлянахъ и германцахъ; такъ много въ немъ поэзіи; но тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отчего это? Оттого, что онъ воображеніемъ присутствуетъ при томъ происшествіи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности; не мыслитъ васъ обманывать, но самъ обманутъ. Въ этой же баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонтена: занимаясь однимъ предметомъ, изображать мимоходомъ предметы посторонніе и пріятные; онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain sujet fit naître la dispute
Chez les oiseaux — non ceux que le printemps
Mène à sa cour et qui sous la feuillée.
Par leur exemple et leurs sons éclatants
Font que Vénus est en nous réveillée, и проч.

Вашему воображенію представляются первыя минуты весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми поютъ птицы, и со всѣмъ тѣмъ ваше вниманіе не отвлечено отъ главнаго предмета, ибо эта прелестная картина естественно сливается съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Лафонтенъ одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ:

. . . . . Nation
Au col changeant, au coeur tendre et fidèle.

Въ первомъ полустишіи картина; въ послѣднемъ трогательное нѣжное чувство; стихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ вамъ и то пріятное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Лафонтена.

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя этотъ трудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на Басни Крылова, которыя подали намъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

поводъ къ симъ разсужденіямъ. * Чтобы опредѣлить характеръ нашего стихотворца, надлежитъ разсматривать басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на басни Лафонтена. Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ, ни того характера простоты, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. Разсказъ принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное. Крыловъ, напротивъ, занялъ у Лафонтена [въ большей части басень своихъ] и вымыселъ и разсказъ: слѣдственно можетъ имѣть право на имя автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой геній. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ оригинальнымъ, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ въ стихахъ—соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимаютъ искусство декламаціи у третьяго; одинъ подражаетъ съ рабскою точностію и взорамъ и тѣлодвиженіямъ образца своего; другой напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинакой роли, употребляетъ способы собственные, ему одному приличные. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламоняется образцемъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателемъ въ цѣломъ, долженъ имъ быть непремѣнно по

* Здѣсь говорится о первомъ изданіи Крылова, въ одной книжкѣ, 1808 года. В. Ж.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

частямъ; прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ ни сколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя бы могли служить замѣною, слѣдовательно производить собственное, равно превосходное: не значитъ ли это быть творцемъ? И не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что для переводчика басни оригинальность такого рода гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпопеи и другихъ возвышенныхъ стихотвореній. Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сходство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или, лучше сказать, въ простонародномъ. Оды и прочія возвышенныя стихотворенія могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своей оригинальности; напротивъ басня [въ которую, надобно замѣтить, входятъ и красоты, принадлежащія всѣмъ другимъ родамъ стихотворства] будетъ совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Что жъ долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творить въ подражаніи своемъ красоты, отвѣчающія тѣмъ, которыя онъ находитъ въ подлинникѣ. А если онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія того стихотворца, которому подражаетъ, что будетъ его переводъ? Смѣшная карикатура прекраснаго подлинника.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому точно заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ басень его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи—имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя; каждое дѣйствующее въ баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Лучшими баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ слѣдующія: Два Голубя, Невѣста, Стрекоза и Муравей, Пустынникъ и Медвѣдь, Лягушки, просящія царя.

Два Голубя, басня, переведенная изъ Лафонтена, кажется намъ почти столько же совершенною, какъ и басня Дмитріева того же имени: въ обѣихъ разсказъ равно пріятенъ; въ послѣдней болѣе поэзіи, краткости и силы въ слогѣ; за то въ первой, если не ошибаемся, чувства выражены съ бо̀льшимъ простодушіемъ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre,

но они вѣрно не покажутся никому излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнить красоты подлинника собственными. Вы конечно замѣтили послѣдній, простой и нѣжный стихъ:

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть.

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ—но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство.

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Вотъ изображеніе опасности голубка-путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.

Въ Лафонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

. . . . Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs—
И такъ, благодаря стеченію воровъ—

стихъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ, одною чертою, напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство намекать принадлежитъ въ особенности Лафонтену. Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Лафонтена и съ нимъ сравнился. Выпишемъ и тѣ и другіе:

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ...
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ.—
О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся невдругъ:
Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше—
Не вѣрьте; той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая и гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ — тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ....
Ни царства въ небесахъ.... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Уже ль прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Дмитріевъ.

Послѣдніе стихи лучше первыхъ — но должно ли ихъ и сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а можетъ быть и не надѣясь перевести лучше то, что переведено какъ нельзя лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключеніе басни его [если не сравнивать его ни съ Лафонтеновымъ, ни съ переводомъ Дмитріева] прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка-путешественника, не тронетъ ли васъ этотъ одинъ прекрасный и нѣжный стихъ?

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ.

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія, и вы спокойны на счетъ печальнаго странника. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ всѣ тѣ отрады, которыя найдетъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства—но истинное дарованіе воздержнѣе: оно обнаруживается и въ томъ, что̀ поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три стиха прелестны своею простотою и нѣжностію.

Выпишемъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ прекрасное изображеніе моровой язвы:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ: уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячѣ валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части ждя, чуть ходятъ полумертвы.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ;
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Крыловъ занялъ у Лафонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.—

два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ.

Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.

Здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но онъ не составляетъ непріятной противоположности съ поэтическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство:

Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ,
А безъ любви какое ужъ веселье!

Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ Лафонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однако не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ!

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ; мы оставляемъ замѣтить въ нихъ красоты самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ Муравью:

Не оставь меня, кумъ милой;
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй.
«Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей Муравей.
— До того ль, голубчикъ, было:
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило! и проч.

Лягушки просили у Юпитера царя—и Юпитеръ

Далъ имъ царя—летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ;
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенёмъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ — осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто;
Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ—и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому не приглядѣлся бъ свѣтъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

То и онѣ—сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули;
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все, по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.

Можно забыть что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какъ поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ поэзія искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными.

Что ходенёмъ пошло трясинно государство.

Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясинно, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ.

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа. Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ; а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ. Еще одинъ или два примѣра—и кончимъ.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинакой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?—
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучатся, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вотъ истинное простодушіе Лафонтена, который вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ. Замѣтимъ однако здѣсь ошибку: Крыловъ употребилъ слово одинакой [съ кѣмъ или съ чѣмъ нибудь совершенно сходный] вмѣсто слова одинокой [не имѣющій ни родства, ни связей]. Далѣе, авторъ описываетъ пустынника и друга его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ—
Взглянулъ—
А муха на щекѣ—согналъ—а муха снова
У друга на носу.

Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника. Лафонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une [муха] allant se placer,
Mit l'ours au désespoir—il eut beau la chasser!

Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное: медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

Вотъ Мишинька, ни говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи жъ, ужъ я тебя вооруху!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: мишинька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустишіе:

— Хвать друга камнемъ въ лобъ.

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Но довольно; читатели могутъ сами развернуть Басни Крылова и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова за неимѣніемъ времени и мѣста. Сдѣлаемъ общее замѣчаніе о недостаткахъ. Слогъ Крылова кажется намъ въ иныхъ мѣстахъ растянутымъ и слабымъ [за то мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ]; попадаются погрѣшности противъ языка, выраженія, противныя вкусу, грубыя и тѣмъ болѣе замѣтныя, что слогъ вообще вездѣ и легокъ и пріятенъ.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮБЕЗНОМУ ИЗДАТЕЛЮ АГЛАИ.

Я отвѣчаю нѣсколько поздно на два пріятныя слова критика, помѣщенныя въ Аглаѣ любезнымъ ея издателемъ—прошу у него извиненія: отсутствіе мое изъ Москвы причиною такой медлительности. Вы угадали, любезный критикъ: самолюбіе мое не оскорбилось, и, правду сказать, я не умѣю вообразить, какъ можетъ полезное замѣчаніе, сдѣланное просто, безъ всякаго вида насмѣшки, съ любезною, можетъ быть слишкомъ осторожною скромностію, и [что всего важнѣе] по требованію женщинъ, которыя однѣ имѣютъ право быть нашими судіями, когда желаемъ написать что-нибудь пріятное, какъ можетъ такое замѣчаніе быть оскорбительнымъ для самолюбія. Напротивъ, прочитавъ вашу критику, я пожелалъ искренно, чтобы издатели журналовъ, подражая вамъ въ скромности и учтивости, чаще переписывались другъ съ другомъ; чтобы они, такъ сказать, составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія не повелительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшливостію соперника, но съ кроткою, благородною непринужденностію любителя истины.... Такой оборонительный и наступательный союзъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнія, принесъ бы великую пользу ихъ авторскимъ дарованіямъ. Самолю-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

біе наше весьма обманчиво—говорю по собственному многократному опыту — очарованное зеркало его представляетъ нашимъ глазамъ однѣ только пріятныя стороны предметовъ, а непріятныя или украшаетъ, или дѣлаетъ совсѣмъ незамѣтными для нашего взора. Молчаніе публики, благодаря убѣжденію коварнаго самолюбія, можетъ легко показаться автору одобреніемъ; онъ перестаетъ быть осторожнымъ, спускаетъ себѣ съ благосклонностію тѣ ошибки, на которыя читатели его смотрятъ съ равнодушіемъ— а благосклонность сія не должна ли наконецъ погубить или унизить и его дарованія? Скажу откровенно: слышать справедливый упрекъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей [ибо авторъ, и въ особенности журналистъ, всегда на сценѣ болѣе или менѣе обширной], едва ли можетъ быть для насъ пріятно, по крайней мѣрѣ въ первую минуту. Но если мы имѣемъ въ виду одно только усовершенствованіе своего таланта, если мы уважаемъ одну только похвалу заслуженную, и если [что также очень важно] нашъ критикъ говоритъ съ нами не для того, чтобы насъ оскорбить или осмѣять, а для того, чтобы показать намъ истинный путь, съ котораго мы сбились, то мы послѣ минутной досады на собственную ошибку и, если угодно, на того, кто обнаружилъ ее передъ цѣлымъ свѣтомъ — сами поспѣшимъ въ ней признаться, потому что признаніе половина исправленія, останемся благодарными своему просвѣтителю, и выиграемъ много, сдѣлавшись осторожнѣе. Осторожность и робость—великая разница. Будучи соединена съ дѣятельнымъ прилежаніемъ, первая несомнѣнно приведетъ насъ къ успѣху.

Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вашей критикѣ, за которую благодарю искренно и васъ и тѣхъ любезныхъ женщинъ, которыя поручили вамъ сообщить мнѣ ее посредствомъ Аглаи. «Марія, по мнѣнію ихъ, не могла ронять веретена, сидя за самопрялкою, ибо веретена не было въ рукахъ ея; а если оно было, то Марія сидѣла просто за пряжею». Замѣчаніе истинное, и я не смѣю сказать противъ него ни слова. Но пожалѣйте жъ вмѣстѣ со мною объ участи историка, желающаго быть вѣрнымъ, и именно оттого впадающаго въ грубыя ошибки. Повѣсть: Марьина Роща, основана вся на древнихъ рукописяхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и преданіяхъ; въ ней не найдете вы ни одного выраженія, ни одной мысли, которая собственно принадлежала бы новому издателю; все заимствовано имъ изъ древнихъ записокъ—и онѣ-то сдѣлали его преступникомъ противъ здраваго смысла. Въ одномъ изъ старинныхъ манускриптовъ, кажется современномъ великому князю Владиміру, сказано именно, что Марія сидѣла за самопрялкою; въ другомъ, принадлежащемъ, если не ошибаюсь, ко временамъ Владиміра Мономаха, говорится о веретенѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первый историкъ упоминаетъ о самопрялкѣ—явное несогласіе въ происшествіяхъ! Что жъ сдѣлалъ новый историкъ? Онъ вздумалъ одною чертою пера согласить несогласное, въ угодность одному изъ своихъ Геродотовъ поставивъ самопрялку, а въ удовольствіе другому прибавивъ къ ней веретено и, надобно признаться, естественною вѣроятностію пожертвовалъ вѣрности исторической—несчастіе, нерѣдко бывающее и съ важными историками, которые въ наше время описываютъ происшествія, случившіяся за десять вѣковъ до Рождества Христова. Нерѣдко мы ошибаемся и оттого, что ищемъ вдали той истины, которая у насъ передъ глазами.—Для чего бы, напримѣръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкою? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владиміру.—Виноватъ! нечего и говорить; но повторяю, признаніе половина исправленія. Что же касается до маленькаго негодованія нашихъ любезныхъ дамъ, которымъ показалось смѣшнымъ, что витязь Рогдай вмѣстѣ съ золотыми парчами дарилъ Марію лентами и бисеромъ, а не жемчугомъ и богатыми ожерельями, то оно конечно дѣлаетъ имъ честь. Но историкъ не можетъ принять его на свой счетъ; онъ самъ досадовалъ на Рогдая за скупость его и неразборчивый вкусъ, однако принужденъ былъ повиноваться строгой исторіи, и вмѣсто жемчуга и ожерельевъ — написать, скрѣпивъ сердце, бисеръ и ленты.

Теперь остается мнѣ [отвѣчавъ вамъ, какъ справедливому и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

любезному критику], поблагодарить васъ, какъ добраго пріятеля, за то желаніе, которымъ вы заключаете свое письмо. Сказанное вами о успѣхахъ моихъ въ трудахъ кабинета и жизни принимаю за одно доброжелательство благороднаго сердца, и желалъ бы найти въ немъ вѣрное предвѣщаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ послѣднему; ибо что принадлежитъ до трудовъ кабинета, свободныхъ, уединенныхъ и невинныхъ, то [вы знаете это по собственному опыту] никакой блистательный успѣхъ не можетъ быть предпочтенъ тому скромному и тихому наслажденію, которое съ нимъ неразлучно: слѣдовательно они могутъ быть нашимъ счастіемъ, или, если хотите, нѣкоторою замѣною нашего счастія и тогда, когда не будутъ увѣнчаны успѣхомъ.

МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

I.

ДѢВИЦА ЖОРЖЪ ВЪ РАСИНОВОЙ ФЕДРѢ.

Ноября 4-го видѣли мы на московскомъ театрѣ въ первый разъ славную дѣвицу Жоржъ Веймеръ, въ ролѣ Расиновой Федры; 14 ноября та же трагедія представлена была въ другой разъ.

Эта роль можетъ назваться оселкомъ трагическаго таланта въ актрисѣ. Страсть Федры—единственная по своей силѣ—изображена Расиномъ съ такимъ совершенствомъ, какого, можетъ быть, не найдемъ ни въ одномъ произведеніи стихотворцевъ, и древнихъ и новыхъ. Авторъ имѣлъ искусство [но искусство, извѣстное однимъ только геніямъ первой степени], основать всю трагедію свою не на происшествіяхъ необычайныхъ, возбуждающихъ любопытство, изумленіе, ужасъ, но просто на одной сильной страсти, которой раскрытіе, оттѣнки и измѣненія составляютъ единственно сущность его трагедіи. И какая страсть! Съ перваго взгляда отвратительная, не могущая произвести никакого участія—страсть супруги Тезеевой къ Тезееву сыну. Естественно ли

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

желать, чтобы она могла быть увѣнчана успѣхомъ? И, не смотря на то, на участіи къ этой страсти основана вся трагедія. Въ чемъ же состоитъ очарованіе Федры? Отчего, видя ее, не находимъ въ себѣ того непріятнаго чувства, которое производитъ въ насъ присутствіе ужаснаго преступника, но болѣе наполнены тою сострадательною нѣжностію, съ какою взираемъ на существо невинное и несчастное, и, погружаясь въ меланхолію, готовы сказать вмѣстѣ съ Шекспировою Офеліею:

O what a noble mind is here o'erthrown!

Когда бы Федра сама желала удовлетворенія страсти своей, когда бы она сама не гнушалась ею гораздо болѣе, нежели зритель, тогда не могли бы мы видѣть ее безъ отвращенія на сценѣ; но она жертва, и жертва самая трогательная преступленія непроизвольнаго! Въ какую минуту является она передъ глазами зрителя! Утомленная безполезною борьбою съ сердцемъ своимъ, потерявъ и силу, и мужество, и привязанность къ жизни, она приходитъ взглянуть въ послѣдній разъ на солнце, на лучезарнаго своего прародителя, съ которымъ прощается навѣки. Поэту не осталось, по видимому, ничего прибавить къ изображенію этой страсти, ибо она уже не можетъ усилиться, но она можетъ представлена быть въ новыхъ оттѣнкахъ. Ложные слухи о Тезеевой смерти и материнская нѣжность опять возвращаютъ Федру къ жизни. Смерть, послѣднее благо свое, приноситъ она въ жертву дѣтямъ, и сія же материнская нѣжность приводитъ ее къ Ипполиту; но здѣсь ожидало ее то мстительное божество, которое поселило въ душѣ ея виновный пламень. Федра приходитъ просить покровительства своему сыну, и можетъ говорить объ одной только своей любви; гибельное признаніе сдѣлано, а Тезей живъ! Какое положеніе для существа, созданнаго любить добродѣтель и столько времени боровшагося съ судьбою, чтобы удалить отъ себя преступленіе! И только сею минутою ужаса, когда самая способность чувствовать и мыслить была уничтожена въ душѣ Федры, могла воспользоваться Энона, чтобы оклеветать Ипполита; Федра приходитъ въ себя и первая мысль ея: спасемъ невинность. Она стремится къ Тезею—новый ужасъ! Она узнаетъ, что Ипполитъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чувствителенъ, но чувствителенъ къ другой. Этотъ ударъ послѣдній. Федрѣ оставалось почувствовать муку ревности; восклицаніе: il faut perdre Aricie! вырывается не изъ сердца ея: это вопль изступленія, но оно продолжается недолго; въ Федрѣ остается одна только ненависть, сильнѣйшая прежняго, къ жизни, и ненависть къ себѣ самой — она умираетъ, но ея послѣднее слово: Ипполитъ невиненъ! Во все продолженіе трагедіи она только несчастна: сердце ея ни на минуту не участвовало въ томъ преступленіи, въ которое она ввергнута была помѣшательствомъ страсти.

Выраженіе такихъ характеровъ, каковъ характеръ Федры, столь трудное для стихотворца, есть въ то же время и самое трудное для актера. Поэтъ, не имѣя пособія въ происшествіяхъ, поддерживающихъ вниманіе и любопытство, долженъ поработить душу и зрителя и читателя своего вѣрнымъ изображеніемъ страсти, которая тогда только можетъ быть привлекательна, когда почерпнута изъ самой натуры, когда удержанъ естественный ея ходъ, когда всѣ ея измѣненія вѣроятны, и когда между сильными и главными ея положеніями соблюдена необходимая постепенность, служащая, такъ сказать, нитію соединенія одного съ другимъ. Что въ стихотворцѣ слогъ, то въ актерѣ тѣлодвиженія, голосъ, лицо; но знаніе натуры, воображеніе и чувство, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, должны быть почти одинаковы, съ тою только разницею, что первый, будучи творцомъ, руководствуетъ послѣдняго, а самъ не слѣдуетъ никому, кромѣ одного изобрѣтательнаго своего генія. Поэтъ, не имѣя чувствительности и знанія природы, не изобразитъ намъ сильнаго характера со всѣми оттѣнками; актеръ, не имѣющій ни того, ни другаго, или не пойметъ намѣреній поэта, или не будетъ способенъ наполниться его чувствами до такой степени, чтобы, забывъ въ себѣ актера, совершенно переселиться въ характеръ и положеніе представляемаго имъ лица.

Судьба иныхъ трагедій рѣшена бываетъ, можно сказать, однимъ только счастливымъ выборомъ трагическаго происшествія. Напримѣръ, въ Лямотовой Инесѣ, посредственной по слогу и плану, трогаетъ насъ одно положеніе главныхъ лицъ; и актриса,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

представляющая Инесу, даже не имѣя таланта превосходнаго, всегда возбудитъ чувствительность въ зрителѣ, ибо онъ уже предубѣжденъ въ ея пользу трогательнымъ ея положеніемъ. Но Федра..... надобно быть такимъ великимъ поэтомъ, каковъ Расинъ, чтобы плѣнить насъ изображеніемъ страсти ея—и надобно быть актрисою превосходною, чтобы представить намъ Федру такою точно, какою изобразилъ ее стихотворецъ. Почти во всѣхъ другихъ трагедіяхъ положенія измѣняются и страсти въ нѣкоторыя только минуты восходятъ на высочайшую степень; напримѣръ, страсть Герміоны тогда только обнаруживается во всей своей силѣ, когда сія оскорбленная принцесса говоритъ въ послѣдній разъ съ Пирромъ; и она доходитъ до изступленія, когда Орестъ объявляетъ Герміонѣ о смерти Пирра; въ другія минуты она спокойнѣе и болѣе скрыта въ глубинѣ души; любовь Заиры есть тихая нѣжность, тогда только обращающаяся въ страданіе, когда сердце Заиры начинаетъ колебаться между привязанностію къ Оросману и должностію христіанки. И актриса, представляющая или Герміону, или Заиру, находитъ великое пособіе въ тѣхъ положеніяхъ, которыя стихотворецъ даетъ симъ лицамъ: она заимствуетъ силу отъ роли. Напротивъ страсть Федры возведена уже на высочайшую степень свою, такъ сказать, прежде, нежели Федра является передъ глазами зрителя; нѣтъ постепенности; она одинакова отъ первой сцены до послѣдней: это изступленіе, это болѣзнь; актриса, кромѣ тѣхъ частныхъ положеній, въ которыя приходитъ она въ продолженіе трагедіи, имѣетъ собственное, главное, такъ сказать, независящее отъ обстоятельствъ трагическихъ и только измѣняемое ими: она должна быть въ изступленіи уже за сценою и сохранить это изступленіе до конца трагедіи, сохраняя притомъ и необходимые оттѣнки его; напримѣръ, Федра въ присутствіи Ипполита не можетъ быть тою Федрою, которую мы видѣли за минуту съ Эноною, но страсть ея все та же. И все искусство актрисы, представляющей это лицо, состоитъ въ томъ, чтобы она, не выходя ни на минуту изъ главнаго своего положенія, умѣла примѣнять его къ тому чувству, которое стихотворецъ, согласуясь съ обстоятельствами, влагаетъ въ уста ея.

Надобно отдать справедливость дѣвицѣ Жоржъ. Она испол-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

нила почти всѣ требованія въ роли Федры: зрители ни на минуту не могли забыть, что они видятъ передъ собою несчастную жертву непроизвольной страсти. Федра явилась, поддерживаемая Эноною — [мы увидѣли величественную женщину, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, съ маленькою золотою діадемою на головѣ, въ богатой мантіи, лицо греческое, станъ царицы, руки прелестныя]—ея походка, блѣдность ея лица, слѣдствіе внутренней скорби, глаза мутные, лишенные послѣдняго блеска, но полные выраженія тайной страсти—все изображало Федру, палимую внутреннимъ, неестественнымъ пламенемъ. Она сѣла; наклонила голову; Энона ей говорила, но слова Эноны не доходили до ея слуха; вся душа ея погружена была въ то горестное чувство любви, которое сливалось въ ней съ желаніемъ смерти.

Vous haïssez le jour que vous veniez chercher! говоритъ Энона. Федра, вмѣсто того, чтобы ей отвѣчать, обращается къ солнцу:

Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mère osait se vanter d'être fille,
Qui peut-être rougis du trouble où tu me vois,
Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

Эти слова, прекрасно выраженныя, сказаны были, если не ошибаюсь, слишкомъ торжественно и съ чувствомъ горести сильной; а я желалъ бы найти въ нихъ болѣе выраженія тихой унылости, ибо они изливаются изъ страстной души, растроганной мыслію о близкой смерти. Федра, за минуту, погружена была въ горестное размышленіе о своемъ жребіи: жизнь представлялась ей бременемъ тяжкимъ, и на лицѣ ея написано было отчаяніе мрачное, нѣсколько угрюмое; но слова Эноны:

Vous haïssez le jour que vous veniez chercher! пробудили въ ней мысль о смерти—мысль, трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерялъ всѣ надежды [ибо она представляетъ ему тихое убѣжище]; но вмѣстѣ съ этою мыслію соединяется въ немъ и другая, столь же трогательная, о разлукѣ съ тѣмъ, что ему дорого; а сія послѣдняя устремляетъ душу его и къ тѣмъ предметамъ любви, которые онъ готовъ оставить: все это производитъ не горесть, а тихое уныніе. Надобно замѣтить, что стихи:

Noble et brillant auteur и проч.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

служатъ приготовленіемъ къ той мечтательности, въ которую Федра погружается черезъ минуту, мечтательности, которая, безъ сего приготовленія, была бы несообразна съ прежнимъ угрюмымъ ея отчаяніемъ. Сказавъ солнцу: прости! Федра, по естественной связи чувствъ, переносится мыслію къ Ипполиту, ибо лишиться жизни и Ипполита для нея одно и то же, но при этомъ воспоминаніи изглаживается въ ней всякое другое чувство и остается одна любовь: она видитъ его передъ собою; ей представляются тѣ минуты мучительнаго наслажденія, когда, уединенная, подъ тѣнію лѣсовъ, питаясь своею страстію, она слѣдовала взорами за Ипполитомъ, летящимъ въ отдаленіи на колесницѣ.

On vous voit moins souvent, orgueilleux et sauvage,
Tantôt faire voler un char sur le rivage, и проч.

говоритъ Терамень, въ первой сценѣ, Ипполиту. Расинъ, который имѣлъ искусство ко всему приготовлять своего зрителя заранѣе, хотѣлъ вѣроятно объяснить этими стихами то, что говоритъ Федра въ сценѣ съ Эноною:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Въ этомъ мѣстѣ дѣвица Жоржъ была восхитительна. Слова Эноны:

Quoi, vous ne perdrez point cette cruelle envie?
Vous verrai-je toujours, renonçant à la vie,
Faire de votre mort les funestes apprêts?

не коснулись ея вниманія; глаза ея, прежде мрачные и совершенно потухшіе, послѣ словъ:

Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

мало по малу начали оживляться, и они уже блистали [но блистали тѣмъ яркимъ огнемъ, который выражаетъ не радость, а сильный безпорядокъ душевный], когда она сказала:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts и пр.,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и зритель, прежде нежели она произнесла эти слова, былъ уже приготовленъ къ чувству необыкновенному: онъ угадывалъ, что душа Федры занята была какимъ-то внезапнымъ видѣніемъ, и то, что она сказала, только объяснило его темную догадку. Вотъ что значитъ наблюдать постепенность въ переходѣ отъ одного движенія къ другому! Но это искусство извѣстно однимъ только великимъ артистамъ.

Quoi, madame!

воскликнула Энона. Въ минуту смятеніе и ужасъ заступили мѣсто любви на лицѣ Федры, всѣ черты ея перемѣнились; этотъ быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое, совершенно ему противное, выраженъ былъ прекрасно.

Энона умоляетъ Федру ввѣрить ей свою тайну; она бросается на колѣна:

Madame, au nom des pleurs que pour vous j'ai versés.
Par vos faibles genoux que je tiens embrassés.
Délivrez mon ésprit de ce funeste doute.

Въ продолженіе этихъ стиховъ, жестокая борьба изображена была ва лицѣ Федры, котораго мускулы казались напряженными; но Энона замолчала, и Федра была уже спокойна, ибо отчаянная рѣшимость заступила въ ней мѣсто мучительнаго волненія; она приблизила свое лицо къ лицу Эноны;

Tu le veux —

сказала она съ глубокимъ чувствомъ; казалось, что слова сіи выражали: безумная! чего ты хочешь? и она приблизила свое лицо къ Энонѣ, какъ будто для того, чтобы разсмотрѣть въ глазахъ ея, точно ли желаетъ она открыть такую страшную тайну;

— lève-toi!

Во второе представленіе эти два слова произнесены были гораздо лучше, нежели въ первое. Тогда Федра, сказавши: tu le veux, прибавила съ поспѣшностію: lève-toi, и быстрымъ движеніемъ руки подняла Энону; въ голосѣ ея чувствительна была одна только рѣшимость! Но въ послѣдній разъ, послѣ двухъ первыхъ словъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

[tu le veux], она отвратила глаза отъ Эноны, сдѣлала тихое движеніе рукою и произнесла съ глубокимъ унынiемъ, послѣ минутнаго молчанія: lève-toi! Самый звукъ ея голоса приготовлялъ уже зрителя къ тому, что̀ онъ услышитъ, а глаза ея въ то жъ время говорили: какое признаніе должна я сдѣлать, и для чего принуждена я его сдѣлать!

Tu vas ouir le comble des horreurs
J'aime.....

J'aime Hippolyte, хотѣла она сказать—и быстрота, съ какою произнесено было слово j'aime, показывала, что она спѣшила избавить себя отъ тягостнаго признанія; но при имени Ипполита рѣшимость ея исчезла, она смутилась, затрепетала:

— A ce nom fatal je tremble, je frissonne...
J'aime....

послѣднее слово сказано было тихо и съ робостію, такъ какъ и слѣдующія:

Tu connais ce fils de l'Amazone,
Ce prince si longtemps par moi-même opprimé?

она хотѣла, чтобы Энона ее угадала, но, въ то жъ время страшилась ея проницательности.

C'est toi qui l'as nommé!

она произнесла это разительное слово робкимъ, почти невнятнымъ голосомъ, со стыдомъ, ужасомъ и отвращеніемъ; она не смѣла обратить глаза на Энону, и движеніемъ руки хотѣла, какъ будто, ее отъ себя удалить, ибо слова Эноны:

Hippolyte? Grands dieux!

были и для нея какою-то ужасною новостію, которой она ожидала, но которую все еще слишкомъ рано услышала.

Монологъ:

Mon mal vient de plus loin etc.

прочтенъ былъ во второй разъ несравненно лучше, нежели въ первый; надобно было слѣдовать за движеніями лица актрисы,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чтобы раздѣлять съ нею всѣ тѣ чувства, которыя выражала она словами:

Envain sur les autels ma main brûlait l'encens:
Quand ma bouche implorait le nom de la déesse,
J'adorais Hippolyte; et, le voyant sans cesse,
Même au pied des autels que je faisais fumer,
J'offrais tout à ce dieu que je n'osais nommer.

Въ эту минуту глаза ея оживленные, блестящіе, выражали все изступленіе любви; она видѣла предъ собою того бога, котораго наименовать не смѣла.

Въ четвертой сценѣ, когда Панопа извѣщаетъ ее о смерти Тезеевой, она произноситъ одно только слово: ciel! но эта сцена едва ли не одна изъ самыхъ трудныхъ; и надобно признаться, что дѣвица Жоржъ показала въ ней дарованіе актрисы превосходной, которая ни на минуту не удаляется отъ характера и положенія своей роли.

Третья сцена оканчивается стихами:

Je t'ai tout avoué; je ne m'en repens pas:
Pourvu que de ma mort respectant les approches
Tu ne m'affliges plus par d'injustes reproches,
Et que tes vains secours cessent de rappeler
Un reste de chaleur tout prêt a s'exhaler.

Положеніе Федры все то же, какое и въ началѣ сцены; вдругъ слышитъ она отъ Панопы, что Тезея нѣтъ:

Hippolyte son fils vient d'apprendre sa mort.

Она говоритъ одно только слово: ciel! но какимъ голосомъ и съ какимъ видомъ? Обыкновенная актриса приняла бы это извѣстіе съ громкимъ восклицаніемъ, которымъ выразила бы одно только то, что оно поразило ее, какъ новость. Но слово: ciel! выражаетъ совсѣмъ иное. Тезеева смерть не можетъ быть сама по себѣ ужасною для Федры, ибо для нея нѣтъ уже несчастія—она рѣшилась умереть; она можетъ на нея дѣйствовать только потому, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ главному и единственному ея чувству. И голосомъ тихимъ, съ видомъ сомнѣнія, нерѣшительности, какъ будто стараясь проникнуть въ то будущее, которое

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вдругъ совершенно измѣнилось для нея съ смертію ея супруга, но еще не имѣя никакой ясной мысли и не позволяя себѣ останавливаться на той, которая одна противъ воли въ душѣ ея пробуждается, она говоритъ: ciel! Это слово заключаетъ въ себѣ цѣлое положеніе. Произнеся его, Федра остается погруженною въ задумчивость; она мечтаетъ, въ душѣ ея стѣснилось множество смутныхъ мыслей и чувствъ; но при словахъ Эноны:

Votre flamme devient une flamme ordinaire!

она пробуждается, глаза ея блистаютъ, и зритель угадываетъ, что Энона встрѣтила то чувство, на которомъ Федра не смѣла остановиться. Она съ жадностію пріемлетъ и одобряетъ тѣ совѣты, которые страшилась сама себѣ сдѣлать; она уже согласна остаться жить, и жить для пользы сына; но это одинъ обманъ! Нѣжностію матери украшаетъ она въ своихъ глазахъ виновную любовь къ Ипполиту: она остается жить для одного только Ипполита. Таковы чувства, которыя дѣвица Жоржъ прекрасно выразила нѣмою игрою своею въ IV и V сценахъ перваго акта.

Этихъ замѣчаній довольно. Скажемъ вообще, что Федра во второй разъ была гораздо лучше представлена, нежели въ первый [здѣсь разумѣю одну дѣвицу Жоржъ]; изступленіе ревности въ четвертомъ актѣ и слѣдующее за нимъ отчаяніе выражены были сильнѣе; чувство, съ какимъ сказанъ былъ стихъ [III актъ, сцена I]:

Quoique Scythe et barbare, elle a pourtant aimé,

привело зрителей въ восхищеніе: его произнесла сама Федра, которая слишкомъ знаетъ, что такое страстная любовь, и которая живетъ одною любовію. Замѣтимъ еще одно выраженіе. Федра, мучимая ревностію, говоритъ:

Ah! douleur non encore éprouvée!
A quel nouveau tourment je me suis réservée!
Tout ce que j'ai souffert, mes craintes, mes transports,
La fureur de mes feux, l'horreur de mes remords,
Et d'un refus cruel l'insupportable injure,
N'était qu'un faible essai du tourment que j'endure.
Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trompé mes yeux?
Comment se sont-ils vus, depuis quand, dans quels lieux?
Tu le savais: pourquoi me laissais-tu séduire?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Выраженіе: tu le savais принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ высокимъ [sublime] выраженіямъ чувства или мыслей, которыя изумляютъ насъ въ великихъ трагикахъ; его можно поставить на ряду съ qu'il mourut стараго Горація, съ qui te l'a dit Герміоны и съ he has no children Макдуффа въ Шекспировомъ Макбетѣ. Федра говоритъ Энонѣ: tu le savais, а она сама, за нѣсколько часовъ, въ первый разъ сказала ей о любви своей; вотъ сумасшествіе ревности, вотъ изступленіе страстной души, совершенно разстроенной и все обвиняющей въ своемъ страданіи. Въ этомъ мѣстѣ игра дѣвицы Жоржъ была несравненна.

Теперь позволимъ себѣ замѣтить то, что кажется намъ недостаткомъ въ игрѣ этой актрисы; она иногда излишне заботится о своей наружности; напримѣръ, въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ не забываетъ она поправлять свое покрывало, волосы, порфиру; также замѣтно иногда, что она хочетъ плѣнить глаза живописнымъ своимъ положеніемъ. Такая заботливость не усиливаетъ, а развѣ только ослабляетъ то чувство, которое игрою своею производитъ она въ сердцѣ зрителя: Федра, оправляющая на себѣ порфиру, въ ту самую минуту, когда она, забывшись, открываетъ страсть свою Ипполиту, сама выводитъ насъ изъ очарованія, и мы находимъ въ ней одну только актрису. Дѣвица Жоржъ, кажется, не имѣетъ причины бояться, чтобы зрители, смотря на выразительное лицо ея, могли не забыть объ ея платьѣ: чѣмъ менѣе будетъ она думать о дѣйствіи на глаза, тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать на сердце.

Нѣкоторые изъ зрителей недовольны ея декламаціею; они называютъ ее пѣніемъ. Не беремъ на себя рѣшить, справедливо ли они мыслятъ; но спрашиваемъ: можно ли читать стихи какъ прозу, и особливо стихи трагическіе? Языкъ трагедіи, въ особенности французской, совершенно отличенъ отъ того простаго языка, который употребляемъ въ общежитіи [онъ гораздо пышнѣе, украшеннѣе, ибо онъ стихотворный]; такой необыкновенный языкъ не требуетъ ли и выраженія необыкновеннаго? Декламація грековъ, какъ извѣстно, весьма близко подходила къ пѣнію, а языкъ трагиковъ греческихъ [по увѣренію знатоковъ греческаго языка] несравненно простѣе, нежели языкъ трагиковъ французскихъ. Сти-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

хи шестистопные съ риѳмами, съ цезурою слишкомъ ощутительною, были бы, если не ошибаюсь, испорчены простою прозаическою декламаціею; простота обыкновеннаго разговора не можетъ согласоваться съ пышностію стихотворною: такое соединеніе неестественно; отъ него могло бы произойти одно только безобразіе.

Время не позволяетъ намъ ничего сказать о представленіи Меропы. Дѣвица Жоржъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, особливо въ той, гдѣ она говоритъ съ Эгистомъ, не зная, что онъ ея сынъ, и въ сценѣ между ею, Эгистомъ и Полифонтомъ была несравненна. Какъ истинная мать и какъ величественная царица, упала къ ногамъ она убійцы Кресфонта, воскликнувъ:

Que vous faut-il de plus—Mérope est à vos pieds!

А въ ту минуту, когда молодой герой осыпаетъ Полифонта упреками, на лицѣ ея изобразились и ужасъ, производимый дерзостію Эгиста, котораго жизнь была въ рукахъ тирана, и гордое восхищеніе матери, плѣняющейся неустрашимостію милаго сына. Въ первомъ актѣ, если не ошибаюсь, казалась она излишне горестною: такая преждевременная горесть ослабила нѣсколько то дѣйствіе, которое могло бы имѣть на зрителя ея отчаяніе въ концѣ втораго акта, когда извѣщаютъ ее о мнимой смерти Эгиста. Многіе изъ зрителей также замѣтили, что она и въ роли прекрасной поселянки Катерины была нѣсколько Меропою.

Заключимъ: мы опредѣляемъ превосходство трагедіи по тому впечатлѣнію, которое она оставляетъ въ нашей душѣ; и это впечатлѣніе тогда только можетъ быть сильно, когда поражаютъ насъ не однѣ отдѣльныя красоты, но когда вся трагедія — въ содержаніи, планѣ, слогѣ, характерахъ—имѣетъ надлежащее превосходство; тогда мелкія погрѣшности или остаются незамѣтными, или имѣютъ на насъ самое слабое дѣйствіе, не уменьшающее главнаго и общаго. То же самое можно сказать и объ игрѣ трагическаго актера: если выходимъ изъ театра съ душою растроганною, и если это впечатлѣніе столь сильно, что оно нѣсколько времени не оставляетъ насъ и посреди разсѣянія, или даже препятствуетъ ему предаваться, то мы имѣемъ право назвать актера превосходнымъ — слѣдовательно имя актрисы превосходной

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

принадлежитъ дѣвицѣ Жоржъ по праву; но степени сего превосходства опредѣлить не можемъ: она опредѣляется только по сравненію.

II.

ДѢВИЦА ЖОРЖЪ ВЪ ДИДОНѢ ЛЕФРАНА ДЕ ПОМПИНЬЯНА. ВЕСТРИСЪ. ДЮПОРЪ. ФРОЖЕРЪ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой трагедіи. Лефранъ заимствовалъ главныя и самыя разительныя положенія у Виргилія, но онъ имѣлъ искусство охладить и сдѣлать непривлекательнымъ все то, что восхищаетъ насъ въ Энеидѣ. Надлежало быть Расиномъ, то есть имѣть необыкновенный даръ поэта, знакомаго съ человѣческимъ сердцемъ и способнаго изображать его страсти живыми красками, чтобы плѣнить насъ страданіями Дидоны: Лефранъ не имѣлъ сего дара, и его Дидона скучна отъ начала до конца, не смотря на многіе блестящіе стихи и близкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражаніе Виргилію.

Главная погрѣшность Лефрана, если не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, что онъ, желая выставить Дидону, забылъ совершенно объ Энеѣ. Какая была его цѣль? Растрогать несчастною страстію Дидоны. Но для того, чтобы эту страсть сдѣлать для насъ привлекательною, надлежало и самый предметъ этой страсти представить ея достойнымъ; чтобъ возбудить сожалѣніе къ Дидонѣ оставленной, надлежало насъ прежде убѣдить, что любовь Энея могла бы составить ея счастіе, и наслажденія счастливой любви намнуту противоположить ея горестямъ. Если бы мы видѣли въ Энеѣ страстнаго любовника и героя, обожающаго славу наравнѣ съ Дидоною; когда бы эти двѣ страсти одинаково господствовали въ его сердцѣ, но послѣдняя была бы на время подчинена первой, такъ, чтобы Эней въ своемъ ослѣпленіи почиталъ и боговъ сообщниками его сердца; если бы въ ту минуту, когда онъ является на сцену, увидѣли мы его восхищеннаго своею любовію къ Дидонѣ, счастливаго своимъ ослѣпленіемъ, счастливаго мыслію, что онъ получитъ вѣнецъ изъ милой руки, что будетъ защитникомъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ея трона, что онъ усилитъ ея могущество, что слава его не будетъ раздѣльна съ ея славою, и наконецъ, если бы онъ началъ бороться съ своею страстію не прежде, какъ послѣ приговора боговъ, опредѣлившихъ ему удалиться: тогда бы и зритель могъ бы наполниться чувствами Дидоны; ея восхищеніе было бы для него понятно, а горесть ея [незапный, потому и разительный переломъ судьбы], въ ту минуту, когда она теряетъ Энея, подѣйствовала бы на него сильно, ибо тогда онъ былъ бы увѣренъ, что вмѣстѣ съ Энеемъ исчезло и все ея счастіе.

Что же видимъ напротивъ въ Лефрановомъ Энеѣ? Любовника безъ любви, героя безъ сильной привязанности къ славѣ. Страсть Дидоны почитаетъ онъ благодѣяніемъ, а собственная любовь его не иное что, какъ благодарность.—Эней честный человѣкъ, думаетъ зритель, но жаль, что Дидона его любитъ: онъ не имѣетъ для нея сердца!

Первая обязанность трагика состоитъ въ томъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе познакомилъ зрителя съ господствующею страстію своихъ лицъ, ибо на участіи къ этой страсти основано все дѣйствіе, производимое на насъ трагедіею: мы непремѣнно должны знать, чего желаютъ наши герои и что имъ противно, чтобы раздѣлять ихъ желанія и за нихъ бояться. И вотъ какъ Лефранъ знакомитъ насъ съ страстію Энея:

Je jouis à regret des bienfaits de la reine;
. . . . . .
Que m'annonce ce trouble, et qu'en dois-je augurer?
Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que je parte?
Se peut-il que le ciel, que Junon m'en écarte,
Que je sois sans asyle, et que les seuls Troyens
Perdent dans l'univers le droit de citoyens?

Это первыя слова Энея. Эней въ нерѣшимости, слѣдовательно онъ не имѣетъ страсти. Возможность разлуки съ Дидоною сама собою представляется его душѣ: она предупредила приговоръ боговъ. Мысль—

Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que je parte?

была бы ударомъ убійственнымъ для любовника страстнаго, но для него естественное слѣдствіе той унылости, которою онъ на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

полненъ; онъ боится, чтобы Юнона опять не повелѣла ему оставить Карѳагену — боится не потому, чтобы разлука съ Дидоною ужасала его, а потому единственно, что ему уже наскучило странствовать по морямъ съ своими троянами. Таковъ полубогъ, воспламенившій Дидону! Холодность его одинакова во все продолженіе трагедіи; она совершенно уничтожаетъ то дѣйствіе, которое могла бы имѣть на зрителя сначала страстная нѣжность, потомъ упреки и горесть Дидоны. Любовь съ одной стороны пламенная, съ другой ощущаемая слабо, всегда отвратительна на сценѣ: она можетъ быть благородна, слѣдственно и привлекательна, или отъ взаимности, или отъ неразлучнаго съ нею страданія; напротивъ низка, потому и отвратительна, если [какъ бы впрочемъ ни была сильно представлена] устремляется на предметъ, ея недостойный. Дидона могла бы тронуть зрителя, когда бы Эней и ему казался такимъ же точно, каковъ онъ въ глазахъ Дидоны; но зритель, благодаря поэту, не можетъ раздѣлять ослѣпленія любовницы и чувства ея теряютъ для него всю свою силу. Напримѣръ, нельзя удержаться отъ нѣкотораго невольнаго отвращенія, когда Дидона говоритъ Энею:

Je devrais te haïr, ingrat! et je t'adore!

Что нашла она достойнаго обожанія въ этомъ жалкомъ человѣкѣ? спрашиваетъ зритель, и онъ то же думаетъ во все продолженіе трагедіи. Помпиньянъ, изображая Дидону, имѣлъ передъ глазами четвертую книгу Энеиды; но характеръ Энея надобно было сотворить, а это превосходило его талантъ, и онъ изъ трагическаго происшествія сдѣлалъ весьма холодную трагедію. Много бы можно было сказать объ ея планѣ и ходѣ, о характерѣ Ярба, о лицѣ Мадгербала, совершенно лишнемъ, о слогѣ поэта—но мы пишемъ не критику; и такъ, ограничивъ себя одними общими замѣчаніями о двухъ главныхъ характерахъ сей трагедіи, обратимся къ дѣвицѣ Жоржъ.

Мы имѣли удовольствіе видѣть ее два раза въ ролѣ Дидоны, и во второй разъ [также какъ и въ Федрѣ] играла она гораздо лучше, нежели въ первый. Тогда чувствительна была въ ней какая-то разсѣянность; она дѣлала скачки въ переходѣ изъ одного

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чувства въ другое; первая сцена съ Ярбомъ декламирована была слишкомъ на распѣвъ и голосомъ однообразнымъ: мы видѣли не Дидону, а дѣвицу Жоржъ, которая читала выученное напзустъ, безъ всякаго отношенія къ тому, что сказано было за минуту Ярбомъ. Но въ послѣдній разъ это однообразіе было менѣе ощутительно; за то стихи:

J'entends et vois ce qu'on m'annonce:
Je sais combien les rois doivent être irrités
D'une paix, d'un hymen trop souvent rejetés;
Un refus est pour eux le signal de la guerre.
Autour de mes remparts ensanglanter la terre,
Iarbe, je le vois, est tout prêt d'éclater;
Je l'attends sans me plaindre, et sans le redouter,

произнесены были нѣсколько плачевнымъ голосомъ—такой тонъ едва ли приличенъ Дидонѣ: она отдаетъ престолъ свой Энею, въ которомъ будетъ имѣть мужественнаго защитника, и мысль объ Энеѣ должна быть въ душѣ ея, когда она говоритъ съ Ярбомъ, на предложенія котораго отвѣчала, за нѣсколько минутъ, какъ гордая царица. Слова

Je l'attends sans me plaindre—

также были сказаны голосомъ жалобнымъ: такая несообразность выраженія съ мыслію была тѣмъ ощутительнѣе, что полустишіе

— et sans le redouter

произнесено было съ твердостію и величіемъ.

Еще два замѣчанія такого-жъ рода. Въ сценѣ съ Элизою и Барсе не слишкомъ ли живо изображаетъ дѣвица Жоржъ разрушеніе Трои?

Même après le danger on craint pour ce qu'on aime....
Je crois voir le combats que j'entends raconter;
Je frémis pour Énée, et je cours l'arrêter:
Tantôt sous ces remparts que la Grèce environne
Je le vois affronter les fureurs de Bellone;
Je le suis, et des Grecs défiant le courroux,
Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups:
Mais bientôt sur ses pas je vole épouvantée

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Dans les murs saccagés de Troie ensanglantée:
Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement;
A travers mille feux je cherche mon amant.

Когда Меропа описываетъ Исменѣ ту страшную ночь, въ которую Кресфонтъ и дѣти ея были умерщвлены передъ ея глазами, тогда всѣ ужасы убійства должны возобновиться въ ея воображеніи: она сама была ихъ зрительницею; она можетъ видѣть передъ собою умирающаго Кресфонта, и всѣ ея движенія должны быть живописны; но Дидона была только въ мысляхъ свидѣтельницею разоренія Трои: обстоятельства его не должны представляться ей живо, а развѣ только въ отношеніи къ Энею, ибо въ пылающей Троѣ видитъ она одного только Энея; слѣдовательно, говоря:

Je le suis, et des Grecs défiant le courroux,
Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups,

она должна останавливаться воображеніемъ не на грекахъ, преслѣдующихъ Энея, а на самомъ Энеѣ, и лицомъ своимъ выражать не ужасъ, но страстное чувство любовницы, которая съ восхищеніемъ готова умереть за того, кѣмъ полно ея сердце.

Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement.

Этого стиха не надлежало бы слишкомъ отдѣлять отъ прочихъ; тутъ живописность совсѣмъ не у мѣста: поразивъ воображеніе зрителя предметомъ постороннимъ, отвлечешь необходимо душу его отъ главнаго чувства — того, которое должна произвести въ ней страсть Дидоны.

Въ концѣ IV сцены III акта Дидона говоритъ Мадгербалу:

Oui, malgré les malheurs où son courroux nous jette,
Allez, et que ma garde assure sa retraite;
Que ce prince, à l'abri de toute trahison,
Accable, s'il le peut, mais respecte Didon.
J'aime mieux, au péril d'une guerre barbare,
Que l'univers, témoin du sort qu'on me prépare,
Condamne un vain excès de générosité,
Que s'il me reprochait la moindre lâcheté.

Эти стихи дѣвица Жоржъ произнесла съ тѣмъ благородствомъ, которое прилично царицѣ; на лицѣ и въ глазахъ ея блистало ве-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

личіе; но тотчасъ послѣ стиха [при которомъ выходитъ Мадгербалъ]:

Que s'il me reprochait la moindre lâcheté,

она обращается къ Элизѣ:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes larmes,

и въ этомъ переходѣ къ другому чувству, кажется, не соблюдена была надлежащая постепенность. Важный голосъ вдругъ перемѣнился на жалобный и плачевный; величественное лицо вдругъ сдѣлалось печальнымъ; а эти два стиха, если не ошибаюсь, надлежало бы отдѣлить одинъ отъ другаго краткимъ молчаніемъ и, говоря:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes larmes,

сохранить по крайней мѣрѣ въ голосѣ нѣсколько того принужденнаго спокойствія, съ которымъ Дидона за минуту говорила Мадгербалу о Ярбѣ.

Въ двухъ сценахъ съ Энеемъ и въ послѣдней, когда Мадгербалъ приноситъ Дидонѣ извѣстіе объ отъѣздѣ Энея [лучшихъ во всей трагедіи], игра дѣвицы Жоржъ была прекрасна, особливо въ послѣдній разъ. Надобно однако замѣтить вообще, что нѣжность выражаетъ она не такъ счастливо, какъ сильную горесть и негодованіе. Натура создала ее для характеровъ важныхъ, гордыхъ, великихъ; величіе можно назвать ея принадлежностію; она царица наружностію, движеніями, станомъ, лицомъ; но она гораздо меньше имѣетъ способности для характеровъ нѣжныхъ. Въ голосѣ ея, звонкомъ и чистомъ, нѣтъ довольно мягкости, нѣтъ звуковъ, трогающихъ душу; нѣтъ слезъ, какъ говоритъ Лагарпъ о молодой актрисѣ Госсень, которая, въ золотое время французскаго театра, восхищала Парижъ, играя Заиру. Дѣвица Жоржъ можетъ производить удивленіе, поражать, а не трогать; она менѣе дѣйствуетъ на зрителя въ такія минуты, когда изображаетъ или меланхолію страсти, или одно тихое чувство любви, или то состояніе души, когда отчаяніе смѣшано въ ней съ нѣжностію. Напримѣръ, въ Федрѣ [быть можетъ единственная роля страстной любовницы, приличная таланту дѣвицы Жоржъ, ибо любовь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Федры есть одно страданіе и никогда не переходитъ въ нѣжность] когда игра ея самая слабая? Въ ту минуту, когда Федра говоритъ Эионѣ о своихъ дѣтяхъ, когда сильное отчаяніе должно уступить въ ней мѣсто меланхолической скорби. И въ Дидонѣ всѣ нѣжныя черты любви были выражены нѣсколько слабо. За то дѣвица Жоржъ торжествуетъ въ тѣхъ сценахъ, которыя требуютъ величія и силы; въ незапныхъ переходахъ изъ одного чувства въ другое противное, напримѣръ, изъ спокойствія въ ужасъ, отъ радости къ сильной печали. Игрою лица трогаетъ она гораздо болѣе, нежели голосомъ и движеніями; глаза ея прелестны, когда они или вдругъ воспламеняются яркимъ огнемъ сильнаго чувства, или наполняются мало по малу тѣмъ легкимъ, почти невидимымъ пламенемъ, которое противъ воли измѣняетъ глубокому чувству сердца.

Эней приходитъ изъ храма, гдѣ слышалъ онъ приговоръ боговъ, повелѣвающихъ ему удалиться; онъ говоритъ Дидонѣ:

Que vous dirai-je enfin? Accablé de douleur,
Déchiré par l'amour, entraîné par l'honneur.....

и на лицѣ ея изображалось робкое ожиданіе, соединенное съ предчувствіемъ ужаснаго.

Qu'avez-vous résolu?

спрашиваетъ она такимъ голосомъ, въ которомъ ощутительно было, что она страшится отвѣта, хотя уже предузнала его. Эней отвѣчаетъ:

Plaignez plutôt mon ame!
Tout parlait contre vous, tout condamnait ma flamme,
Ma gloire, mes sujets, nos prêtres et mon fils....

и нерѣшимость, которая приводила въ движеніе лицо Дидоны, исчезла; оно быстро измѣнилось; глаза ея, за минуту оживленные ожиданіемъ, вдругъ потухли.

N'achevez pas, cruel! vous avez tout promis!...

сказала она голосомъ слабымъ, которымъ прекрасно выражено было незапное изнеможеніе и сердца и силъ тѣлесныхъ. Въ выраженіи стиховъ:

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Est-il bien vrai? ce jour va donc nous séparer?
Qui me consolera dans mes douleurs profondes?
Mon coeur, mon triste coeur vous suivra sur les ondes;
Et d'une vaine gloire occupé tout entier,
Au fond de l'univers vous irez m'oublier!...
M'oublier!...

я желалъ бы найти болѣе меланхолической чувствительности, нежели горести сильной, тѣмъ болѣе, что ихъ надлежало непремѣнно замѣтнымъ оттѣнкомъ отдѣлить отъ послѣдняго слова:

M'oublier!

Въ первыхъ пяти стихахъ Дидона говоритъ объ одной только разлукѣ, и сердце ея тронуто сильно; но это чувство болѣе унылое, нежели горестное: разлука не столь ужасаетъ ее, какъ забвеніе, и только на словѣ: m'oublier унылость должна была обратиться въ горесть. Это слово сказано было прекрасно; но оно несравненно сильнѣе тронуло бы зрителя, когда бы предыдущіе стихи не ослабили его дѣйствія, именно потому, что были произнесены такимъ же тономъ, какъ и оно.

Въ шестой сценѣ третьяго дѣйствія, когда оскорбленная Дидона дѣлаетъ упреки Энею, и въ послѣдней пятаго, когда, узнавъ объ Энеевомъ отъѣздѣ, она осыпаетъ его проклятіями [и та и другая почерпнуты изъ Виргилія], игра дѣвицы Жоржъ была превосходна. Стихи:

Non, tu n'es point le sang des héros, ni des dieux!
. . . . . .
Il faut d'autres raisons pour convaincre une amante!
. . . . . .
Tes dieux sont le parjure et l'infidelité!
[acte III, scène VI].
Tremble, ingrat! je mourrai; mais ma haine vivra!
. . . . . .
Et moi je te déclare une guerre immortelle!
[acte V, scène IV].

произнесены были съ необыкновенною выразительностію; но мы замѣтимъ здѣсь опять, что роли нѣжныхъ любовницъ несвойственны таланту дѣвицы Жоржъ. Агриппина, Аталія, Клеопатра [въ Корнелевой Родогунѣ], Семирамида — вотъ характеры, единственно ей принадлежащіе.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

«Династія Вестрисовъ есть чудный феноменъ, говоритъ одинъ французскій журналистъ [Жофруа], въ ней великое дарованіе, вопреки опытамъ всѣхъ вѣковъ, переходитъ по прямой линіи отъ отца къ сыну — дарованіе прыгать и плѣнять глаза чудесными прыжками. Вестрисъ Великій, или I-й, имѣлъ достойнаго преемника въ своемъ сынѣ; Вестрисъ II произвелъ въ свою очередь Вестриса III, или Армана Вестриса; но дѣдъ оставилъ уже бренный міръ: онъ живетъ только въ памяти знатоковъ, а внукъ танцуетъ теперь за Альпійскими горами. Богиня Терпсихора, любезная повелительница всего, что имѣетъ легкія ноги, погружена была въ уныніе — вдругъ появился у двора ея принцъ крови изъ дома Вестрисовъ, Карлъ Вестрисъ, или Вестрисъ IV, восхитительный прыгунъ двѣнадцати лѣтъ, и милая, нѣсколько пріунывшая богиня танцевъ опять начинаетъ улыбаться!»... Оставимъ улыбаться парижскую Терпсихору, а господина Жофруа считать по пальцамъ великихъ людей Вестрисовой династіи; сѣверная Терпсихора не завидуетъ южной, ибо она имѣетъ при дворѣ своемъ Дюпора, ни I, ни II, ни III, а просто единственнаго. Побѣдивъ въ Парижѣ Вестриса, царя Вестрисовъ, онъ разсудилъ промѣнять югъ на сѣверъ, и теперь жители снѣжнаго Петербурга не жалуются болѣе на зиму за то, что она разлучаетъ ихъ на цѣлые пять мѣсяцевъ съ зефирами; благодаря Дюпору, они, каждую недѣлю два раза, имѣютъ удовольствіе видѣть самого бога зефировъ въ театрѣ: иногда представляется онъ имъ въ собственномъ своемъ видѣ, съ бабочкиными крыльями, легкій, милый, привлекательный, одаренный всѣми пріятностями, какими онъ обладалъ въ старину, по словамъ историка басни, блаженной памяти Овидія; иногда въ образѣ Адониса, пламеннаго обожателя Венеры [хотя нѣсколько робкаго въ присутствіи Марса, извѣстнаго грубіяна]; иногда въ видѣ забавнаго цирюльника Фигаро, иногда [чему не скоро повѣритъ потомство] въ русскомъ кафтанѣ синяго цвѣта, обшитомъ серебрянымъ галуномъ, въ сапогахъ съ красными сафьянными отворотами. Все это не доказываетъ ли неоспоримо, что вѣкъ Овидіевыхъ превращеній еще не миновался? И Дюпоръ, который вѣчно Зефиръ, не смотря на его чудесныя превращенія, не достоинъ ли, по справедливости, имѣть какого нибудь Овидія своимъ біогра-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

фомъ? Сообщаемъ нашимъ читателямъ его портретъ, списанный съ натуры и весьма сходно однимъ французскимъ живописцемъ [или поэтомъ, что все равно] по имени Бершу:

Jamais Zéphyr humain ne parut si léger:
Dans tous les autres vents rampant dans la carrière,
On avait reconnu le poids de la matière;
Mais lui seul, dégagé des terrestres liens,
Paraît en tout semblable aux dieux aériens,
Du parterre charmé l'oeil peut le suivre à peine
Parmi les jeunes fleurs qu'agite son haleine!

Этотъ любезный Зефиръ удивлялъ, и, по увѣренію людей, которые обо всемъ знаютъ и все слышатъ, еще нѣсколько времени будетъ удивлять Москву своею легкостію и своими превращеніями, вмѣстѣ съ тремя подругами богини Терпсихоры, которыя разсудили пожаловать къ намъ incognito, подъ скромными именами Сенклеръ, Новицкой, Иконниной; но публика московская, какъ извѣстно, весьма проницательная, очень скоро замѣтила обманъ.

Не странно ли? Г. Фрожеръ, имѣющій отличный комическій талантъ, выбралъ для бенефиса своего такую піесу, въ которой нельзя было ему показать никакого таланта, пародію Лятушевой Ифигеніи въ Тавридѣ. Если вѣрить строгимъ Аристархамъ, то всякая пародія [надобно замѣтить, что эти господа называютъ пародію злоупотребленіемъ драматическаго искусства], можетъ имѣть нѣкоторую пріятность только тогда, когда представляютъ тотчасъ послѣ той трагедіи или драмы, на которую она сдѣлана. Но мы, не видавши Лятушева Ореста, могли ли смотрѣть съ удовольствіемъ на Ореста Фаварова [авторъ пародіи, если вѣрить театральному объявленію, и Вуазенова, если вѣрить исторіи]? Господинъ Фрожеръ смѣшилъ насъ очень много, это правда; но только не игрою своею, а тѣмъ единственно, что онъ выступилъ на сцену въ греческомъ платьѣ и важнымъ голосомъ декламировалъ вздорные стихи. Много дарованія показалъ и господинъ Дюкло, ибо онъ представлялъ Пилада въ огромной прическѣ, съ пуклями, въ пудрѣ, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, и хотѣлъ поднять Тоаса

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

на воздухъ вилами, какъ обыкновенную копну сѣна. Всѣхъ лучше играла госпожа Фурезъ: она старалась представить намъ въ карикатурѣ дѣвицу Жоржъ, и мы въ самомъ дѣлѣ имѣли удовольствіе видѣть—карикатуру дѣвицы Жоржъ.

III.

ДѢВИЦА ЖОРЖЪ ВЪ ВОЛЬТЕРОВОЙ СЕМИРАМИДѢ.

Вольтеръ есть самый разительный изъ трагиковъ французскихъ; frappez fort plutôt que juste! говорилъ онъ [Лагарпу, если не ошибаюсь]. И почти во всѣхъ своихъ трагедіяхъ держался онъ этого правила: потрясши душу зрителя ударами сильными, онъ ее порабощалъ. Корнель удивляетъ высокостію мыслей и чувствъ; но удивленіе, дѣйствуя на одинъ только разсудокъ, именно потому не можетъ оставить глубокаго слѣда на сердцѣ: его продолжительность утомляетъ. Расинъ трогаетъ до глубины души; но онъ постепенно приводитъ насъ къ сильному чувству; онъ наполняетъ имъ всю душу, слѣдовательно дѣйствуетъ медленнѣе; оно глубокое, полное, а потому и не разительное. Вольтеръ напротивъ достигаетъ до сердца съ помощію воображенія: покоривъ насъ силою, онъ почитаетъ позволеннымъ пренебрегать тѣ мелкія подробности и оттѣнки, которыя сильное чувство могли бы сдѣлать глубокимъ и продолжительнымъ. Изъ трагедій Расиновыхъ выходишь съ живѣйшею чувствительностію, въ расположеніи меланхолическомъ; послѣ трагедій Вольтеровыхъ сердце поражено и воображеніе пылаетъ.

La vérité terrible est du ciel descendue,
Et du sein des tombeaux la vengeance est venue;

на этихъ двухъ стихахъ, можно сказать, основана вся Семирамида; но это основаніе передъ глазами критики. Напрасно стихотворецъ выводитъ мщеніе изъ гроба и заставляетъ небо заботиться объ открытіи страшной тайны; великій жрецъ Ороэсъ знаетъ давно, что Семирамида и Ассуръ убійцы Нина; слѣдовательно все то, для чего разрушены законы природы, спокойствіе могилы

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

возмущено, и тѣнь оставляетъ гробовой пепелъ, могло бы исполнено быть самыми простыми, человѣческими средствами, именно съ помощію двухъ понятныхъ словъ изъ устъ жреца Ороэса; слѣдовательно трагикъ построилъ воздушный замокъ: онъ ужасаетъ насъ китайскими тѣнями. Не смотря однако на этотъ великій недостатокъ, и также не смотря на то, что въ Семирамидѣ истинное дѣйствіе начинается только въ концѣ третьяго акта, эта трагедія оставляетъ на душѣ зрителя впечатлѣніе чрезвычайно сильное. Въ чемъ же очарованіе стихотворца? Въ слогѣ его, которымъ онъ воспламеняетъ воображеніе: мы окружены какою-то страшною таинственностію, и ожиданіе сверхъестественнаго производитъ непроизвольный трепетъ въ сердцѣ; въ изображеніи великаго характера; въ положеніяхъ разительныхъ, ужасныхъ и вмѣстѣ трогающихъ душу, и наконецъ въ великолѣпіи зрѣлища. Послѣ того, когда мы уже узнали, что Семирамида мать Арзаса; что Нинова тѣнь требуетъ мщенія, которому надлежитъ совершиться во глубинѣ его гроба, и отъ руки Ниніаса, еще не знающаго, кто нареченъ жертвою отъ неба; когда Семирамида входитъ въ этотъ ужасный гробъ, и когда Ниніасъ, обманутый Аземою, которая сказываетъ ему, что Ассуръ скрывается во гробѣ Нина, восклицаетъ, обнаживъ мечъ:

Grands dieux! tout est donc éclaircí!
Mon coeur est rassuré, la victime est ici!

кто изъ зрителей не содрогается отъ ужаса! И какая потомъ картина!... Семирамида, блѣдная, полумертвая, медленно идущая изъ глубины гроба, при блескѣ молній, и наконецъ умирающая на рукахъ своего сына, своего убійцы... Можетъ быть ни въ какой другой трагедіи не найдемъ ничего, что̀ бы поражало и сердце и вмѣстѣ воображеніе такъ сильно, какъ два послѣдніе акта Семирамиды; но также и ни въ одной трагедіи сила впечатлѣнія не зависитъ такъ много отъ пышности зрѣлища и соотвѣтствованія декорацій воображенію поэта и зрителя. Ниновъ гробъ есть дѣйствующее лицо въ Семирамидѣ; онъ долженъ поражать насъ огромностію и величіемъ своей архитектуры:

Ce vaste mausolée où repose Ninus!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Когда Нинiасъ входитъ въ него съ обнаженнымъ мечемъ, какъ мститель, ведомый небомъ, тогда и воображеніе зрителя невольно слѣдуетъ за нимъ во глубину могильнаго мрака, гдѣ совершается мщеніе ужасное; но спрашиваемъ: будетъ ли воображеніе обмануто, и слѣдственно одна изъ самыхъ разительныхъ сценъ трагедіи не потеряетъ ли все свое дѣйствіе, если этотъ гробъ не иное что, какъ низкая испещренная какими-то знаками пирамида, на двухъ или трехъ ступеняхъ, съ смѣшными перилами, на которыя наброшенъ лоскутъ краснаго сукна; и когда сквозь отворенныя двери, ведущія въ мрачное подземелье, видишь заднюю кулису и людей, подлѣ нея стоящихъ? Сцена, въ которой Семирамида избираетъ себѣ супруга передъ народомъ, жрецами и вельможами Вавилона, есть одна изъ самыхъ величественныхъ сценъ трагедіи; но она только насмѣшитъ, если за тропомъ, вмѣсто многочисленнаго народа, увидимъ не болѣе десяти воиновъ, и если вельможи Семирамиды будутъ сидѣть на креслахъ изъ краснаго дерева, такихъ точно, на какихъ вельможи XIX вѣка сидятъ, въ часы отдохновенья, за бостономъ. Также очень много зависитъ и отъ того убора, въ какомъ является Нинова тѣнь посреди собранія сановниковъ и народа: если мы увидимъ маленькую человѣческую фигуру, если на нее, вмѣсто гробовой одежды, обширной, влекущейся по землѣ, будетъ накинутъ мѣшокъ темнаго цвѣта; если этотъ ужасный, мстительный духъ, выходя изъ гроба будетъ съ благоразумною осторожностію смотрѣть подъ ноги, чтобы не запѣпиться за порогъ, и если наконецъ, проговоривъ нѣсколько словъ такимъ голосомъ, какимъ обыкновенные смертные говорятъ о погодѣ, сочтетъ за нужное оборотиться ко всѣмъ спиною, чтобы войти опять въ гробъ, а не слетѣть въ него стремглавъ по ступенямъ—тогда мы будемъ имѣть удовольствіе посмѣяться отъ доброй души въ такой сценѣ, въ которой стихотворцу хотѣлось насъ уморить отъ страха.

Дѣвица Жоржъ торжествуетъ въ Семирамидѣ: природа одарила ее тѣмъ величіемъ, которымъ воображеніе наше украшаетъ славную царицу Вавилона. Какимъ разительнымъ взглядомъ отвѣчаетъ она Ассуру [въ VII сценѣ II акта], когда онъ говоритъ ей:

Quand la terre obéit, que craignez-vous des dieux?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Она указываетъ на гробницу Нина [котораго Ассуръ отравилъ ядомъ], и послѣ минутнаго молчанія, во время котораго пристально разсматриваетъ она лицо Ассура, произноситъ:

La cendre de Ninus repose en cette enceinte
Et vous me demandez le sujet de ma crainte,
Vous!

Вся великость Семирамиды выражена была въ стихѣ:

Telle est ma volonté, constante, irrévocable.

Но слѣдующіе стихи:

C'est à vous de juger si le dieu, qui m'accable
A laissé quelque force à mes sens interdits,
Si vous reconnaissez encor Sémiramis,

были выражены, если не ошибаюсь, нѣсколько слабо; особенно послѣдній, который надлежало бы отдѣлить отъ прочихъ, ударивъ на слово: Sémiramis, былъ, такъ сказать, потерянъ между предыдущими и послѣдующими; превосходные стихи:

Le don de mon empire et de ma liberté
Est l'acte le plus grand de mon autorité,

сказаны были съ какою-то неприличною въ этомъ мѣстѣ живостію: ихъ надлежало бы произнести спокойнѣе, голосомъ твердымъ, съ величіемъ повелительницы самовластной.

Вообще въ Семирамидѣ игра дѣвицы Жоржъ, отъ начала до конца, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстъ, отвѣчала тому великому характеру, который изобразилъ намъ стихотворецъ; невозможно было не удивляться ея прелестной наружности, когда взошла на тронъ [который, замѣтимъ, весьма достоинъ былъ такой Семирамиды], и оперлась съ величіемъ царицы на золотой скипетръ, врученный ей Отаною; нельзя было не содрогнуться отъ ужаса, когда она показалась въ дверяхъ гроба, окруженная пламенемъ молніи, блѣдная, издыхающая. Эта картина была бы несравненна, когда бы Ниновъ мавзолей имѣлъ нѣсколько болѣе сходства съ Ниновымъ мавзолеемъ.

Но въ послѣднихъ стихахъ, полныхъ чувства, раздирающихъ душу, прямо трагическихъ, когда Семирамида, видя простертаго

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

у ногъ ея Ниніаса, прощаетъ ему свою смерть, игра дѣвицы Жоржъ не во всемъ соотвѣтствовала положенію умирающей матери:

Mon fils, n'achève pas:
Je te pardonne tout, si, pour grâce dernière,
Une si chère main ferme au moins ma paupière.

Здѣсь въ звукѣ ея голоса не было той нѣжности, того глубокаго материнскаго чувства, которымъ должна бы наполнена быть душа умирающей Семирамиды; напротивъ въ немъ ощутительна была одна только слабость, происходящая отъ приближенія смерти. Но стихи:

D'une mère expirante approchez-vous tous deux;
Donnez moi votre main....

тронули до слезъ; глаза Семирамиды были уже тусклы; она искала той милой руки, которую хотѣла еще разъ прижать къ своему сердцу.

Vivez, régnez heureux:
Cet espoir me console, il mêle quelque joie
Aux horreurs de la mort où mon ame est en proie.
Je la sens... elle vient... Songe à Sémiramis,
Ne hais point sa mémoire: ô mon fils! mon cher fils!...
C'en est fait.

Всѣ эти стихи были произнесены умирающимъ голосомъ, въ которомъ ощутительна была одна только слабость смерти и [что весьма, какъ я думаю, здѣсь неприлично] со слезами. Разлука въ минуту смерти не можетъ сопряжена быть съ тою горестію, въ какую ввергаетъ насъ та разлука, послѣ которой мы представляемъ себѣ еще нѣсколько продолжительныхъ лѣтъ одинокой жизни, лишенной всего, что дѣлало намъ ее драгоцѣнною въ союзѣ съ милыми существами. По настоящему, для умирающаго нѣтъ разлуки, и минута смерти есть для него, можно сказать, минута наслажденія; для него съ потерею счастія соединена и потеря жизни: слѣдовательно онъ не можетъ страшиться ужаснаго чувства утраты; онъ самъ исчезаетъ въ ту минуту, когда исчезаетъ для него все любезное. Я желалъ бы найти въ послѣднихъ словахъ Семирамиды болѣе той любви, съ которою сердце матери должно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

останавливаться, въ послѣднюю минуту, на милыхъ покидаемыхъ ею дѣтяхъ; я желалъ бы, чтобы она, сказавъ съ сердечною нѣжностію:

Songe à Sémiramis,

на минуту замолчала, устремила бы тусклые глаза на лицо сына, какъ будто желая переселить въ него угасающую душу, и потомъ прибавила бы нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ:

Ne hais point sa mémoire....

и наконецъ съ послѣднимъ изліяніемъ любви:

ô mon fils! mon cher fils!....

тогда бы слова:

C'en est fait,

произнесенныя вдругъ ослабѣвающимъ голосомъ, разительно изобразили совершенное прекращеніе жизни.

О КРИТИКѢ.

[ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ].

Будучи усерднымъ читателемъ вашего журнала и желая вамъ искренно успѣха въ его изданіи, почитаю обязанностію сообщить вамъ слышанный мною недавно любопытный разговоръ, котораго поводомъ было ваше объявленіе о Вѣстникѣ на слѣдующій годъ, напечатанное въ московскихъ газетахъ.

Я обѣдалъ на сихъ дняхъ у одного моего знакомца. Это человѣкъ стараго времени, совсѣмъ неученый, но одаренный здравымъ разсудкомъ; онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но любитъ читать, и всѣ хорошія русскія книги [оригинальныя и переведенныя] прочиталъ отъ доски до доски; любитъ поэзію—но одну русскую, ибо иностранныхъ поэтовъ знаетъ только по слуху, или въ нѣкоторыхъ переводахъ [слѣдовательно, почти не знаетъ, ибо вы сами признаетеся, что бо́льшую часть переводовъ можно сравнить съ ложными слухами, которые и самую истину нерѣдко

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

превращаютъ для насъ въ небылицу]. Онъ имѣетъ что-то похожее на вкусъ, но по справедливости можно назвать его суевѣромъ во мнѣніяхъ о словесности, ибо все старое кажется ему прекраснымъ потому единственно, что оно старое. Вообще онъ большой неохотникъ до критики: умѣя чувствовать изящное, онъ мало оскорбляется тѣмъ, что оно бываетъ иногда смѣшано съ дурнымъ; скажу болѣе: самое дурное, отъ своего смѣшенія съ хорошимъ, бываетъ для него или сносно, или и совсѣмъ незамѣтно. У него нашелъ я общаго нашего знакомца, умнаго и весьма образованнаго человѣка. Онъ не авторъ, но судитъ съ великою основательностію о произведеніяхъ писателей. Онъ любитъ изящную словесность и въ особенности занимался ея теоріею; его мнѣнія о поэтахъ, ораторахъ, и вообще о произведеніяхъ искусства основаны на правилахъ вѣрнаго и образованнаго вкуса.

Разсуждая о литературѣ, коснулись и вашего Вѣстника. «Вотъ новость, сказалъ мой Стародумъ [назову его Стародумомъ], подавая общему пріятелю нашему тотъ листокъ газетъ, въ которомъ помѣщено ваше объявленіе. Издатели располагаются угощать насъ критикою: весьма любопытствую знать, что изъ этого выйдетъ; но, признаюсь вамъ, ничего добраго не обѣщаю себѣ отъ критики: что пользы нападать на писателей, которыхъ и безъ того у насъ очень немного? И нужно ли заводить междоусобія въ спокойной республикѣ литературы, превращать ее въ поле сраженія, на которомъ одинакое безславіе ожидаетъ и побѣдителя и побѣжденнаго; а насъ читателей, сдѣлавшихся просто зрителями, принуждать смотрѣть, смѣяться, и, можетъ быть, презирать жалкихъ людей, забавляющихъ насъ своими ссорами? И ссору автора съ критикомъ не можно ли по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ только для тѣхъ, которые на него смотрятъ и держатъ большой закладъ? Я твердо увѣренъ, что такія забавныя ссоры много вредятъ литературѣ и необходимо унижаютъ почтенный характеръ писателя.»

Позвольте съ вами не согласиться [отвѣчалъ нашъ общій пріятель]. Увѣряю васъ, что вы испугали себя привидѣніемъ: или я ошибаюсь, или понятіе, составленное вами о критикѣ, весьма несправедливо. Ссора, сраженіе, междоусобія—всѣ эти ужас-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ныя слова, которыми вы окружили миролюбивое слово: критика, совсѣмъ не принадлежатъ къ ея свитѣ. Критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату—чувствуете удовольствіе или неудовольствіе—вотъ вкусъ; разбираете причину того и другаго — вотъ критика. И все ваше несходство съ настоящимъ критикомъ состоитъ единственно въ томъ, что вы разсуждаете наединѣ съ собою о такомъ предметѣ, о которомъ онъ говоритъ въ присутствіи многихъ, имѣющихъ полное право соглашаться съ нимъ, или не соглашаться—значитъ ли это заводить междоусобіе въ спокойной республикѣ литературы? И почему жъ унизительно говорить свое мнѣніе вслухъ о такомъ предметѣ, который можно назвать собственностію строгаго мнѣнія? Разумѣю здѣсь всѣ произведенія словесности и изящныхъ художествъ.

«Но прошу покорно замѣтить, не сами ли вы уничтожили пользу критики сказавъ, что каждый читатель есть самъ по себѣ уже критикъ? Позволено ли одному представлять цѣлое общество? И не безумное ли высокомѣріе почитать себя голосомъ публики, или присвоивать себѣ способность давать законы ея сужденіямъ?»—И въ этомъ случаѣ позволяю себѣ думать различно съ вами. Напрасно приписываете вы критику неприличное намѣреніе быть законодателемъ мнѣній. Положеніе автора можно съ одной стороны сравнить съ положеніемъ человѣка, разговаривающаго въ обществѣ: первый говоритъ большими монологами, на которые или не даютъ ему отвѣта, или отвѣчаютъ ему въ критикѣ; другой выражается въ нѣсколькихъ словахъ, слышитъ отвѣты, дѣлаетъ возраженія—то же, что критика: отвѣчать на бумагѣ, отвѣчать на словахъ, не все ли равно? Гдѣ же намѣреніе быть законодателемъ мнѣній? Одно необходимое условіе — учтивость. Предлагайте мысли свои, не думая, чтобы онѣ были неопровержимы. Правда, что каждый читатель есть самъ по себѣ критикъ, ибо онъ думаетъ и судитъ о томъ, что читаетъ; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы критика была безполезна? Я сомнѣваюсь. Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ; это происхо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности—и въ головѣ ихъ остается порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали. Нѣкоторые, прибавлю, судятъ криво и косо о произведеніяхъ изящнаго, потому что вкусъ ихъ и разсудокъ или испорчены предубѣжденіями, или весьма еще мало образованы и требуютъ направленія. Для первыхъ благоразумная критика полезна бываетъ тѣмъ, что она можетъ служить Аріадниною нитью ихъ разсудку и чувству, которые безъ того потерялись бы въ лабиринтѣ безпорядочныхъ понятій и впечатлѣній; она облегчаетъ для нихъ работу ума; соединяетъ и приводитъ въ систему то, что имъ представлялось безъ связи и по частямъ, побѣждаетъ ихъ безпечность, и, избавляя вниманіе отъ тягостнаго усилія, приводитъ ихъ кратчайшимъ путемъ къ той цѣли, къ которой не могли бы они достигнуть безъ указателя. Другимъ доставляетъ она случай сравнивать собственныя понятія съ чужими, болѣе или менѣе основательными, и слѣдовательно представляетъ имъ съ другой точки зрѣнія тѣ предметы, которые они уже съ одной или съ нѣкоторыхъ разсматривали; отъ такого сравненія рождаются новыя понятія, или объясняются и становятся положительнѣе старыя. Но главная и существенная польза критики состоитъ въ распространеніи вкуса, и въ этомъ отношеніи она есть одна изъ важнѣйшихъ отраслей изящной словесности, прибавлю, и философіи моральной. Что такое вкусъ? Чувство и знаніе красоты въ произведеніяхъ искусства, имѣющаго цѣлію подражаніе природѣ нравственной и физической. Научась живѣе чувствовать красоты подражанія, мы необходимо становимся чувствительнѣе и къ красотамъ образца. Человѣкъ съ образованнымъ вкусомъ [который всегда основывается на чувствѣ и только управляемъ бываетъ разсудкомъ], долженъ быть и въ своей нравственности выше необразованнаго. Критика, распространяя истинныя понятія вкуса, образуетъ въ то же время и самое моральное чувство; добро, красота моральная въ самой натурѣ, отвѣчаетъ тому, что называется

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

изящнымъ въ подражаніяхъ искусства; слѣдовательно съ усовершенствованіемъ одного соединяется и усовершенствованіе другаго. Изъ всего, мною сказаннаго, можете заключить, что званіе критика и весьма важное и весьма трудное. Вотъ идеалъ, составленный мною о характерѣ: истинный критикъ, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея оттѣнкахъ, и самыхъ нѣжныхъ и самыхъ нечувствительныхъ; разсудокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное. Онъ знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходнѣйшими образцами изящнаго; но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ; въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника; идеалъ возможнаго, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія степеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведеніяхъ искусства, которыя не иное что, какъ подражаніе природѣ, надлежитъ хорошо быть знакомымъ и съ самымъ предметомъ подражанія—съ природою. Возьмите въ примѣръ самый высокій изъ всѣхъ родовъ поэзіи: эпическую поэму. Въ ней видите нравственный міръ со всѣми его страстями, и міръ физическій со всѣми его прелестями и великолѣпіемъ. Спрашиваю: будетъ ли въ состояніи критикъ опредѣлить достоинство стихотворца въ изображеніи страстей и характеровъ, если ни дѣйствія страстей, ни тайны характеровъ, которые надлежитъ наблюдать въ самомъ человѣкѣ, ему неизвѣстны? Замѣтитъ ли онъ вѣрность или невѣрность въ изображеніяхъ физической природы, если иногда самъ не восхищался ея красотами, если очарованіе вечера, или спокойное величіе утра, или пріятность тѣнистыхъ долинъ, или ужасы дикихъ утесовъ, неподвижныхъ посреди ниспадающихъ съ вершины ихъ водопадовъ, не имѣютъ ничего привлекательнаго для его сердца? Истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ и прямо

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чувствителенъ къ красотамъ природы. Скажу болѣе: онъ долженъ быть и самъ морально-добрымъ, или по крайней мѣрѣ имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру; ибо доброта моральная, какъ я уже сказалъ прежде, служитъ основаніемъ чувству изящнаго, и послѣднее, не будучи соединено съ первымъ, никогда не можетъ имѣть надлежащей вѣрности. Наконецъ хочу найти въ немъ пламенную любовь къ искусству: онъ долженъ имѣть о немъ понятіе высокое; въ противномъ случаѣ никогда не составится въ головѣ его тотъ идеалъ совершенства, безъ котораго мысли его не будутъ ни живы, ни убѣдительны. Само по себѣ разумѣется, что критиковъ, близкихъ къ моему идеалу, весьма немного: Лонгины, Джонсоны, Аддисоны, Лагарпы, Лессинги такъ же рѣдки, какъ и великіе художники, которыхъ твореніямъ они научили насъ удивляться.

«Надобно согласиться, что ваше изображеніе критика можетъ привести въ отчаяніе и самаго неустрашимаго рыцаря критики; и я имѣю причину думать, что господа издатели Вѣстника, которые такъ смѣло выступили на сцену критики въ своей газетной прокламаціи, не близки къ вашему идеалу—[извините, я повторяю, что слышалъ]—но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: изъ всѣхъ вашихъ разсужденій не имѣю ли я права заключить, что критикомъ [такимъ, какого вы описали] можетъ быть одинъ только художникъ? Кому лучше живописца судить о живописи, и лучше поэта о стихотворствѣ? Артисту, болѣе нежели другимъ, должны быть извѣстны всѣ тайны его искусства, и не должно ли напередъ самому написать что нибудь превосходное, чтобы имѣть способность и право критиковать произведенія искусства?»

— Замѣчаніе ваше, если хотите, и справедливо и нѣтъ. Хорошій артистъ не можетъ не быть и хорошимъ судьею своего искусства, это правда; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы способность разсматривать произведенія искусства непремѣнно соединена была съ способностію производить изящное. Лагарпъ посредственный трагикъ; но кому лучше его извѣстна теорія драматическаго искусства? И его примѣчанія на трагедіи Расина и Вольтера не лучше ли несравненно тѣхъ примѣчаній, которыя великій Корнель, сей превосходный трагикъ, написалъ на соб-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ственныя свои трагедіи? Творецъ дѣйствуетъ по вдохновенію: онъ быстро угадываетъ тѣ красоты, которыя критикъ, руководствуемый чувствомъ изящнаго, съ медлительностію разсудка разсматриваетъ въ самомъ ихъ происхожденіи. Сія медлительность въ работѣ разбирающаго вкуса едва ли сообразна съ быстротою творческаго духа; и мы не всегда находимъ ихъ соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Способность восхищаться красотою, способность угадывать тотъ путь, по которому творческій геній дошелъ до своей цѣли, то есть, до произведенія изящнаго, не есть еще творческій геній — она степенію ниже; не всякому дано отъ природы производить великое; но тотъ всѣхъ ближе къ великому, кто лучше другихъ угадываетъ его тайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручилъ бы послѣднему быть толкователемъ перваго, ибо онъ способнѣе входить въ такія подробности, которыя первый, объемлющій все однимъ взглядомъ и въ цѣломъ, пренебрегъ бы, какъ безполезныя, а потому и не объяснилъ бы намъ удовлетворительно своего образа дѣйствовать.

«Благодаря вамъ, я помирился съ критикою — но должно признаться, что не всѣ расположены къ ней такъ милостиво, какъ вы. Я наименовалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, которые ненавидятъ какъ самую критику, такъ и важныхъ господъ критиковъ. Напримѣръ Фильдингъ [котораго прекрасный романъ, лучшій изъ всѣхъ романовъ, умерщвленъ для насъ русскихъ въ безбожномъ переводѣ] называетъ ихъ публичными клеветниками, немилосердо марающими доброе имя книгъ. Едва ли можно перечесть тѣ пріятные титулы, которыми ихъ награждаютъ: это завистники, ядовитые пасквилянты, непріятели славы, и прочее, и прочее. Что скажете?»

— Скажу, что все это относится къ одному только злоупотребленію критики, и что имена завистниковъ, ядовитыхъ пасквилянтовъ, непріятелей славы, принадлежатъ единственно такимъ людямъ, которые вооружаются критикою не для пользы вкуса, а въ угожденіе собственнымъ своимъ страстямъ: зависти, мщенію и пр. Но это самозванцы-критики, и ихъ-то смѣшныя ссоры съ писателями можно по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ для однихъ только зрителей. Нѣкоторые изъ нихъ на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

падаютъ на превосходнаго автора изъ одной ненависти къ превосходству; другіе отмщаютъ, на счетъ вкуса, за личное оскорбленіе; иные [и, кажется, бо́льшая часть] имѣютъ въ виду одно остроуміе, и колкостями, на счетъ хорошаго и дурнаго безъ разбора, угождаютъ врожденной насмѣшливости читателя. Такихъ забавныхъ или презрительныхъ актеровъ было весьма много на сценѣ французской литературы, и нѣкоторые [напримѣръ Фреронъ] прославились своимъ безславіемъ. У насъ еще ничего подобнаго не бывало, вѣроятно потому, что мы не богаты произведеніями собственными, можетъ быть, также и потому, что русскіе нѣсколько равнодушны ко всему русскому; а критика и хорошая и дурная существуетъ только тамъ, гдѣ литература есть одинъ изъ любимыхъ предметовъ всеобщаго вниманія. Какъ бы то ни было, злоупотребленіе вещи не унижаетъ достоинства. Но прибавлю, званіе критика соединено само по себѣ съ нѣкоторыми неизбѣжными опасностями: критикъ имѣетъ дѣло съ самолюбіемъ, и, что всего важнѣе, съ самолюбіемъ авторскимъ [которое по своей раздражительности занимаетъ первую степень между всѣми родами самолюбія]; слѣдственно онъ всегда подверженъ опасности оскорблять и самымъ скромнымъ и самымъ умѣреннымъ сужденіемъ. Въ такомъ случаѣ спасутъ его одни слѣдующія правила: пусть будетъ онъ совершенно безпристрастенъ [безпристрастіе можно назвать честностію критика]; пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія и не позволяетъ себѣ быть судьею въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ какая нибудь личность нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его—пристрастіе. Думаю также, что, разбирая произведенія изящныя, онъ долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ, и, замѣчая только однѣ важныя ошибки, выставлять превосходное: ибо всякая новая красота есть пріобрѣтеніе искусства, есть новый шагъ его къ совершенству. Наконецъ языкъ его долженъ быть важенъ и простъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ [когда простое убѣжденіе недостаточно] позволяется ему употребить оружіе насмѣшки. Насмѣшка производитъ не убѣжденіе, а предубѣжденіе; она должна быть только пособіемъ здравой логики, и тѣмъ болѣе опасна, что можетъ унизить

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

самое превосходное. Извѣстно, что забавные софизмы Вольтера повредили для многихъ важнымъ и спасительнымъ истинамъ христіанства.

«Всѣ мнѣнія ваши справедливы; но спрашиваю: много ли найдетъ случаевъ такой критикъ, какого вы описали, примѣнять свой идеалъ изящнаго къ произведеніямъ нашихъ писателей и художниковъ? Нельзя ли по справедливости подозрѣвать, что онъ совсѣмъ останется у насъ безъ дѣла?»

— Ваша правда, мы еще не богаты произведеніями превосходными; наша словесность едва начинаетъ выходить изъ младенчества; оригинальныхъ русскихъ книгъ весьма немного [я говорю объ однѣхъ хорошихъ]; за то какое множество переводовъ, и какихъ переводовъ! Ихъ смѣло можно назвать оригиналами, ибо они совершенно никакого не имѣютъ сходства съ подлинниками. Что же дѣлать критику посреди сего наводненія, въ которомъ утопаетъ наша несчастная словесность? Говорить объ искусствѣ и слогѣ, разсматривая такія книги, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ искусства и слога, значило бы сражаться съ вѣтреными мельницами. Но я и разсматриваніе вздорныхъ книгъ, за неимѣніемъ хорошихъ, не почитаю совсѣмъ безполезнымъ. Критика можетъ быть у насъ приготовленіемъ къ хорошему. Разбирая, и, если угодно, осмѣивая безобразные переводы романовъ, которыми книгопродавцы безъ всякой пощады насъ угощаютъ, она сдѣлаетъ насъ по крайней мѣрѣ взыскательными, по крайней мѣрѣ научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познакомить насъ съ истинно прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ, или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Карамзина и еще нѣкоторыхъ новѣйшихъ найдутся образцы, довольно близкіе къ тому идеалу изящнаго, который долженъ существовать въ головѣ каждаго критика. Причины же небогатства нашей словесности.....

Разговоръ былъ прерванъ на самомъ этомъ мѣстѣ прибытіемъ нѣсколькихъ постороннихъ людей. Я простился съ моимъ знакомцемъ, побѣжалъ домой и записалъ слышанное: надѣюсь, что нѣкоторыя мысли моего почтеннаго адвоката критики будутъ полезны и для васъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О САТИРѢ И САТИРАХЪ КАНТЕМИРА.

Кантемиръ принадлежитъ къ немногимъ классическимъ стихотворцамъ Россіи; но рѣдкій изъ русскихъ развертываетъ его сатиры, ибо старинный слогъ его пугаетъ читателя, который ищетъ въ стихахъ одного легкаго удовольствія. Кантемира можно сравнить съ такимъ человѣкомъ, котораго суровая наружность сначала не предвѣщаетъ ничего добраго; но съ которымъ надобно познакомиться короче, чтобъ полюбить его характеръ, и потомъ находить наслажденіе въ его бесѣдѣ. Обративши на сего стихотворца вниманіе нашихъ читателей, мы надѣемся заслужить отъ нихъ благодарность; но предварительно позволяемъ себѣ войти въ нѣкоторыя разсужденія о сатирѣ.

Какой предметъ сатиры? Осмѣяніе человѣческихъ заблужденій, глупостей и пороковъ. Смѣхъ производитъ веселость, а веселость почитается однимъ изъ счастливѣйшихъ состояній человѣческаго духа. Во всѣхъ намъ извѣстныхъ языкахъ, говоритъ Адиссонъ, находимъ метафору: поля смѣются, луга смѣются; это служитъ доказательствомъ, что смѣхъ, самъ по себѣ, есть что-то и привлекательное и любезное. Смѣхъ оживляетъ душу, или разсѣвая мрачность ея, когда она обременяема печалію, или возбуждая въ ней дѣятельность и силу, когда она утомлена умственною, трудною работою. По словамъ Сульцера, смѣхъ бываетъ двоякаго рода: или чистый, просто располагающій насъ къ веселости, или сложный, то есть, соединенный съ чувствами и понятіями постороннимъ. Предметъ, самъ по себѣ забавный, заставляетъ насъ смѣяться и болѣе ничего: вотъ чистый смѣхъ; но если подъ личиною смѣшнаго скрывается что нибудь отвратительное, или достойное презрѣнія, тогда необходимо со смѣхомъ должно соединиться въ нашей душѣ и чувство досады, негодованія, отвращенія: вотъ что называется смѣхомъ сложнымъ. Дарованіе смѣшить остроумно принадлежитъ весьма немногимъ. Рѣдкій имѣетъ способность замѣчать смѣшныя стороны вещей, находить неожиданное сходство между предметами, ни мало не сходными, или соединять такіе предметы, которыхъ соединеніе или неестествен-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

но или чудесно; а все это составляетъ сущность смѣшнаго. Съ перваго взгляда сія шутливость, или колкая, или живая, покажется свойствомъ человѣка веселаго; но веселость есть характеръ, а дарованіе находить въ предметахъ забавную сторону, или созидать воображеніемъ предметы смѣшные—есть принадлежность ума, неразлучная съ другими важнѣйшими его качествами. Человѣкъ, по характеру своему веселый, все видитъ съ хорошей стороны; и люди и міръ принимаютъ на себя, такъ сказать, цвѣтъ его сердца; все для него ясно; онъ можетъ смѣяться, потому что смѣхъ и радость почти одно и то же; но онъ менѣе способенъ замѣчать смѣшное, то есть, противорѣчащее нашему понятію и чувству, ибо для сего необходимо нужно имѣть нѣсколько того ѣдкаго остроумія, которое несообразно съ характеромъ кроткой и снисходительной веселости. Напротивъ, человѣкъ, имѣющій даръ насмѣшки, почти всегда имѣетъ и характеръ важный и умъ глубокомысленный. Чтобы найти въ предметѣ смѣшную, для обыкновеннаго взора незамѣтную сторону, надлежитъ разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, а для сего потребны размышленіе и проницательная тонкость; чтобы замѣтить, въ чемъ удаляется тотъ или другой характеръ, тотъ или другой поступокъ отъ правилъ и понятій истинныхъ, и потомъ сіе отдаленіе представить смѣшнымъ, потребно имѣть ясное и полное понятіе о вещахъ, колкое устроуміе, духъ наблюдательный и воображеніе живое: все это болѣе или менѣе не принадлежитъ къ характеру ясной и можетъ быть нѣсколько легкомысленной веселости. Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что дарованіе замѣчать смѣшныя стороны предметовъ, соединенное съ искусствомъ изображать ихъ разительно для другихъ, есть дарованіе геніевъ рѣдкихъ.

И сіе дарованіе можетъ быть или благодѣтельно или вредно, какъ въ общежитіи, такъ и въ словесности — но кругъ вреда и пользы, отъ него проистекающихъ, несравненно обширнѣе въ послѣдней. Насмѣшка сильнѣе всѣхъ философическихъ убѣжденій опровергаетъ упорный предразсудокъ и дѣйствуетъ на порокъ; осмѣянное становится въ глазахъ нашихъ низкимъ; а вмѣстѣ съ уваженіемъ къ вещи теряется и наша къ ней привязанность. Не должно думать однако, чтобы насмѣшка могла исправить пороч-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

наго: она только открываетъ ему дурныя стороны его, и, можетъ быть, живѣе только даетъ чувствовать необходимость украсить ихъ личиною пріятнаго. Но цѣль моралиста—какимъ бы онъ оружіемъ ни дѣйствовалъ, насмѣшкою или простымъ убѣжденіемъ—не есть невозможное исправленіе порока, а только предохраненіе отъ него души неиспорченной, или изцѣленіе такой, которая, введена будучи въ обманъ силою примѣра, предразсудка и навыка, не смотря на то, сохранила ей свойственное расположеніе къ добру. Насмѣшка есть оружіе предохранительное; ничто лучше ея не охлаждаетъ воображенія, излишне воспламененнаго; она побѣждаетъ и тамъ, гдѣ усилія степеннаго разсудка остаются безплодны. Съ другой стороны дарованіе смѣяться можетъ быть весьма вреднымъ, если не будетъ оно соединено съ характеромъ благороднымъ и уваженіемъ чистой морали: ибо все то, что мы почитаемъ священнымъ, можетъ унижено быть въ глазахъ нашихъ дѣйствіемъ насмѣшки.

Философы и поэты употребляютъ оружіе насмѣшки для пользы нравовъ. Сатирикъ и комикъ имѣютъ то сходство съ моралистомъ-философомъ, что они дѣйствуютъ для одной цѣли, которой однако достигаютъ различными путями. Моралистъ разсуждаетъ и, убѣждая умъ, говоритъ сердцу; напротивъ комикъ и сатирикъ осмѣиваютъ моральное безобразіе, и тѣмъ болѣе привязываютъ насъ къ красотѣ моральной, которая становится ощутительнѣе отъ противоположности. Различіе между сатирою и комедіею заключается въ одной только формѣ: въ комедіи мы видимъ передъ глазами тѣ оригиналы и тѣ пороки, которые сатирикъ представляетъ одному только воображенію; тамъ они сами выходятъ на сцену и сами себя обличаютъ, а здѣсь выходитъ на сцену поэтъ, который или забавляетъ насъ своими колкими шутками, или производитъ въ душѣ нашей благодѣтельное негодованіе. Изъ всего сказаннаго выше можно легко составить себѣ понятіе о характерѣ сатирическаго стихотворца и комика. Они необходимо должны имѣть духъ наблюдательный, глубокое знаніе человѣческаго сердца, и рѣдкимъ извѣстное искусство представлять въ смѣшномъ все то, что несогласно съ правилами и понятіями чистой морали. Искусство осмѣивать остроумно тогда толь-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ко бываетъ истинно полезнымъ, когда оно соединено съ высокостію чувствъ, неиспорченнымъ сердцемъ и твердымъ уваженіемъ обязанностей человѣка и гражданина. Истинный сатирикъ и стихотворецъ комическій должны ненавидѣть изображаемые ими пороки; но если сія ненависть будетъ произведеніемъ не сильной привязанности къ добру, а одного только расположенія все находить или смѣшнымъ, или низкимъ; если они будутъ смотрѣть на міръ и на человѣка съ угрюмостію и пристрастіемъ мизантроповъ, а не съ добрымъ чувствомъ друзей человѣчества, которые желаютъ, чтобы все передъ глазами ихъ наслаждалось счастіемъ, и потому только ненавидятъ порокъ, что онъ есть главнѣйшій противникъ сего счастія: тогда они поселяютъ въ сердцахъ своихъ читателей одно только мрачное чувство ненависти, которое можетъ быть благодѣтельно неиначе, какъ будучи въ равновѣсіи съ усладительнымъ чувствомъ любви; ненависть стѣсняетъ душу, напротивъ любовь ее животворитъ и располагаетъ къ дѣятельности полезной. Сердечный жаръ, какъ говоритъ Сульцеръ, долженъ быть музою сатирика. Это справедливо: и въ ту минуту, когда онъ попираетъ ногами порокъ, или осмѣиваетъ глупость, или забавляется на счетъ странности, я долженъ замѣчать въ душѣ его и любовь къ добродѣтели, и чувствительность, и благородное уваженіе ко всему прекрасному. На этихъ только условіяхъ и въ обществѣ бываетъ терпимъ колкій насмѣшникъ, ибо тогда всѣ тѣ, которые сами имѣютъ характеръ благородный, могутъ полагаться на его справедливость; но тотъ, кто всѣмъ безъ разбора жертвуетъ своему остроумію, необходимо удаляетъ отъ себя всякое доброе сердце; онъ непроизвольно обнаруживаетъ предъ нимъ собственную бѣдность свою въ чувствахъ высокихъ и оскорбляетъ его своею жестокостію. Такое и дѣйствіе сатиры, въ которой замѣчаемъ одно желаніе и искусство порицать, и не находимъ ничего питательнаго для сердца.

Сатира, собственно такъ называемая, отлична отъ всѣхъ другихъ сатирическихъ произведеній — и въ прозѣ и въ стихахъ — своею дидактическою формою. Вольтеровъ Кандидъ, Сервантовъ Донъ Кихотъ, Эразмова Похвала дурачеству, Свифтовъ Гулливеръ, Ботлеровъ Гудибрасъ, Мольеровъ Тартюфъ, имѣютъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

предметомъ, какъ и сатира, осмѣяніе пороковъ и глупостей, но Кандидъ, Гулливеръ и Донъ Кихотъ романы, Гудибрасъ поэма, Тартюфъ комедія. Сатира должна быть сатирою, слѣдовательно, имѣть собственную, ей одной принадлежащую форму. Сатирикъ, можно сказать, заимствуетъ эту форму у философа; но онъ заимствуетъ какъ стихотворецъ, и сверхъ того пользуется нѣкоторыми особенными способами. Избравши предметъ свой, онъ примѣняется къ нему тономъ, слогомъ и расположеніемъ; напримѣръ: нападая на странности, онъ вооружается легкою и колкою шуткою, смѣшитъ и изцѣляетъ пріятнымъ лекарствомъ смѣха; напротивъ, имѣя въ виду какой нибудь вредный, заразительный порокъ, онъ возвышаетъ тонъ, выражается съ жаромъ, и тогда самая насмѣшка его принимаетъ на себя наружность негодованія. Все это будетъ ощутительнѣе, когда мы взглянемъ на сатиры Горація и Ювенала. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ предметахъ, которыми всего приличнѣе заниматься сатирику. Онъ долженъ изъ безчисленнаго множества пороковъ, странностей и заблужденій выбирать только такіе, которыхъ вліяніе и общее и самое обширное; частныя заблужденія и пороки, будучи мало замѣтны, потому именно и не могутъ быть заразительны, ибо они происходятъ по большей части отъ нѣкоторыхъ особенныхъ недостатковъ ума и характера, которые надлежитъ почитать исключеніями. Личность есть то же, что низкое мщеніе; она уничтожитъ нашу довѣренность къ сатирику, который въ глазахъ нашихъ долженъ быть проповѣдникомъ истины и добрыхъ нравовъ. Одинъ человѣкъ не можетъ быть образцемъ для другихъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: стихотворецъ изображаетъ намъ только то, что свойственно всему человѣчеству, соблюдая однако всѣ тѣ отличія, которыя человѣческая натура заимствуетъ отъ нравовъ и обычаевъ его вѣка; слѣдовательно, будучи наблюдателемъ тонкимъ, онъ долженъ изображать человѣка вообще, то есть, представлять намъ въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ идеалъ цѣлаго, составленный изъ множества мелкихъ, въ разное время замѣченныхъ имъ частей; таковы должны быть нравственныя картины сатирика. Личная сатира только что оскорбляетъ; а оскорбленіе почти никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ лекарствомъ. Не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

думаю также, чтобы въ сатирахъ было полезно нападать на пороки, слишкомъ отвратительные, и потому именно выходящіе изъ порядка натуры: такія картины только что возмущаютъ чувство; но польза ихъ весьма ограниченная, ибо нѣтъ никому нужды остерегаться отъ того, что необходимо должно казаться неестественнымъ и производить отвращеніе.

Эшенбургъ раздѣляетъ сатиры на важныя и веселыя. Въ первыхъ стихотворецъ сражается только съ такими пороками, которые гибельны для общества: слогъ его долженъ быть силенъ, негодованіе должно быть его геніемъ. Въ сатирахъ веселыхъ стихотворецъ имѣетъ передъ глазами однѣ забавныя странности, одни пороки смѣшные, и слогъ его долженъ быть легокъ, исполненъ того остроумія, которое Цицеронъ называетъ солью. Важная сатира можетъ въ иныя минуты заимствовать легкость у веселой, а веселая заимствовать силу у важной; разнообразіе почитается одною изъ главныхъ прелестей слога. Замѣтимъ здѣсь, что важная сатира вообще легче для стихотворца, нежели веселая, именно потому, что въ первой изображаетъ онъ такіе предметы, которыхъ характеръ разителенъ, слѣдовательно и болѣе замѣтенъ; а въ послѣдней занимается мелкими, слѣдовательно требующими особенной остроты зрѣнія и занимательности предметами.

Чтобъ получить яснѣйшее понятіе о томъ, какова должна быть истинная сатира, надлежитъ разсмотрѣть характеры тѣхъ стихотворцевъ, которыхъ сатиры почитаются самыми совершенными: слѣдовательно характеры Горація и Ювенала, которымъ всѣ лучшіе новѣйшіе сатирики, напр. Буало, Попъ и нашъ Кантемиръ болѣе или менѣе подражали.

Гораціевы сатиры можно назвать сокровищемъ опытной нравственности, полезной для всякаго, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ сего поэта — веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтѣ и смотритъ на него глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ, имѣющаго проницательный умъ, характеръ откровенный и наконецъ способность видѣть недостатки людей, не оскорбляться ими, и только находить ихъ забавными. Посреди разсѣянности

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и шума придворной жизни, онъ сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ природы. Онъ забавляется надъ глупостями, заблужденіями и пороками; но онъ не взыскателенъ, не выдаетъ себя за строгаго законодателя нравовъ и имѣетъ ту снисходительность, которая и самые непріятные упреки дѣлаетъ привлекательными; его простосердечіе и любезный характеръ примиряютъ васъ съ колкостію его остроумія—и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту, и забавляетъ васъ, предлагая вамъ нравоученіе полезное; его философія не имѣетъ цѣлію моральнаго совершенства стоиковъ, надъ которыми онъ позволяетъ себѣ иногда смѣяться; она заключаетъ въ себѣ искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимымъ и любить природу. Со стороны стихотворной, сатиры его почитаются совершеннѣйшими изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говоритъ онъ самъ, иногда выводитъ на сцену постороннія лица, иногда разсказываетъ читателю своему басню. Его описанія чрезвычайно живы; но онъ только прикасается къ описываемому предмету, и никогда не утомляетъ вниманія; изображая характеръ, онъ представляетъ однѣ главныя и самыя нужныя черты его живою, но легкою кистію. Онъ имѣетъ даръ, говоря уму, оживлять воображеніе и прикасаться къ сердцу—и мысли его всегда согрѣты пламенемъ чувства. Однимъ словомъ, прочитавъ его сатиры [надобно къ нимъ причислить и посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя ни въ чемъ не разнствуютъ съ сатирою], вы остаетесь съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни и съ бо̀льшимъ расположеніемъ ко всему доброму.

Ювеналъ имѣетъ характеръ совершенно противоположный Гораціеву: онъ бичъ порочныхъ и порока. Читая сатиры его, увѣряемся, что Ювеналъ имѣетъ пламенную, исполненную любви къ добродѣтели душу, но въ то же время и нѣкоторую угрюмость, которая заставляла его смотрѣть на предметы съ дурной только стороны ихъ: представляя ихъ глазамъ читателя, онъ съ намѣреніемъ увеличивалъ ихъ безобразіе.—Онъ родился при императорѣ Калигулѣ; но сатиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестнадцать, всѣ написаны во времена Траяна или Адріана, слѣдо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вательно въ глубокой старости. Сіи обстоятельства объясняютъ намъ и то, отчего сатирикъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судья, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка. Ювеналъ, стоикъ характеромъ, видѣлъ всѣ ужасы Клавдіева, Неронова и потомъ Домиціанова царствованій: онъ былъ свидѣтелемъ съ одной стороны неограниченнаго деспотизма, съ другой самой отвратительной низости, самаго отвратительнаго разврата, и въ душѣ его мало по малу скоплялось сокровище негодованія, которое усиливалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Сатиры его можно наименовать мщеніемъ пламенной души, которая долго не смѣла себя обнаружить, долго роптала противъ своей неволи, и вдругъ, получивъ свободу, спѣшитъ воспользоваться ею неограниченно. Старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видитъ одно безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе, или презрѣніе. Онъ не философъ: будучи сильно поражаемъ картиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ того душевнаго спокойствія, которое необходимо для философа, бесѣдующаго съ самимъ собою; но онъ превосходный живописецъ; въ слогѣ его находимъ силу и высокость его характера:

Juvenal, élevé dans les cris de l'école
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole.

Одни предпочитаютъ Ювенала Горацію, другіе отдаютъ преимущество послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость, мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ стихотворцевъ имѣетъ совершенно особенный характеръ. Горацій почти никогда не опечаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; онъ только забавляетъ на счетъ его безобразія и сверхъ того противополагаетъ ему тѣ добродѣтели, которыя нужны въ общежитіи. Ювеналъ производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку, и, переливая въ нее пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и бо̀льшую твердость и бо̀льшую силу; но Горацій, представляя намъ вездѣ одни привлекательные предметы, привязываетъ насъ къ жизни и научаетъ довольствоваться своимъ жре-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

біемъ; а Ювеналъ напротивъ, окружая насъ предметами отвратительными, производитъ въ душѣ нашей какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ странности глупыхъ людей, но приближаетъ насъ къ добрымъ; послѣдній, представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сатирахъ Горація знакомишься и съ самимъ Гораціемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сатирахъ Ювенала никогда не видишь самого поэта, ибо ничто постороннее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя представляются воображенію стихотворца. Кто хочетъ научиться искусству жить съ людьми, кто хочетъ почувствовать прямую пріятность жизни, тотъ вытверди наизустъ Горація и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излитіемъ таящагося во глубинѣ ея негодованія, тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пищу.

Опредѣливъ достоинство сихъ сатириковъ, которые почитаются образцовыми, обратимся къ нашему Кантемиру. Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація. Сатиры его чрезвычайно пріятны [онѣ писаны слогами, такъ же какъ и псалмы Симеона Полоцкаго и почти всѣ старинныя русскія пѣсни], въ нихъ видѣнъ не только остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ [весьма пріятнымъ, хотя онъ и устарѣлъ], и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которые самого его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь сатиръ. Мы выпишемъ для нашихъ читателей всю первую, одну изъ лучшихъ, въ которой стихотворецъ нападаетъ на глупыхъ или пристрастныхъ невѣждъ, порицающихъ ученіе. Сатирикъ обращается къ уму своему. Надобно замѣтить, что предлагаемая здѣсь сатира написана имъ на двадцатомъ году.... *

Эта сатира написана была противу тѣхъ, которые своею привязанностію къ старинным предразсудкамъ противились распро-

* Здѣсь была приведена вся 1-я сатира.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

страненію наукъ, введенныхъ въ предѣлы Россіи Петромъ Великимъ. Сатирикъ, имѣя въ предметѣ осмѣять безразсудныхъ хулителей просвѣщенія, вмѣсто того, чтобъ доказывать намъ логически пользу его, притворно беретъ сторону глупцовъ и невѣждъ, объявившихъ ему войну, выводитъ ихъ на сцену и каждаго заставляетъ говорить языкомъ, приличнымъ его характеру. Такимъ искуснымъ расположеніемъ стихотворецъ избавилъ себя отъ сухости и однообразія. Мы видимъ нѣсколько забавныхъ чудаковъ, которые нелѣпыми разсужденіями своими еще болѣе привязываютъ насъ къ тому предмету, который хотятъ унизить и обезобразить въ глазахъ нашихъ.

«Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
. . . . . .
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны,
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну, Библію честь стали.
. . . . . .
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу, и пр.

говоритъ ханжа Критонъ, для котораго читать Библію, или хотѣть понимать то, что слушаешь въ церкви, значитъ быть безбожнымъ; а не пить квасу по примѣру прадѣдовъ, значитъ быть развратнымъ. Кто жъ не повѣритъ Критону? И какъ не согласишься съ корыстолюбивымъ богачемъ Сильваномъ, который увѣряетъ насъ, что:

«Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытуетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкой крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ винаго заводу?
. . . . . .
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки.
Глава ль болитъ: тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки.
. . . . . .
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.»

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Стихъ:

«Глава ль болитъ: тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки,»

— очень забавенъ. Заключеніе:

«Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую!»

— удовлетворительно для друзей просвѣщенія. Стихотворецъ не сказалъ ни слова въ пользу наукъ, но онъ выставилъ безумство ихъ порицателей, и всякій повторитъ за нимъ съ сердечнымъ убѣжденіемъ:

«Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.»

Сатиры Кантемировы можно раздѣлить на два класса: на философическія и живописныя; въ однѣхъ, и именно въ VI, VII сатирикъ представляется намъ философомъ; а въ другихъ [I, II, III, V] искуснымъ живописцемъ людей порочныхъ. Мысли свои, почерпнутыя изъ общежитія, выражаетъ онъ сильно и кратко, и почти всегда оживляетъ ихъ или картинами, или сравненіями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистію: иногда, можетъ быть, замѣчаешь въ его изображеніяхъ и описаніяхъ излишнее обиліе. Формы его весьма разнообразны; онъ или разсуждаетъ самъ, или выводитъ на сцену актеровъ, или забавляетъ насъ вымысломъ, или пишетъ посланіе. По языку и стопосложенію Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ; но по искусству онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая сатиры его, видишь предъ собою ученика Горація и Ювеналовъ, знакомаго со всѣми правилами стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой поэзіи. Онъ никогда не отдаляется отъ матеріи, никогда не употребляетъ четырехъ словъ, какъ скоро можетъ выразиться тремя; онъ чув-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ствителенъ къ гармоніи стихотворной; онъ знаетъ, что всякое выраженіе заимствуетъ силу свою отъ того мѣста, на которомъ оно постановлено; его украшенія всѣ необходимы: онъ употребляетъ ихъ не для пустаго блеска, а для того, чтобы усилить или объяснить свою мысль. Въ слогѣ его болѣе силы, нежели колкости; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣшное, и колетъ иногда неожиданно, мимоходомъ. Напримѣръ, пьяница Лука говоритъ:

«Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу;
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.»

Здѣсь стихотворецъ, какъ будто безъ намѣренія, кольнулъ невоздержныхъ монаховъ: невозможность питаться одною вязигою въ великій постъ наименовалъ онъ послѣ невозможности возвратить минувшіе вѣки. Такое сближеніе очень забавно.

Мы предложимъ нашимъ читателямъ нѣсколько примѣровъ изъ слѣдующихъ сатиръ, чтобы дать яснѣйшее понятіе объ искусствѣ Кантемира въ выраженіяхъ мыслей, въ описаніяхъ и сравненіяхъ стихотворныхъ и въ изображеніи характеровъ.

Вотъ заключеніе пятой сатиры. Стихотворецъ уступилъ свою ролю лѣсному сатиру, одѣтому въ модное платье и присланному отъ бога Пана въ городъ для того, чтобы, наглядѣвшись на людей и возвратившись въ лѣсъ, забавлять его въ скучные часы разсказами объ ихъ дурачествахъ. Сатиръ, описавши Періергу нѣкоторую часть того, что видѣлъ и слышалъ между людьми, заключаетъ:

«Несчастныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба!
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя;
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ;
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ;
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.
Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнить тщится
Свой анбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ неисходенъ,
Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ:
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилежни,
Въ ненужномъ—потѣете, а въ потребномъ—лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи;
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого анбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслить иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьею;
Куды де хорошо быть въ людяхъ головою:
И чтятъ тебя, и даютъ, постою не знаешь;
Много ль, мало ль, для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею, ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда по несчастію пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ встать, не выспавшись, съ теплыя кровати.
Боже мой, говоритъ онъ, что я не посадской?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ конхъ животъ адской.
Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье, да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты:
Не однажды дымныя вспомнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
То ль не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклетѣ я, на печи зимою
Сыпàлъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину?
Щей горшекъ, да самъ большой, хозяинъ я дома;
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли,
Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ, нѣту!
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ дô смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться некогда, часто нѣтъ что кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ щотѣ чинами,
Сего дня не то поетъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти;
Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.

Стихотворецъ сначала разсуждаетъ просто о непостоянствѣ человѣческихъ желаній, потомъ выводитъ на сцену самихъ недовольныхъ, и мысли его одушевлены прекрасною драматическою сценою. Въ этомъ мѣстѣ подражалъ онъ Горацію [сат. I, кн. I]. Вотъ нѣсколько мыслей объ умѣренности и спокойствіи; вы подумаете, что съ вами бесѣдуетъ Горацій; но Кантемиръ почерпалъ свою философію въ собственномъ своемъ сердцѣ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву
Гдѣ бъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провождать межъ мертвыми греки и латины,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины
И учась знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
То одно желанія мои составляетъ.
Богатство, высокій чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Предъ неискусной толпой, многія печали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, кто достали.
Кто бъ не смѣялся тому, кой стежку жестоку
Топчетъ, лѣзя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждать, съ покоемъ не можно
Устоять, и всякій вѣтръ, кой дышетъ, опасный,
Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любочестный однакъ мужъ на него походитъ.
. . . . . .
Еще, если бъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежніе прожили шалѣя.
Да лихъ человѣкъ, родясь, имѣетъ насилу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляютъ
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ,
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Что жъ столь тяжкій сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Оставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? Пропадутъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ долженъ лишиться,
Хоть бы крайней гибели и могъ ущатиться.
Глупо изъ младенства мы обыкли бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы въ другую
Крайность, а должно бъ въ вещахъ знать мѣру прямую.
Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ:
Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
. . . . . *

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Можешь безъ скудости жить, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя;
Можешь славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты таскался
Пѣшъ, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Отъ прихотной зависти, тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища, что честно,
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ, силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти, ни трудовъ твоихъ мзда пропала:
Добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала. [Сат. VI].

Вотъ еще нѣсколько мыслей; онѣ почерпнуты изъ сатиры о воспитаніи. Вы увидите, что Кантемиръ имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ, и нѣкоторыя мысли его должны быть аксіомами для всякаго воспитателя.

Начало сатиры прекрасно. Это VII, писанная къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Если придетъ мнѣ въ голову увѣрять ханжу, говоритъ сатирикъ, что онъ однимъ постомъ и молитвою не войдетъ въ рай, то онъ,

Вспылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ; еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ,
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и, какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть тому совершенно умнымъ, кто едва три зуба сберегъ за губами? Люди упрямы, продолжаетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сатирикъ: они увѣрены, что всякій, считающій себя за шестьдесятъ лѣтъ, потянетъ умомъ трехъ молодыхъ, хотя извѣстно, что разсудокъ не всегда ждетъ старости. Но мало ли подобныхъ заблужденій? Одинъ любитъ въ поступкахъ своихъ слѣдовать предписаніямъ здраваго ума; другой, напротивъ, не замѣчаетъ своихъ ошибокъ; а третій, и замѣчая ихъ, не умѣетъ бороться съ упрямою силою, и всякій въ оправданіе свое говоритъ, что природы одолѣть невозможно.

Испыталъ ли истину онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита, другъ; то одно я знаю,
Что если я добрую лѣнивъ запускаю
Землю свою, обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ отъ ней тотъ трудъ мой достанетъ.
Каково бъ отъ природы сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу немало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнетъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложить, повадка потщится;
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.

Петръ Великій старался ввести въ Россію воспитаніе: имъ заведены училища. Но полезному часто бываетъ предпочтено то, что ласкаетъ лакомымъ чувствамъ.

Кучу къ кучѣ прикопить, домъ построить пышной,
Развести садъ и заводъ, разчистить лѣсъ лишной,
Дѣтямъ ужъ богатое оставить наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ томъ; каково жъ ихъ дѣтство
Проходитъ, рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ, въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится.
Напрасно вину свалить съ плечъ своихъ онъ тщится:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Богатства сыну копилъ, презрилъ въ сердцѣ нравы
Добры всѣять. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ и свѣтомъ презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ плутъ ужъ совершенный.

Главное дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы, украшая умъ свѣдѣніями, сохранить въ чистотѣ сердце и дать характеръ любезный.

Судъ трудный мудро рѣшить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить съ оными расходы
Однимъ почти почеркомъ; въ безднахъ безопасный
Водныхъ предызбирать путь, гдѣ бури ужасны;
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость, и того, сколь велика сила
Надъ другимъ, въ твари всему знать исту причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ, и, можетъ быть, къ чину
Вышнему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ цѣлый
Искуснымъ вождемъ тя звать, зря царства предѣлы
Тобою расширены, и вражіи рати
И городы стерты въ прахъ; но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачъ бѣдныхъ невнятенъ,
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый,
Словомъ, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станетъ тебѣ; но любить не станетъ,
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ.
Пользы своей лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тобой, и той готовъ отщетиться,
Только бъ тебя свалить съ плечъ. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть счастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.

Привычку къ доброму надлежитъ вкоренять съ младенчества: ученость должна уступить чистотѣ нравовъ. Доброе сердце съ простымъ умомъ гораздо лучше, нежели остроуміе при испорченномъ сердцѣ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло:
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ.
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.

Примѣръ сильнѣе всякаго наставленія. Дѣти, умѣя все замѣчать, умѣютъ и подражать тому, что замѣчаютъ; наставляй ихъ примѣромъ:

Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ, ни надежда свесть съ нея, ни страхъ ногу
Его не могли; въ своей должности онъ вѣренъ
И прилеженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ умѣренъ;
Ни чьей бѣдности смотрѣть сухими глазами
Не можетъ; сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ, нещаденъ,
Готовъ и отца предать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ сѣдъ, въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.
Въ томъ по счастью добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оный истребили.
Если бъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія и гнусность и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучитъ себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Если бъ чрезчуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцемъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю разсказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезмѣру прохладну.

Всего болѣе надлежитъ быть осторожнымъ въ выборѣ наставниковъ, и опасаться, чтобы дѣти не были окружены такими людьми, которые могутъ повредить имъ своимъ характеромъ, своимъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

образомъ мыслей и пр.; но сами родители въ особенности должны имѣть чистую нравственность, чтобы дѣти ихъ не были испорчены:

. . . . . Родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали,
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку, жизнь муча,
Нужусь; полвѣка, во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однако жъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ силы
Будетъ важной, и идти станетъ сынъ тропою
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицемъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно,
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?
Если молодаго мать рака обличаетъ
Кривой ходъ: «прямо сама поди, отвѣчаетъ;
Я за тобой поплыву и подражать стану.»
Нельзя ль добрымъ быть? Будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну,
Лучше же отъ всякаго убѣгать порока;
Если нельзя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду;
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту! Гостя ближе дѣти,
Большу бѣрежь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Представленные примѣры показываютъ вамъ въ Кантемирѣ превосходнаго философа-моралиста; мысли его ясны; онъ выражаетъ ихъ сильно и съ живостію стихотворца. Остается представить нѣсколько примѣровъ его искусства въ описаніяхъ и въ изображеніи характеровъ. Филаретъ и Евгеній разговариваютъ о благородствѣ [II сатира]. Евгеній, досадуя на фортуну, которая благопріятствуетъ Туллію, Трифону и Дамону, имѣющимъ незнатное происхожденіе, исчисляетъ достоинства своихъ предковъ и въ заключеніе описываетъ славу своего покойнаго родителя:

Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ, разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ, не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы;
Въ судѣ чисты руки ихъ; помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоенъ
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться?
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Стихотворецъ выводитъ на сцену глупца, надутаго знатностію; но не трудится описывать его характеръ, ибо онъ самъ обнаруживаетъ себя своими забавными разсужденіями. Какія преимущества знатнаго вельможи наболѣе прельщаютъ его душу? Онъ сказалъ только мимоходомъ о томъ, что его предки были:

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ.....

Но батюшка его всѣмъ верхъ; съ нимъ отпало правое плечо государства! Бывало когда выѣдетъ, всякій бѣжитъ долой съ дороги; его дворецкому кланялись въ поясъ; его слово дѣлало счастливымъ на недѣлю того, кто удостоивался его услышать. Нужно ли послѣ всего этого стихотворцу сказывать своимъ читателямъ, что Евгеній его есть суетный глупецъ, не имѣющій понятія о прямомъ благородствѣ? Далѣе, Филаретъ описываетъ смѣшной образъ жизни Евгенія въ противоположность великимъ дѣламъ его предковъ:

Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, сжидая,
Пойла, что плетъ Индія, иль везутъ съ Китая;
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ;
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину,
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станутъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарциссъ, жадно
Глотаешь очьми себя, нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ и подъ башмакъ стерто много мѣлу.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.

Вотъ изображеніе военачальника:

Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы,
И много разныхъ искусствъ; и входъ и исходы,
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью; врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ,
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ, не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній,
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.

Слѣдующее описаніе безразсудной заботливости нѣкоторыхъ стариковъ весьма забавно:

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ,
Однако жъ дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? Вѣдь не гробъ, что бы ему кстати;
Съ огородомъ пышный домъ, гдѣ бъ въ лѣто гуляти.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

А другой видя, что смерть грозитъ ужъ косою,
Не мысля, что сдѣлаться имѣетъ съ душою,
Хоть чуть видятъ слабые бумагу ужъ взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды,
Сколько архипастырей, поповъ и причету
Предъ гробомъ церковнаго, и сколько по счету
Пойдетъ за гробомъ родни съ горькими слезами,
Съ какими и сколькими провожать свѣчами,
Гдѣ зарыть и какой гробъ, лампаду златую
Свѣсить или серебряну, и надпись какую
Сочинить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащій подъ ней прахъ былъ господинъ знатный.

Вотъ характеры гордеца Иркана, злословнаго Созима, льстеца Трофима, подозрительнаго Невія и завистника Зоила:

Въ палату вшедши Иканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущь сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продраться впередъ; позади не будетъ.
Садится ли гдѣ за столъ, то то, то другое
Блюдо предъ себя подать велитъ, снять иное;
Приходятъ изъ его рукъ съ здоровьями кубки;
Зависѣть отъ его словъ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ
Подастъ за низкій поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Имѣетъ тя; ибо съ кѣмъ проговорить слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина,
Съ чего онъ, а съ чего мы – навозная тина.—
Созимъ, смотря на него, злобно скалитъ зубы,
И шепчутъ мнѣ на ухо ядовиты губы:
«Гораздо бъ приличнѣе Иканъ протомою
Помнилъ бабушку свою, и дѣда съ сумою,
Умѣряя по семьѣ строй свой и походку;
Гораздо бъ приличнѣе зашилъ себѣ глотку,
Чтобъ хотя одинъ глупецъ обмануться станомъ
Его могъ, а не весь свѣтъ окрестилъ болваномъ.»
Созимъ дѣло говоритъ; но Иркану бъ мочно
Дружескій подать совѣтъ, чѣмъ ему заочно
Насмѣхаться безъ плода; но о всѣхъ такъ судитъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Строго Созимъ. «Чистую удачливо удитъ
Золотомъ мягкій Сильванъ супругу сосѣда;
У Прокофья голоденъ вышелъ изъ обѣда;
Настя румяна, бѣла своими трудами,
Красота ея въ ларцѣ лежитъ за ключами;
Клементій судья собой взяться не умѣетъ
Ни за что, и безъ очковъ дьяка честь не смѣетъ.»
Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ ближній кровный
Языкъ Созимовъ унять не могутъ злословный.
Я несчастливымъ тотъ день себѣ быть считаю,
Когда случится мнѣ съ нимъ сойтись; ибо знаю,
Что, какъ скоро съ глазъ его сойду, ужъ готово
Столь злобное жъ обо мнѣ будетъ ему слово.—
Сообществу язва онъ; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ и больше опасенъ.
Можетъ въ умныхъ клевета пороки заставить
Нечувствительны предъ тѣмъ полезно исправить;
Трофимъ, надсаждаясь, все хвалитъ безъ разбору,
И множитъ число глупцовъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая,
Истребятъ до корени, буде въ немъ какая
Крылась къ добродѣтели ревность многотрудна.
Самолюбіемъ душа ни одна не скудна,
И однимъ свидѣтелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за тѣмъ въ пути унываемъ.
Не успѣлъ Титъ растворить устъ, Трофимъ дивится,
Искусной рѣчи его, прилежно трудится
И самъ слушать, и другихъ къ тому принуждаетъ,
Боясь чихнуть, иль дохнуть, пока рѣчь скончаетъ,
Котору мнѣ выслушать нельзя не зѣвая.
У Тита на ужинѣ пальцы полизая,
Небеснымъ всякой зоветъ кусокъ, хоть противенъ
Ему гадитъ. Нигдѣ онъ не видалъ столь дивенъ
Чинъ и стольку чистоту; все у Тита чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почесть раемъ ужъ не трудно.
Если бъ Титова жена Парису знакома
Была, Менелаева пряла бъ пряжу дома.
Всѣ до облакъ Титовы дѣла возвышаетъ;
Титъ высморкать носъ кривой весьма умно знаетъ.
И не отличенъ ему Титъ одинъ, но равно
Всякому льститъ, все ему чудно и преславно,
И мнитъ, что тѣмъ способомъ любимъ всѣмъ бываетъ.
. . . . . .

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Невій босъ и безъ портокъ изъ постели встанетъ
Пятью и десятью въ ночь, осмотритъ прилежно,
Заперты ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ли кабинетъ и сундукъ и ящикъ.
Сотью шлетъ въ деревню онъ извѣдать, прикащикъ
Не крадетъ ли за очьми; за дворецкимъ ходитъ
Самъ тайно въ рядъ; за собой слугъ своихъ не водитъ,
Чтобъ гдѣ беретъ, гдѣ кладетъ онъ деньги, не знали.
Котелъ сосѣду ссудилъ, тотчасъ думы вспали,
Что слуга уйдетъ съ котломъ, тотчасъ шлетъ другаго
По пятамъ за нимъ смотрѣть, и, спустя немного,
Пришло въ умъ, что самъ сосѣдъ въ котлѣ отпереться
Можетъ; воротить слугу третій уже шлется.
Вскинетъ ли глазъ на кого жена ненарочно,
Невій чаетъ, что тому ужъ ожидать мочно
Все отъ жены, и за тѣмъ душу свою мучитъ;
Дѣтей мать долги копить потаенно учитъ;
Другъ шепчетъ о чемъ съ другимъ—Невію навѣты
Строятъ, иль смѣются тѣ. Мѣряетъ отвѣты
Долго на всякой вопросъ, бояся обмана
Во всемъ; подозрителенъ весь свѣтъ, и изъяна
Вездѣ опасается. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Я бъ на такомъ не хотѣлъ принять договорѣ
Ни самый царской престолъ; скучило бъ мнѣ вскорѣ
И царско титло. Суму предпочту въ покоѣ
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума непрестанну,
Хоть бы въ богатство вели, въ славу несказанну.
Часто быть обмануту предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.—
Не меньше мучитъ себя Зоплъ нашъ угрюмый:
Что ни видитъ у кого, то новыя думы,
Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистныя очи
Въ сосѣдній дворъ, и видя, что домишко строитъ,
Который, хоть дорого цѣнить, ста не стоитъ
Рублей, поблѣднѣлъ весь вдругъ, и въ себѣ неволенъ,
Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленъ.
У бѣднаго воина, что двадцать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.
Удалось ли кому въ чинъ неважный добиться,
Хвалятъ ли кого, ворчитъ, и злобно дивится

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Слѣпому суду людей, что свойства столь плохи
Высоко цѣнитъ. Въ чужихъ рукахъ хлѣба крохи
Большимъ ломтемъ кажутся. Сумѣ у убогихъ,
Бородѣ у чернеца завидитъ, и въ многихъ
Случаяхъ..... Да не пора ль, муза моя, губы
Прижавъ, кончить нашу рѣчь?... [Сат. III].

Сихъ примѣровъ весьма довольно для того, чтобы имѣть ясное понятіе о стихотворномъ искусствѣ и дарованіи Кантемира. Какъ сатирикъ, онъ можетъ занимать средину между Гораціемъ и Ювеналомъ. Онъ не имѣетъ той живости, того пріятнаго остроумія, той колкой и при томъ неоскорбительной насмѣшливости, какую мы замѣчаемъ въ Горація; но онъ имѣетъ его философію, и съ такимъ же чувствомъ говоритъ о простотѣ, умѣренности и тѣхъ веселыхъ досугахъ, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаемъ удовольствію и размышленію. И въ самыхъ обстоятельствахъ жизни имѣетъ онъ нѣкоторое сходство съ Гораціемъ: и тотъ и другой жили у двора; но Горацій, какъ простой зритель, а Кантемиръ, какъ зритель и дѣйствующій. Горація удерживала при дворѣ благодарность къ Меценату, а Кантемира важнѣйшія дѣла государственныя. Для перваго стихотворство было занятіемъ главнымъ, для послѣдняго было оно отдохновеніемъ. Горацій думалъ единственно о томъ, какъ наслаждаться жизнію: разнообразіе удовольствій оживляло и самое воображеніе стихотворца. Кантемиръ, будучи обремененъ обязанностію государственнаго человѣка, наслаждался болѣе одною мыслію. Философія перваго живѣе, и мысли болѣе согрѣты пламенемъ чувства: говоря о природѣ, онъ восхищаетъ васъ прелестными описаніями природы; онъ увлекаетъ васъ за собою въ сельское свое уединеніе; вы видите рощи его, слушаете вмѣстѣ съ нимъ пѣніе птицъ и журчаніе источника. Философія послѣдняго не такъ трогательна: онъ разсуждаетъ о тѣхъ же предметахъ, но съ важностію мыслящаго человѣка; онъ говоритъ о посредственности, спокойствіи, беззаботности, какъ добрый философъ, истинно чувствующій всю ихъ цѣну, но пользующійся ими весьма рѣдко. Въ слогѣ имѣетъ онъ, если не ошибаюсь, болѣе сходства съ Ювеналомъ: и тотъ и другой иногда утомляютъ насъ излишнимъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

обиліемъ; но всѣ описанія римскаго сатирика носятъ на себѣ отпечатокъ его характера суроваго и гнѣвнаго: Ювеналъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ то безобразіе, которое хочетъ сдѣлать для насъ отвратительнымъ; но тѣмъ самымъ, можетъ быть, уменьшаетъ и нашу къ себѣ довѣренность. Кантемиръ умѣреннѣе и безпристрастнѣе: онъ описываетъ то, что видитъ, и какъ видитъ; онъ смѣшитъ чаще, нежели Ювеналъ, и почти никогда не опечаливаетъ безполезнымъ изображеніемъ отвратительныхъ ужасовъ. И въ самыхъ планахъ своихъ Кантемиръ имѣетъ болѣе сходства съ Ювеналомъ, нежели съ Горацiемъ: характеръ послѣдняго есть непринужденность и разнообразіе; характеръ Ювенала порядокъ. Такой же порядокъ находимъ и въ Кантемировыхъ планахъ: если, напримѣръ, сатирикъ начинаетъ разсуждать, то уже во все продолженіе сатиры не перемѣняетъ тона, и переходитъ безъ великихъ скачковъ отъ одной мысли къ другой; начиная изображать характеры или описывать, онъ вводитъ васъ, такъ сказать, въ галерею портретовъ, разставленныхъ въ порядкѣ, и показываетъ ихъ одинъ за другимъ: все это вѣроятно могло бы произвести нѣкоторое однообразіе, когда бы сатирикъ не имѣлъ истинно-стихотворнаго слога, не оживлялъ своихъ разсужденій картинами и не былъ живописецъ превосходный.

Въ «Вѣстникѣ Европы» статья оканчивалась такъ: «Въ стихахъ его нѣтъ никакого опредѣленнаго размѣра: тайна стопосложенія не была еще въ его время открыта русскимъ. Сатиры всѣ вообще писаны стихами, изъ тринадцати слоговъ состоящими; каждый оканчивается хореемъ, напримѣръ сатира пятая. Одно посланіе и лирическія пѣсни писаны одиннадцати-сложными стихами и съ рѳмами черезъ стихъ, напримѣръ пѣснь II. Въ третьей пѣсни послѣ трехъ одиннадцати-сложныхъ стиховъ слѣдуетъ четвертый шести-сложный [выписана вся пѣсня]. Кантемиръ написалъ еще нѣсколько басень и эпиграммъ. Чтобъ заключить пріятнымъ образомъ, мы выпишемъ его прекрасное посланіе къ своимъ стихамъ, написанное въ подражаніе Горацiеву [выписано все посланіе].

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1810

—

РАЗБОРЪ ТРАГЕДІИ КРЕБИЛЬЙОНА:

РАДАМИСТЪ И ЗЕНОБІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННОЙ С. ВИСКОВАТОВЫМЪ.

Переводить стихотворца можетъ одинъ только стихотворецъ.— «Какая премудрость! воскликнетъ читатель; конечно, хотите вы намъ сказать, что Родевъ концертъ можетъ разыгрывать одинъ только тотъ, кто умѣетъ играть на скрипкѣ? Благодаримъ за открытіе!»—Государи мои, намъ надобно объясниться: всякій скрипачъ охотно согласенъ будетъ, въ удовольствіе ваше, проскрипѣть на скрипицѣ своей Родевъ концертъ, если вы возьмете на себя трудъ учтивымъ образомъ уговорить его на этотъ подвигъ. Но я желаю знать, будете ли вы слушать этого виртуоза съ тѣмъ восхищеніемъ, которое производила въ васъ Родева скрипка, одушевленная его дарованіемъ? Чтобъ замѣнить для васъ Роде, надобно, если не ошибаюсь, имѣть не одни бѣглые пальцы его, но вмѣстѣ и его душу. Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить къ основательному понятію о риѳмахъ богатыхъ и бѣдныхъ, о цезурѣ, о грамматикѣ, о томъ языкѣ, съ котораго переводишь, и еще о томъ, на который переводишь, и дарованіе стихотворное—и чѣмъ оно ближе къ дарованію образца, тѣмъ лучше для подражателя; но я позволяю себѣ думать, что оно непремѣнно должно быть съ нимъ одинаково. — «А что называете вы дарованіемъ стихотворнымъ?»—Способность воображать и чувствовать сильно, соединенную съ способностію находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь. Напримѣръ: вамъ угодно обогатить русскій языкъ превосходнымъ стихотвореніемъ иностраннымъ—трагедіею, баснею, одою, поэмою. Прежде нежели вы рѣшитесь на ужасное и невозвратное чернилопролитіе, исповѣдайтесь передъ самимъ собою чистосердечно, въ благодѣтельномъ увѣреніи, что богъ Пар-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

нассkій васъ слышитъ, что предъ очами его никакая стихотворная совѣсть закрыта быть не можетъ, спросите у себя: чувствую ли я въ душѣ своей тотъ пламень, которымъ наполнена душа моего поэта, видимая въ его сочиненіи? Могу ли съ необыкновенною живостію, со всѣхъ сторонъ, со всѣми оттѣнками, замѣтными для одного только стихотворнаго взора, представлять себѣ тотъ предметъ, который въ подлинникѣ моемъ изображенъ съ такимъ превосходствомъ? Чувствуешь, можешь, скажетъ вамъ совѣсть. Спросите въ другой разъ, въ третій — она повторитъ отвѣтъ свой. Тогда прибавьте еще нѣсколько вопросовъ, менѣе важныхъ, однако важныхъ: знаю ли я грамматику; знакомъ ли съ хореями, ямбами и даже анапестами; имѣю ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипомъ и визгомъ проклятыхъ отъ Аполлона словъ; врагъ ли я бомбаста; противна ли мнѣ галиматья, и прочее и прочее? И если ваша совѣсть опять не усомнится сказать, что вы съ одной стороны имѣете всѣ вышеозначенныя добродѣтели грамматическія, синтаксическія и просодическія, а съ другой совершенно чисты отъ всякаго поползновенія на галиматью, бомбастъ и прочіе смертные грѣхи стихотворцевъ, то вамъ останется только очинить перо, не пожалѣть чернилъ, и я увѣряю васъ, что всѣ патріоты, люди со вкусомъ порадуются на вашего новорожденнаго младенца, и вамъ отъ всей души пожелаютъ прилежанія и плодовитости. Скажу вамъ, если вы не знаете — но вы безъ сомнѣнія уже знаете—что переводчикъ стихотворца есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотворное, и планъ этого зданія принадлежатъ не ему—и надобно признаться, что планъ великое, едва ли не главное дѣло, особливо въ эпической поэмѣ, трагедіи, комедіи, ибо отъ него зависитъ дѣйствіе цѣлаго — но, уступивъ это почетное преимущество оригинальному автору, переводчикъ остается творцемъ выраженія, ибо для выраженія имѣетъ онъ уже собственные матеріалы, которыми пользоваться долженъ самъ, безъ всякаго руководства и безъ всякаго пособія посторонняго. — «А выраженія автора оригинальнаго?» Ихъ не найдетъ онъ въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнив-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

шись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его такъ сказать въ созданіе собственнаго воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія. Но сія способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть ли сама по себѣ уже творческая способность? Чтобы перевесть искусно Ляфонтенову баснь, необходимо надобно имѣть и собственное воображеніе и собственное чувство, одинакія, или почти одинакія съ Ляфонтеновыми. Плѣнитъ ли меня переводъ Горацієва посланія, если переводчикъ не будетъ одаренъ любезнымъ воображеніемъ римскаго поэта, одушевляющимъ самыя обыкновенныя мысли его, если не будетъ ему знакома та привлекательная философія, а въ сердцѣ его не будетъ ни той меланхолической нѣжности, ни того глубокаго чувства натуры, которыми столь часто приводитъ насъ въ восхищеніе Горацій? Но отъ посланія и басни—какой переходъ къ трагедіи! Переводчикъ, обязанный прежде всего понимать своего автора, тогда только можетъ понять его совершенно, когда человѣческая натура, служившая образцомъ для трагика, будетъ и ему близко знакома, когда онъ въ состояніи будетъ сличить съ подлинникомъ списокъ. Онъ долженъ говорить языкомъ страстей; слѣдовательно и самые законы страстей должны быть ему извѣстны. Къ изображенію страстей трагическихъ онъ долженъ быть приготовленъ разсматриваніемъ страстей естественныхъ; наука сія почти такъ же нужна для него, какъ и синтаксисъ и просодія. Въ противномъ случаѣ изображаемые имъ герои, не смотря на пособіе оригинала, при всемъ богатствѣ риѳмъ, при самомъ усердномъ наблюденіи цезуры и знаковъ препинанія, будутъ говорить безсмыслицу. Не думаю, чтобы это утѣшно было для слушателей.

Открываю русскій переводъ Радамиста и Зенобіи. Если вы не варваръ, если родители ваши не позабыли научить васъ языку Депрео и Расина, то вы должны знать, что эта трагедія, сочиненная покойнымъ Кребильйономъ есть лучшее произведеніе сего трагика и одна изъ самыхъ лучшихъ между трагедіями французовъ. Мы взглянемъ мимоходомъ на подлинникъ, дабы получить понятіе о томъ исполинскомъ подвигѣ, на который отваживался господинъ переводчикъ.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Ему надлежало изобразить характеръ Радамиста, одно изъ тѣхъ необычайныхъ созданій природы, въ которомъ все поражаетъ, все сильно и все ужасно. Каждое желаніе его есть страсть, и каждая страсть есть буря, и двѣ самыя разрушительныя въ немъ господствуютъ: любовь — какая жъ любовь? страданіе распаленной души, неутоляемое никакою надеждою: Зенобіи для него уже нѣтъ! Въ ту самую минуту, когда она представлялась ему существомъ восхитительнымъ, когда говорила ему нѣжнѣйшія слова любви, онъ умертвилъ ее въ изступленіи ревности; но вотъ ужасный и непзъяснимый законъ великой страсти: чувство невозвратимой утраты навѣки привязало его къ тому незабвенному благу, которое для него погибло; угрызеніе совѣсти, воспоминанія, ненависть къ жизни, все было для него любовію; онъ обожалъ безмолвную тѣнь; пылалъ къ безчувственному праху; и съ этою страстію соединялась въ душѣ его другая, ею произведенная, слѣдственно непобѣдимая — ненависть къ виновнику преступленій его и бѣдствій. Но этотъ виновникъ—его отецъ! Напрасно вопіетъ иногда въ сердцѣ его голосъ природы. Надежда отмстить замѣнила для него надежду насладиться любовію; два бога владычествуютъ его душою: Зенобія и мщеніе. И эта Зенобія жива: чудесная судьба привела ее ко двору Фаразмана, Радамистова отца. Вмѣстѣ съ другими увѣрена она въ погибели своего супруга; уже въ сердце ея начинаетъ вкрадываться нѣжная склонность къ брату его, великодушному, благородному Арзаму; но Фаразманъ, жестокій и ужасный, плѣнился ея красотою; онъ предлагаетъ ей руку—и въ эту минуту является при дворѣ его Радамистъ, влекомый жаждою мщенія, сокрытый подъ видомъ Неронова посла, никому неизвѣстный, ибо и самъ Фаразманъ отлучилъ его отъ себя еще младенцемъ.

Надлежало имѣть дарованія великаго стихотворца, дабы создать Радамистовъ характеръ, и потомъ изобразить его съ соотвѣтствующею ему силою. Почти такого жъ дарованія требовалось и отъ переводчика, дабы въ языкѣ своемъ найти выраженія, приличныя тѣмъ ужаснымъ страстямъ, которыя бунтуютъ въ душѣ Радамиста; такія страсти суть необычайные метеоры нравственнаго міра, необычайные, однако основанные на обыкновен-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ныхъ законахъ его и ими объясняемые. Но, чтобы ихъ постигнуть и потомъ объяснить, надлежитъ имѣть воображеніе быстрое и взоръ дальновидный. Кребильйонъ имѣлъ ихъ; а переводчикъ его? Увидимъ.

Гіеронъ, посланникъ Арменіи, встрѣчается съ Радамистомъ [дѣйст. II, явл. I]; онъ узнаетъ его, ибо Радамистъ, усыновленный Митридатомъ, царемъ Арменіи, отцомъ Зенобіи, съ самаго младенчества жилъ при дворѣ сего государя. Какъ умертвилъ онъ Митридата и какъ наконецъ очутился посланникомъ Нерона при дворѣ Фаразмана, о томъ узнаете изъ самой трагедіи.—Ты ли это, Радамистъ? спрашиваетъ Гіеронъ. Тебя почитали мертвымъ, но ты живъ! Какая счастливая судьба спасла тебя отъ погибели?

И вотъ отвѣтъ Кребильйонова Радамиста:

Hiéron, plût aux dieux que la main ennemie
Qui me ravit le sceptre, eût terminé ma vie!
Mais le ciel m'a laissé, pour prix de ma fureur,
Des jours qu'il a tissu de tristesse et d'horreur.
Loin de faire éclater ton zèle, ni ta joie,
Pour un roi malheureux que le sort te renvoie,
Ne me regarde plus que comme un furieux,
Trop digne du courroux des hommes et des dieux;
Qu'a proscrit dès longtemps la vengeance céleste;
De crimes, de remords assemblage funeste;
Indigne de la vie, et de ton amitié;
Objet digne d'horreur, mais digne de pitié;
Traître envers la nature, envers l'amour perfide,
Usurpateur, ingrat, parjure, parricide.
Sans les remords affreux qui déchirent mon coeur,
Hiéron, j'oublirais qu'il est un ciel vengeur.

Вотъ отвѣтъ русскаго Радамиста:

О! если бы враги, похитя мой вѣнецъ,
Могли бъ и смерть мнѣ дать, мученіямъ конецъ?
Но, Гіеронъ, судьбы, карая злодѣянье,
Продлили жизнь мою—въ позоръ мнѣ, въ наказанье!
Злосчастнаго царя теперь ты зря въ живыхъ,
Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ моихъ.
Узри во мнѣ предметъ, достойный грозна мщенья
И смертныхъ и боговъ.—Соборъ зри преступленья,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Раскаянія, мукъ... ужаснѣйшій соборъ!
Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ.
Преступникъ я любви, злодѣй моей породы;
Убійца—хищникъ я—страшилище природы!
И если бъ мукѣ мнѣ престали духъ томить,
Что боги мстятъ за зло!—и то бъ я могъ забыть.

Одна эта статья можетъ увѣрить васъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ Радамистовъ характеръ. Судите сами: русскій Радамистъ начинаетъ восклицаніемъ:

О! если бы враги, и проч.

Не думаю, чтобы такая живость была у мѣста въ началѣ. Свирѣпое отчаяніе Радамиста, глубокое, но не живое чувство, есть нѣкоторымъ образомъ спокойствіе; онъ долженъ выйти изъ него не вдругъ—и первымъ его словамъ надлежало бы соотвѣтствовать такому ужасному состоянію духа. Перечитайте въ оригиналѣ отъ стиха:

Hiéron, plût aux dieux que la main ennemie—

до стиха:

Ne me regarde plus que comme un furieux,

въ нихъ не найдете вы той быстроты, которая прилична сильному движенію сердца; они составляютъ одинъ періодъ, котораго члены всѣ очень тѣсно между собою связаны; хотя вы и увидите, что стихъ:

Loin de faire éclater ton zèle, ni ta joie,

отдѣленъ отъ предыдущаго — но онъ соединяется съ нимъ умственною связью. И читая эти стихи, не чувствуете ли вы, что сильное волненіе сокрыто подъ тишиною обманчивою; это волненіе совершенно обнаруживается на словѣ: furieux, которое какъ будто даетъ свободу стѣсненной душѣ Радамиста; и слѣдующіе за онымъ стихи всѣ до одного быстры; каждый изъ нихъ отдѣльный; предыдущій усиливается послѣдующимъ, и быстрота сія до самаго конца возрастаетъ; сначала каждое чувство изображается стихомъ полнымъ, потомъ стѣсняются они въ полустишіи, наконецъ что слово, то чувство:

Usurpateur, ingrat, parjure, parricide.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И на послѣднемъ Радамистъ останавливается, ибо онъ не можетъ идти далѣе; онъ прибавляетъ съ бо̀льшимъ спокойствіемъ:

Sans les remords affreux qui déchirent mon coeur,
Hiéron, j'oublirais qu'il est un ciel vengeur.

Таково искусство великаго трагика, полнаго изображаемою имъ страстію; онъ выражаетъ ее не одними словами, но вмѣстѣ и расположеніемъ словъ. Посмотримъ теперь на искусство нашего переводчика.

Напрасно въ стихахъ его будете вы искать сего механизма, столь много соотвѣтствующаго теченію страсти; быстрота оригинала совершенно исчезла въ переводѣ:

Но, Гіеронъ, судьбы, карая злодѣянье,
Продлили жизнь мою—въ позоръ мнѣ, въ наказанье!

Можно ли слабѣе перевести два стиха, необыкновенно сильные:

Mais le ciel m'a laissé, pour prix de ma fureur,
Des jours qu'il a tissu de tristesse et d'horreur.

Небо оставило ему жизнь въ награду за его бѣшенство, а не продлило ее! Не забудьте, что передъ вами говоритъ Радамистъ, ненавидящій, презирающій жизнь свою. Это презрѣніе приписываетъ онъ и самимъ богамъ. Они оставили ему жизнь—слѣдовательно пренебрегли ее; продлить ее, было бы обратить на нее вниманіе. Далѣе, что значатъ слова: въ позоръ мнѣ, въ наказанье, послѣ того, когда уже сказано выше: карая злодѣянье? и желаю знать, какимъ волшебствомъ очутился въ этомъ мѣстѣ позоръ? Для Радамиста нѣтъ позора—всѣ его несчастія въ немъ самомъ—отчаянный независимъ отъ мнѣнія.

Горесть и ужасъ — вотъ его мучители. И какъ прекрасно въ двухъ словахъ соединилъ Кребильйонъ всѣ разнообразныя муки своего Радамиста. Горесть—въ душѣ его пылаетъ страсть безнадежная, воспоминаніе о благѣ погибшемъ безпрестанно его преслѣдуетъ, желаніе распаляется въ немъ безнадежностію. Ужасъ—онъ убійца Зенобіи, и въ сердцѣ его свирѣпствуетъ неодолимая жажда мщенія, противъ котораго напрасно вооружается голосъ природы! Слѣдующіе два стиха:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Злосчастнаго царя теперь ты зря въ живыхъ,
Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ моихъ

имѣютъ особенное свое достоинство — они забавны, и Гіерону трудненько было бы послѣ такихъ двухъ стишковъ восплакать.

Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ!

Истинный Радамистъ, то есть Кребильйоновъ, этого не говоритъ, и говорить не можетъ; одинъ тотъ не смѣетъ взирать на небо, кому ужасны мстительные боги—казнь была бы для Радамиста благомъ. Но въ предыдущемъ стихѣ читаете вы ужаснѣйшій соборъ, и тотчасъ догадываетесь, что русскій Радамистъ для собора не смѣетъ устремлять на небо взора! Это другое дѣло; мы позволяемъ себѣ однако здѣсь замѣтить, что Радамисту, имѣющему такія сильныя страсти, едва ли свойственно быть покорнымъ слугою риѳмы. Но, увы! прочитавъ слѣдующіе два стиха, мы совершенно увѣримся, что грозная риѳма повелѣваетъ имъ съ самовластіемъ восточнаго деспота, что эта соперница Зенобіи можетъ заставить его иногда говорить и безсмыслицу:

Преступникъ я любви, злодѣй моей породы;
Убійца—хищникъ я—страшилище природы!

Немилосердая! По крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ стихахъ Радамистъ, угождая прихотямъ ея, страшился глядѣть на небо—это еще сносно. Теперь же, для того, чтобы имѣть удовольствіе преобразить его въ какого-то неизъяснимаго злодѣя своей породы, она велитъ ему безъ стыда называть себя пугаломъ, страшилищемъ природы; а ему надлежало бы просто быть клятвопреступникомъ, неблагодарнымъ, ибо таковъ онъ въ оригиналѣ и въ натурѣ:

Usurpateur, ingrat, parjure, parricide.

Таковъ русскій Радамистъ при первомъ выходѣ на театръ, и въ томъ явленіи, въ которомъ обнаруживаетъ онъ весь чрезвычайный характеръ свой и всю ужасную свою участь. Оставивъ его съ Гіерономъ, замѣтимъ, что стихи, произносимые Фаразманомъ въ слѣдующей сценѣ, разительные своею силою:

Est-ce la guerre enfin que Néron me déclare?
Qu'il ne s'y trompe pas; la pompe de ces lieux,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Vous le voyez assez, n'éblouit point les yeux.
Jusques aux courtisans qui me rendent hommage,
Mon palais, tout ici n'a qu'un faste sauvage:
La nature, marâtre en ces affreux climats,
Ne produit, au lieu d'or, que du fer, des soldats;
Son sein tout hérissé n'offre aux desirs de l'homme
Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome,

переведены такъ:

Иль наконецъ Неронъ объявитъ мнѣ войну?
Пускай не льститъ себя—въ странахъ моей державы,
Нѣтъ блесковъ пышности, нѣтъ роскоши отравы,
Которая всегда глаза римлянъ слѣпитъ;
Мой дворъ, мои вожди имѣютъ дикій видъ;
Не мать природа намъ—она насъ не ласкаетъ,
Намъ злата не даритъ... но воиновъ рождаетъ,
Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ даетъ.
Здѣсь алчности римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

И русскіе стихи можетъ быть сами по себѣ не дурны; но что же они въ сравненіи съ оригиналомъ? Я могу ошибаться—но эти девять стиховъ доказываютъ мнѣ, что переводчикъ не весьма силенъ въ живописи стихотворной. Какъ могъ бы онъ въ противномъ случаѣ превосходные стихи Кребильйона:

La nature, marâtre en ces affreux climats,
Ne produit, au lieu d'or, que du fer, des soldats;
Son sein tout hérissé n'offre aux desirs de l'homme
Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome,

въ которыхъ и самые звуки представляютъ воображенію нашему какую-то грозную, дикую природу, перевести слѣдующими слабыми, неживописными стихами:

Не мать природа намъ—она насъ не ласкаетъ,
Намъ злата не даритъ... но воиновъ рождаетъ,
Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ даетъ.
Здѣсь алчности римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

Природу весьма позволено и въ стихахъ и въ прозѣ называть матерью; но представлять ее въ видѣ матери, которая ласкаетъ или не ласкаетъ свое дѣтище, не будетъ ли уже близко къ карикатурѣ? Требовалось перевести живописный стихъ:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

La nature, marâtre en ces affreux climats;

если бы переводчикъ сказалъ:

Природа мачиха въ ужасной сей странѣ,

онъ перевелъ бы ближе, но также бы неудачно. Дѣло не въ томъ, чтобы каждое отдѣльное слово оригинала было изображено такимъ же отдѣльнымъ и то же значущимъ словомъ въ переводѣ [marâtre мачиха, affreux ужасный; всѣ эти слова, съ нѣкоторымъ терпѣніемъ, весьма удачно найдешь въ лексиконѣ], но въ томъ, чтобы стихъ переведенный такое же производилъ на душу читателя впечатлѣніе въ цѣломъ, какъ и стихъ оригинальный; чтобы, напримѣръ, слова: marâtre, affreux, удивительно сильныя во французскомъ, были если не переведены, то непремѣнно замѣнены другими, имѣющими соотвѣтственную имъ силу въ русскомъ— но такихъ словъ надобно искать не въ лексиконѣ, а въ воображеніи стихотворномъ, и вотъ одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ, въ которыхъ переводчикъ необходимо долженъ быть самъ творцемъ оригинальнымъ.

Послѣднее замѣчаніе: Фаразманъ, не зная—кто Радамистъ, умертвилъ его собственною своею рукою. Умирающаго Радамиста приносятъ въ чертоги царя. За чѣмъ идешь сюда? восклицаетъ Фаразманъ, который, при всей жестокости характера своего, чувствуетъ какое-то непонятное для него сожалѣніе къ этой жертвѣ. Хочу умереть въ твоемъ присутствіи, отвѣчаетъ Радамистъ Кребильйоновъ:

Je viens expirer à vos yeux.

Слова сіи чрезвычайно трогательны. Радамистъ, котораго непріязненная судьба ввергнула въ страшныя преступленія, исторгнувши изъ границъ сильныя страсти его, является здѣсь такимъ, каковъ онъ созданъ природою—чувствительнымъ, способнымъ любить, и даже нѣжнымъ. Умирая, онъ хочетъ увидѣть въ убійцѣ своемъ отца; онъ хочетъ вкусить послѣднее наслажденіе любви, простивъ жестокому истребителю своего счастія. Кребильйонъ намѣренъ былъ сдѣлать въ нашихъ глазахъ любезнымъ того Радамиста, который за минуту ужасалъ насъ своимъ характеромъ, и ему удалось; а переводчикъ? Русскій Фаразманъ восклицаетъ:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О лютости моей злосчастнѣйшая жертва!
За чѣмъ ведутъ тебя? Что мнишь найти ты здѣсь?...

Радамистъ.

Смерть!
Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть!

Новая и чрезвычайно обидная несправедливость риѳмы! Она принудила переводчика сгромоздить Фаразмановъ послѣдній стихъ изъ шести стопъ съ половиною и за этотъ трудъ заплатила ему очень скупо убогимъ словцомъ зрѣть, которое совсѣмъ не можетъ быть риѳмою къ смерть. Достойное возмездіе переводчику за собственную несправедливость его къ Радамисту!

Что мнишь найти ты здѣсь?—Смерть!

Но онъ уже ее нашелъ—онъ умираетъ!

Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть!

и слѣдовательно мучиться, видя кончину твоего сына. Такое ли чувство въ истинномъ Радамистѣ? И эта послѣдняя черта не служитъ ли новымъ доказательствомъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ характеръ своего героя и что онъ слѣдовательно не исполнилъ одного изъ главныхъ условій переводчика-трагика.

Но время кончить. Скажемъ, что въ этомъ переводѣ есть и нѣсколько сильныхъ стиховъ; но ихъ число весьма невелико. Замѣтимъ одинъ самый лучшій. Радамистъ, описывая Гіерону любовь свою къ мертвой Зенобіи, говоритъ:

Ко умноженью мукъ злосчастная любовь,
Снѣдая сердце мнѣ, мою волнуя кровь,
Мнѣ невозвратную потерю представляла—
Ко праху хладному душа моя пылала!

Послѣдній стихъ удивительно счастливъ и выразителенъ; и не смотря на этотъ прекрасный стихъ, мы должны признаться, что Кребильйоновъ Радамистъ ожидаетъ еще искуснаго переводчика.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1811

—

ЭЛЕКТРА И ОРЕСТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СОЧИНЕНІЕ АЛЕКСАНДРА ГРУЗИНЦОВА.

«Напечатавъ новую сію трагедію, взятую изъ греческаго ѳеатра, я ласкаю себя надеждою, что она принята будетъ столь же благосклонно любителями россійскаго слова, сколь одобряема была зрителями. Смѣло могу сказать, что изданіемъ трагедіи сей я приношу пользу россійской словесности: тѣ изъ соотечественниковъ моихъ, которые, не находясь въ здѣшней столицѣ, * не могли видѣть ее на ѳеатрѣ, или тѣ, которымъ, по незнанію иностранныхъ языковъ, красоты греческихъ драматическихъ сочиненій неизвѣстны, возблагодарятъ конечно не разъ за изданіе Электры и Ореста, ибо сія есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ. О красотахъ оной не для чего говорить, всякій изъ моихъ читателей имѣетъ ее предъ глазами; довольно и того сказать, что Софоклъ, лучшій изъ греческихъ трагиковъ, славился и по нынѣ извѣстенъ еще Эдипомъ и Электрою.

«Изъ числа сочинителей, подражавшихъ Софоклу, Александръ Николаевичъ Грузинцовъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца, и твореніе его весьма подходитъ къ трагедіи Софокловой; въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать россійскую Электру превосходной. Пожалѣемъ только, что нашъ стихотворецъ не сохранилъ перваго явленія Софокловой трагедіи, содержащаго въ себѣ одно изъ лучшихъ трагическихъ изложеній, и конечно черезъ то нанесъ онъ нѣкоторый вредъ своему сочиненію; но похвалимъ напротивъ того нашего трагика за то, что перемѣнилъ онъ въ своей трагедіи нравоученіе, находящееся въ греческой, противное и нравамъ нашимъ и закону нашему: въ ней злобная царица тщеславится своими преступленіями, Орестъ убиваетъ хладнокровно Клитемне-

* Трагедія представлена была въ первый разъ въ С.-Петербургѣ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стру, и дочь поощряетъ брата своего къ умерщвленію матери. Подивимся еще болѣе свойствамъ, даннымъ аргосской царицѣ въ россійской трагедіи: до г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины толико преступной, столь благородными чувствами.

«Къ крайнему сожалѣнію моему, за недостаткомъ времени, не могу сдѣлать я подробнаго разсмотрѣнія трагедіи Александра Николаевича Грузинцова, въ которой, при маловажныхъ погрѣшностяхъ въ разсужденіи стихотворенія, находятся неисчетныя красоты.»

Такъ говоритъ издатель новой трагедіи Электра и Орестъ, которой критическимъ разборомъ желаемъ занять читателей Вѣстника [Европы] . И этотъ неизвѣстный издатель конечно заслуживаетъ нашу благодарность: отъ самого сочинителя мы никогда не узнали бы, что его Электра «есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ; что онъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца; что въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать россійскую Электру превосходною, и что никто прежде г. Грузинцова не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины толико преступной, столь благородными чувствами.» Такой языкъ, не свойственный скромности автора, приличенъ нѣжности его друга; но дружба, и самая нѣжная, никогда не избавляетъ насъ отъ справедливости и безпристрастія. Посмотримъ же, можетъ ли нѣжный другъ Александра Николаевича Грузинцова быть названъ и безпристрастнымъ и справедливымъ?

«Электра и Орестъ есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ?» Просимъ господина издателя объяснить намъ, что разумѣетъ онъ подъ словомъ: совершенно греческая трагедія? По формѣ своей русская Электра принадлежитъ неоспоримо къ трагедіямъ новымъ; а потому, что содержаніе ея почерпнуто изъ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида, не можетъ она быть у насъ признана первою, совершенно греческою, ибо мы уже видѣли на русскомъ театрѣ двѣ трагедіи, заимствованныя отъ грековъ, Эдипа въ Аѳинахъ и Поликсену; и первая, о которой имѣемъ право судить рѣши-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тельно, потому что она уже напечатана, со многихъ сторонъ кажется намъ произведеніемъ прекраснымъ, означающимъ истинное дарованіе трагика. Первое доказательство, что дружба неизвѣстнаго издателя отступила немного отъ безпристрастія и справедливости!

«Въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать русскую Электру превосходной... До г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры благородными чувствами.» Увидимъ.

Трагику, при выборѣ содержанія драмы, предоставляются двѣ дороги: онъ можетъ или самъ изобрѣсти свою басню, расположить ее и обработать, руководствуясь однимъ собственнымъ геніемъ; или послѣдовать за другими, то есть, обработать такую басню, надъ которою уже многіе прежде его трудились. Въ первомъ случаѣ онъ совершенно свободенъ; онъ самъ находитъ тѣ способы, которыми можетъ произвести трагическое дѣйствіе, и пользуется съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по мѣрѣ своего дарованія. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя передъ глазами уже готовый образецъ, онъ видитъ все то, что прежде его сдѣлано было другимъ, и можетъ судить, умѣлъ ли предшественникъ его съ надлежащимъ искусствомъ употребить въ пользу свою тѣ средства, которыя представлялись ему въ его содержаніи: онъ можетъ присвоить себѣ его красоты и остеречь себя отъ его погрѣшностей. Главнѣйшая обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы матеріалы, прежде его обработанные, болѣе усовершенствовать, или по крайней мѣрѣ не испортить. При выборѣ же новыхъ способовъ необходимо требуется, чтобы сіи способы, имъ найденные, были не только новые, но и лучшіе; если жъ напротивъ онъ не умѣлъ воспользоваться пособіями, которыя предлагали ему его предшественники—обезобразилъ ихъ красоты, замѣнилъ ихъ средства собственными, менѣе удачными, и перемѣнивъ ихъ порядокъ, единственно для того, чтобы не могли назвать его рабскимъ подражателемъ, сдѣлалъ теченіе драмы своей болѣе смутнымъ, то это будетъ неоспоримымъ доказательствомъ, что онъ имѣетъ весьма посредственное дарованіе трагика, и что онъ напрасно трудилъ твореніемъ своимъ Мельпомену.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Содержаніе Электры принадлежитъ къ самымъ трагическимъ, и представляетъ обширное поле дарованіямъ стихотворца. Оно обработано было превосходнѣйшими трагиками древности и временъ новѣйшихъ: Эсхиломъ, Софоколомъ, Эврипидомъ, Кребильйономъ, Вольтеромъ, Альфіери и нѣкоторыми другими. Слѣдовательно новому автору Электры въ твореніяхъ предшественниковъ его представлялись великія пособія; оставалось ими воспользоваться.

Эсхилъ, первый образователь трагедіи, принявшій такъ сказать ее изъ колыбели, нашелъ въ содержаніи Электры одно только то, что сильно дѣйствуетъ на воображаніе: доказательство, что и самое искусство его было еще во младенчествѣ, то есть, что оно еще далеко было отъ истинной цѣли своей—трогать и ужасать разительнымъ изображеніемъ страстей человѣческихъ. Въ Эсхиловыхъ Хосфорахъ мы видимъ дѣтей, убивающихъ мать въ отмщеніе за отца, по грозному опредѣленію неизбѣжнаго рока—ужасное происшествіе со всѣми ужасными его обстоятельствами! Электра, посланная Клитемнестрою съ дарами на гробъ Агамемноновъ, дабы умилостивить его раздраженную тѣнь, и вмѣсто того у самаго гроба сего призывающая мщеніе на главу своей матери; Орестъ, узнанный Электрою, колеблющійся между желаніемъ отмстить и чувствомъ природы, и наконецъ уступившій силѣ небесъ и Электрѣ, клянущейся быть убійцею матери; убійство Клитемнестры, совершенное съ хладнокровіемъ, приводящимъ въ трепетъ; и наконецъ изступленіе Ореста, окруженнаго Эвменидами — все это производитъ въ зрителѣ ужасъ, но только одинъ ужасъ, не смѣшанный ни съ какимъ постороннимъ благороднѣйшимъ ощущеніемъ. Софоклъ, знакомый уже съ истинною цѣлію своего искусства, основалъ все дѣйствіе трагедіи своей на томъ высокомъ характерѣ, который изобразилъ онъ въ лицѣ Электры; убійство Эгиста и Клитемнестры можно почесть одною только необходимою принадлежностію Софокловой драмы: душа ея одна Электра, твердая, пылающая мщеніемъ, окруженная несчастіями, величественная въ горестномъ униженіи, и главное намѣреніе стихотворца состоитъ единственно въ томъ, чтобы представить этотъ великій характеръ въ различныхъ положеніяхъ, заставляющихъ различ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

нымъ образомъ его раскрываться. Сіи-то разнообразные виды одного и того же характера составляютъ всю прелесть трагедіи Софокловой; ибо съ той минуты, въ которую зритель, оставивъ Электру, принужденъ обратить вниманіе свое на главное происшествіе — на убійство Эгиста и Клитемнестры — прелесть сія почти исчезаетъ, и слабое участіе любопытства заступаетъ мѣсто сильнѣйшаго, которое производила въ насъ высокимъ характеромъ своимъ Электра. Эврипидъ и Кребильйонъ совершенно обезобразили этотъ характеръ; первый отдалилъ вниманіе зрителя, устремивши оное на обстоятельства посторонніи, почти непринадлежащія къ дѣйствію главному; послѣдній, давши Электрѣ ей неприличную страсть, ослабилъ и самую ту, которая одна была ей прилична—ошибки сіи показываютъ намъ, что новое не всегда еще можетъ быть лучшимъ. И Вольтеръ въ своемъ Орестѣ—не думая перемѣнять то, что было уже превосходно, то есть, сохранивъ характеръ Электры во всей его силѣ и простотѣ—старался усовершенствовать тѣ только части избраннаго имъ предмета, которыя нѣсколько пренебрежены были Софокломъ. Онъ обратилъ вниманіе на Клитемнестру и Эгиста. Клитемнестра Софоклова является на театрѣ для одной Электры; закоренѣлость ея въ преступленіи дѣлаетъ ее почти отвратительною для зрителя—Вольтеръ, поселивши въ душѣ своей Клитемнестры муку раскаянія, сдѣлалъ и ее лицемъ привлекательнымъ: его Электра поражаетъ необыкновенною силою характера, а Клитемнестра возбуждаетъ въ зрителѣ невольное состраданіе; сіи разнообразныя чувства [если они только не уничтожаются одно другимъ] могутъ почесться душою трагедіи. Эгистъ Софокловъ, ничтожное лицо, является только для того, чтобы умереть отъ руки Ореста; Эгистъ Вольтеровъ есть одна изъ главнѣйшихъ пружинъ трагедіи: давши ему характеръ подозрительнаго, дѣятельнаго и жестокаго тирана, стихотворецъ усилилъ и самое участіе любопытства, которое въ Софокловой Электрѣ весьма слабо, ибо никакая опасность не угрожаетъ Оресту и никакое препятствіе не возбраняетъ ему умертвить Эгиста. Альфіери также представилъ Клитемнестру, мучимую раскаяніемъ; но онъ не умѣлъ, кажется, сохранить въ изображеніи этого чувства надлежащей средины: со-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жалѣніе, производимое его Клитемнестрою, соединено съ презрѣніемъ, и первое почти уничтожается послѣднимъ. За то онъ лучше всѣхъ предшественниковъ своихъ изобразилъ Ореста; онъ далъ ему то свирѣпое бѣшенство, ту сильную жажду мщенія, которыя составляютъ отличительную черту его характера, и съ этой одной стороны онъ превосходитъ Вольтера, которому уступаетъ во всемъ другомъ, и въ ходѣ драмы и въ изображеніи важныхъ характеровъ Электры, Эгиста и Клитемнестры. Наконецъ изъ рукъ Эсхила, Софокла, Эврипида, Кребильйона, Вольтера и Альфіери Электра перешла въ руки А. Н. Грузинцова. Неизвѣстный издатель его трагедіи хочетъ, если не ошибаемся, заставить насъ думать, что А. Н. болѣе подражалъ Софоклу; но мы, сличивши его Электру со всѣми трагедіями такого же содержанія, должны были увѣриться, что онъ вообще слѣдовалъ Вольтеру, изъ котораго переводилъ цѣлыя явленія, перемѣнивъ однако въ нѣкоторыхъ частяхъ его ходъ. Далѣе, г. издатель старается насъ увѣрить, что А. Н. первый сотворилъ характеръ Клитемнестры, удалившись отъ того образца, который ему представлялся въ Софоклѣ—и въ этомъ случаѣ кажется намъ, что дружба завела г-на издателя въ нѣкоторое заблужденіе. Вольтерова Клитемнестра безъ всякаго сомнѣнія служила моделью для русской. Правда, что подражатель нѣсколько отдалился отъ образца своего; но хороши ли сдѣланныя имъ перемѣны—мы это увидимъ ниже.

Г. Грузинцовъ прежде всего показываетъ намъ Ореста и Пилада. Орестъ, повинуясь богамъ, повелѣвающимъ ему отмстить убійцамъ Агамемнона, приближался уже на кораблѣ къ Аргосу, но волны разбили корабль; его сокровища, воины, оружіе, все было поглощено моремъ: осталась одна только урна, заключающая въ себѣ прахъ Плисѳена [Эгистова сына, убитаго въ Эпидаврѣ Орестомъ], Агамемноновъ мечъ

И перстень, коимъ перстъ Атридовъ украшался,
И риза, въ коей онъ отъ рукъ убійцъ скончался.

Орестъ выходитъ съ Пиладомъ на берегъ; они не знаютъ, въ какую страну занесла ихъ буря, видятъ старца—это Форбасъ, служитель храма, который сказываетъ пришельцамъ, что они не-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

подалеку отъ Аргоса, близъ гроба Агамемнонова, близъ древнихъ его чертоговъ, въ которыхъ обитаетъ Эгистъ—Орестъ въ волненіи. Гдѣ Электра? спрашиваетъ онъ у Форбаса.

Электра здѣсь живетъ въ темницѣ заключенна.

Орестъ хочетъ летѣть къ ней на помощь; Пиладъ, болѣе осторожный, удерживаетъ его, напомнивъ о завѣтѣ боговъ, запрещающихъ ему открываться до совершенія мести. «Веди насъ во храмъ, говоритъ онъ Форбасу: первый долгъ нашъ возблагодарить безсмертныхъ за чудесное наше спасеніе на моряхъ Эпидаврскихъ».— Пойдемъ! восклицаетъ Орестъ,

Пойдемъ во храмъ, потомъ къ гробницѣ роковой,
Гдѣ скрытъ убійцами поверженный ирой;
Я тризну совершить надъ гробомъ симъ желаю.

Сіи двѣ сцены взяты изъ Вольтера; но въ Орестѣ Вольтеровомъ составляютъ онѣ начало втораго дѣйствія, а въ русской Электрѣ ими открывается трагедія. Спрашиваемъ: хорошо ли сдѣлалъ подражатель, перемѣнивши этотъ порядокъ? Едва ли. Въ первомъ актѣ Вольтера мы видимъ Атридовъ гробъ, мы видимъ то мѣсто, на которомъ онъ палъ подъ кинжалами убійцъ вѣроломныхъ, и сіи убійцы на самомъ этомъ мѣстѣ, ругаясь надъ прахомъ его, вопіющимъ о мщеніи, торжествуютъ день его гибели; между тѣмъ несчастные дѣти его страждутъ—Ифиза, младшая дочь Агамемнонова, уединенно оплакиваетъ отца своего въ запустѣвшихъ его чертогахъ; Электра въ цѣпяхъ; Орестъ скитается въ странахъ неизвѣстныхъ: все это прекрасно знакомитъ насъ съ происшествіями преждебывшими, и зритель вмѣстѣ съ Электрою начинаетъ желать прибытія Орестова. Напротивъ въ трагедіи господина Грузинцова при видѣ Ореста мы только узнаемъ, что онъ приходитъ для мщенія; но важность этого мщенія не можетъ еще быть для насъ ощутительна, ибо мы не знакомы ни съ горестною судьбою Электры, ни съ тѣми преступниками, которыхъ наказанія могли бы желать вмѣстѣ съ Орестомъ. И сіи двѣ первыя сцены, прекрасныя у Вольтера, будучи не на мѣстѣ въ трагедіи господина Грузинцова, теряютъ дѣйствіе свое совершенно.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ третьемъ явленіи приходитъ Клитемнестра—Форбасъ спѣшитъ удалить пришельцевъ; но Клитемнестра ихъ видѣла. Кто они? спрашиваетъ она у Форбаса.

Кто странники сіи, къ странѣ пришедши сей,
Съ которыми ты здѣсь бесѣдовалъ предъ мною,
Кто родомъ таковы, какой сюда судьбою,
Или намѣреньемъ какимъ приведены?

Форбасъ.

Противнымъ вѣтромъ къ симъ брегамъ принесены.
Гдѣ ихъ отечество и кто они, не знаю,
И безъ различья всѣхъ несчастныхъ призираю.

Клитемнестра.

Кто можетъ быть меня несчастнѣй изъ людей?
О, сколько бѣдъ и мукъ на тронѣ для царей!

Здѣсь подражатель хотѣлъ быть оригинальнымъ, и ему удалось. Но можно ли такую удачу назвать счастливою? Не думаю! По неволѣ вспомнишь слова Пирра: еще одна побѣда, и я погибъ! Въ Вольтеровой трагедіи вмѣстѣ съ Клитемнестрою приходитъ и Эгистъ—мы знаемъ уже его характеръ подозрительный и свирѣпый, слѣдовательно приходъ его долженъ насъ привести въ ужасъ, ибо все предыдущее заставило насъ принимать живое участіе въ судьбѣ Ореста. У господина Грузинцова напротивъ приходъ Клитемнестры не производитъ никакого дѣйствія—она мать, ее не боишься; а вопросъ ея показываетъ одно только любопытство—ибо Клитемнестра, выслушавъ отвѣтъ Форбасовъ, тотчасъ забываетъ о пришельцахъ, и начинаетъ томить и читателя и зрителя элегическою исповѣдью своихъ преступленій, въ этомъ мѣстѣ весьма неприличною, ибо Форбасъ ни почему не можетъ быть повѣреннымъ Клитемнестры.— И эта сцена тѣмъ болѣе заставляетъ насъ негодовать на прихотливое желаніе господина сочинителя быть оригинальнымъ въ такое время, когда всего бы лучше было остаться смиреннымъ подражателемъ, что она замѣняетъ превосходную сцену Вольтеровой трагедіи, ту именно, въ которой мы въ первый разъ знакомимся съ Клитемнестрою и видимъ характеръ ея въ противоположности съ характеромъ Электры. Вольтеръ

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

представляетъ намъ въ Клитемнестрѣ мать, привязанную къ дѣтямъ своимъ чувствами природы, но отдаленную отъ нихъ своимъ преступленіемъ; она очень мало говоритъ о раскаяніи, но зритель видитъ, что она несчастна, и онъ сожалѣетъ объ ней; напротивъ признаніе слишкомъ ясное было бы для нея унизительно, оно произвело бы одно только отвращеніе. Господинъ Грузинцовъ этого не подумалъ, и вотъ что его Клитемнестра говоритъ Форбасу:

Когда мой духъ пылалъ любовью побѣжденный,
Не представлялся мнѣ супругъ мой пораженный;
Средь роскошей вела благополучны дни,
Питали страстну мысль восторги лишь одни.
Предавшись въ плѣнъ мечтамъ въ блаженствѣ утопала
И въ счастіи себѣ подобныхъ не считала,
Но время рушитъ все и за собой влечетъ.
Сей огнь во мнѣ потухъ; я вижу бездну бѣдъ!
Со трепетомъ души прошедше вспоминаю,
Злодѣйство признаю и судъ боговъ читаю.

Едва ли можно безъ непріятнаго ощущенія слушать старую Клитемнестру, говорящую старому служителю алтаря: что духъ ея пылалъ, что она средь роскошей вела благополучны дни, что страстную мысль ея питали одни восторги, что она предавшись въ плѣнъ мечтамъ, утопала въ блаженствѣ. И что же ея раскаяніе? Слѣдствіе изнуренія чувствъ; время, лишивъ ее способности наслаждаться, напомнило ей, что надобно подумать о раскаяніи, о спасеніи души, и она готова спасаться; по первому слову Форбаса соглашается освободить изъ темницы Электру, которую, не смотря на жестокія угрызенія совѣсти, по сіе время держала подъ крѣпкимъ присмотромъ; между тѣмъ приказываетъ Форбасу пріуготовить алтарь богамъ, мстящимъ за преступленія. Форбасъ упрямится, совѣтуетъ оставить мстящихъ боговъ въ покоѣ; Клитемнестра горячится; напоминаетъ Форбасу, что онъ можетъ раздражить свою царицу; надобно повиноваться, и Форбасъ повинуется, и алтарь будетъ готовъ въ III явленіи третьяго акта, и Клитемнестра будетъ говорить передъ нимъ слѣдующую галиматью:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

О тѣнь Атридова! героя грозна тѣнь!
Для тризны въ честь твою сей посвящаю день.
Молю тебя, да симъ твой ярый гнѣвъ смягчится,
Да мертвый мой супругъ со мною примирится.
При жизни ты умѣлъ преступниковъ прощать,
По смерти ль будешь имъ изъ гроба отомщать.
Судьба меня съ тобой на вѣки разлучила;
На время въ сердцѣ семъ я чувства умертвила;
Минуту предъ тобой измѣнницей была,
Минуту.... но сей мигъ я съ вѣчностью спрягла....
. . . . . .

Боги отвѣчаютъ Клитемнестрѣ громомъ! какого другаго отвѣта могла она ожидать за такіе стихи, особливо за мигъ, спряженный съ вѣчностью? И подивитесь ея безстыдству: Эгистова супруга, убійца Агамемнонова, Клитемнестра въ присутствіи множества богомольцевъ, въ присутствіи Электры, стоящей [конечно для симметріи] вмѣстѣ съ Кризотеміею на колѣнахъ предъ алтаремъ, Клитемнестра называетъ Агамемнона супругомъ, съ которымъ разлучила ее судьба, передъ которымъ она была измѣнницей минуту. Такова ли должна быть истинная Клитемнестра?

Мы хотѣли сначала разсмотрѣть всѣ пять актовъ этой трагедіи; но такой подробный разборъ могъ бы завести насъ слишкомъ далеко; сверхъ того и предыдущихъ замѣчаній кажется довольно будетъ для доказательства, что неизвѣстный издатель Электры напрасно называетъ ходъ ея превосходнымъ, ибо и самыя первыя сцены этой трагедіи уже показываютъ, что авторъ ея, желая сдѣлать лучше Вольтера, сдѣлалъ гораздо хуже. Гдѣ же превосходство? Что жъ касается до характера Клитемнестры, то А. Н. Грузинцовъ безъ сомнѣнія имѣетъ право называть себя его творцемъ: портить старое, превосходное, не есть ли творить новое дурное?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1818

О НОВОЙ КНИГѢ

[ПАРРОТА: ENTRETIENS SUR LA PHYSIQUE].

Профессоръ дерптскаго университета, г. Парротъ, поручилъ мнѣ пріятную обязанность распространить между русскими и въ особенности между московскими читателями извѣстіе о сочиненной имъ книгѣ «Entretiens sur la Physique», Разговоры о физикѣ. Лучшимъ для сего средствомъ почитаю напечатать увѣдомленіе объ ней въ вашемъ журналѣ [Вѣстникъ Европы]: онъ у всѣхъ въ рукахъ и публика имѣетъ довѣренность къ его издателю. Выписываю то, что говоритъ самъ авторъ въ своемъ объявленіи, напечатанномъ особенно на французскомъ языкѣ.

«Наука есть принадлежность человѣка, но не одинъ ученый долженъ пользоваться плодами ея: всѣ классы человѣческаго общества, по мѣрѣ своихъ потребностей, имѣютъ на нихъ право; въ особенности физикъ, котораго наука должна возбуждать вниманіе всеобщее, обязанъ знакомить свѣтскаго человѣка съ ея успѣхами, обязанъ истребить ложное мнѣніе, утверждающее, что знанія физическія неприступны по причинѣ глубокихъ умствованій и трудныхъ исчисленій, съ ними неразлучныхъ. Правда, что истина физическая должна предварительно пройти сквозь сумракъ гипотезъ и сомнѣній, сквозь длинный рядъ опытовъ, сквозь лабиринтъ исчисленій; но изъ сей лабораторіи ума человѣческаго она должна наконецъ появляться облеченная въ простоту, ясность, величіе, привлекательныя для разсудка, легко поражающія воображеніе.

«Такова цѣль сочинителя книги: Разговоры о физикѣ. Онъ выбралъ форму разговора, дабы избѣжать сухости и однообразія въ слогѣ, дабы владѣть вниманіемъ, не утомляя его, дабы имѣть способъ украшать цвѣтами предметъ свой, столь богатый и разнообразный, что вся трудность состоитъ только въ выборѣ лучшаго и нужнѣйшаго.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

«Книга сія не есть систематическій трактатъ о физикѣ, въ коемъ обыкновенно представляется каждая теорема отдѣльно, но ясное и точное изображеніе физическихъ и химическихъ законовъ природы и главнѣйшаго ихъ примѣненія.

«Она будетъ состоять изъ двухъ частей. Въ первой изъясненіе извѣстныхъ законовъ природы, разсматриваемыхъ въ общихъ свойствахъ матеріи, въ феноменахъ движенія жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, въ феноменахъ теплоты, свѣта, состава и раздробленія тѣлъ, электрической силы, магнита. Во второй примѣненіе сихъ законовъ къ главнымъ явленіямъ природы; въ сей послѣдней части заключается: 1-е физика земли, которая разсматриваетъ нашу планету сначала въ отношеніи къ ея формѣ, величинѣ и къ дѣйствіямъ тяжести; потомъ въ отношеніи къ ея поверхности, составленной изъ горъ, пещеръ, волкановъ, рѣкъ, озеръ и морей; наконецъ въ отношеніи къ безчисленнымъ и важнымъ явленіямъ нашей атмосферы; 2-е главныя системы геологіи, которая изображаетъ великими чертами исторію измѣненій земнаго шара, и старается разрѣшить, какимъ образомъ сіи измѣненія произвели напослѣдокъ видимую нами ея поверхность; наконецъ 3-е астрономія. Подъ именемъ ея физика перелетаетъ отъ скромной обители человѣка къ небу, разсматриваетъ безчисленныя звѣзды его, изъясняетъ чудесныя движенія нашей земли и планетъ, ей сопутствующихъ въ постоянномъ ея теченіи вокругъ нашего солнца.

«Картина природы, объемлющая безконечно-великое и безконечно-малое, являющая чудесную связь между явленіями и неизмѣнными законами, коимъ они всѣ вообще покорствуютъ, изображающая передъ глазами человѣка все его величіе, но въ то же время и ограниченность его силъ и слабость его зрѣнія — такая картина необходимо оживляетъ въ насъ чувство божества, открывающагося человѣку въ такомъ величіи, чувство высокое, источникъ чистѣйшихъ, блаженнѣйшихъ наслажденій.»

Прибавлю нѣсколько словъ: когда я находился въ Дерптѣ, то почтенный авторъ, удостоивающій меня дружбы своей, самъ читалъ мнѣ первый томъ своей книги. Цѣль ея: сдѣлать физику пріятною, для незнающихъ предложить ея истины простымъ, привлекательнымъ, для всякаго равно понятнымъ языкомъ — имѣю нѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

которое право сказать, что авторъ совершенно достигъ этой цѣли. Будучи совершенно незнающимъ въ его наукѣ, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Онъ умѣлъ оживить пріятностію слога сухость своей матеріи — и первая часть особенно представляла ему почти непобѣдимыя трудности: надлежало говорить о главныхъ, общихъ свойствахъ тѣлъ, о тяжести, равновѣсіи, дѣлимости, плотности и проч.—предметы отвлеченные, привлекательные для немногихъ— и всѣ сіи трудности побѣждены счастливо. Особенный характеръ слога его есть ясность. Съ благоразумною умѣренностію выбралъ онъ занимательнѣйшіе между безчисленнымъ множествомъ предметовъ своей науки, и выбралъ такъ, что читатель его получаетъ полное понятіе о томъ, что̀ узнать ему необходимо: онъ слѣдуетъ безъ труда за мыслями автора, или лучше сказать невольно вмѣшивается въ разсужденія разговаривающихъ лицъ; умъ его не безъ дѣйствія, но сіе дѣйствіе не тягостное: онъ остается доволенъ и собою и своимъ наставникомъ — и въ награду за легкій трудъ получаетъ полныя и ясныя понятія, знакомится съ окружающими его тайнами природы, находитъ и жизнь и чудеса тамъ, гдѣ прежде для незнанія его было все мертво и обыкновенно. Могутъ подумать, что авторъ, выбравъ форму разговора, идетъ по слѣдамъ Фонтенеля; но между ими великая розница, сколько могу судить по одному бѣглому чтенію. Фонтенель хотѣлъ доказать, что обо всемъ можно говорить языкомъ острымъ и шутливымъ; его Разговоры о множествѣ міровъ — блестящая игрушка. Нашъ авторъ не имѣетъ этой хвастливости: онъ болѣе думаетъ о наукѣ своей, нежели о самомъ себѣ; не хочетъ ослѣплять остротою ума и красками слога, но употребляетъ ихъ какъ средство необходимое, дабы овладѣть вниманіемъ. Въ Разговорахъ Фонтенелевыхъ дивятся Фонтенелю; Разговоры о физикѣ заставляютъ полюбить физику.

Всѣ шесть томовъ этого прекраснаго сочиненія готовы. Почтенный сочинитель, чтобы имѣть средство напечатать книгу свою, ибо ея напечатаніе должно стоить большихъ издержекъ, считаетъ за нужное открыть на нее подписку. Должно надѣяться, что русская публика для собственнаго удовольствія поддержитъ его полезное предпріятіе. Подписка для московскихъ читателей и для

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

иногородныхъ открывается въ московскомъ почтамтѣ, въ газетной экспедиціи. Подписавшіеся платятъ за шесть томовъ на простой бумагѣ 40 руб., а на писчей 50 рублей; при подпискѣ получаютъ они билетъ, по которому и будетъ выдана имъ книга, какъ скоро о выходѣ ея напечатается въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

1821

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О САКСОНІИ.

Дрезденъ, 1821 г. [въ іюлѣ].

Въ Виттенбергѣ, который плѣняетъ воображеніе своею древностію, видѣлъ я обѣ старинныя церкви и заглянулъ въ келью Лютера: видѣлъ имя нашего Петра, написанное его рукою, и, слѣдуя дурному примѣру всѣхъ путешественниковъ, отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова стола, котораго скоро не узнаетъ духъ Лютера, если онъ только посѣщаетъ иногда мѣсто своего прежняго пребыванія, не узнаетъ: такъ изрѣзали его благоговѣйные ножи путешественниковъ! Жаль, что въ этой кельѣ стоятъ старинные портреты, которыхъ въ ней не было во время Лютера: это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттенберга поѣхалъ я, черезъ Пречь [гдѣ осматривалъ, пока перемѣняли мнѣ лошадей, старинный замокъ]. Въ Торгау, гдѣ также есть старинный, весьма живописный замокъ, я лазилъ на высокую башню и любовался окрестностями. На другой день поутру пріѣхалъ въ Мейссенъ; фарфоровой фабрики видѣть было нельзя, потому что былъ праздникъ Вознесенія; я пошелъ въ Domkirche и всходилъ на высокую ея башню. Видъ съ нея удивительно обширный и сама церковь достойна примѣчанія: величественная, готическая архитектура; здѣсь есть двѣ картины: Распятіе — Луки Кранаха, и Поклоненіе Волхвовъ Христу [какъ увѣряютъ] Альбрехта Дюрера. Послѣдняя [кто бы ни былъ живописецъ] понравилась мнѣ гораздо болѣе первой: необыкновенная сила и выразительность въ лицахъ. Она писана

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

на деревѣ и створчатая, какъ обыкновенно запрестольные образа въ лютеранскихъ церквахъ; на дверцахъ, которыя служатъ и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Смотря ни эти изображенія, ясно почувствуешь, чѣмъ отличается нѣмецкая школа отъ прочихъ: простая, величественная, но не идеальная природа. Она менѣе дѣйствуетъ на воображеніе, но, кажется, болѣе удовлетворяетъ чувству. Вся дорога отъ Мейссена до Дрездена есть веселый садъ на высокой полугорѣ: съ правой стороны Эльба; съ лѣвой—то высокій утесистый берегъ, то отлогій зеленый холмъ, то виноградники, и безпрестанно встрѣчаются чистые, веселые сельскіе домы; дорога прекрасная: лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ прекрасные тротуары изъ песчанаго камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ [т. е. утесы изъ песчанаго камня] находится у самой дороги. Вообще характеръ здѣшней природы и ея жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой садъ, обнесенный прекрасною каменною стѣною; полезное служитъ вмѣстѣ и украшеніемъ: почти всѣ домы на полдень обсажены виноградомъ; на окнахъ, между зеленью виноградныхъ листьевъ, мелькаютъ цвѣты. Особенно плѣнило меня положеніе такъ называемаго Wakkerfait Ruhe: на высотѣ холма стоитъ зданіе, похожее на часовню; тамъ, если не ошибаюсь, похороненъ Wakkerfait, который основалъ въ этомъ мѣстѣ училище. У подошвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ веселый, довольно обширный домъ, извѣстный подъ именемъ Landes-Institut; простая архитектура дома, чистый, вымощенный камнемъ дворъ, два высокихъ тополя вмѣсто воротъ, къ которымъ отъ большой дороги идетъ густая аллея, рощи изъ яворовъ и каштановъ по обѣимъ сторонамъ дома, съ дорожками и сидѣлками, и окружающая все ясная, плодотворная природа, невольно представляютъ здѣсь воображенію первыя, счастливыя времена молодости. Если бы я не спѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣстилъ бы этихъ дѣтей, которыя начинаютъ свою жизнь безпечно въ прелестномъ пріютѣ, между гробомъ ихъ благотворителя [но этотъ гробъ названъ die Ruhe] и большою дорогою, по которой столько путешественниковъ, имъ незнакомыхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прелестный, и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мнѣ хотѣлось застать еще послѣдній блескъ солнца на Дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ Дрездена вышелъ я изъ своего смиреннаго Stuhl-Wagen, велѣлъ ему ѣхать въ Дрезденъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясно: вечеръ свѣжій и благовонный [до сихъ поръ я еще не видалъ ни одного жаркаго дня], и я думаю, что это лучшій при заходящемъ солнцѣ: оно садилось позади меня, такъ, что весь яркій свѣтъ лучей падалъ въ городъ, который свѣтился между зеленью каштановъ, кленовъ и тополей; вблизи, между темнозелеными деревьями, на берегу Эльбы, мелькала мельница [die Schiffmühle]; за нею зеленѣлъ широкій лугъ; далѣе видѣнъ былъ прекрасный Дрезденскій мостъ; надъ нимъ темныя липы Брюлева сада, и величественно изъ-за вершинъ древесныхъ выходилъ куполъ церкви Богоматери [Frauenkirche] и великолѣпная Католическая церковь, съ своею высокою башнею. Я остановился на мосту, и долго любовался и прелестью береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ поднимались зеленымъ амфитеатромъ, и городомъ, и множествомъ народа, который толпился по мосту; я не хотѣлъ уйти въ свой трактиръ, не проводивъ на покой своего милаго солнца [которое такъ было ко мнѣ милостиво въ Сансуси и Потсдамѣ]; долго бродилъ по террасѣ Брюлевой; пестрая толпа сверкала на солнцѣ подъ зеленью липъ, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на свѣтломъ, безоблачномъ западѣ прекрасно отдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту: этотъ видъ давалъ картинѣ что-то необыкновенно величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностію нѣсколько ее портитъ. Я еще не видалъ Эльбы ни разу въ настоящей красотѣ; вода ея во все это время была желтокрасная: это отъ дождей, которые падаютъ въ Богемскихъ горахъ, мутятъ бѣгущіе въ нее ручьи, изъ которыхъ много заноситъ въ нее киновари и краситъ ее красною краскою. Она текла тихо, но цвѣтъ ея говорилъ о бурѣ.

Въ Дрезденѣ нашелъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ, между прочимъ и князя Гагарина; но онъ на другой день уѣхалъ въ Карлсбадъ. Болѣе всего радъ я былъ найти О***. — Путешествіе учитъ пользоваться настоящею минутою, и такъ какъ погода, которая до сего времени была весьма непостоянна, показалась мнѣ установившеюся, то мы рѣшились вмѣстѣ на другой день [іюля 2]

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

идти въ Плауенъ, а оттуда въ Тарантъ. Рано поутру, мы отправились пѣшкомъ черезъ Рекницъ, чтобъ взглянуть на памятникъ Моро. Онъ очень простъ: гранитный пьедесталъ, на которомъ лежитъ бронзовый шлемъ. Видъ отъ него въ ясную погоду, когда отдаленіе не покрыто парами, долженъ быть прекрасный: мы имъ не могли любоваться. Дрезденъ не хотѣлъ намъ показаться; онъ окутался въ густой дымъ и едва былъ видѣнъ, и всѣ окрестности были также туманны. Наше удовольствіе было половинное; за то въ Плауенѣ было оно полное. Мой путеводитель О*** [который, NB, сдѣлался великимъ ботаникомъ и умѣетъ назвать по латинѣ каждую травку дрезденскихъ полей и долинъ] нарочно повелъ меня полями, чтобы вдругъ удивить взглядомъ на прелестный Плауенъ. Въ самомъ дѣлѣ неожиданно мы очутились на краю гранитнаго утеса, вышиною въ 70 саженъ, съ котораго представился весь Плауенъ, освѣщенный солнцемъ; надобно было ползти, чтобъ взглянуть съ крутизны внизъ: глубокая, зеленая долина, вьется между высокими утесами, которые однако не имѣютъ ничего дикаго, хотя подымаются съ обѣихъ сторонъ ужасною гранитною стѣною; они покрыты веселыми деревьями: буками, кленами, липами и кое-гдѣ темными елями; быстрая Вессерица, которая въ это время была уже довольно мелка, шумитъ, вьется, плещетъ по камнямъ и вертитъ колеса многихъ мельницъ, которыя оживляютъ долину. Маленькою тропинкою спустились мы съ высоты въ глубину; у прекраснаго, каменнаго моста Вессерицы ждала насъ коляска и мы отправились въ Тарантъ. Дорога идетъ берегомъ быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ: всѣ долины, которыя безпрестанно перемѣняютъ образъ, то расширяются, то вдругъ стѣсняются; одна и та же картина представляется въ тысячѣ прекрасныхъ оттѣнковъ. Но всего живописнѣе положеніе Таранта небольшой, веселый городокъ, въ глубинѣ пышной долины. — Заказавъ въ трактирѣ обѣдъ, пошли мы бродить; день былъ жаркій, обѣщалъ грозу [но онъ не сдержалъ обѣщанія], и солнце, щадя насъ, безпрестанно пряталось за облака и наводило свѣтъ и тѣнь на окружавшіе насъ утесы. Изъ трактира, который стоитъ въ самой глубинѣ долины, окруженный тополями, полѣзли мы на вершину горы, по тропинкѣ, весьма крутой, но

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

хорошо отдѣланной для гуляющихъ, къ такъ называемому Храму Солнца; этотъ храмъ достоинъ своего имени только по прелестному виду, которымъ наслаждаешься съ его порога, а не по своей архитектурѣ: онъ изъ коры, покрытъ соломою, и на скамейкѣ, которая внутри его манитъ къ себѣ усталаго, нельзя сѣсть: такъ она пыльна и нечиста. Съ этого мѣста самый обширный видъ на Тарантъ; но самый живописный изъ оконъ развалившагося замка: подъ стѣнами развалинъ большой прудъ; влѣво церковь; за прудомъ весь городокъ съ кудрявыми утесами, его окружающими, и все чрезвычайно оживлено; природа не хотѣла здѣсь быть ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она подъ веселою зеленью разнообразныхъ деревъ. Впечатлѣніе, которое здѣсь она производитъ, есть какое-то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящею минутою, не мечтая о далекомъ: веселая, живая, разнообразная существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно обѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ѣли свѣжихъ форелей, нѣсколько менестрелей играли на арфахъ и пѣли: Freut euch des Lebens! и Komm am Rhein, da wachsen unsere Reben и Польскій Огинскаго. Виртуозы были не перваго класса, но признаюсь, я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ; всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ, и не желая потерять послѣднихъ, ясныхъ минутъ прекраснаго дня, отправились пѣшкомъ въ Linkische Bad. Здѣсь по вечерамъ собираются жители Дрездена. Множество столовъ разставлено подъ липами для тѣхъ, которые хотятъ пить кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на пеструю толпу, волнующуюся подъ деревьями. За входъ платятъ нѣсколько грошей въ пользу музыкантовъ, которые здѣсь играютъ три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ: въ эти дни здѣсь можно увидѣть весь Дрезденъ. Но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница; наканунѣ, т. е. въ четвергъ, былъ праздникъ Вознесенія, и жители Дрездена, весьма точные люди, заплативъ въ четвергъ тѣ гроши, которые надобно было заплатить въ пятницу, не захотѣли нарушить своего правила, и оркестръ игралъ въ пустынѣ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Я не буду описывать всего, что со мною было въ Дрезденѣ; буду говорить о главномъ. Но для васъ, друзья мои, долженъ я сказать нѣсколько словъ о прелестномъ вечерѣ, который провелъ на берегу Эльбы, сидя на террасѣ Финдлерова сада. Сначала мое расположеніе было довольно дурное, можно сказать худшее, потому что оно было холодное: и въ головѣ и въ сердцѣ было пусто. День былъ непостоянный, дождикъ смѣнялъ ясность, наконецъ ясность побѣдила ненастье. На террасѣ сидѣло множество людей; у каждаго стола семейство; все было весело, но для меня эти веселыя лица были всѣ чужія: хотя я и былъ ихъ товарищемъ, но все чувствовалъ одиночество. Не скажу, чтобъ было грустно; грусть есть чувство живое; было пусто: это хуже! Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающаго есть наша душа, есть то чувство, которое она приноситъ къ святилищу природы. И въ моей душѣ не было сначала ничего, чѣмъ бы подѣлиться съ призывающею природою. Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно; ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ, что видѣли глаза, слѣдственно и главной прелести недоставало видимому! Но добрый геній, воспоминаніе, прилетѣлъ ко мнѣ на помощь. Какъ иногда вся душа перемѣняется отъ одной, едва замѣтной мелочи, отъ луча солнечнаго, освѣщающаго отдаленіе, отъ голубаго неба, проглянувшаго сквозь облако, отъ свѣтлой струи на водѣ! Я смотрѣлъ на окрестности: онѣ были очаровательны. Дрезденъ, за которымъ садилось солнце, темно отдѣлился отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымкою, свѣтилось невидимое солнце; отдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой картинѣ что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Бѣлевскій видъ съ пригорка, противъ моего большаго дома [разумѣется, съ бо̀льшимъ разнообразіемъ]. Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивалась подъ горою; въ правой сторонѣ городъ; вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки, другая на Рекницъ, какъ Тульская; даже влѣвѣ подъ горою домъ, точно напоминавшій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дураковскую церковь; самое отдаленіе, не смотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину...

И много милыхъ тѣней встало...

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalde-Grund. Время было нѣсколько туманно, когда мы [я и мой товарищъ О...въ] оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтили мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце [не смотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ] было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу сказать вамъ ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны примѣчанія. Напившись кофе въ трактирѣ, мы поѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшеходство; коляску же отправили мы, дожидаться насъ, въ деревню Ратевальде. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его террасы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течетъ живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движеніе быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ, и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ Ottowalde-Grund [Grund, я думаю, можно перевести словомъ: дебрь]: это не долина, а узкій, глубокій и длинный прорѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена проложила себѣ вода, проточившая камни. Внезапная противоположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вкругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ, и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на дно долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубаго неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная, отдѣлившаяся колонна, на которой, вмѣсто капители, мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась, и грозится тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе, и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ [котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ] разсказывалъ намъ біографіи нѣкоторыхъ утесовъ: такъ напримѣръ въ Ottowalde-Grund есть глубокая низкая пещера, которая называется Teufelshöhle: въ ней жаритъ свою дичь, и вѣроятно угощаетъ ею дьявола, такъ называемый дикій охотникъ [der wilde Jäger], здѣсь извѣстный подъ именемъ безголоваго Дидриха; онъ, часто по ночамъ, съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ, бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою. Есть мѣсто, которое называется Steinernes Haus: на днѣ долины лежитъ обрушившійся камень, имѣющій фигуру дома. Долина, почти вездѣ весьма узкая, вдругъ такъ стѣсняется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшись съ высоты, увязли въ ущельѣ и образовали кровлю: это мѣсто называется Ottowalde-Thor. Сквозь эти ворота входишь въ Raingrund, потомъ въ die Hölle, потомъ узкою дорогою начинаешь подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико по-прежнему; кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была нога человѣческая: все въ разрушеніи, все мрачно и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на лугу: кругомъ кустарникъ и веселая густая роща; тропинка вьется чрезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполнѣ насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему нетерпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шелъ, уставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Bastey. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобъ описывать прекрасное! Природа, чтобъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми, часто бываетъ гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вамъ о несравненномъ видѣ съ Bastey? Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыя вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестью? Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать особеннымъ словомъ; но то впечатлѣніе, которое всѣ они вмѣстѣ на душѣ производятъ — для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы—въ ея невыразимости. Надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Это утесъ во сто саженей перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряду другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такіе же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Pabststein и множество другихъ, влѣвѣ der grosse Winterberg, на горизонтѣ die Erzgebirge, вправѣ Пирна, вдали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми тихо-ползущими мошками.

На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ Bastey, стоялъ встарину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ; еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, а на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынѣче трудно и ползти, остались еще колеи отъ колесъ. Этотъ замокъ конечно былъ встарину неприступенъ; но послѣ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

онъ былъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шанцами и на которые мы взбирались. Съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря; только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины елей и сосенъ, и между ними, какъ острова, бѣлѣютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, тираны окрестностей [какъ говоритъ Делиль]. Въ то самое время, какъ мы отъ Bastey спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ: эхо проснулось, раздалось по скаламъ и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзывъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заиграла арфа и запѣлъ голосъ. Какъ ни глубока была пропасть, но звуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконецъ пошли; скоро звуки замолкли и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ; тамъ можно найти обѣдъ и тамъ же всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ-то пѣсня намъ слышалась.

Дорога отъ Bastey въ Шандау. Съ высоты Bastey спустились мы въ Ratewalde-Grund, и ущеліями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ насъ дожидалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые, окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, die grosse Gans, другая die kleine Gans, одинъ утесъ, das Lamm, въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ die Mönchssteine, разсказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь; онъ есть не иное что, какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія [то же самое разсказываютъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха]. На одной высокой скалѣ видишь группу мелкихъ камней; ихъ называютъ Affensteine, ибо они должны изо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бражать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною Grünbachthal, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: воды этого ручья въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей, должны быть весьма живописны, но мы видѣли одинъ только мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое паденіе называется Amselloch, потому что камень, съ котораго падаетъ ручей, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебряную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристальнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее, дымящеюся отъ паровъ громадою, огромныя скалы Affensteine. Довольно уставъ отъ своего путешествія, пришли мы наконецъ въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ Ziegenrück, съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно, но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ея родной братъ голодъ насъ мучили; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогналъ услужливый сонъ.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли нѣжиться, встали рано, и позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени—пока было можно, и чтобы напрасно не тратить силъ—ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ колескѣ: наконецъ дорога наша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ Kuhstall. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкою, обсаженною стриженными елями, ко входу пещеры, или, лучше сказать, къ огромнымъ воротамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди утесовъ; эти ворота называются Kuhstall, потому что въ 30-ти лѣтнюю войну жители окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлался

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ. Сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою: такъ испещрены они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотятъ оставить вѣчный слѣдъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: О....въ взгромоздился на лѣстницу, и пока я занимался временнымъ, то есть, утолялъ свой голодъ жаренымъ картофелемъ, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ни чья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное: кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ: во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаютъ путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-ти лѣтнюю войну; напримѣръ маленькая пещера называется Wochenbett; въ ней, по преданію, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастью камень, съ котораго страшно посмотрѣть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдывалъ какой-то священникъ, сброшенный послѣ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его столкнули, наименовано Pfaffensprung. Здѣсь въ старину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, стоявшій на вершинѣ, надъ самымъ Kuhstall, назывался Wildenstein; взобраться къ нему можно только сквозь темную, узкую трещину, въ самой срединѣ утеса находящуюся, куда едва можетъ протѣсниться одинъ человѣкъ; мы кое-какъ пролѣзли, и съ высоты, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и въ одной изъ нихъ, называемой Schneiderloch [по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался], одинъ человѣкъ могъ оборониться отъ цѣлой арміи: къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять: такъ она низка; но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою въ развалинахъ, здѣсь царство разрушенія, одно только эхо здѣсь существуетъ — минутный, быстро-исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо не нѣсколько разъ повторяло его крики; и молчаніе, которое всякій разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы [ихъ можно теперь видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для проходящихъ подѣланы перилы], мы опять сошли въ Kuhstall, и провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, чрезъ которую надобно было пройти, дабы потомъ подняться на Klein-Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣтною трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубу могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки намъ явственно слышались; изъ пропасти закричали мы имъ браво — и полѣзли на Klein-Winterberg.

Klein-Winterberg. Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, покинула насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкій, потомъ довольно сильный: мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ осталось: проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасало отъ дождя, напротивъ его удвоивало: вѣтеръ шаталъ деревья, и капли, сшибавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который ни мало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу — что же? Это каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непріятно, но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

шими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта появлялись тучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами: въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты: какъ будто что-то разрушилось, и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе. Лѣсистыя горы, долины, деревья, утесы—все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыма; тамъ множество легкихъ облаковъ летало, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣлась на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ, вдоль глубокой долины, тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу, или на необъятную, разбросанную, сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту, и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ. Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ, а малютка начала ему вторить. И что же они запѣли? Прощаніе Бонапарте съ Франціею [я списалъ эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg, подлѣ Тёплица]. Признаюсь, такая неожиданная гармонія, посреди туманнаго волненія между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было нескусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика со звонкимъ и еще несозрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легкимъ дымомъ, ничтожными призраками летали остатки минувшей бури: по неволѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона. И что-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

то было прискорбно-поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое [безъ всякаго о немъ понятія] старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастіе вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ разсказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть, какъ въ панорамѣ, всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкій дождь, и все слилось въ однообразный непроницаемый туманъ.

Prebisch-Thor. Вздохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, мы ободрились и наконецъ, миновавъ утесы, называемые die Schäfersteine, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса называемаго Prebisch-Thor. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ Klein-Winterberg; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было точно похоже на радость: прояснившееся небо прояснило и душу. Воспоминаніе о Prebisch-Thor есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. Prebisch-Thor есть такая же сквозная пещера, какъ и Kuhstall, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто? Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать саженъ, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями во сто саженъ глубиною, изъ которыхъ, какъ страшилища, высовываются другіе голые утесы; за ними зеленѣются съ трехъ сторонъ долины; позади нихъ подымаются лѣсистыя невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими и зеленѣющимися горами стоятъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

какъ привидѣнія, далекія, синія; и надъ всѣмъ этимъ неописаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, летающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ, что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его воздушными волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, и въ эти минуты казалось, что стоишь на краю свѣта, что земля кончилась, и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch-Thor находится другая скала отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch-Wand. Мы лазили на нее, чтобъ взглянуть на Prebisch-Thor; съ боку — видъ несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою, въ пустынѣ, эти таинственныя ворота, и куда ведутъ они; кругомъ нихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе видѣнъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ будто изъ другаго свѣта, мелькаетъ сквозь этотъ полупрозрачный сумракъ, и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, растетъ одинокая ель: корни ея совсѣмъ обнажены; не знаешь, откуда берутъ они свою пищу; но она зелена, свѣжа, и бури ее не трогаютъ. У самой Prebisch-Wand стоитъ, какъ будто ея сторожъ, ужасная, уединенная скала Prebisch-Kegel: это гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный; никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возвращеніе въ Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ Prebisch-Thor спустились во глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die heiligen Hallen, которая какъ необъятный разрушенный амфитеатръ, съ безчисленными ступенями подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галереи: надобно было идти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до дна долины. Все потемнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быстраго ручья пошли въ Hirnischkietschen — пограничное мѣстечко, гдѣ находится австрійская таможня. Здѣсь кончится Саксонія и начинается Богемія. Въ Hirnischkietschen дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Не смотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно. Между утесами, которые

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

какъ стѣна подымаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ примѣчанія по своей фигурѣ; его называютъ die Königsnase: въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды изъ за скалы, и эта голова съ движеніемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и физіогномію и положеніе; наконецъ она ложится и пропадаетъ; нѣсколько елей, выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ, приколотымъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь, когда мы возвратились въ Шандау.

Lilienstein. Brand. Hohestein. Не стану подробно описывать вамъ остальнаго нашего путешествія: ничто не будетъ ново въ описаніи, хотя видѣнные нами предметы имѣютъ, каждый, много особеннаго. Мы взбирались, въ жаръ, по песку на крутой Lilienstein, съ котораго видишь вблизи Königsstein и необъятную гористую окрестность; на краю горизонта можно различить, какъ свѣтлую точку, Голландорфскую часовню. У подошвы Лиліенштейна, въ 1813 году, расположились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки французской арміи, почти уничтоженной въ Россіи — и теперь еще видны батареи. Это, какъ замѣтилъ мой товарищъ, было предсказаніемъ того, что случилось послѣ: Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ лиліи, въ виду роковой Голландорфской часовни. Съ Лиліенштейна, чрезъ поля и свѣжую долину Tiefegrund, достигли мы, около вечера, до утеса, называемаго der Brand: онъ очень сходенъ съ Basteу, и видъ съ него если не обширнѣе, то привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ зеленая долина, вдоль которой, по излучинамъ ручья, вьется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, также свѣжая и зеленая; за ними густая темная роща, за которою въ двухъ мѣстахъ блистаетъ Эльба и синѣются тѣ же горы, которыя видны съ Basteу: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде, нежели оно закатилось, успѣли мы придти въ городокъ Hohestein и осмотрѣть находящійся въ немъ старинный замокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастію, и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться. Часть этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ террасы замка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется Bärengarten. Въ ней когда-то за вы-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сокими стѣнами живали медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ замка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнію. Въ замкѣ показываютъ остатки старинныхъ тюремъ. Одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer, и была опредѣлена для пытки: нынѣче хранится въ ней одинъ картофель; въ другой полуразвалившейся содержался преступникъ Клеттенбергъ [за дѣланіе фальшивой монеты]; этотъ несчастный вздумалъ было спастись, и изъ соломы, служившей ему постелью, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прянулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предательницу веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohestein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, пріѣхавшая сюда изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О САКСОНІИ.

[Въ 1821 году].

...Я долженъ еще дать отчетъ въ остальной дрезденской жизни моей. Я познакомился въ Дрезденѣ съ нѣкоторыми интересными людьми, но буду говорить только о двухъ: о живописцѣ Фридрихѣ и Штернбальдъ Тикѣ. Фридриха нашелъ я точно такимъ, какимъ воображеніе представляло мнѣ его, и мы съ нимъ въ самую первую минуту весьма коротко познакомились. Въ немъ нѣтъ, да я и не думалъ найти въ немъ, ничего идеальнаго. Кто знаетъ его туманныя картины, въ которыхъ изображается природа съ одной мрачной ея стороны, и кто по этимъ картинамъ вздумаетъ искать въ немъ задумчиваго меланхолика, съ блѣднымъ лицомъ, съ глазами наполненными поэтическою мечтательностью, тотъ ошибется: лицо Фридриха не поразитъ никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ; это сухощавый, средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физіогноміи есть простодушіе: таковъ онъ и характе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ромъ; простодушіе чувствительно во всѣхъ его словахъ; онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостью непритворнаго чувства, особливо когда коснется до любимаго его предмета, до природы, съ которою онъ какъ семьянинъ; но объ ней говоритъ точно такъ какъ ее изображаетъ, безъ мечтательности, но съ оригинальностью. Въ его картинахъ нѣтъ ничего мечтательнаго; напротивъ, онѣ привлекательны своею вѣрностью: каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе! Если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то лишь отъ того, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который ищетъ въ ней только образца для кисти, а какъ человѣкъ, который въ природѣ видитъ безпрестанно символъ человѣческой жизни. Красоты природы плѣняютъ насъ не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни. Фридрихъ пренебрегаетъ правила искусства; онъ пишетъ свои картины не для глазъ знатока въ живописи, а для души, знакомой также какъ и онъ, съ его образцомъ, съ природою; критики могутъ быть имъ недовольны, но чувство, лучшій изъ критиковъ, простое, непредубѣжденное чувство всегда съ его стороны. Онъ также точно судитъ и о чужихъ картинахъ: я нѣсколько разъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ галереѣ; смотря на многія картины, онъ не могъ назвать мнѣ живописцевъ; и вообще все то, что можно найти въ учебныхъ книгахъ о живописи, что можно затвердить наизустъ, ему весьма мало знакомо; за то во многихъ картинахъ находилъ онъ такія красоты или недостатки, которые только одной душѣ, вытвердившей наизустъ природу, могутъ быть примѣтны, и всѣ его замѣчанія были разительно справедливы и въ то же время оригинальны; но оригинальное и справедливое одно и то же. Я нашелъ у него нѣсколько начатыхъ картинъ: одна изъ нихъ можетъ служить дополненіемъ той, которая уже мнѣ была извѣстна—лунная ночь, небо было бурно, но буря миновалась и всѣ облака сбѣжались на отдаленный горизонтъ, оставя полнеба уже совершенно чистымъ; луна стоитъ надъ самыми тучами, и ихъ края освѣщены ея блескомъ; море тихо: низкій берегъ, усыпанный камнями, на берегу якорь; вдали, на самомъ краю моря, видѣнъ парусъ плывущаго къ берегу корабля; его

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ждутъ! Двѣ молодыя женщины сидятъ на камняхъ и смотрятъ на парусъ съ покорною надеждою; двое мужчинъ, болѣе нетерпѣливыхъ въ своей надеждѣ, перепрыгнули черезъ нѣсколько камней, стоятъ посреди воды и смотрятъ туда же: передъ ними еще нѣсколько камней, но до нихъ уже допрыгнуть невозможно! Эта картина только начата, но рисунокъ прелестный: все просто и выразительно! Слишкомъ будетъ много описывать всѣ картины, которыя я у него видѣлъ; всѣ вообще, болѣе или менѣе нравятся по тому чувству, которымъ онѣ оживлены. Фридриху теперь задана задача: кто-то хочетъ имѣть двѣ картины; на одной должна быть изображена природа Италіи во всей ея роскошной и величественной прелести; на другой — природа Сѣвера, во всей красотѣ ея ужасовъ, и послѣднюю взялся написать Фридрихъ. Онъ еще самъ не знаетъ, что напишетъ. Онъ ждетъ минуты вдохновенія и это вдохновеніе [какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ] часто приходитъ къ нему во снѣ. Иногда, говоритъ онъ, думаю, и ничто не приходитъ въ голову; но случается заснуть, и вдругъ какъ будто кто-то разбудитъ: вскочу, отворю глаза, и что̀ душѣ надобно, стоитъ передъ глазами какъ привидѣніе—тогда скорѣй за карандашъ и рисуй: все главное сдѣлано! Фридрихъ такъ мнѣ понравился и такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ было ему ѣхать со мною: моихъ денегъ было бы довольно для этого; но онъ отказался, и еще болѣе понравился мнѣ своимъ отказомъ. «Вы хотите имѣть меня съ собою», отвѣчалъ онъ, «но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ. Мнѣ надобно быть совершенно одному и знать, что я одинъ, чтобы видѣть и чувствовать природу вполнѣ! Ничто не должно быть между ею и мною; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, долженъ слиться съ моими облаками и утесами, чтобъ быть тѣмъ, что я есмь! Будь со мною самый ближайшій другъ мой: онъ меня уничтожитъ! И бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя ни для васъ. Мнѣ случилось однажды жить цѣлую недѣлю въ Оттовальде-Грундѣ между утесами и елями, и во все это время не встрѣтилъ я ни одного живаго человѣка. Правда, такой методы я не предложу никому, и по себѣ знаю, что это уже слишкомъ: невольно мрачность можетъ зайти въ душу. Но это же должно доказать вамъ, что мое

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

товарищество не можетъ быть никому пріятно». Послѣ Фридриха надобно описать Тика. Я хотѣлъ сначала посмотрѣть на него одинъ разъ, какъ на достойнаго примѣчанія человѣка, но моя дикость меня останавливала; однако я сладилъ съ нею и пошелъ къ нему. Не скажу, чтобы въ первую минуту онъ сдѣлалъ на меня какое нибудь особенное впечатлѣніе. Онъ имѣетъ прекрасную наружность; ему около пятидесяти лѣтъ и въ молодости онъ вѣрно былъ красавецъ; теперь онъ человѣкъ весьма посредственнаго роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣтъ ничего разительнаго, но во всѣхъ чертахъ пріятное согласіе; въ глазахъ нѣтъ ни быстроты, ни проницательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное съ тою мечтательностію, которую находимъ въ его сочиненіяхъ, особливо въ Sternbalds Wanderungen; видѣнъ человѣкъ, который мыслитъ, но котораго мысли принадлежатъ болѣе его воображенію, нежели существенности. Вотъ поэтическая сторона Тика; а прозаическая та, что онъ страдаетъ безпрестанно ревматизмомъ, ходитъ согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданіе съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и можетъ быть никто изъ англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, какъ онъ. Я признался ему въ грѣхѣ своемъ, сказалъ, что chef-d'oeuvre Шекспира, Гамлетъ, кажется мнѣ чудовищемъ и что я не понимаю его смысла. На это сказалъ онъ мнѣ много прекраснаго, но, признаться, не убѣдилъ меня. Тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета. Я не могу повѣрить, чтобы Шекспиръ, сочиняя свою трагедію, думалъ все то, что Тикъ и Шлегель думали, читая ее: они видятъ въ ней и въ ея разительныхъ странностяхъ всю жизнь человѣческую съ ея непонятными загадками. Но въ томъ-то и привиллегія истиннаго генія, сказалъ мнѣ Тикъ, что, не мысля и не назначая себѣ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ онъ до того, что другіе открываютъ глубокимъ размышленіемъ, идя по его слѣдамъ; чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ взлетаетъ на высоту и, стоя на этой высотѣ, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

на невѣрной своей дорогѣ. Это прекрасно и справедливо! Тикъ переводитъ Шекспира, т. е. однѣ только тѣ пьесы, которыя не переведены еще Шлегелемъ. Сверхъ того, онъ намѣренъ еще выдать критическій и философскій разборъ его трагедій и комедій, но вѣроятно выдастъ не скоро, потому что чрезвычайно лѣнивъ, и мнѣ было пріятно найти въ немъ это похвальное сходство со мною. Тикъ, нѣмецкій П.; онъ съ большимъ совершенствомъ читаетъ драматическія стихотворенія, а особливо комедіи. Я просилъ его, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета, и чтобы, послѣ чтенія, сообщилъ мнѣ подробно свои мысли объ этомъ чудесномъ уродѣ. Онъ далъ мнѣ слово, и я, кончивъ свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи, явился къ нему. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного, съ какою-то пожилою женщиною, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала. Но это была не жена его, а какая-то графиня Финкенштейнъ, которая живетъ съ его семействомъ. Жена же его и дочери путешествовали по Саксонской Швейцаріи. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сборѣ: жена его, кажется, женщина простаго и здраваго ума; обѣ дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: милое, доброе дитя, съ образованностію и женскою скромностію. Это семейство мнѣ понравилось. Они всѣ приняли меня съ сердечнымъ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которыя послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ какъ дома, какъ съ давнишними знакомцами. И въ Тикѣ нашелъ я то, чего единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему генію: любезное, искреннее добродушіе. Онъ не могъ читать мнѣ Гамлета; пьеса слишкомъ длинна, а онъ былъ болѣнъ. Онъ прочиталъ Макбета: большое искусство! Особенно понравились мнѣ мѣста ужасныя: сцена вѣдьмъ, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная! Онъ, такъ же какъ и П., читаетъ, не называя говорящихъ лицъ: и по голосу, и по выраженію, и по лицу его можно легко узнавать всѣхъ; только въ выраженіи чувства онъ уступаетъ нашему и вообще лицемъ своимъ не такъ владѣетъ, какъ нашъ смуглый декламаторъ. Онъ еще читалъ мнѣ Шекспирову комедію: Was Ihr wollt,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ. Но П. кажется мнѣ забавнѣе, можетъ быть и потому, что комическое французовъ мнѣ больше знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображаютъ странное, смѣшатъ противоположностями, остротою или забавностію выраженій; Шекспиръ смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большой части одна игра словъ; онѣ часто грубы и часто оскорбляютъ вкусъ; сверхъ того Тикъ, какъ мнѣ кажется, дошелъ до смѣшнаго искусствомъ: его характеръ болѣе важный, нежели веселый.....

Въ Дрезденѣ осмотрѣлъ я почти все, что достойно примѣчанія: Оружейную, въ которой множество старинныхъ оружій рыцарскихъ и гдѣ можно видѣть въ лицахъ всю исторію огнестрѣльныхъ орудій, начиная отъ перваго Шварцова опыта до послѣднихъ новѣйшихъ; Собраніе древностей, о которомъ не могу сказать ничего: я успѣлъ только на него взглянуть; такой же бѣглый взглядъ бросилъ я и на Менгсовы слѣпки: собраніе удивительно полное! Я ничего не могъ разсмотрѣть съ подробностію, но въ душѣ осталось какое-то благоговѣніе къ древности, которая въ такомъ совершенствѣ изображала красоту человѣка, красоту идеальную, но чудесно вѣрную природѣ, которую никто такъ не зналъ, какъ древніе Die grüne Gewölbe я не видалъ и не слишкомъ объ этомъ жалѣю: видѣть драгоцѣнные камни, все то же, что знать объ нихъ по слуху; но жалѣю очень, что дурное время не позволило мнѣ насладиться прелестными окрестностями Дрездена; ясными были въ мое пребываніе только тѣ дни, которые такъ удачно выбралъ я для путешествія по Саксонской Швейцаріи и въ Тарантъ, остальные же дни мрачные и дождливые. Но я воспользовался ими для обозрѣнія картинной галереи, въ которой былъ разъ шесть: слишкомъ мало, чтобы познакомиться съ нею какъ должно, и признаюсь: въ душѣ, вмѣсто полнаго удовольствія, осталось только сожалѣніе, что такъ скоро надобно было покинуть ее. Я подходилъ къ этой галереѣ съ волненіемъ ожиданія; мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаэлева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли, и что я чрезъ мину-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ту увижу то, объ чемъ такъ часто говорило одно воображеніе. Но при входѣ въ эту галерею, первое чувство, какое замѣчаешь въ себѣ, есть неудовольствіе неисполненнаго ожиданія. Ожидаешь войти въ святилище искусства, въ которомъ его уважаютъ, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ худыхъ рамахъ. Прямо изъ сѣней очутишься въ галереѣ; на окнахъ близъ картинъ лежитъ множество шляпъ; безпрестанно звонъ колокольчика, висящаго на двери, нарушаетъ твое вниманіе; множество станковъ для тѣхъ, которые копируютъ картины, стоитъ въ окнахъ, заслоняетъ свѣтъ и самыя картины, и число ихъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что вниманіе приходитъ невольно въ замѣшательство; однимъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвесть на душу свое дѣйствіе... Галерея состоитъ изъ двухъ огромныхъ залъ: одна, внутренняя, въ которой итальянская школа; другая, гораздо пространнѣе первой, наружная: въ ней фламандская и нѣмецкая школы. Можно сказать, что половина картинъ не существуетъ для зрителя: онѣ или висятъ такъ высоко, что зрѣніе до нихъ достать не можетъ, или висятъ въ простѣнкахъ между оконъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видятъ одну только темную холстину, съ неясными фигурами, въ запачканныхъ золотыхъ рамахъ. Въ тѣ шесть разъ, которые былъ я въ галереѣ, не могъ я порядочно познакомиться съ ея сокровищами, тѣмъ болѣе, что смотрѣлъ на картины не какъ знатокъ въ живописи, а на угадъ, повинуясь собственному своему чувству. Вотъ нѣкоторыя итальянской школы, на которыя смотрѣлъ я съ бо̀льшимъ примѣчаніемъ: Освобожденіе св. Петра изъ темницы, Эспаньолета: величественныя фигуры и разительное дѣйствіе свѣта! Двѣ головы Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Гвидо Рени: онѣ почти одинакія, но выраженіе разное—на одной страданіе съ покорностію и смиреніемъ; на другой то же страданіе, но съ живостью любви, которая выражается въ глазахъ, поднятыхъ къ небу; и та и другая равно прекрасны! Иродіада съ головою св. Іоанна, Леонарда Винчи: прекрасное женское лицо, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но невольно смущенной образомъ мертвой головы Іоанна.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Св. Цецилія, Карла Дольче: идеалъ женской, скромной, милой прелести. Скорбящая Богоматерь, Солимена: трогательная, глубокая горесть. Славная Тиціанова Венера: признаюсь въ своемъ преступленіи—эта Венера, при всемъ совершенствѣ живописи, показалась мнѣ холодна какъ ледъ, и едва ли та, которая находится въ Потсдамской галереѣ, не лучше ея. Спаситель съ чашею, Карла Дольче: эта картина почитается превосходною; она нѣсколько разъ была гравирована. Въ самомъ дѣлѣ, она производитъ разительное дѣйствіе, но это дѣйствіе болѣе отъ живости яркихъ красокъ: оно механическое, а не нравственное. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, я хотѣлъ себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть то, чему въ немъ быть должно въ эту минуту, но темное чувство мнѣ противорѣчило; наконецъ Фридрихъ рѣшилъ сомнѣніе однимъ словомъ: «это лицо не Спасителя, приносящаго себя на жертву, а холоднаго лицемѣра, хотящаго дать лицу своему чувство, котораго нѣтъ у него въ сердцѣ». И это совершенно справедливо! Здѣсь одно искусство безъ души. Я замѣтилъ другую картину, въ которой нѣтъ ни рисунка, ни колорита, но которая полна выраженія: это Христосъ, несущій крестъ вмѣстѣ съ разбойниками, окруженный толпою зрителей и стражей, и въ толпѣ Богоматерь. Разбойниковъ гонятъ и одинъ отбивается съ отчаяніемъ; Спаситель утомленъ; Богоматерь обезсилена горестью, ее несутъ почти на рукахъ, и вотъ самая трогательная черта: подлѣ Богоматери стоитъ женщина, съ младенцемъ на рукахъ, но эта женщина, будучи матерью сама, чувствуетъ страданіе другой матери и цѣлуетъ тайкомъ ея руку, чтобы облегчить для себя чувство состраданія. Это картина Гранди.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА.

[ИЗЪ ПИСЬМА О ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕѢ].

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня чичероне галереи [который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть]: онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизустъ вздоръ. Наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился придти въ галерею, какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ она, не знаю, для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ; слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ [что не менѣе досадно] она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: она здѣсь! закричалъ онъ, указавъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

на полотно и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ [особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь]. И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. Геній чистой красоты былъ съ нею:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердцѣ знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограничено! И точно, приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба отрылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то есть, на немъ нѣтъ выраженія понятнаго, имѣющаго опредѣленное имя; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія [блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго; а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось]; но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца, но руки ея, смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидя-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

щаго. И онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука младенца съ могуществомъ вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе понятное: она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины [если слово картина здѣсь у мѣста]. Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые, онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга [ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго], или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: чувствую и знаю! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины [кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны]: всѣ въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаэль какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Мил-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

леръ! Онъ, умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Удивительно ли? Онъ сравнилъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРІИ.

....Я пріѣхалъ ночью въ Мерсбургъ, маленькій городъ на берегу Констанцскаго озера. На другой день, переждавъ жаркое время, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ; свой Stuhlwagen отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поплылъ на островъ Мейнау, находящійся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ попутный вѣтръ; гребцы положили весла и подняли парусъ. Лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнію паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была, какъ будто въ сокращеніи, вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ три кантона ея: Тургау, Аппенцель и Санктъ-Галленъ; на берегахъ, которые отвсюду полугорою сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, замковъ, домовъ, рощъ, пажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и Санктъ-Галленомъ подымались Альпы; но прелестнѣйшую картину представляло самое озеро: нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ; когда озеро спокойно, видишь жидкую тихо трепещущую бирюзу, кое-гдѣ фіолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркой, свѣтло-зеленой отливъ; когда воды наморщятся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна, съ яркими искрами и звѣз-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или синѣютъ, или кажутся дымными. Плаваніе мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькій островокъ, покрытый виноградникомъ, огородами; нѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому ордену, а теперь въ замкѣ командора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынныя горницы замка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа; потомъ взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ. Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ; дорога отъ него до Констанца довольно пріятна: я шелъ по бо́льшей части лѣсомъ, который часто раскрывался, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и пажити, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Констанцъ городъ некрасивый и неоживленный; я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторыя зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины; онъ служитъ теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты, на небольшомъ возвышеніи, стоятъ два стула, на которыхъ во время собраній сидѣли императоръ и папа, оба весьма скромные, но императорскій выше папскаго, и рядомъ съ ними [въ доказательство, сколь правосудно время] лежитъ кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на него съ большимъ чувствомъ и уваженіемъ... Доминиканскій монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькій чуланъ со сводомъ, въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; но одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта: въ немъ разцвѣла молодая береза;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

легкій вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебалъ ея вѣтвями и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольнѣ каѳедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца.

....Изъ Констанца чрезъ Фрауэнфельдъ и Винтертуръ поѣхалъ я въ Цюрихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда по настоящему начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель, съ которымъ я познакомился, оракулъ всѣхъ посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько нужныхъ совѣтовъ, и я, нанявши проводника и оставивъ весь свой багажъ въ Цюрихѣ, пустился въ путь 3 августа н. ст. рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса [съ которой обширный видъ на Цюрихское и Цугское озеро], доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ въ лодку и прелестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, полѣзъ по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма утомительныхъ. На высотѣ я засталъ захожденіе солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпно. Я ночевалъ въ трактирѣ на Rigi-Staffel и на другой день всходилъ на самую вершину горы [Rigi-Kulm], чтобъ видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ плѣнительны, что, покидая вершину Риги, я обѣщался опять навѣстить ее на возвратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогой, по которой взошелъ, потомъ поворотилъ вправо, и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенькѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же паденіемъ, переплылъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanau, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни, изобилія и отвсюду окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но утро было душно. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ дорожками

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

пошелъ я чрезъ Steinen [мѣсто рожденія Штауффахера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня] къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской. И на этомъ мѣстѣ также стоитъ часовня. Отсюда чрезъ Sattel, Rothenthurm въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственна для ногъ: пришедъ въ Эйнзидельнъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать было некогда; надобно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо возвратный путь шелъ чрезъ крутую гору Haggen. Признаюсь, Эйнзидельнъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописно; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ—но усталость и боль въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Конецъ этого дня вознаградилъ за непріятное начало его: возвратный путь чрезъ зеленую долину Alpthal, всходъ на Haggen и потомъ спускъ по крутизнѣ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица—останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блистаніи молній: она началась, во всей своей силѣ, не прежде, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ, и, напившись кофе, пошелъ въ Бруненъ; тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ въ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ горъ, окружающихъ озеро Четырехъ-Кантоновъ, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ. Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть. На ней нѣтъ памятника; но свобода Швейцаріи еще существуетъ. Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грозныхъ, кругомъ воздымающихся утесовъ. Я не могъ долго на немъ остаться: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, чтобы предупредить южный вѣтръ [Föhn], который обыкновенно здѣсь начинается пополудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Теллевой часовнѣ [Tellsplatte], а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Телля. Тамъ нашелъ я живописца Триннера, который не великій артистъ, но былъ для меня привлекателенъ тѣмъ, что могъ разсказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго встрѣтилъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ оконъ башни, обросшей плющемъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кинцигкульма, доступную только горнымъ пастухамъ, чрезъ которую нашъ Аннибалъ перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig [сказалъ мнѣ Триннеръ]; er pfiff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind. Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Телль, означено часовнею. Этотъ обычай, строить вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной, трогаетъ и возвышаетъ душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцаріи; въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ и обелискамъ— что̀ бы они были у подошвы Альповъ? За то на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянный крестъ, и маленькая часовня Телля таится между огромными утесами: но они не исчезаютъ посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами.

....Въ два дни моего путешествія чрезъ Сенъ-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, между которыми въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейса еще спокойна. У Амстега все становится мрачнѣе: горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе; дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шелъ, небо было туманно; вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными; но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейсы. Чѣмъ далѣе впе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

редъ, тѣмъ разительнѣе дикость: наконецъ у Gestinen исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями; камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконецъ столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно; поперегъ долины, надъ самымъ каскадомъ изгибается Чортовъ Мостъ; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается въ скалу, которую пробила насквозь промышленность челонѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну; но что же?.... Мое счастіе и здѣсь меня не покинуло: солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматтъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ послѣ густаго мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто, думаешь, что передъ тобою низкіе деревянные пригорки; но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину, и близкія къ снѣжной вершинѣ Сенъ-Готара. Я ночевалъ въ Андерматтѣ, который, чрезъ минуту послѣ моего прихода, исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и окруженный ею взошелъ я на вершину Сенъ-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени; здѣсь она ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ; кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончится земля и начинается небо; предъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе, растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи; изъ него тихо бѣжитъ ручей; съ другой стороны также озеро и такой же тихій

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ручей: это Тессинъ и Рейса; здѣсь они навсегда разлучаются; отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ, и наконецъ, близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейсы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярколазурнымъ, когда я, спустившись въ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіянской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже; ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны и наконецъ предъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквами, замками, уже имѣющими характеръ италіянскій. Я недолго отдыхалъ въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazzio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ чрезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faido. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни. Какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! Какое удивительное захожденіе солнца! Понастоящему солнце, посреди высокихъ горъ, не всходитъ и не заходитъ для глазъ. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ; но чудесно освѣщенные бока долинъ, но утесы, которые медленно угасаютъ, долго еще говорятъ о невидимомъ. Я шелъ долиною Левантинскою; солнце уже было за горами; но Сенъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Айроло и свѣтилъ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, лѣса пылали; этотъ розовый пламень мало по малу подымался, черная тѣнь бѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ одна свѣтлая полоса, подобная огненной гривѣ на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италіи загорѣлись.... въ какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою неизъяснимою ясностію!

....Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto Calende на берегу Lago Maggiore; время было

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

несравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея; потомъ при захожденіи солнца вышелъ на берегъ у Бельджирато, дабы дождаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный.

.... Отъ Domo d'Ossola начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ я видѣлъ нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она. Я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня: эта колонна была приготовлена для тріумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полу-воздвигнутыхъ въ Миланѣ, и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская. Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ: весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.

.... Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынѣче принадлежитъ гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и спальня Вольтеровы; въ спальнѣ стоитъ кровать съ полу-истлѣвшимъ занавѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-me du Chatelet, тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольно дурная урна; въ ней нѣкогда хранилось сердце Вольтера. Теперь осталась одна надпись: Son esprit est partout, et son coeur est ici, но и та до половины уничтожена; отъ начала пропало son, а отъ конца ici, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеровъ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеровъ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаетъ, кажется минерва, а враговъ его Фрерона и прочихъ сѣкутъ змѣями мстительные геніи. Аллея, по которой прохаживался Фернейскій пустынникъ, и липовый лѣсокъ, имъ насажденный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви [Вольтеръ Богу], уни-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чтожена философами революціи. Почти всѣ домы, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обозрѣнію города и Бонстеттену, у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много разсказывалъ о г-жѣ Сталь, І. Миллерѣ, Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ нелюдимомъ. Изъ Женевы, чрезъ Лозанну, гдѣ пробылъ три дни, поѣхалъ я въ Веве, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрестностями Женевскаго озера; но все не удалось: дождикъ, замѣтивъ, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливмя, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не захотѣлъ передать бумагѣ. Изъ окрестностей Веве я я видѣлъ однако Кларанъ, куда ходилъ пѣшкомъ, наканунѣ моего отъѣзда изъ Веве, и эта прогулка была прекрасна. Можно сказать, что небо было со мною въ заговорѣ: всякій разъ, когда я покидалъ свой пріютъ, оно становилось яснымъ, или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось еще великолѣпнѣе. Моимъ товарищемъ до Кларана былъ старый крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. Probablement [спросилъ онъ меня] vous allez à Clarens à cause de Mr. le baron d'Etange et de sa fille? Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison.—«Est-ce que vous avez lu cette histoire?» — Oui, c'est joli comme un roman, quoique tout soit parfaitement vrai. И онъ простодушно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элоиза не выдумка. Въ тотъ день, въ который я оставилъ Веве, успѣлъ я съѣздить въ замокъ Шильонъ: я плылъ туда, читая the Prisonner of Chillon, и это чтеніе очаровало для воображенія моего тюрьму Бониварову, которую Байронъ весьма вѣрно описалъ въ своей несравненной поэмѣ.

Дорога отъ Веве до Фрейбурга чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадьми. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрейбурга, видѣлъ только каѳедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи и Муртенскую липу, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполнѣ насладиться окрестностями Берна, въ который пріѣхалъ довольно поздно. Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностію [вездѣ чувствительно изобиліе и довольство] всѣ простыя прелести сельскія и все великолѣпіе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не находилъ я такихъ живописныхъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная. Чистота внѣшняя и внутренняя плѣняютъ глаза и удовлетворяютъ чувству. Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣютъ и счастіе, правда, простое, неразнообразное, но все счастіе, то есть, свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго: спѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музеумъ и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга.

....Окрестности Люцерна, можетъ быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро Четырехъ-Кантоновъ и видимыхъ съ люцернскаго моста, особливо при захожденіи солнца, когда горы снѣжныя сіяютъ и мало по малу гаснутъ.—Въ Люцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера и въ глубинѣ ея лежитъ на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному пьедесталу; передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпторъ есть нѣкто Ahorn изъ Констанца. Памятникъ воздвигнутъ въ честь швейцарцамъ, погибшимъ въ Парижѣ 10 августа 1792 года.

Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Люцерна поплылъ въ Weggis, откуда ведетъ весьма покойная и обильная

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

прекрасными видами дорога на высоту горы, и въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ минутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечернимъ и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюснахтъ, чтобъ видѣть die hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Телль застрѣлилъ Геслера; потомъ чрезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ насладился въѣздомъ папскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣнопреклоненіемъ. Берегомъ Цюриха дошелъ я только до деревни Wädenswyl, откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревнями, лежащими на противномъ берегу озера, идти въ Цюрихъ пѣшкомъ; но дождикъ, соединенный съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wädenswyl прямо въ Цюрихъ: сильный вѣтръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я видѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о провидѣніи, въ этой легкой лодкѣ, которая, не смотря на брызжущія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которыя сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которыя изрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею бурею только быстрѣе мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло; солнце удивительно украсило и берега, и горы и воду, и близкій, какъ будто выходящій изъ озера, Цюрихъ. Очутившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ; но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Изъ Цюриха поѣхалъ я черезъ Эглизау въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть въ Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ; шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣется нѣсколько утесовъ, изрытыхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги; словомъ, картина неописанная. На галереѣ можно стоять безъ малѣйшей опасности; но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Здѣсь Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ: со временемъ они исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и вѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes [Богъ моя надежда]. Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеръ-обскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и страшный невдали шумъ довершаетъ очарованіе.—Въ Шафгаузенѣ я простился съ Швейцаріею.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1829

—

О КОРОНОВАНІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВЪ ВАРШАВѢ.

[ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА].

Вчера совершилось въ Варшавѣ коронованіе государя императора. Не имѣя времени описывать его подробно, сообщаю однѣ главныя черты сего важнаго событія. Для коронованія приготовлена была огромная зала сената, находящаяся во дворцѣ и замѣчательная по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ. Она украшена была великолѣпно. На одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ: два кресла стояли на возвышеніи подъ балдахиномъ, на коемъ изображены были всѣ гербы Царства Польскаго, и посреди ихъ, въ двоеглавомъ орлѣ Россіи, бѣлый орелъ Польши. Посреди залы возвышался крестъ; вдоль стѣнъ, справа, слѣва и насупротивъ трона, стояли сенаторы, нунціи и депутаты Царства; надъ ними, на балконѣ, поддерживаемомъ колоннами, находились знатнѣйшія дамы Варшавы. Съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія государева. И онъ и государыня императрица слушали въ греко-россійской дворцовой церкви обѣдню. Наконецъ подали знакъ, что императоръ приближается; глубокое молчаніе воцарилось въ собраніи, двери палаты отворились и торжественный ходъ начался. Государь явился, предшествуемый знатнѣйшими сановниками, несущими регаліи, епископами и архіепископами; за нимъ государыня уже въ коронѣ и порфирѣ, его высочество наслѣдникъ, великіе князья цесаревичъ и Михаилъ Павловичъ, и сановники придворные. Ихъ высочества заняли приготовленныя для нихъ мѣста. Несшіе регаліи: императорскую корону, державу, скипетръ, порфиру, мечъ и хоругвь Царства, на коей также въ двоеглавомъ орлѣ Россіи изображался бѣлый орелъ Польши, стали по обѣимъ сторонамъ трона, и архіепископъ примасъ произнесъ молитву. Когда государь возложилъ на себя император-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

скую корону, надѣлъ порфиру, принялъ въ руки державу, скипетръ, украсилъ цѣпью ордена Бѣлаго Орла государыню императрицу, архіепископъ провозгласилъ троекратно: vivat rex in aeternum. За симъ послѣдовало трогательное, разительно-величественное дѣйствіе: монархъ Россіи и Польши, украшенный вѣнцомъ прародительскимъ, преклонилъ колѣно предъ невидимо присутствующимъ Богомъ, произнесъ молитву за себя и за народъ, ввѣряемый его любви промысломъ: лицо его оживлено было чувствомъ, и твердый голосъ его иногда прерывался отъ сильнаго движенія душевнаго; внимавшіе исполнены были глубокаго благоговѣнія и проливали слезы благодарности. За симъ явленіемъ послѣдовало другое, столь же трогательное и величественное: государь, въ коронѣ и порфирѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, стоялъ одинъ на возвышеніи трона; всѣ присутствующіе пали на колѣна; можно сказать, что все Польское Царство, въ лицѣ своихъ представителей, преклонилось предъ своимъ монархомъ, и архіепископъ примасъ, въ свою очередь, провозгласилъ молитву за царя и за благоденствіе его державы. Симъ совершился обрядъ коронованія. Изъ палаты сената государь, предшествуемый всѣми сановниками, сопровождаемый сенаторами, нунціями и депутатами, пошелъ въ церковь св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ. Площадь дворцовая, чрезъ которую шла процессія, кипѣла людьми: при появленіи императора, все всколебалось, все воскликнуло въ одинъ голосъ. Сія огромная туча народа, которая отъ самаго низа площади, движущеюся массою, возвышалась до кровель высокихъ домовъ, сей громозвучный, непрерывный привѣтственный кликъ, съ коимъ сливался звонъ колокольный и громъ выстрѣловъ пушечныхъ, сіе блестящее, безоблачное небо, озарявшее царя торжествующаго, и народъ, его прославляющій, все сіе вмѣстѣ составляло картину единственную. День сей останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Польши. Имъ окончательно утверждено бытіе и на всѣ времена опредѣлены границы Польскаго Царства. Симъ торжественнымъ коронованіемъ запечатлѣнъ неразрывный союзъ двухъ сопленныхъ народовъ: корона Россіи на главѣ польскаго царя есть символъ благотворнаго соединенія: она знаменуетъ, что два

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

народа, разные именемъ, составляютъ отнынѣ одно семейство подъ сѣнію одной отеческой власти.

[Варшава. 13 мая 1829].

1831

—

О ХОЛЕРНОМЪ ВОЗМУЩЕНІИ ВЪ 1831 ГОДУ.

[ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ПРИНЦЕССѢ ЛУИЗѢ ПРУССКОЙ].

Péterhoff $^{5}/_{17}$ Juillet 1831.

. . . Je vous écris, madame, entouré de scènes de douleurs. Le choléra dévaste Pétersbourg. Nous sommes à Péterhoff, assez à l'abri de la contagion. Tout est calme autour de nous; le temps est superbe, la nature belle, brillante, et tranquille, comme à l'ordinaire, comme si aucun malheur ne se faisait sentir aux hommes. Et dans cette tranquilité universelle à chaque instant nous entendons annoncer la mort de quelque personne connue. Ici, au bord de la mer, se trouve un réduit charmant, on l'appelle *Monplaisir*; c'est un petit palais en style normandais, bati par Pierre le Grand. Tout auprès il y a une terrasse ombragée par des tilleuls touffus, qui sont à-présent en fleurs. La mer se deploie devant cette terrasse solitaire; on y jouit du beau tableau du soleil couchant. Mais on a vraiment conscience de jouir même des beautés de la nature. Lorsqu'on se trouve sur cette terrasse, d'un côté à l'horison on voit Pétersbourg et de l'autre Cronstadt—tous les deux sont empestés par le choléra, et l'imagination involontairement se transporte au milieu des scènes variées de souffrance et de malheurs, et la belle scène de tranquillité qui se présente aux yeux perd tout son charme: un ver rongeur se fait sentir dans l'interieur de l'âme. Mais ces ténèbres sont quelquefois eclairées par des lumières d'un autre genre. Je dois raconter à votre altesse une scène, qui certainement est rare dans l'histoire et dont on ne parlera pas dans les feuilles publiques, comme on devrait

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

en parler. La populace de Pétersbourg, effrayée par les mesures, qu'on a du prendre pour arrêter les progrès du choléra, peut être excitée par quelques malveillants, surtout guidée par son ignorance barbare, s'est soulevée à Pétersbourg: on criait contre l'empoisonnement, on accusait les médecins de vouloir profiter, de quoi, Dieu sait! Finalement une troupe de 5 à 6000 hommes s'est rassemblée sur une des places publiques de Pétersbourg; on se jette sur un hopital, on y trouve un malheureux docteur, occupé à soigner un homme mourant du choléra; on le massacre, on dévaste l'hopital et on fait sortir les malades, qui sont transportés avec leurs lits dans les differentes maisons, d'où on les a pris pour les mettre à l'hopital. La police est sans force contre l'émeute, mais les troupes de ligne arrivent, et le rassemblement se disperse. Tout Pétersbourg est en rumeur; l'inquiétude s'empare des habitans; on s'attend à un soulévement général. L'empereur, informé de l'état des choses, se décide à venir en personne à Pétersbourg. Il part de Péterhoff en bateau à vapeur. Il arrive. Ce qu'il apprend à son arrivée est sinistre. Il se met en calèche et en passant par les rues les plus populeuses, va directement à l'endroit, qui a été la veille le théatre des désordres. Une foule innombrable court à sa suite; il s'arrête plusieurs fois pour parler à ceux, qui étaient le plus près de sa calècte. Enfin parvenu jusqu'à la place publique, il s'arrête près d'une église, au milieu d'une foule de 20 à 25 mille hommes. Alors il se leve. Représentez vous cette belle figure, cette voix éclatante et distincte, cet air imposant et sevère et cette foule, la veille si mutine, si forte par le désordre, maintenant si tranquille, si domptée par la présence de la majesté souveraine et la magie du courage héroique. Voilà les paroles qu'il a prononcées: «A mon couronnement, j'ai juré de maintenir l'ordre et les loix: je remplirai mon serment. Je suis bon pour les bons, ils trouveront en moi toujours un ams et un père! Mais malheur aux méchants: j'ai contre eux dei armes! Je ne vous crains pas, c'est à vous à me craindre! Une grande épreuve nons est envoyée par Dieu: c'est la peste! On a du prendre des mesures pour en arrêter les progrès: toutes ces mesures ont été prises par mes ordres! C'est donc contre moi

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

que vous vous plaignez: eh bien! me voilà! Et j'ordonne l'obéissance! Vous, hommes tranquilles, pères de famille, j'ai confiance en vous, et je suis persuadé que vous serez toujours les premiers à éclairer les ignorans, à calmer les mutins! Mais gare à ceux qui se permettront de s'opposer à mes ordres: ils seront poursuivis sans pitié! Maintenant, dispersez vous! La peste règne! Il n'est pas bon de se rassembler en foule, Mais auparavant il faut se réconcilier avec Dieu! Si vous m'avez offensé par votre désobéissance, vous avez encore plus offensé Dieu par un crime: un meurtre a été commis! Le sang innocent a été répandu! Priez Dieu, qu' il vous pardonne!» A ces mots il se découvre, se tourne vers l'église et fait un signe de croix. Alors toute la foule, par un mouvement spontané, se prostèrne et pousse un cri de bénédiction. L'empereur part, et le peuple se disperse tranquillement, bien sermonné, tout-à-fait docile à reconnaître sa faute. Quel moment unique! Et depuis ce moment tout est rentré dans l'ordre; pendant deux jours encore on a craint le retour des émeutes, ces craintes ont été fausses! Le peuple s'est calmé, la confiance est rétablie, on ne s'oppose plus au transport des malades dans les hopitaux, et voilà que la maladie elle même commence déjà à perdre de sa force et de son intensité. Depuis, l'empereur a été encore deux fois à Pétersbourg. Ceux qui l'ont accompagné m'ont raconté qu'ils ont vu, que tous ceux, qui apercevaient l'empereur, accouraient avec empressement pour le voir de près et que la plupart, après l'avoir vu passer, se signaient eux mêmes et faisaient un signe de croix sur lui. Cela n'a pas besoin de commentaires. Le discours que j'ai cité à votre altesse est mot à mot ce qui m'a été dit par le prince Menschikoff, qui se trouvait dans la calèche de l'empereur, au moment où il parlait au peuple, et qui par consequent n'a pu perdre une seule parole. Une scène comme celle-là ferait la plus belle page de Tite Live [mais de Tite Live chrétien].

Переводъ. Пишу къ вашему высочеству, окруженный скорбными сценами. Холера опустошаетъ Петербургъ. Мы въ Петергофѣ, въ достаточной безопасности отъ заразы. Все тихо вокругъ насъ. Погода великолѣпная; природа обычно-прекрасная, блистаетъ и спокойна, какъ будто съ людьми не совершается никакой бѣды. И посреди этой всеобщей тишины безпрестанно узнаемъ мы о кончинѣ кого либо изъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

знакомыхъ людей. Здѣсь, на морскомъ берегу, есть плѣнительный уголокъ, называемый Монплезиромъ; это небольшой дворецъ, въ нормандскомъ стилѣ, построенный Петромъ Великимъ. Возлѣ него терраса, осѣненная вѣтвистыми липами, которыя теперь цвѣтутъ. Море разстилается передъ этою уединенною террасою; тутъ любуются прекрасною картиною заходящаго солнца. Но, право, совѣстно наслаждаться даже красотами природы. Съ этой террасы видны на небосклонѣ съ одной стороны Петербургъ, съ другой Кронштадтъ: оба заражены холерою, и воображеніе невольно переносится къ многочисленнымъ сценамъ страданій и горя; и прекрасная картина тишины, находящаяся передъ взорами, тотчасъ утрачиваетъ свою прелесть: тоска точитъ сердце какъ червь. Но эти мрачныя чувства проясняются иногда передъ свѣтомъ особаго рода: я долженъ разсказать вашему высочеству одну сцену, которая по истинѣ рѣдко встрѣчается въ исторіи и которая не будетъ изложена въ газетахъ такъ, какъ бы слѣдовало. Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми, и во всякомъ случаѣ побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться, Богъ знаетъ чѣмъ! Напослѣдокъ на одной изъ петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются строевыя войска, и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ; безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, которые тѣснились вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ 20-ти до 25-ти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: «Вѣнчаясь на

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

царство я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца! Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ; вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе: зараза! Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе: всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть вы жалуетесь на меня; ну, вотъ я здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ! Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ нимъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! Въ городѣ зараза! Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ! Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство! Невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобъ онъ васъ простилъ!» При этихъ словахъ онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка. Минута единственная! И съ этой минуты все пришло въ порядокъ. Два дни еще опасались возобновленія смутъ; но эти опасенія были ложны. Народъ успокоился, довѣріе возстановлено. Не препятствуютъ болѣе перевозить больныхъ въ лазареты, и самая болѣзнь начинаетъ утрачивать свою силу и напряженіе. Съ тѣхъ поръ императоръ еще два раза былъ въ Петербургѣ. Сопровождавшіе его передавали мнѣ, что, какъ только замѣтятъ императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотрѣть на него поближе; что многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его. Это очень понятно. Рѣчь, которую я привелъ вашему высочеству, была мнѣ пересказана слово въ слово княземъ Меншиковымъ, находившимся въ коляскѣ съ императоромъ въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ народу, и потому имѣвшимъ возможность не проронить ни одного слова. Подобная сцена могла бы занять прекрасную страницу у Тита Ливія [но у Тита Ливія—христіанина]....

ВЗГЛЯДЪ НА ЗЕМЛЮ СЪ НЕБА.

Есть свѣтлая сторона. Мы ея не знаемъ, но вѣримъ, что она есть. И сія вѣра подобна дѣйствію начинающагося утра на затворенныя очи спящаго юноши, когда еще играютъ надъ нимъ сновидѣнія ночи.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ сей сторонѣ обитаютъ первенцы любви Божіей. Ихъ бытіе для насъ непостижимо. Они блаженствуютъ въ созерцаніи яснаго для нихъ Создателя.

Однажды, посреди великолѣпнаго созданія, одинъ изъ сихъ обитателей свѣта стоялъ, преклоня взоры, въ задумчивомъ размышленіи.

Что съ тобою, братъ мой? Спросилъ подлетѣвшій къ нему товарищъ блаженства. На лицѣ твоемъ что-то не здѣшнее. Какое видѣніе наполняетъ и какъ будто тревожитъ твою душу?

«Братъ мой! — отвѣчалъ вопрошенный — я на мгновеніе отвратилъ глаза мои отъ окружающаго насъ свѣта; я погрузился во глубину бездны, и чувство, никогда не испытанное, наполнило душу мою. Доселѣ она знала одну спокойную радость—теперь она растрогана; доселѣ я только обожалъ Создателя—теперь мое чистое обожаніе обратилось въ благодарность, соединенную съ сладкимъ унынiемъ.

«Отклоня вниманіе отъ окружающаго насъ лучезарнаго океана, я взглянулъ на одну изъ капель, брызжущихъ отъ безчисленныхъ волнъ его. И что же! Каждая изъ сихъ капель есть бездна свѣтилъ и каждое изъ сихъ свѣтилъ, едва примѣтныхъ моему взору, окружено милліонами другихъ, кружащихся около него легкою, свѣтлою пылью и въ порядкѣ повинующихся ему какъ владыкѣ.

«Я устремилъ вниманіе на одну изъ сихъ свѣтлыхъ пылинокъ, и что же опять увидѣлъ? Она, какъ и всѣ другія, даетъ жизнь своему особенному міру; пылинки несравненно мельчайшія и уже не свѣтлыя, а только озаренныя, около нея движутся въ удивительномъ устройствѣ: я видѣлъ, какъ однѣ изъ нихъ рождались и были въ минуту рожденія совершенно темныя, какъ другія мало по малу свѣтлѣли, какъ нѣкоторыя, обратившись въ свѣтлыя, пріобщались къ другимъ, подобно имъ сіяющимъ, и какъ около нихъ начиналось новое рожденіе.

На одной изъ сихъ темныхъ, только что родившихся пылинокъ остановился взоръ мой. Немного прошло мгновеній, и уже она нѣсколько тысячъ разъ обратилась кругомъ своего свѣтила, кругомъ той лучезарной пылинки, которая исчезаетъ въ вихрѣ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

свѣтлаго праха, окружающаго каждую изъ тѣхъ болѣе лучезарныхъ пылинокъ, кои безчисленно блещутъ въ замѣченной мною каплѣ.

«И что же произошло въ сіи столь быстрыя мгновенія? Сначала, повинуясь движенію, влекущему ее около владычествующаго ею блистательнаго средоточія, сія бѣдная пылинка была сама по себѣ мрачною и какъ будто мертвою. Вдругъ началось на ней движеніе; поверхность ея нѣсколько разъ измѣнилась; наконецъ все пришло въ порядокъ; движеніе утихло; она получила нѣкоторый постоянный образъ, и нѣсколько времени поверхность ея была какъ будто пустынною, и все, что на ней происходило, казалось свойственнымъ ничтожному бытію пылинки... Но вдругъ нѣчто таинственное тамъ совершилось: съ высоты моей, съ сладостнымъ участіемъ брата, почувствовалъ я, что тамъ на пылинкѣ, ничтожной, началась жизнь, подобная моей жизни, и что посреди ея ничтожества тихо раздалось то имя, которое здѣсь столь громозвучно поражаетъ насъ среди нашего величія—раздалось и было услышано! И я увидѣлъ живыя творенія, увидѣлъ, какъ они начались, какъ размножались, какъ исчезали, уступая мѣсто одни другимъ, какъ наконецъ овладѣли всею поверхностію своего непримѣтнаго міра, и какъ все на поверхности его снова преобразилось.

«Но сіи живыя творенія сначала казались мнѣ окруженными какимъ-то мракомъ, мнѣ самому непонятнымъ. И вдругъ увидѣлъ я лучъ, сверкнувшій надъ поверхностію ихъ пылинки. И лучъ сей показался мнѣ свѣтозарнѣе всей окружающей меня бездны свѣта.

«О милый братъ! Что же пылинка сія, темная, исчезающая въ одной изъ сіяющихъ капель того свѣтозарнаго океана, который передъ нами волнуется, котораго пламенныя волны громомъ своимъ сливаются въ пѣснопѣніе Вседержителю? И что мгновенные обитатели сей пылинки?

«Но они живутъ и живутъ чудесною жизнію! И въ бренной своей жизни они имѣютъ еще и то, чего мы въ величіи своемъ не имѣемъ. Наша участь есть безмятежное блаженство; а имъ — имъ одно страданіе! При семъ словѣ благоговѣйный трепетъ наполняетъ душу мою. Страданіе—для нихъ оно непостижимо, а

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

я съ высоты моей постигаю всю божественную его тайну. Страданіе, творецъ великаго—оно знакомитъ ихъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ блаженствѣ нашемъ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви.

«Мы, обитатели свѣта, мы въ своей безмятежной вѣчности не вѣдаемъ тѣхъ волненій, той борьбы, того стремленія къ лучшему, которыя наполняютъ минутную жизнь ихъ во прахѣ. Что для насъ есть, что для насъ всегда было—то еще для нихъ будетъ: о томъ усладительно говоритъ имъ надежда! Создатель поселилъ насъ вблизи своего непроницаемаго святилища и мы его знаемъ — для нихъ же онъ скрылъ себя въ таинственномъ мракѣ смятеннаго бытія ихъ: заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ своего ничтожнаго міра, они не постигаютъ и еще не могутъ постигать его всеобъемлющаго промысла; но они его чувствуютъ, они къ нему стремятся сквозь тысячи преградъ, отдѣляющихъ отъ него ихъ душу, и они нѣкогда найдутъ его и такъ же постигнутъ, какъ мы его постигаемъ. Ихъ вѣра есть побѣда, одерживаемая душою и возвышающая душу. Здѣсь, блаженствуя любовію къ Создателю, мы не властны не любить его, столь близкаго къ намъ, столь совершенно намъ понятнаго. А ихъ любовь, во прахѣ, въ ничтожествѣ, въ страданіи — какое чудесное преобразованіе даруетъ она бытію ихъ въ этомъ прахѣ! какъ украшаетъ она для нихъ и самый прахъ, гдѣ посреди измѣненія и тлѣнности все говоритъ имъ о промыслѣ вѣчномъ.

«И что же?... Съ симъ таинствомъ страданія, образующаго душу, соединяется другое столь же великое таинство смерти, которая всему, что окружаетъ ихъ въ тѣсныхъ предѣлахъ обитаемой ими пылинки, даетъ и цѣну и прелесть. Смерть, страшилище мечтательное, ужасомъ утраты привязываетъ ихъ къ бытію мгновенному. Содрогаясь передъ нею, они тѣмъ сильнѣе, какъ будто къ сокровищу ничѣмъ не замѣняемому, прилѣпляются къ бѣдному своему праху, и тѣмъ охотнѣе пріемлютъ уроки испытующаго ихъ страданія.

«Но въ минуту разлуки съ жизнію, они узнаютъ и тайну смерти: она является имъ, уже не страшилищемъ, губителемъ на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стоящаго и будущаго, а яснымъ воспоминаніемъ минувшаго, которое съ ними вмѣстѣ вылетаетъ изъ праха, вѣчный товарищъ новой жизни.

«Вотъ что, мой братъ, погрузило меня въ унылое размышленіе, столь изумившее тебя посреди окружающаго насъ блаженства. Нѣсколько мгновеній я прожилъ иною жизнію. Минутный обитатель праха, я испыталъ все, что тамъ называется жизнію: понялъ въ страданіи сладость надежды, спокойствіе вѣры, веселіе любви, понялъ знаменованіе смерти.... и насладился тѣмъ, чего нѣтъ въ безмятежномъ нашемъ величіи.

«И теперь какое новое зрѣлище предо мною! И такъ всѣ яркія капли всего лучезарнаго океана есть бездны міровъ оживленныхъ! И такъ сіи трепещущія въ каждой каплѣ пылинки суть храмы Вседержителя, равно великолѣпные съ нашимъ небомъ! И такъ каждая пылинка кипитъ живыми созданіями, которыя всѣ наши братья!»

Онъ умолкнулъ...: онъ поднялъ глаза.... передъ нимъ явилось опять все мірозданіе, необъятный океанъ свѣта, коего волны быстро летѣли и гармоническимъ громомъ своимъ славили Вседержителя.

1833

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРІИ.

$\frac{4}{16}$ января, 1833 г.

. . . Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ будто остановился на одной точкѣ; нейду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатѣ Италіи сожалѣть не имѣю причины: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ италіянской зимы вѣроятно страдалъ бы я гораздо болѣе, нежели отъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

здѣшней, нежели даже отъ русской: теперь въ Италіи тепло подъ открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнутъ; здѣсь же, гдѣ дома лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы: снѣгъ лежитъ на высотахъ горъ; разъ только видѣлъ я его у себя подъ ногами, но выпавъ по утру, онъ исчезъ къ вечеру и теперь на дорогѣ пыль; до сихъ поръ еще не было болѣе одного градуса морозу; когда покажется солнце, то оно грѣетъ какъ весеннее; нѣтъ ни дождя, ни сырости; розы цвѣтутъ на воздухѣ. Теперь 4-е января [стараго стиля], день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ нѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть, есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера. Каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи. Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною пополудни [время нашего общаго обѣда], я сижу у себя или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нѣтъ силъ взбираться на горы. За то гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду. Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется Menzel's Geschichte unserer Zeit; а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа пополудни я начинаю свое пѣшеходство по Симплонской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевскаго озера, разстилающагося широкою равниною между высокихъ береговъ горныхъ. Со стороны Женевы на дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая, однообразная стѣна Юры. Со стороны кантона Вадта [Pays de Vaud], на которой находится моя деревушка [Вернѐ между Клараномъ и Монтрё], подымаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревнями, замками, хижинами, шалашами; низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму [здѣсь онѣ покрыты виноградниками, великолѣпными каштановыми, буковыми и орѣховыми деревьями]; высшія торчатъ острыми утесами, однѣ имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія форму огромныхъ зубовъ, между которыми самый замѣтный называется Dent de Jamant; вершины этихъ утесовъ голы и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорѣзали излучистыя рытвины, которыя теперь наполнены снѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. На противной, Савой-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ской сторонѣ, подымаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреснувшихъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣетъ снѣгъ, тогда какъ самые утесы, синѣющіе отъ еловыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, имѣютъ видъ необъятнаго, оцѣпенѣлаго, изрубленнаго трупа. Эти горы, возвышаясь, сходятся съ противолежащими и стѣсняются въ глубокую долину, по которой течетъ Рона, впадающая близъ Вильнёва въ Женевское озеро. Эту долину задвигаютъ наконецъ покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы: впереди подымается великаномъ Dent du Midi, за нимъ конусомъ стоитъ Mont-Catogne, изъ за него съ одной стороны выглядываетъ Mont-Velan, а съ другой Сенъ-Бернардъ, знаменитый переходомъ Наполеона и гостепріимствомъ добрыхъ отшельниковъ, которые поселились на высотѣ его съ своими собаками для спасенія путешественниковъ, теряющихъ дорогу въ снѣгахъ горныхъ. Таковы великолѣпные листы всемірной исторіи, которые разгибаются передъ глазами моими въ то время, когда я непримѣтною мошкою крадусь по тропинкѣ своей у подошвы этихъ великановъ. И мнѣ было бы весьма душно отъ ихъ ужасающей взоры огромности, когда бы мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ ними соперничать: этотъ великанъ—есть мысль, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ неприступныя высоты, но перелетѣвъ вѣка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время, когда они сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая наконецъ, сгустивъ и набросавъ ихъ тѣми огромными грудами, въ коихъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихимъ, таинственнымъ моремъ, окружаетъ нашу цвѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго. Какое сходство въ исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ исторіею живаго человѣческаго рода! Что прелставляла наша земля въ эти первые дни созданія, когда всемогущее Божіе «буди» раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потомъ разрушалъ землю, когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе, когда владыками земли были

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

одни чудовища, которыхъ огромные, окаменѣлые скелеты лежащіе въ земной утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ то же время служатъ памятниками минувшаго безпорядка? Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ шестымъ днемъ созданія: потопы утихли, утесы оцѣпенѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привелъ наконецъ человѣка; бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла; начинается жизнь человѣческаго рода и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій: мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ... Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не то же ли, что сей безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сезострисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ... не то же ли они въ исторіи—нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ [вѣковъ], набросанныхъ временемъ, не то же ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остовы насъ такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая, высшая жизнь; эта пелена болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, но все когда-нибудь покроется. Волканы, наводненія, ураганы и многіе грозные фономены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя, частныя явленія; они не производятъ общаго измѣненія и только показываютъ, что сила безпорядка, хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Хри-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стова были политическіе разрушительные волканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется: теперь они болѣе образовательны, нежели прежде. Напримѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мѣрѣ непрочно. Наполеонъ у насъ передъ глазами сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится внятенъ. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, неразрушимо, не смотря на бунтующія противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ, но постояннымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе; бой добра и зла продолжается—и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человѣкъ не ангелъ—но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это лучшее само собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее—не человѣкъ своею силою производитъ его, но время, покорное одному промыслу. Поколѣнія исчезаютъ; а время на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія, и обращаютъ въ свою пользу: исчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, временемъ написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же результатъ одинъ: во всякое время, человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить все, что онъ какъ человѣкъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбиваясь въ пути, слѣдовалъ сему правилу, то было бы на землѣ одно царство порядка. Но человѣкъ созданъ не для тихой счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завоевывать свое достоинство, долженъ пробиваться къ добру сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ мірѣ дѣйствуетъ не онъ, а провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ: буря страстей производитъ эти минутныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она, въ быстромъ своемъ существованіи, могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всѣми своими

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

скоропреходящими товарищами, только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею: бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; и въ этомъ за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцелѣ, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи. Проѣзжая сюда черезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долинѣ, между Цюрихскимъ и Ловерцкимъ озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau [золотой лугъ]. За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные грудами камни, немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни: время невидимо работаетъ, но разрушеніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней, простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, дабы развалины могли покрыться слоемъ плодоносной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ бы они производимы ни были, бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслію, что можно вдругъ безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнитъ другою болѣе плодоносною. И, правда, будетъ земля плодоносная, но для кого и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, загладивъ слѣды погибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау, ярко написана истина: «средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага». Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдственно сомнительной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человѣчества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло провидѣнія и надѣясь силою въ одну минуту произвести то, что оно медленно созидаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему покрывать ихъ мохомъ и растеніями? Нѣтъ. Но для человѣка довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ: въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жиз-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду!... Но довольно, отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлано горою.

1834

—

ВОСПОМИНАНІЕ О К. К. МЕРДЕРѢ.

24 марта [1834 года] скончался въ Римѣ генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мёрдеръ, послѣ пятидневной горячки, причиненной простудою. Покинувъ холодный климатъ петербургскій, для возстановленія силъ своихъ, разстроенныхъ припадками болѣзни, уже неизцѣлимой, хотя еще не смертельной, онъ провелъ все лѣто прошедшаго года на водахъ въ Баденъ-Баденѣ; осенью переселился въ Италію, прожилъ всю зиму въ Римѣ, въ началѣ весны посѣтилъ Неаполь и, возвратившись въ Римъ, собирался уже послѣ Пасхи отправиться снова къ водамъ въ Германію, дабы потомъ ѣхать обратно въ Россію. Но провидѣнію угодно было устроить иначе. Слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ генерала Мёрдера заимствованы изъ писемъ очевидца: * «18-го числа, въ самый день Пасхи, пошелъ онъ на площадь св. Петра смотрѣть церемонію папскаго благословенія; былъ бодръ и веселъ, но, разгоряченный сильнымъ жаромъ того дня, вѣроятно, простудился ввечеру, когда осматривалъ иллюминацію купола Базилики, ибо, возвратясь домой, почувствовалъ сильную усталость и разслабленіе, легъ въ постелю, и болѣе уже не покидалъ ея. На другой день открылась жестокая горячка. Лучшіе доктора Рима были призваны, но напрасно: ничто уже не могло спасти его. 23-го марта, въ 12-мъ часу утра, пригласили пастора

* А. В. Устинова, который на пути своемъ изъ Италіи встрѣтился съ генераломъ Мёрдеромъ въ Баденъ-Баденѣ, съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ обратно въ Италію, не отходилъ отъ него во все время послѣдней его болѣзни, и имѣлъ горестное утѣшеніе закрыть глаза своему другу и благотворителю.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

для причащенія его св. таинъ; онъ былъ въ памяти, но говорить уже не могъ, только два ручья слезъ показывали его умиленіе и святыя чувства истиннаго христіанина. Въ пять часовъ собрались доктора и рѣшили пустить ему кровь, чтобы облегчить его дыханіе; но то была слишкомъ слабая помощь. Біеніе сердца увеличивалось безпрестанно и къ полночи сдѣлалось такъ сильно, что его можно было слышать въ двухъ шагахъ; больной лежалъ неподвижно, безъ чувствъ; руки и ноги хладѣли; наконецъ, въ половинѣ перваго часа утра, сердце его остановилось — онъ скончался. Лицо мертваго сохранило нѣсколько минутъ слѣды минувшихъ страданій; но скоро они изгладились: на немъ распространилось выраженіе добродушія, тихости; явилась улыбка; такимъ оно и осталось. Погребеніе совершено было 26-го марта, на англійскомъ кладбищѣ, близъ Цестіевой пирамиды. Вмѣстѣ со вдовой и дочерью покойнаго, и всѣ русскіе, находившіеся въ Римѣ, провожали его тѣло. У стѣны кладбища были выстроены папскіе гренадеры и драгуны. При двухъ стахъ выстрѣлахъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и засыпанъ землею».

Такъ, вдалекѣ отъ отечества, кончилъ дни свои незабвенный нашъ Мёрдеръ. Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей посвятилъ онъ тридцать на службу государю, и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ его высочества наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостію воли и непзмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстію, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою, и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворенiемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе—могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мёрдера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту, важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступалъ во храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ, при переходѣ въ лучшій міръ, простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое, здѣшнее имя: Александръ, Александръ.... невнятно повторялъ тупѣющій языкъ его въ то время, когда прерывалось его дыханіе, и смерть къ нему приближалась. Другой, при переходѣ изъ отрочества въ юность, встрѣченный пѣніемъ: Христосъ воскресе, передъ святымъ Евангеліемъ, окруженный величіями земными, произносилъ присягу свою въ такую минуту, когда надъ нимъ совершилось уже первое несчастіе жизни [тогда еще ему неизвѣстное], утрата любимаго друга. Одинъ, безпорочно исполнивъ свое земное дѣло, имѣлъ завидное счастіе заснуть сномъ смертнымъ такъ тихо, какъ младенецъ засыпаетъ сномъ колыбельнымъ; имя его чисто, и память его будетъ любима. Другой.... да сохранится его жизнь навсегда въ теперешней своей непорочности; да будетъ она вся прекрасна, какъ ея утро, разцвѣтшее подъ кроткимъ вліяніемъ хранительной дружбы и чистыхъ семейственныхъ нравовъ; вся величественна и полна высокаго значенія, какъ сія первая присяга во храмѣ; да будутъ наконецъ и самыя испытанія, необходимо съ нею соединенныя, подобны сей утратѣ друга, услаждаемой великимъ словомъ: Христосъ воскресе!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ВОСПОМИНАНІЕ

О ТОРЖЕСТВѢ 30-ГО АВГУСТА 1834 ГОДА.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго, но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ же колоссально, какъ тотъ памятникъ, передъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ вдохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбудившаго; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ въ первый разъ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ ко храму св. Петра, и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ простѣе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ: однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь, и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда гу-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разрушилась, и быстро исчезла, оставя ей славу и міръ. Было что-то похожее на незыблемость промысла въ этой колоннѣ, которая не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо, и какъ будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; по свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. Въ девять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь зимній дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерцигаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противолежащее дворцу, коего подошва также обвита была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ домы, весь бульваръ, кровля и высокая башня адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народомъ, и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тѣнь колонны, на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедесталомъ, непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ будто знаменуя идущее время. А между тѣмъ, вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска; вдругъ тишина обратилась во что-то, не имѣющее имени; это было не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе силы, непобѣдимой и въ то же время покорной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь, но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и огромность движущейся массы; но

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе воли, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись; построились; государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя принца Вильгельма Прусскаго; и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный соборъ и государыня императрица со всѣмъ императорскимъ домомъ; войска отдали честь: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа и предъ ними ихъ государя чудесное вліяніе земнаго могущества, простертаго во прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго, и невидимое соприсутствіе чего-то безъименнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: Россія, слава минувшая, слава грядущая; наконецъ умилительное слово — вѣчная память и имя Александра, и вслѣдъ за симъ упавшая завѣса колонны, и громозвучное, продолжительноо ура, соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы.... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя..... Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на государя, смиренно стоящаго на колѣнахъ впереди его многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ его къ подножію сооруженнаго имъ колосса. Онъ молился о братѣ, и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего державнаго брата: и монументъ, носящій его имя, и колѣнопреклоненная русская армія, видавшая его въ такія великія минуты пе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

редъ своими рядами, и народъ, посреди котораго онъ жилъ—благодушный, всѣмъ доступный, и трогательное присутствіе сего принца прусскаго, который представлялъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея государемъ, сподвижникомъ нашего Александра, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ.... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было; и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость: она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ царь великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи, гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другаго сей ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки.—По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его святою водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли: народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру долго по

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло; улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ одинъ съ своимъ часовымъ; и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе удивительнаго дня сего: душа, имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны?... Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же почти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій ангелъ, и подъ крестомъ сего ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полу-раздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами [вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею], однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ однимъ орлами и русскій и полякъ, и ливонецъ и финнъ, и татаринъ и калмыкъ, и черкесъ и боецъ закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина.... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ боляхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ, и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или гибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго ангела, а имя его: Божія правда.

ЧЕРТЫ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

[ОТРЫВОКЪ].

—

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Исторія Государства Россійскаго объемлетъ цѣлое тысячелѣтіе. Въ теченіе сего времени изъ малой области, населенной нѣсколькими племенами славянскими и финскими и заключавшейся въ тѣсныхъ предѣлахъ между озерами Чудскимъ, Ладожскимъ и Бѣлымъ, верховьями Двины, Днѣпра, Окою и Волгою, образо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

валась сія великая монархія, простирающаяся съ запада на востокъ отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана, а съ сѣвера на югъ отъ Ледовитаго моря до Чернаго, Каспійскаго и до высокихъ горныхъ хребтовъ, идущихъ черезъ всю среднюю Азію. «При взглядѣ на пространство сей державы, мысль цѣпенѣетъ [говоритъ Карамзинъ]. Никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею [обширностію], господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плодъ долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою». Исторія изъясняетъ намъ, что̀ былъ сей народъ прежде, что̀ онъ теперь, и къ чему можетъ достигнуть, пользуясь своею нравственною силою и всѣми богатствами, которыми изобилуютъ обширныя страны, ему подвластныя.

I.

862—1054.

На пространствѣ сѣверо-восточной Европы, извѣстной въ древности подъ общимъ именемъ Скиѳіи, между болотами, озерами и горами сѣвера, подъ сѣнію лѣсовъ непроходимыхъ, по берегамъ великихъ, невѣдомыхъ рѣкъ, среди обширныхъ степей полуденныхъ странствуютъ долгое время дикіе народы; безъименные въ исторіи. Въ первые вѣка послѣ Р. Х. сей мракъ начинаетъ рѣдѣть: узнаютъ о бытіи одноплеменныхъ славянъ, вен-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

довъ и антовъ. Имя народа славянскаго становится страшнознаменитымъ въ лѣтописяхъ византійскихъ. Разныя племена его, населяющія, подъ разными именами, пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями, являются здѣсь независимыми, тамъ подъ игомъ народовъ, попеременно приходящихъ изъ средней Азіи съ войною, опустошеніемъ и рабствомъ. Наконецъ, въ половинѣ IX вѣка, въ центрѣ сихъ разноплеменныхъ славянскихъ племенъ рождается Россія, и получаетъ имя свое отъ смѣлыхъ завоевателей скандинавскихъ. Три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, приходятъ изъ-за моря съ сильною дружиною варяго-руссовъ: призванные добровольно славянами новогородскими, кривичами, чудью и весью, они утверждаютъ свое владычество силою. Рюрикъ по смерти братьевъ становится единымъ верховнымъ властителемъ на сѣверѣ; онъ усмиряетъ возмутившійся Новгородъ, и, утвердивъ въ немъ столицу юнаго государства, дѣлитъ земли, ему подвластныя, между своими варяжскими сподвижниками. Два изъ нихъ, вѣроятно обдѣленные и недовольные, Аскольдъ и Диръ, идутъ на югъ, искать добычи и славы; они основываютъ свое владычество на величественныхъ берегахъ Днѣпра, въ цвѣтущей землѣ Полянской, въ Кіевѣ, равнодревнемъ съ сѣвернымъ Новымъ-городомъ. Ихъ нападеніе на Константинополь, чудомъ отраженное, знакомитъ кіевскихъ жителей съ вѣрою христіанскою, а смѣлыхъ витязей русскихъ съ путемъ въ отдаленную Грецію.

Олегъ, старшій въ родѣ послѣ Рюрика, наслѣдуетъ престолъ его вмѣсто малолѣтняго Игоря и тѣмъ подаетъ бѣдственный примѣръ наслѣдованія для временъ грядущихъ. Его воинственное мужество полагаетъ твердое основаніе могуществу Россіи. Присвоивъ кровавымъ предательствомъ южную Кіевскую область, онъ рядомъ быстрыхъ завоеваній соединяетъ ее съ сѣверною областію Новогородскою и Балтійское море съ Чернымъ; наноситъ сильный ударъ Козарской державѣ; устрашаетъ грознымъ своимъ явленіемъ Константинополь, беретъ богатую дань съ императора, заключаетъ съ нимъ первый торговый договоръ и, пригвоздивъ ко вратамъ Царяграда огромный сѣверный щитъ свой, со славою возвращается въ Россію, строитъ для утвержденія

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

власти города или крѣпости въ земляхъ, ему покорныхъ, учреждаетъ налоги, и наконецъ умираетъ съ именемъ Вѣщаго или мудраго. Въ его время проходятъ мимо Кіева угры: вытѣсненные изъ жилищъ своихъ печенѣгами, они утверждаются въ древней Паннонія и образуютъ нынѣшнюю Венгрію.

Игорь, преемникъ Олега, несходный съ нимъ ни умомъ, ни мужествомъ, двукратно покушается противъ Царяграда: въ первый разъ онъ побѣжденъ Греческимъ огнемъ и бурею, во второй преклонёнъ къ миру дарами испуганнаго императора. Возмутивъ жестокимъ хищничествомъ свирѣпыхъ древлянъ, онъ погибаетъ въ землѣ ихъ безъ славы. Въ его княженіе Россія узнаетъ дикихъ печенѣговъ: заграбивъ всѣ южныя области отъ Дона до Алуты, они отрѣзываютъ на долгое время Россію отъ Чернаго моря.

Ольга, супруга Игорева, звѣзда предъ солнцемъ, заря предъ свѣтомъ, какъ называетъ ее лѣтописецъ, мудро правительствуетъ во дни малолѣтства отрока Святослава. Отмстивъ древлянамъ за убіеніе Игоря совершеннымъ покореніемъ земли ихъ, она предпринимаетъ, для учрежденія общаго порядка, путешествіе по сѣверной Россіи, гдѣ долго сохраняется память ея въ благодарныхъ преданіяхъ. И она идетъ въ Константинополь, но уже не съ войною и разореніемъ, а съ мирнымъ исканіемъ чистой добычи: спасительнаго христіанства. Принявъ святое крещеніе отъ руки патріарха, она возвращается въ Кіевъ, но тщетно убѣждаетъ сына своего Святослава послѣдовать ея примѣру: дикаго юношу плѣняетъ одна война. Презирая опасность, перенося, какъ простой воинъ, и нужду, и трудъ, и холодъ, и зной, онъ быстро завоевываетъ обширныя области, на востокъ отъ Днѣпра лежащія, уничтожаетъ владычество козарскаго хана овладѣніемъ столицы его Саркела, проницаетъ до самаго Кавказа, побѣдивъ у подошвы его касоговъ и ясовъ, и наконецъ утверждаетъ владычество на берегахъ Киммерійскаго Воспора покореніемъ древней Таматархи или Тмутараканя. Призванный въ Болгарію, онъ беретъ столицу ея Переяславецъ и многіе города на берегахъ Дуная. Опасность Кіева, угрожаемаго печенѣгами, призываетъ его на время въ Россію; укротя враговъ и предавъ землѣ тѣло умершей матери Ольги, онъ снова спѣшитъ на югъ, при-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

влекающій его прелестями своего климата, и для огражденія Россіи отъ нападенія варваровъ, дѣлитъ ее между сыновьями. Но завоеванія его, безполезныя для отечества, ввергаютъ и самого завоевателя въ погибель: въ Болгаріи встрѣчаетъ онъ достойнаго себя соперника въ императорѣ Цимисхіи, коему уступаетъ побѣду, но не славу; и наконецъ, принужденный возвратиться въ отечество, падаетъ при шумѣ днѣпровскихъ пороговъ отъ руки презрѣннаго печенѣга, жертвою собственнаго неосторожнаго безстрашія.

Россія, утративъ еще при жизни своего князя всѣ безполезныя завоеванія его на Дунаѣ, становится по смерти его театромъ междоусобій, произведенныхъ ея раздробленіемъ на удѣлы. Братъ возстаетъ на брата; Олегъ погибаетъ отъ Ярополка, вооруженнаго мщеніемъ вождя Свѣнельда; Владиміръ, устрашенный властолюбіемъ брата, бѣжитъ за море, приводитъ оттуда сильную дружину варяжскую, идетъ на Ярополка, и, покоривъ на пути княжество Полоцкое, довершаетъ съ помощью предателя междоусобіе братоубійствомъ. Но симъ злодѣяніемъ, оставившимъ кровавое пятно на великой памяти Владиміра, раздробленная Россія опять соединяется и власть единодержавная достается рукѣ, ея достойной. Удаливъ изъ Россіи варяговъ, союзниковъ смѣлыхъ, но опасныхъ, Владиміръ съ собственными дружинами распространяетъ предѣлы отечества: на западъ—гдѣ покорена Ливонія, обложены данями литовцы и ятвяги, завоеваны города Червенскіе, и на востокъ—гдѣ Волга, за которою властвуютъ болгары, становится крайнимъ предѣломъ Государства Россійскаго. Первыя времена княженія Владимірова ознаменованы его слѣпымъ усердіемъ къ идолопоклонству, явившимъ въ Кіевѣ первыхъ и послѣднихъ мучениковъ христіанства, и его необузданнымъ женолюбіемъ, вооружившимъ на убійство руку Рогнѣды, великодушно прощенной супругомъ—преступленіе, положившее начало особенному княжеству Полоцкому. Въ слѣдующіе годы Владиміръ является преобразователемъ и самого себя и Россіи. Оружіемъ пріобрѣтаетъ онъ для нея лучшее изъ благъ: христіанство. Устрашивъ завоеваніемъ Херсона греческихъ императоровъ Василія и Константина, онъ вступаетъ въ супружество съ сестрою ихъ Ан-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ною; сіе супружество освящено таинствомъ крещенія, и вслѣдъ за нимъ вся Россія, по мановенію князя своего, озаряется христіанствомъ. Сіе великое событіе навсегда рѣшитъ судьбу нашего отечества: съ христіанствомъ начинается въ Россіи образованіе гражданское, просвѣщеніе ума, укрощеніе дикихъ нравовъ; христіанство должно составлять единственно твердый союзъ отечества нашего во времена бѣдственнаго раздробленія; христіанство спасаетъ его, если не отъ рабства, то отъ совершенной погибели въ рабствѣ, и наконецъ христіанство, навсегда отдѣливъ Россію отъ варварскихъ, неподвижныхъ въ образованіи народовъ Азіи, приготовитъ ее въ теченіе вѣковъ къ торжественному вступленію въ семейство народовъ Европы. Крестившись и крестивъ Россію, Владиміръ заботится о заведеніи училищъ, нужныхъ для образованія духовныхъ пастырей, наставниковъ вѣры и нравственности: вводятся въ употребленіе священныя книги, еще въ девятомъ вѣкѣ переведенныя на языкъ славянскій; начинается словесность и съ построеніемъ церквей входитъ въ Россію греческое искусство. Но сіи мирныя заботы о благѣ внутреннемъ нарушаются войнами съ свирѣпыми печенѣгами, и наконецъ Владиміръ, положивъ просвѣщеніемъ вѣры основаніе истинному могуществу Россіи, самъ потрясаетъ сіе могущество раздѣленіемъ государства между сыновьями, и первый долженъ видѣть погибельныя слѣдствія ошибки своей, произведенной понятіями его вѣка: Ярославъ возмущается противъ отца, избавленнаго смертію отъ ужасовъ такого междоусобія.

Но провидѣніе, заботясь о Россіи, употребляетъ самыя сіи междоусобія, дабы сохранить, хотя на время, ея могущество и образумить ея властителей: Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, тремя братоубійствами соединяетъ подъ одну державу южныя области Россіи. Но рука, обагренная кровію братьевъ, недостойна владычества: Ярославъ съ великодушными, незлопамятными новогородцами поражаетъ Святополка; напрасно призываетъ онъ Болеслава Храбраго и вводитъ иноплеменниковъ въ нѣдра отечества—минутное торжество, дарованное ему побѣдою Болеслава, уничтожено предательствомъ, удалившимъ отъ него сильнаго союзника; напрасно зоветъ онъ на помощь граби-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

телей печенѣговъ — побѣжденный на берегахъ Альты мстящею кровію Бориса и дружинами Ярослава, онъ бѣжитъ и бѣдственно погибаетъ въ пустыняхъ богемскихъ, въ безумствѣ раскаянія и страха, съ ненавистнымъ прозваніемъ Окаяннаго.

Ярославъ, достойный наслѣдникъ Владиміра, заслуживаетъ въ потомствѣ славное имя законодателя. Два междоусобія, мгновенно поколебавшія его княженіе, не разрушаютъ могущественнаго единства Россіи. На сѣверѣ мятежъ Полоцкаго князя Брячислава утушенъ побѣдою и княжество Полоцкое приведено въ подданство. На югѣ вооружается великодушный, честолюбивый Мстиславъ, побѣдитель касоговъ и разрушитель владычества козаровъ въ Таврідѣ: битва у Листвена, успѣшная для Мстислава, производитъ раздѣлъ Россіи на двѣ великія области, разграниченныя теченіемъ Днѣпра; но смерть Мстислава, предупрежденнаго во гробъ цвѣтущимъ сыномъ Евстафіемъ, соединяетъ опять сіи области подъ одну державу. Ярославъ, могущественный единовластитель, господствуетъ съ благоразуміемъ и твердостію, не увеличиваетъ пространства Россіи побѣдами, но возвращаетъ ей все утраченное въ смутные годы Святополка; Ливонія усмирена, Червенскіе города снова взяты, Царьградъ приведенъ въ трепетъ за оскорбленіе народнаго права въ посланникѣ русскомъ и сила печенѣговъ навсегда истреблена побѣдою близъ Кіева. Продолжая, по примѣру Владиміра, дѣйствовать для распространенія вѣры христіанской заведеніемъ училищъ, созданіемъ храмовъ и монастырей, переводомъ священныхъ книгъ съ греческаго и размноженіемъ ихъ списковъ для пользы общей, Ярославъ первый даруетъ Россіи письменные законы. При немъ начинается самобытность великаго Новагорода: льготныя грамоты, данныя новогородцамъ признательностію Ярослава, рождаютъ ту буйную, гордую свободу, которая около пяти вѣковъ возвеличиваетъ и волнуетъ Новгородъ и наконецъ падаетъ передъ могуществомъ единодержавнаго Іоанна. Но Ярославъ, послѣдователь Владиміра въ дѣлахъ правленія мудраго, слѣдуетъ ему и въ гибельной его ошибкѣ: онъ раздѣляетъ Россію между сыновьями. Умирающій голосъ отца, завѣщавшаго имъ на одрѣ смертномъ согласіе и покорность старшему въ родѣ, умолкаетъ уже для перваго по-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

колѣнія и тѣнь великаго князя, поставленная главою надъ раздѣленнымъ обширнымъ государствомъ, уважаемая нѣсколько времени самоотверженною добродѣтелію Мономаха, исчезаетъ наконецъ среди беззаконныхъ разбоевъ междоусобія.

Въ сіи два вѣка, протекшіе отъ призванія варяговъ до смерти великаго Ярослава, Россія дѣлаетъ шагъ исполинскій на поприщѣ могущества и просвѣщенія. Благопріятныя обстоятельства способствуютъ сему быстрому развитію. Сей періодъ, не смотря на нѣкоторыя исключенія, можетъ назваться періодомъ могущественнаго единовластія. Господствуютъ князья мужественные и мудрые, и величайшіе изъ нихъ, господствуя долго, имѣютъ время и для завоеваній внѣшнихъ, нужныхъ силѣ, и для утвержденія силы порядкомъ внутреннимъ. Первыя междоусобія болѣе благодѣтельны для Россіи, нежели вредны: они истребляютъ властителей слабыхъ, оставляя на сценѣ властителей твердыхъ и мудрыхъ; Олегъ и Ярополкъ уступаютъ мѣсто великому Владиміру; злодѣйства презрѣннаго Святополка, губителя трехъ братьевъ, и смерть великодушнаго Мстислава очищаютъ престолъ великому Ярославу. Сіи кратковременныя междоусобія проходятъ, какъ минутныя бури, не потрясая государства. Между тѣмъ христіанство сливаетъ части въ единое цѣлое, торговля пробуждаетъ промышленность и готовитъ просвѣщеніе. Самыя внѣшнія обстоятельства благопріятствуютъ сему величественному развитію; Россія уже образуетъ державу великую, а на предѣлахъ ея нѣтъ сосѣдовъ опасныхъ: Ливонія покорена; дикая, обложенная данію Литва существуетъ однимъ только именемъ; Польша не опасна; венгры далеко и оружіе ихъ устремлено на разореніе Европы; Имперія Греческая, не грозная силою, полезна своимъ просвѣщеніемъ и торговлею; одни печенѣги свирѣпствуютъ нѣсколько времени на отдаленномъ югѣ, но и они уничтожены оружіемъ; болгары не смѣютъ переступить за Волгу. Таково состояніе Россіи при смерти законодателя Ярослава.

Но Ярославъ раздробляетъ ее на части и внутренняя сила ея разрушается, а въ ней самой таятся сѣмена погибели, кои наконецъ созрѣваютъ, оплодотворенныя междоусобіями. На семъ необъятномъ пространствѣ, которое занимаетъ тогдашняя Россія,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

видимъ почти пустыню, покрытую болотами и лѣсами непроходимыми, безъ дорогъ и сообщеній. Рѣдкіе города суть не иное что, какъ укрѣпленные станы; немногіе изъ нихъ, при великихъ рѣкахъ стоящіе, оживлены торговлею. Народы, населяющіе сіи пустыни, чужды другъ другу. Трудность сообщеній препятствуетъ быстрому дѣйствію воли властителей. Нравы дики, и самое вліяніе христіанства мало еще ощутительно: одна правительственная сила его дѣйствуетъ, но сила нравственная почти ничтожна. И могло ли быть иначе въ сіи первые вѣка грубаго гражданства? Въ сіи вѣка то же самое представляетъ намъ и вся остальная Европа. Ярославъ, умирая, дѣлитъ Россію, но могъ ли онъ не раздѣлить ея? Какъ собственность, она принадлежитъ сыновьямъ его по праву, а чистое понятіе о благѣ народномъ еще не существуетъ. Среди кровавыхъ междоусобій, подъ игомъ иноземнаго рабства, подъ гнетомъ образовательныхъ бѣдствій, посылаемыхъ испытующимъ промысломъ, опредѣлено ему родиться и созрѣть, дабы наконецъ, озаривъ душу Петра и Екатерины, даровать прямое достоинство русскому народу.

II.

1054—1237.

Вмѣстѣ съ Ярославомъ древняя Россія погребаетъ свое могущество и благосостояніе. Государство раздѣлено; великое княжество съ двумя столицами, богатымъ Кіевомъ и полусвободнымъ Новымъ-городомъ, отдано Изяславу; подъ нимъ владычествуютъ: въ Черниговѣ Святославъ, въ Переяславлѣ Всеволодъ, въ области Смоленской Вячеславъ, во Владимірѣ Игорь, въ Полоцкѣ Всеславъ. Первыя десять лѣтъ проходятъ въ грозномъ, предвѣщающемъ бурю спокойствіи, встревоженныя однимъ появленіемъ дикихъ половцевъ, которые, поработивши менѣе дикихъ печенѣговъ, ставятъ безчисленныя вежи свои на пространныхъ степяхъ отъ южнаго Буга до Волги. Всеславъ Полоцкій первый подымаетъ знамя войны междоусобной: онъ разбитъ на Нѣманѣ, гдѣ, по словамъ древняго пѣснопѣвца, стлали снопы головами, молотили цѣпами, жизнь на току клали, вѣяли

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

душу отъ тѣла; но его предательское заключеніе въ оковы отмщено и пораженіемъ на Альтѣ, гдѣ Ярославичи постыдно разбиты ордами половцевъ, и бунтомъ кіевскимъ, возведшимъ Всеслава изъ темницы на тронъ великокняжескій и бѣгствомъ Изяслава въ Польшу. Скоро изгнанникъ возвращается съ ляхами; Всеславъ бѣжитъ въ свою очередь, и Кіевъ, окровавленный звѣрскою свирѣпостію Мстислава, съ покорностію пріемлетъ возстановленнаго великаго князя. Но, кроткій сердцемъ, онъ слишкомъ слабъ для утвержденія власти державной и сею бѣдственною слабостію пользуется властолюбивый братъ его Святославъ Черниговскій: обольстивъ слабодушнаго Всеволода Переяславскаго, онъ соединяется съ нимъ на вторичное низверженіе великаго князя — Ярославовъ завѣтъ нарушенъ, великокняжеское достоинство поругано, Изяславъ изгнанъ. Ограбленный Болеславомъ Польскимъ, безполезно обласканный императоромъ Генрихомъ IV [который самъ скоро потомъ осужденъ бороться съ подобнымъ бѣдствіемъ], онъ напрасно прибѣгаетъ къ посредничеству могущественнаго папы Григорія VII, малодушно суля ему за потерянный тронъ свой покорность Россіи духовному владычеству Рима. Смерть похитителя возвращаетъ вѣнецъ изгнаннику: Всеволодъ встрѣчаетъ его съ миромъ и живые братья дѣлятъ Россію на счетъ потомства умершихъ. Князья обдѣленные, сыновья Святослава, Игоря, Владиміра и Вячеслава, собираются въ отдаленномъ Тмутараканѣ [отрѣзанномъ отъ Россіи степями половецкими] и тамъ, замышляя добыть оружіемъ наслѣдіе отцовъ своихъ, научаются необходимостію дружиться съ дикими варварами на разореніе отечества. Первый Олегъ, по словамъ древняго пѣвца, ступя въ златый стремень въ Тмутороканѣ, начинаетъ мечемъ крамолу ковать и стрѣлы по землѣ сѣять; тогда повсюду возрастаетъ усобица, и въ княжескихъ распряхъ сокращается вѣкъ человѣческій; на поляхъ оратаи рѣдко перекликаются; граютъ одни враны и галки рѣчь свою говорятъ, слетаяся на добычу. Соединенный съ Борисомъ Вячеславичемъ, Олегъ вводитъ въ нѣдра отечества толпы половецкія: Черниговъ взятъ, окрестныя области опустошены; но Изяславъ не памятуя зла, заступается за брата

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Всеволода, нѣкогда его изгнавшаго; вмѣстѣ съ нимъ и съ сыномъ его Мономахомъ, уже знаменитымъ, онъ поражаетъ хищниковъ; Борисъ падаетъ въ битвѣ, Олегъ уходитъ обратно въ Тмутаракань, а Изяславъ платитъ жизнію за побѣду, и тронъ великокняжескій достается Всеволоду. Въ сіе княженіе братство иноковъ, поселившихся вокругъ пещеры святаго Антонія, основываетъ монастырь Печерскій; первымъ игуменомъ его избранъ Варлаамъ, внукъ знаменитаго Вышаты, а вторымъ св. Ѳеодосій, законодатель всѣхъ монастырей россійскихъ.

Правленіе Всеволода, не имѣвшаго дара властвовать, ознаменовано мятежами князей обдѣленныхъ: Олегъ съ братомъ Романомъ снова наводитъ половцевъ на Россію; но Романъ погибаетъ отъ свирѣпыхъ своихъ союзниковъ, а Олегъ, насильно отвезенъ ими въ Грецію. Онъ скоро возвращается и отнимаетъ Воспорскую область у завладѣвшихъ оною Володаря и Давида. Послѣдній, захвативъ Олешье, грабитъ берега Днѣпра, но успокоивается, получивъ въ удѣлъ Дорогобужъ Волынскій, къ коему скоро присоединенъ Владиміръ, утраченный возмутившимся Ярополкомъ, младшимъ сыномъ Изяслава, который падаетъ отъ меча убійцы; а съ утвержденіемъ мужественныхъ Ростиславичей въ Перемышлѣ и Теребовлѣ начинается знаменитая въ послѣдствіи Галицкая область. Побѣды Мономаха надъ половцами, на берегахъ Роси и Хороля, даютъ нѣкоторый блескъ ничтожному времени Всеволода, который, совершенно разслабленный духомъ въ послѣдніе годы свои, не государь, а тѣнь государя, предаетъ свои области на произволъ тіуновъ и вельможъ, хищныхъ подобно половцамъ, и наконецъ умираетъ, уважаемый однимъ только великимъ своимъ сыномъ.

Мономахъ, сильный любовію народа и славою побѣдъ могъ бы сѣсть на престолъ отца своего; но жертвуетъ властію святости права, и великокняжеское достоинство получаетъ старшій въ родѣ Святополкъ-Михаилъ, князь безъ добродѣтелей, вѣроломный, корыстолюбивый, надменный въ счастіи, малодушный въ бѣдствіи, и Россія могла бы погибнуть въ его княженіе, взволнованное междоусобіями, когда бы не сохранила ее сильная рука Мономахова. Олегъ, пользуясь несчастіемъ князей, разбитыхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

половцами, снова соединяется съ толпами сихъ варваровъ, и подступаетъ къ стѣнамъ Чернигова, своей отчины; тамъ княжитъ Мономахъ; онъ страшится кровопролитія, и, сказавъ: да не радуются враги отечества! добровольно отдаетъ Черниговъ Олегу, а самъ удаляется въ наслѣдственный Переяславль, упраздненный погибелью брата его Ростислава. Но спокойствіе не водворяется. Съ одной стороны свирѣпствуютъ половцы: войско русскихъ князей, соединенныхъ Мономахомъ на спасеніе отечества, входитъ въ ихъ степи и тамъ наноситъ имъ первый сильный ударъ; но славу сей побѣды затмѣваетъ предательное убіеніе вождей половецкихъ. Съ другой стороны мятежный Олегъ воюетъ съ сыновьями Мономаха, изъ коихъ одинъ, Изяславъ, падаетъ въ битвѣ, наказанный за неправедное хищничество; а другой, мужественный, благородный Мстиславъ, побѣдитель Олега, самъ ходатайствуетъ за побѣжденнаго и миритъ его наконецъ съ отцомъ своимъ. Созванные Мономахомъ, князья собираются на торжественномъ съѣздѣ въ Любечѣ, мирно разсуждаютъ о средствахъ успокоить Россію, разстаются друзьями, и миръ сей немедленно нарушенъ дерзкимъ предательствомъ: ослѣпленіе добраго, великодушнаго Василька приводитъ въ ужасъ Россію; снова загорается междоусобіе; Ростиславичи мстятъ за брата; самъ палачъ его Святополкъ возстаетъ на сообщника своего Давида; наконецъ новый княжескій съѣздъ въ Кіевѣ производитъ новый, болѣе постоянный миръ, и все могущество князей, воспламеняемыхъ Мономахомъ, опять обращается на хищныхъ половцевъ: два знаменитыхъ похода во внутренность степей ихъ ознаменованы побѣдами; варвары приведены въ трепетъ; но съ сего времени далекій Тмутаракань, оставленный имъ въ жертву, навсегда исчезаетъ для Россіи.

Призванный кіевлянами на престолъ, упразднившійся по смерти Святополка, Мономахъ вторично являетъ примѣръ смиренія и правдолюбія, отказавшись отъ власти верховной въ пользу старшаго рода Святославичей; но убѣжденный и бунтомъ народа и произвольнымъ согласіемъ князей, его уважающихъ, онъ возлагаетъ на себя вѣнецъ великокняжескій. Его княженіе подобно великой душѣ его, благостной и твердой: грозно для враговъ внѣш-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

нихъ и внутреннихъ, и мирно для отечества, отдыхающаго подъ его державою. Сыновья его одерживаютъ побѣды въ Ливоніи, поражаютъ болгаровъ и половцевъ; сама Грецiя трепещетъ его оружія, и знаменитый Алексій Комнинъ спѣшитъ почтить его дарами: онъ присылаетъ ему вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха. Предупрежденный во гробъ и горделивымъ Олегомъ, мирнымъ въ его княженіе, и кроткимъ братомъ его Давидомъ, и мужественными сыновьями Ростислава, славный благими нравами и побѣдами за русскую землю, онъ умираетъ, оставивъ Россію сыну, достойному отца, и память его долго живетъ въ благородной любви народной; спустя болѣе вѣка по смерти его, говоритъ сѣтующій о немъ пѣвецъ: а стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ! И провидѣніе, какъ бы награждая добродѣтели прадѣда въ самыхъ отдаленныхъ внукахъ, бережетъ потомство его среди всѣхъ ужасовъ, ниспосланныхъ имъ на наше отечество: изъ племени Мономахова исходятъ всѣ великіе мужи древней Россіи; одни, ея ободрители въ бѣдствіяхъ, свѣтоносцы во мракѣ, стоятъ за нее твердо, и мужественно борятся съ губящею ее судьбою; другіе, болѣе счастливые, на прахѣ первыхъ, на краеугольномъ камени самодержавія зиждутъ ея дорого-купленное величіе.

Мстиславъ Владиміровичъ, прозванный Великимъ и достойный сего наименованія, княжитъ слишкомъ недолго къ несчастію Россіи. Побѣдитель половцевъ, загнанныхъ его оружіемъ далеко за Волгу, смиритель внутреннихъ междоусобій, завоеватель отдѣлившагося отъ державы россійской княженія Полоцкаго [коего безпокойные князья, взятые въ плѣнъ, высланы въ Грецію], онъ властвуетъ, какъ Мономахъ; но до гроба оплакиваетъ единственную вину свою, нарушеніе завѣта отцовскаго: давши клятву, хранить ее. Верховный судія князей удѣльныхъ, онъ не даетъ управы прибѣгающему подъ защиту его Ярославу Черниговскому: Всеволодъ, хищникъ Чернигова, ненаказанный, сохраняетъ свою добычу, а Ярославъ оканчиваетъ дни свои въ Муромѣ, который вмѣстѣ съ Рязанью достается его сыновьямъ, и съ того времени начинаются особенныя княженія Рязанское и Муромское.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Съ кончиною Мстислава угасаютъ послѣдніе свѣтлые дни древней Россіи. Слабая рука Ярополка не можетъ соединять распадающейся державы. Съ одной стороны мятежные Ольговичи начинаютъ сію столь безславную въ лѣтописяхъ нашихъ борьбу съ Мономаховымъ домомъ, полезную для однихъ грабительствовавшихъ вмѣстѣ съ ними половцевъ и длившуюся болѣе вѣка; съ другой новогородцы, похитивъ съ изгнаніемъ Всеволода [присвоеннаго отдѣлившимся отъ нихъ Псковомъ] неограниченное право избранія посадниковъ, стѣсняютъ верховную власть князей своихъ, которые съ сего времени становятся жалкихъ игралищемъ народнаго буйства, и мостъ черезъ Волховъ обращается въ поприще боя, на которомъ, при громѣ вѣчеваго колокола, бунтующая чернь мечемъ добываетъ управу; наконецъ возрождается и уничтоженное Мстиславомъ княжество Полоцкое, дабы на западномъ углу Россіи, среди обширнаго волненія мятежей всеобщихъ, быть непрестанно добычею частныхъ междоусобныхъ разбоевъ.— И уже по смерти Ярополка, княжившаго не болѣе семи лѣтъ, Ольгово племя похищаетъ [на столько же времени] престолъ Мономаховъ. Завладѣвшій имъ Всеволодъ Ольговичъ, мятежный и хитрый, но воинъ искусный и государь твердый, примиреніемъ съ сыновьями и братьями великаго Мстислава утверждаетъ за собою власть верховную. Одинъ Георгій Суздальскій остается непримиримымъ. Между тѣмъ новогородцы, колеблясь между потомками Олега и Мономаха, играютъ князьями своими, и прихотливыми ихъ избраніями, ссылками, заточеніями, питаютъ пламень междоусобія. Тогда же является новый врагъ на югозападѣ: Владимірко, воинственный государь, непримиримый въ злобѣ, надежный въ союзѣ, хищничествомъ созидаетъ княжество Галицкое; ограбленный имъ Іоаннъ Берладникъ находитъ убѣжище въ Кіевѣ и ссоритъ съ нимъ великаго князя. Одолѣвъ его въ первой войнѣ, Всеволодъ начинаетъ другую и, не докончивъ ея, умираетъ, утвердивъ клятвою князей и бояръ престолъ великокняжескій за братомъ своимъ Игоремъ. Но хилый Игорь остается на немъ не болѣе пятнадцати дней: любовь народная къ Мономахову племени, наглые грабежи любимцевъ княжескихъ, медлительность союзниковъ, измѣна бояръ и войска предаютъ его плѣнни-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
-http://vital.lib.tsu.ru

комъ въ руки Изяслава; съ престола черезъ темницу вступаетъ онъ въ келью схимника и скоро потомъ погибаетъ въ бунтѣ народномъ, а Изяславъ, мимо дядей своихъ Вячеслава и Георгія, восходитъ на тронъ Мономаховъ.—Сей мужественный князь, который въ лучшія времена былъ бы красою престола и славою отечества, долженъ, въ немногіе годы своего княженія, не властвовать, а только бороться за тронъ свой съ врагами, отвсюду его осаждающими. Здѣсь—Давидовичи и Ольговичи, то враждующіе за него между собою, то соединенные противъ него съ безпокойнымъ, медлительнымъ, вѣроломнымъ Георгіемъ, который одинъ изъ потомковъ Мономаховыхъ для выгодъ властолюбія осрамляетъ себя союзомъ съ грабителями половецкими; тамъ—мужественный Владимірко Галицкій, вѣрный союзникъ Георгія, и умный сынъ его Ярославъ долго препятствуютъ Изяславу утвердиться на тронѣ. То побѣдитель, то побѣжденный, то князь, то изгнанникъ, онъ наконецъ одолѣваетъ непримиримаго Георгія Суздальскаго и удерживается въ Кіевѣ, опершись на право старшаго дяди, благодушнаго Вячеслава, который, будучи призванъ имъ на престолъ отцовскій, себя именуетъ великимъ княземъ, а племяннику уступаетъ дѣйствительное владычество. Но побѣдивъ наконецъ опаснаго Владимірка, который, давши обѣтъ сохранять миръ, нарушаетъ его и наказанъ внезапною смертію за дерзкую насмѣшку надъ святынею клятвы, онъ долженъ, послѣ войны съ его сыномъ, готовиться къ новой войнѣ съ Георгіемъ и умираетъ въ силѣ мужества, оплаканный народомъ, съ прекраснымъ именемъ царя славнаго, господина добраго, отца своихъ подданныхъ.—Ростиславъ Смоленскій, призванный кіевлянами на престолъ своего брата, долженъ немедленно вооружиться противъ Черниговскаго Изяслава, замышляющаго похитить верховное владычество: схоронивъ умершаго внезапно Вячеслава, великаго князя однимъ только именемъ, онъ соединяется съ племянникомъ, мужественнымъ Мстиславомъ и идетъ на врага своего; но, устрашенный его силою, оскорбляетъ пылкаго союзника постыднымъ и безуспѣшнымъ предложеніемъ мира и войско его бѣжитъ, еще до битвы обезоруженное малодушіемъ своего князя. Кіевляне зовутъ Изяслава, но Георгій уже приближается къ Кіеву

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

съ суздальскими дружинами и половцами: Изяславъ уступаетъ силѣ и праву; а Георгій, наконецъ достигнувшій цѣли безпокойнаго властолюбія, для коей столь долго мутилъ и предавалъ на разграбленіе отечество, княжитъ не болѣе двухъ лѣтъ, и сіи два года возмущены тревогами вражды съ князьями, новогородскимъ бунтомъ, половецкими разбоями. Смерть застаетъ его, угрожаемаго войною, но беззаботно веселящагося на пирѣ, и народъ наказываетъ его бездыханный трупъ за бѣдствія отечества, за посрамленіе Мономаховой чести союзомъ съ ненавистными варварами. Князь безславный, Георгій памятенъ Россіи, какъ строитель Москвы, какъ образователь сѣвера, гдѣ долго объ немъ говорили и поля обработанныя, и лѣса прорѣзанные дорогами, и многіе города, имъ основанные: Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, которыхъ имена утѣшали его воображеніе воспоминаніемъ о любимыхъ странахъ полуденныхъ.—Изяславъ Черниговскій, коимъ опять на два года было устранено Мономахово племя отъ престола великокняжескаго, теряетъ все въ несчастной войнѣ за Берладника съ Галицкимъ Ярославомъ. Онъ бѣжитъ, и Ростиславъ [тогда уже старшій въ Мономаховомъ родѣ] снова на тронѣ. Тщетно изгнанникъ, переходя изъ области въ область, грабительствуетъ вмѣстѣ съ союзными половцами, вспомоществуемый подобно ему безпріютнымъ Берладникомъ; тщетно призываетъ на помощь Андрея Суздальскаго, который еще въ смутныя времена отца своего, славный уже подвигами мужества, удалился въ сѣверную свою область, и тамъ, далеко отъ тревогъ междоусобія въ тишинѣ созидалъ могущество Владиміра, скоро потомъ ниспровергнувшее Кіевъ: довольный покорностію Новагорода, который пріемлетъ отъ руки его князя, Андрей съ равнодушіемъ смотритъ на распри князей южныхъ, благопріятныя замысламъ его властолюбія. Тогда съ толпами своихъ половцевъ и съ дружинами князя Черниговскаго, Изяславъ осаждаетъ въ Бѣлгородѣ великаго князя, но разбитый Мстиславомъ и венграми, бѣжитъ и гибнетъ отъ руки простаго воина безъ славы, оплаканный самими врагами своими. Гибель Изяслава губитъ Берладника; скоро послѣ него умираетъ и Святославъ Ольговичъ, знаменитый любовію къ брату, несчастному Игорю, постоянный врагъ Моно-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

маховичей, но всегдашній союзникъ Георгія; смерть его очищаетъ мѣсто другому Святославу, который, мятежный и коварный, какъ отецъ его Всеволодъ, наслѣдуетъ семейственную вражду Ольговичей къ Мономахову дому и жадность ихъ властвовать Кіевомъ. Но Кіевъ уже приближается къ концу своему: бодрый Андрей, изгнавшій братьевъ своихъ въ Грецію, побѣдитель сосѣдственныхъ болгаровъ, единовластвуя въ Суздалѣ, смотритъ съ полуподъятымъ оружіемъ на падающую столицу юга.—Пылкій и мужественный Мстиславъ Изяславичъ садится на престолъ Ростислава, умершаго въ старыхъ лѣтахъ, и, усмиривъ мятежнаго дядю Владиміра [котораго право на достоинство великокняжеское уничтожено общимъ къ нему презрѣніемъ], спѣшитъ созвать князей противъ грабительствующихъ половцевъ. Союзное войско ихъ проницаетъ въ степи и тамъ на берегахъ Орели празднуетъ Пасху и побѣду; но тамъ же коварные клеветники ссорятъ съ союзниками Мстислава. Оставленный ими, онъ возбуждаетъ противъ себя негодованіе Андрея, согласившися послать своего сына Романа въ Новгородъ, озлобившій Суздальскаго князя изгнаніемъ покровительствуемаго имъ Святослава. Наступаетъ рѣшительная минута Кіева: съ войскомъ одиннадцати князей, Андреевъ сынъ Мстиславъ окружаетъ древнюю столицу, и въ первый разъ Кіевъ, дотолѣ всегда произвольно отворявшій врагамъ златыя врата свои, взятъ приступомъ; россіяне свирѣпствуютъ въ немъ, какъ половцы; домы сожжены; церкви разрушены и ограблены; Мстиславъ Изяславичъ, оставивъ жену, сына, бояръ плѣнниками въ рукахъ побѣдителей, уходитъ въ Волынію; Кіевъ, лишенный на вѣки первенства между городами россійскими, отданъ Глѣбу, Андрееву брату, и бѣдный, сѣверный Владиміръ заступаетъ мѣсто древней, славной дотолѣ богатой и великолѣпной столицы юга.

На развалинахъ Кіева утверждается могущество великаго княжества Суздальскаго или Владимірскаго. При самомъ началѣ его являются государи великіе, достойные Владиміра и Ярослава, но Россія временъ ихъ уже не Владимірова, не Ярославова: разорванная на части, она представляетъ обширное, окровавленное поле битвы, по которому мчатся съ огнемъ и мечемъ опустошители, свои и чужіе. Разоряемыя области пустѣютъ; города со-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

крушаются; народъ, или орудіе или добыча грабителей, свидѣтель, участникъ и жертва самовольной неправды и гнуснаго вѣроломства князей, не вѣдая сладости мира, не имѣя вѣрной собственности, униженный рабствомъ, свирѣпѣетъ, теряетъ и нравы и вѣру и чувство человѣчества, и самая вѣрность его князьямъ необузданнымъ есть не иное что, какъ ненадежная покорность силѣ. И между тѣмъ... въ глубинѣ отдаленнаго востока, на степяхъ неизвѣстныхъ, кочуютъ орды татаръ: еще подвластные чуждому игу, они уже порываются сокрушить его и ждутъ Чингисхана.

Андрей, спокойно единовластвуя въ области Суздальской, повелѣваетъ и отдаленнымъ югомъ, но тамъ мятежи возрождаются непрерывно. Изгнанникъ Мстиславъ покушается добыть утраченный Кіевъ, но умираетъ, не довершивъ предпріятія, вначалѣ успѣшнаго. Мѣсто его заступаютъ бодрые Ростиславичи, новые соперники Олеговыхъ внуковъ, предводимыхъ мятежнымъ Святославомъ. Между тѣмъ Андрей, могущественный въ Суздалѣ, замышляетъ утвердить власть свою на сѣверѣ покореніемъ Новагорода, управляемаго вопреки ему Романомъ, столь знаменитымъ впослѣдствіи: многочисленное войско подъ предводительствомъ Мстислава, разрушившаго Кіевъ, идетъ къ Новугороду и все на пути разоряетъ. Но великій Новгородъ твердо стоитъ за права свои, за честь народа, за славу предковъ—и войско Мстислава, разбитое мужествомъ ратнымъ и чудомъ небеснымъ, обращается въ бѣгство: что не взято въ плѣнъ, то гибнетъ на возвратномъ пути отъ голода въ земляхъ, грабительствомъ обращенныхъ въ пустыню. Въ сіе время Ростиславичи съ согласія Андреева господствуютъ въ Кіевѣ, но скоро союзъ между ими и Суздальскимъ княземъ разрушенъ. Возбужденный Олеговымъ внукомъ, Андрей вооружаетъ сильное войско. Ввѣренное послѣднему сыну его Георгію, оно соединяется съ дружинами Святослава Черниговскаго и имъ предводимое завоевываетъ Кіевъ; но оно покрываетъ себя стыдомъ при осадѣ ничтожнаго Вышегорода, гдѣ храбрость Мстислава Ростиславича торжествуетъ надъ безчисленными дружинами Андрея. Съ разстроенными ихъ остатками Георгій возвращается въ Суздаль и твердый отецъ его смиряется передъ новымъ бѣд-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ствіемъ, видя въ немъ наказаніе неба за поруганіе святыни церковной въ Кіевѣ. Южная столица отдана Ярославу Луцкому, союзнику и предателю Андрея, но постыдный миръ, заключенный имъ съ Святославомъ Черниговскимъ, побуждаетъ Ростиславичей снова прибѣгнуть къ Суздальскому князю и снова союзъ ихъ готовъ утвердиться... но вдругъ Андрей погибаетъ отъ ножа любимцевъ и слугъ своихъ: Суздальская область бунтуетъ; бездыханный трупъ государя, славнаго, мужественнаго, справедливаго и до конца дней своихъ любимаго, поруганъ; ненависть народная мститъ праху властителя за насилія вельможъ его.

Сіе убійство князя едва не наноситъ смертнаго удара и юному его княжеству, столь недавно сильному, а вдругъ раздробленному; Ростиславичи племени Георгіева, нареченные князьями на Владимірскомъ вѣчѣ, враждуютъ за него съ Михаиломъ, Андреевымъ братомъ. Минутное торжество сихъ князей неопытныхъ уничтожается грабительствомъ ихъ бояръ и собственною ихъ жадностью корысти. Приведенный въ ужасъ поруганіемъ чудотворной иконы Вышегородской, безумно отданной Глѣбу Рязанскому, Владиміръ, соперникъ Ростова, призываетъ Михаила: Ростиславичи изгнаны, усмиренный Глѣбъ возвращаетъ священную свою добычу, и тишина водворяется въ Суздальской области подъ властію князя, достойнаго власти. Но онъ княжитъ не болѣе двухъ лѣтъ: на тронъ его восходитъ двадцати-лѣтній Всеволодъ, третій именемъ, прославленный въ лѣтописяхъ титломъ Великаго.

Княженіе Всеволода начинается междоусобіемъ съ Ростиславичами сѣверными; ненависть древняго Ростова къ юному Владиміру вооружаетъ ихъ противъ великаго князя; но они побѣждены и взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ Глѣбомъ Рязанскимъ; Глѣбъ умираетъ въ темницѣ; а Ростиславичи, ослѣпленные взбунтовавшимися Владимірцами, возвращаютъ свободу и, чудомъ прозрѣвшіе, приняты Новымъ-городомъ. Раздраженный симъ своевольствомъ, Всеволодъ мститъ новогородцамъ разореніемъ областей ихъ; а они, ему въ досаду, призываютъ храбраго Мстислава Ростиславича, всегда готоваго на дѣла великія, который, ознаменовавъ кратковременное княженіе свое побѣдами въ Эстоніи, умираетъ, приготовляясь къ подвигамъ но-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вымъ. Избраніе на мѣсто его сына Святославова ссоритъ великаго князя съ Олеговымъ внукомъ. Святославъ княжившій тогда въ Кіевѣ, добровольно уступленномъ ему Ростиславичами, замысливъ изгнать ихъ изъ всѣхъ городовъ Днѣпровскихъ, начинаетъ войну и съ ними и съ великимъ княземъ; но Всеволодъ, встрѣтивъ его въ Суздальской области, одерживаетъ побѣду безъ сраженія и Святославъ удаляется въ Новгородъ, гдѣ принятъ какъ побѣдитель; а въ области Днѣпровской, гдѣ за враждующихъ князей съ обѣихъ сторонъ дерутся наемники ихъ половцы, Кіевъ по прежнему остается за Святославомъ, а Ростиславичи удерживаютъ города Днѣпровскіе. Покорность Новагорода, снова признавшаго верховную власть Всеволода, миритъ его съ Святославомъ. Тогда оружіе южныхъ князей обращается противъ общихъ враговъ: они одерживаютъ знаменитую побѣду надъ половцами на берегахъ Орели. Но сія побѣда возбуждаетъ завистливое славолюбіе неучаствовавшихъ въ ней князей Сѣверскихъ. Игорь, неустрашенный затмѣніемъ солнечнымъ, которое тмою путь ему прегородило, вступаетъ въ златое стремя, спѣша къ Дону великому, дабы преломить копье конецъ поля половецкаго и испить шеломомъ Дона. Къ нему присоединяется удалый братъ его Всеволодъ, яръ туръ въ битвѣ, съ дружинами курянъ, отважныхъ кметей, подъ трубами повитыхъ, подъ шеломами взлелѣянныхъ, концомъ копья вскормленныхъ, скачущихъ по полю сѣрыми волками, ища себѣ чести, а князю славы. Отваженные побѣдою въ первой битвѣ, князья русскіе неосторожно вступаютъ во глубину степей: дремлетъ храброе гнѣздо Олегово, далеко залетѣвъ, и половцы бѣгутъ имъ на встрѣчу неготовыми дорогами, стекаясь отъ Дона отъ моря, отъ всѣхъ странъ. Князья съ дружинами окружены: варвары крикомъ поля преграждаютъ, а витязи русскіе щитами червленными; наконецъ начинается бой отчаянный, продолжавшійся три дни: съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ булатныя копья, черна земля подъ копытами залита кровію, костями посѣяна; на третій день падаютъ знамена Игоревы: недостаетъ вина крова-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ваго и русскіе храбрые воины, пиръ докончавши и сватовъ попоивши, кладутъ свои головы за русскую землю, а Игорь, разлучившійся съ милымъ братомъ Всеволодомъ на брегѣ быстрой Каялы, вмѣстѣ съ нимъ и сыномъ отведенъ плѣнникомъ въ Половецкую землю. Скоро послѣ сего народнаго бѣдствія умираетъ Святославъ, состарѣвшій въ мятежахъ и коварствѣ, непостоянный въ союзѣ, врагъ чужихъ, своихъ и отечества для выгоды личной, но государь умный, цѣломудренный, трезвый и по наружности христіанинъ усердный. По смерти его снова загорается война междоусобная между Ростиславичами, овладѣвшими Кіевомъ [имъ помогаетъ великій князь], и Святославовымъ братомъ Ярославомъ [съ нимъ соединяется Романъ Волынскій]; но миръ особенный, заключенный не въ пользу Ростиславичей Всеволодомъ, который никого изъ враждующихъ не хочетъ усилить успѣхомъ, и смерть самого Ярослава прекращаютъ войну сію. И сей миръ скоро опять нарушенъ: Всеволодъ Черный, сынъ Святослава, беретъ Кіевъ и оскорбляетъ самого великаго князя изгнаніемъ сына его изъ южнаго Переяславля. Всеволодъ подымаетъ оружіе; но не дошедъ съ войскомъ до Москвы, съ пути на Черниговъ, вдругъ обращается на Рязань: ввергнувъ въ оковы князей Рязанскихъ, обвиненныхъ въ предательствѣ, онъ разрушаетъ упорствующій Пронскъ и однимъ ударомъ присвоиваетъ себѣ всю Рязанскую область. Между тѣмъ Всеволодъ Черный усмиренъ, и Рюрикъ Ростиславичъ снова въ Кіевѣ; но онъ уступаетъ его добровольно Чермному, беретъ въ замѣну Черниговъ и миръ утверждается между Ростиславичами, Олеговымъ родомъ и великимъ княземъ. Въ сіе время Новгородъ, дотолѣ безусловно покорный владычеству Всеволода, смирившаго наконецъ буйное вѣче, дерзновенно свергаетъ власть его и отдается Мстиславу, сыну Храбраго и столь же храброму. Всеволодъ, благоразумно умѣренный, избѣгаетъ новой войны, не мститъ новогородцамъ и остается въ согласіи съ Мстиславомъ. Наконецъ сей великій государь умираетъ не въ глубокой старости, княживши болѣе 35 лѣтъ, твердо и счастливо, не обинуясь лица сильныхъ и не туне нося мечъ ему Богомъ данный, благій для добрыхъ, строгій для злыхъ, иногда жестокій во мщеніи, въ бит-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вахъ мужественный, въ каждой побѣдитель, но и въ мужествѣ всегда осторожный, наконецъ могущій единовластитель въ своей области, если не въ цѣлой Россіи, сильный веслами Волгу раскропить и шеломами Донъ вычерпать. Въ гнѣвѣ на старшаго сына своего Константина онъ предъ смертію отдаетъ престолъ второму сыну Георгію и тѣмъ поселяетъ несогласіе между братьями.

Въ его знаменитое княженіе [коимъ утвердилось могущество сѣвернаго Владиміра, а сану великокняжескому возвращено утраченное уваженіе] происходятъ великія перемѣны въ области Галицкой. По долгомъ счастливомъ правленіи умираетъ Ярославъ галицкій, прозванный за умъ и за краснорѣчіе Осмомысломъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ государей своего времени, умѣвшій постигнуть, что государство внутреннимъ устройствомъ надежнѣе утверждается, нежели силою воинскою, другъ тишины, но всегда готовый къ войнѣ, которую велъ не самъ, а черезъ бояръ своихъ, увѣренный, что для государя дѣла гражданскія важнѣе военныхъ; наконецъ счастливый на тронѣ, но несчастный въ семейственной жизни супругою и сыномъ. Древній пѣвецъ, обращаясь къ нему, говоритъ: высоко сидишь ты на златокованномъ престолѣ, подперъ Угорскія горы своими полками желѣзными, заступивъ путь королю, затворивъ Дунаю ворота; грозы твои по землямъ текутъ; отворяешь врата Кіеву; стрѣляешь съ отцовскаго златаго престола въ земли далекія. Ярославовъ развратный сынъ Владиміръ, устраненный отъ престола отцемъ, но возведенный на него боярами и скоро ими низверженный, ищетъ защиты у венгровъ, находитъ одну неволю и Галицкая область покоряется Андрею, королю венгерскому. Озлобленный бунтомъ за Берладникова сына [разбитаго, плѣненнаго венграми и скоро умершаго въ плѣнѣ отъ яда], Андрей жестокимъ тиранствомъ своимъ обращаетъ народъ къ отверженному имъ Владиміру, который, спасшись бѣгствомъ изъ неволи, съ помощью ляховъ восходитъ опять на престолъ галицкій и сохраняетъ его до смерти подъ защитою сильнаго Всеволода. Съ кончиною Владиміра угасаетъ знаменитое племя галицкихъ Ростиславичей и мужественный Романъ волынскій возводитъ на галицкій тронъ Мо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

номахово потомсто. Государь великій, но тиранъ свирѣпый, ненавидимый боярами и народомъ, но твердый помощью ляховъ, Романъ удерживаетъ въ сильной рукѣ своей господство, дружится съ Андреемъ венгерскимъ, воюетъ во Ѳракіи съ половцами за Имперію, на Днѣпрѣ съ Ольговичами и тестемъ Рюрикомъ кіевскимъ [который имъ схваченъ и постриженъ], и наконецъ погибаетъ въ Польшѣ. Память о немъ долго сохраняется и въ его собственной Волынской области, гдѣ, властвуя безъ тиранства, онъ умѣлъ пріобрѣсть любовь народную, и въ земляхъ сосѣдственныхъ, испытавшихъ его оружіе и жестокость [особенно въ Литвѣ, гдѣ еще долго послѣ него жила пословица: Романе, Романе, не добромъ живеши, литвою ореши], и въ Галиціи, гдѣ ненависть народная къ отцу обращается на его семейство. Смерть Романа оставляетъ Галицкую землю на произволъ мятежей внутреннихъ и властолюбія сосѣдовъ, Ольговичей, поляковъ и венгровъ. Малолѣтные сыновья его Давидъ и Василько скитаются безъ пріюта съ своею матерью, прославленною великодушіемъ въ бѣдствіи, а ихъ наслѣдіе достается князьямъ Сѣверскимъ, сыновьямъ Игоря, которыхъ безумное междоусобіе скоро предаетъ Галичъ тиранству венгровъ. Соединенные бѣдствіемъ, Игоревичи возвращаютъ престолъ и снова теряютъ его отъ своей безразсудной свирѣпости, вооружившей на нихъ всеобщую ненависть: бояре зовутъ Даніила; съ помощью Андрея венгерскаго мужественный отрокъ восходитъ на тронъ Романовъ; а сыновья Игоря [кромѣ Владиміра, спасшагося бѣгствомъ], выданные измѣною венгровъ, мучительски умерщвлены мстительными боярами.

При восшествіи на престолъ Георгія Всеволодовича, освободившаго изъ заточенія князей рязанскихъ, область Владимірская является раздробленною на нѣсколько удѣловъ: между Константиномъ и Георгіемъ загорается междоусобіе, но оно скоро прекращено ненадежнымъ миромъ. Въ то время въ Новѣгородѣ владычествуетъ мужественный Мстиславъ. Къ его защитѣ прибѣгаютъ сыновья и племянники умершаго Рюрика Ростиславича, изгнанные изъ городовъ днѣпровскихъ Всеволодомъ Чермнымъ. Подобно отцу всегда готовый на дѣла великія, Мстиславъ вооружается, идетъ на югъ съ дружинами новогородскими и смоленскими,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

война рѣшена однимъ ударомъ, утраченныя области возвращены Ростиславовымъ внукамъ, а Всеволодъ Чермный, изгнанный изъ Кіева, умираетъ въ Черниговѣ, оставивъ престолъ сыну Михаилу. Тогда Мстиславъ, уже давно обратившій тайные замыслы на отдаленный, мятежами растерзанный Галичъ, удаляется въ южную Россію, ободривъ опечаленныхъ новогородцевъ обѣтомъ явиться къ нимъ по первому крику народнаго бѣдствія. Сія минута скоро наступаетъ. Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій, зять Мстислава, призванный на его мѣсто, князь умный и бодрый, но жестокій, начинаетъ княженіе свое строгостію: поссорясь съ новогородцами, онъ удаляется въ Торжокъ и явною враждою, заточеніемъ и ссылкою многихъ гражданъ, бѣдствіемъ голода, имъ самимъ произведеннаго, доводитъ Новгородъ до отчаянія; народъ вопіетъ; князь его неумолимъ; вдругъ на дворѣ Ярославовомъ является вѣрный Мстиславъ; Новгородъ оживаетъ; знамя войны воздвигнуто и славная Липецкая битва, отмстивъ Ярославу, рѣшаетъ въ то же время и судьбу великаго княжества Владимірскаго: Георгій, державшій сторону Ярослава [и вмѣстѣ съ нимъ передъ битвою въ шатрѣ своемъ раздѣлившій Россію], низверженъ, а старшій братъ его Константинъ, Мстиславовъ союзникъ, возведенъ на престолъ Владимірскій.

Сей князь благодушный, заступникъ за Ярослава передъ раздраженнымъ его тестемъ, примиренный съ Георгіемъ, который нареченъ отъ него наслѣдникомъ, властвуетъ кротко и возбуждаетъ въ князьяхъ, боярахъ, гражданахъ и своихъ домашнихъ искреннюю къ себѣ любовь; но, чуждый и справедливой строгости, оставляетъ ненаказаннымъ страшное преступленіе князей рязанскихъ, Глѣба и Константина, совершившихъ разомъ шесть братоубійствъ на дружескомъ пиршествѣ, которое уготовали они для погибели своихъ родственниковъ. Избѣгнувъ суда человѣческаго, Глѣбъ не избѣгаетъ суда небеснаго: надъ нимъ совершается бѣдствіе древняго Святополка; пораженный Ингваремъ рязанскимъ, онъ бѣжитъ въ половецкія степи, но тамъ погибаетъ, обезумленный мстящею совѣстію. Константинъ, послѣ трехлѣтняго мирнаго властвованія, умираетъ оплаканный всѣмъ народомъ, и Георгій Всеволодовичъ вторично восходитъ на тронъ отца своего.

*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Роковое имя сего князя невольно возбуждаетъ въ душѣ благоговѣйный трепетъ: оно говоритъ о ужаснѣйшемъ бѣдствіи нашего отечества, о началѣ временъ, передъ коими всѣ минувшія, столь смятенныя и тяжкія, должны казаться золотыми; оно невольно обращаетъ мысль и на судьбу всего человѣчества. Произнося его, воспоминаемъ, что въ жизни народовъ, какъ и въ жизни природы, бываютъ сіи волканическія потрясенія, конхъ никакая человѣческая мудрость ни отвратить, ни преодолѣть не въ силахъ: надолго исчезаетъ общее благоденствіе и цѣлыя столѣтія проходятъ въ бѣдствіяхъ прежде, нежели новое счастливѣйшее поколѣніе мирно разцвѣтетъ на лавѣ минувшихъ лѣтъ, надъ безмолвными остатками предковъ, ею нѣкогда поглощенныхъ. Зло порождаетъ наконецъ благо. И о семъ необходимомъ, быстромъ или позднемъ, произрастеніи блага на почвѣ бѣдствій, удобряемой бодрствующимъ провидѣніемъ, утѣшительно проповѣдуетъ намъ исторія. Извлекая изъ событій свои наставленія, она говоритъ человѣчеству: ничто не зиждется слабою волею человѣка; одинъ есть вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго—время! Оно послушно единому Богу. Она говоритъ властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете—онъ васъ покинетъ; повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—онъ васъ раздавитъ. Ваше могущество не въ одномъ державномъ владычествѣ—оно и въ достоинствѣ и въ благоденствіи вашего народа. Она говоритъ народамъ: покорствуйте порядку; сносите съ достоинствомъ и твердостію бремя настоящаго; свергнуть его силою—есть произвольно отворить жерло волкана: лава его можетъ быть плодотворна, но для временъ отдаленныхъ; губить настоящее для пользы грядущаго есть преступленіе безумства, которое прихотливо зажигаетъ домъ свой, въ надеждѣ, что изъ пепла его воздвигнется лучшій. Наконецъ она говоритъ каждому: храни святыню клятвы и закона; знай свое мѣсто на землѣ и стой на немъ твердо; какъ человѣкъ, образуй себя для высшаго міра и твори, что велитъ совѣсть, просвѣщенная христіанствомъ; какъ гражданинъ, совершай вполнѣ, что велитъ особенный долгъ твой;

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

люби общее благо, но заботься только о ввѣренномъ тебѣ частномъ; тамъ нѣтъ закона, гдѣ каждый законодатель; тамъ нѣтъ свободы, гдѣ каждый властитель; гдѣ каждый на своемъ мѣстѣ покоренъ закону, тамъ и для всѣхъ совокупно нѣтъ другаго властителя, кромѣ закона. Таковы совѣты исторіи, которымъ мы властны послѣдовать. Но она говоритъ намъ и о неизбѣжномъ, о такомъ, гдѣ наша воля ничто передъ высшею, все одолѣвающею силою. Она говоритъ намъ, что бываютъ времена темныя, въ коихъ для самаго зоркаго ока видимо одно только испытующее провидѣніе и невидимы тайные пути его. Счастливъ властитель, счастливъ народъ, коихъ подобныя времена застаютъ неразслабленными, которые въ стремительномъ ихъ потокѣ не теряютъ ни собственнаго достоинства, ни дѣятельности бодрой, ни сладкой надежды на лучшее. Чтобъ вѣрить сему лучшему, довольно произнести одно слово: Богъ! Исторія человѣчества есть Богъ въ своихъ дѣйствіяхъ.—Сіи темныя времена испытанія наступаютъ для Россіи во дни Георгія Всеволодовича; но они застаютъ Россію разслабленною: нѣтъ единства, нѣтъ союза, нѣтъ нравовъ, нѣтъ истинной силы властителей, нѣтъ достоинства народнаго, нѣтъ государства. Такая Россія способна ли устоять передъ нашествіемъ великаго бѣдствія, и что должно съ нею совершиться, когда сіе великое бѣдствіе одолѣетъ ее?

Въ началѣ Георгіева княженія мы видимъ храбраго Мстислава еще княземъ новогородскимъ; но скоро онъ опять удаляется въ южную Россію, призванный бѣдствіями Галицкой области. Тамъ бунтуютъ мятежные бояре; юноша Даніилъ лишенъ престола; великодушная мать его должна спасаться бѣгствомъ; венгры, поляки [другъ другу завидующіе, но согласные въ намѣреніи задушить рождающееся могущество Галича], Мстиславъ Нѣмый, Александръ Бѣльскій и вельможа галицкій Владиславъ волнуютъ и рвутъ на части бѣдную область; наконецъ съ общаго согласія она отдана Коломану венгерскому; поляки получаютъ свои участки, а сыновья Романовы ограничены удѣлами въ Волыніи: миръ возстановленъ, но скоро опять нарушенъ утѣсненіемъ вѣры народной и враждою Андрея съ Лешкомъ польскимъ, который, утративъ галицкіе удѣлы свои, обращается наконецъ къ Мсти-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

славу новогородскому, дабы его мужествомъ сокрушить владычество венгровъ. Мстиславъ является, быстро завоевываетъ Галичъ, усыновляетъ Даніила, отдавъ за него свою дочь; но скоро долженъ воевать съ соединившимися противъ него ляхами и венграми, сначала побѣжденъ, потомъ, усиленный союзомъ съ половцами, одерживаетъ рѣшительную побѣду, беретъ въ плѣнъ самого Коломана и [болѣе воинъ, нежели политикъ], повѣривъ хитрымъ совѣтамъ вельможи Судислава, заключаетъ миръ, выгодный для одного побѣжденнаго короля венгерскаго, коего малолѣтному сыну обѣщана въ супружество другая дочь Мстислава и вмѣстѣ съ нею, какъ приданое, вся Галицкая область.

Между тѣмъ Новгородъ, покинутый мужественнымъ княземъ своимъ, борется со внутренними неустройствами и съ нападеніями враговъ внѣшнихъ. Еще во время Всеволода Великаго, по слѣдамъ Мейнгарда, перваго латинскаго проповѣдника и строителя первой латинской церкви въ Ливоніи, является тамъ властолюбивый Албертъ, воинъ-епископъ, основатель Риги и ордена меченосцевъ. Южная Ливонія покорена мечемъ кресту; Албертъ раздѣляетъ ее съ своими рыцарями, признающими верховную власть его, и вездѣ воздвигаются крѣпкіе замки воинственныхъ поборниковъ вѣры. Съ другой стороны являются литовцы, дотолѣ данники Россіи, теперь враги опасные, возмужавшіе въ бѣдственныхъ ея междоусобіяхъ. Тогда же на берегахъ сѣверной Эстоніи утверждаются датчане, коихъ мужественный король Вальдемаръ строитъ Колывань или Ревель, и грабительствуютъ шведы, уже испытавшіе силу новогородцевъ, которые, приставъ къ берегамъ Швеціи недалеко отъ Стокгольма, разрушили до основанія городъ Одиновъ—Сигтуну. Принужденные бороться съ сосѣдами сильными, новогородцы призываютъ наконецъ своего бывшаго врага, Ярослава Всеволодовича, который вноситъ войну въ сѣверную Ливонію, гдѣ продолжаютъ свирѣпствовать шведы и датчане, и гдѣ наконецъ отчаяніе народа, вспыхнувшее въ общемъ бунтѣ, ниспровергаетъ Спасителевъ крестъ, водруженный кровавымъ мечемъ враждующихъ между собою пришельцевъ.

Въ сіе-то смутное время, въ первый разъ, въ 1224 году, по всей Россіи раздается слухъ о татарахъ. Орды монголовъ, до-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

толѣ таившіяся въ отдаленной Азіи подъ игомъ татаръ-ніучей, но вдругъ освобожденные сильною рукою Чингисхана и вмѣстѣ съ нимъ непобѣдимые, подъ грознымъ именемъ монголо-татаръ, быстро завоевываютъ все необъятное пространство Азіи отъ Аральскаго моря до Инда. Еще громъ распадающихся царствъ не достигъ до Россіи, беззаботно терзающей свою внутренность, а Чингисхановы завоеватели уже проникаютъ сквозь ущелія Кавказа, и, побѣдивъ антовъ, преслѣдуя половцевъ, подходятъ къ южнымъ ея предѣламъ. Ея князья, взволнованные ужасомъ бѣглецовъ половецкихъ, безразсудно вступаются за прежнихъ грабителей земли русской. Со всѣхъ сторонъ изъ южной Россіи [преступно оставленной на произволъ судьбы великимъ княземъ] сходятся войска на берега Днѣпра. Умерщвленіе пословъ татарскихъ рѣшитъ войну, а гибельное честолюбіе вождя, Мстислава галицкаго, который одинъ хотѣлъ схватить побѣду, и бѣгство малодушныхъ половцевъ—рѣшитъ плачевную битву на Калкѣ. Русское войско съ шестью князьями истреблено; Мстиславъ и вѣрный сподвижникъ его Даніилъ спасаются бѣгствомъ въ Галичъ, а ополченіе татаръ [коего вожди, сидя на плѣнныхъ, раздавленныхъ подъ досками князьяхъ, празднуютъ на полѣ битвы побѣду] преслѣдуетъ бѣгущихъ до Днѣпра, но вдругъ обращается на востокъ и исчезаетъ, какъ страшное привидѣніе.

Сей громовой ударъ остерегающаго промысла пробудилъ ли Россію? Нѣтъ! увлекаемые рокомъ, ея князья безумными распрями продолжаютъ изнурять силы свои, столь нужныя для отраженія вооружающагося на нихъ порабощителя. Бунтующій Новгородъ, принужденный сражаться съ ливонскими рыцарями и отбивать нападенія литовцевъ, болѣе и болѣе дерзкихъ, опустошаемый голодомъ и моромъ, колеблющійся между враждующими за него Ярославомъ Всеволодовичемъ и Михаиломъ черниговскимъ, наконецъ остается во власти перваго, который скоро потомъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, повѣряетъ его юному сыну Александру, столь знаменитому въ послѣдствіи. Между тѣмъ въ Галицкой области горитъ война. Мстиславъ, ея обладатель, ссорится съ нареченнымъ зятемъ, Андреевымъ сыномъ, и, побѣдивъ его, снова неблагоразумнымъ миромъ теряетъ всѣ выгоды побѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ды: супружество Мстиславовой дочери съ побѣжденнымъ княземъ утверждаетъ за венграми Галицкую область. Черезъ нѣсколько времени Мстиславъ умираетъ, горько раскаяваясь въ несправедливости къ пренебреженному имъ Даніилу. Сей бодрый князь оружіемъ добываетъ Галичъ, беретъ въ плѣнъ Андрея, великодушно возвращаетъ ему свободу, но, одолѣвши брата его Белу, самъ, побѣжденный коварствомъ бояръ и хитрымъ сосѣдомъ Александромъ Бельзскимъ, принужденъ уступить Андрею престолъ, и снова по смерти Андреевой на него восходитъ, избранный вопреки боярамъ любовію народа. Но онъ владычествуетъ недолго: пораженный половцами въ несчастной войнѣ съ Михаиломъ черниговскимъ за кіевскаго князя Владиміра [взятаго варварами въ плѣнъ], онъ теряетъ и Галичъ, завоеванный Михаиломъ. Напрасно предлагаетъ онъ союзъ и покорность венгерскому королю Белѣ, наслѣднику Андрея: раздробленіе Галицкой области полезнѣе венграмъ союза съ единовластными князьями ея, и Михаилъ остается въ Галичѣ, а сынъ Романовъ принужденъ довольствоваться однимъ Перемышлемъ.

Такъ проходятъ тринадцать лѣтъ послѣ кровавой битвы на Калкѣ. Между тѣмъ Чингисханъ умираетъ. Октай, его сынъ, наслѣдуетъ могущество и завоевательные замыслы отца своего. Посланный имъ Батый съ тремя стами тысячъ монголовъ идетъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря, и скоро потомъ приближается къ Волгѣ. Ниспровергнувъ столицу болгаровъ, онъ быстро вторгается въ предѣлы Россіи. Первою жертвою варваровъ становятся южныя области Рязани, преданной имъ виновною беззаботностію Георгія: Пронскъ, Бѣлгородъ, Изяславецъ истреблены; Рязань погибаетъ вмѣстѣ съ своимъ княземъ и всѣмъ народомъ. Батый, изумленный мужествомъ Евпатія, напавшаго съ горстію храбрыхъ на все его ополченіе, устремляется къ сѣверу, поражаетъ русское войско въ Коломенской битвѣ, жжетъ Москву, разрушаетъ Владиміръ [гдѣ сыновья великаго князя, Всеволодъ и Мстиславъ, гибнутъ среди дружины, а все остальное семейство его во пламени], и страшно подвигается впередъ, какъ огненная лава. Городецъ Волжскій, Костромской Галичъ, Ростовъ, Ярославль, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дмитровъ и еще четырнадцать городовъ разомъ разрушены; наконецъ на берегахъ Сити, вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и великимъ княземъ, погибаетъ послѣдняя надежда Россіи: плѣненный Василько зарѣзанъ и брошенъ въ лѣсу, Волокъ-Ламскій, Тверь, Торжокъ сожженны; Новгородъ ждетъ истребленія. Но за сто верстъ отъ сего города, устрашенный лѣсами и болотами сѣвера, Батый внезапно обращается на югъ, и, уничтоживъ Козельскъ, коего мужественные жители падаютъ всѣ на трупахъ пораженныхъ ими враговъ, уходитъ къ Дону въ половецкія степи. Ярославъ Всеволодовичъ спѣшитъ изъ Кіева принять достоинство великокняжеское на развалинахъ сокрушеннаго Владиміра.

Что представляется намъ, когда обращаемъ глаза на сіи неполные два вѣка, протекшіе отъ смерти Ярослава до истребительнаго Батыева нашествія? Печальное зрѣлище великой державы, влекомой самими властителями ея къ бездѣ погибели. Въ концѣ сего періода мы видимъ Россію въ совершенномъ безсиліи; но еще ни одна изъ областей ея не тронута мечемъ иноземнаго завоевателя, ибо сосѣды, хотя уже болѣе опасные, не достигли еще всего своего могущества. Еще Литва, столь грозная для нея впослѣдствіи, высылаетъ на нее однѣ нестройныя, легко отражаемыя толпы разбойниковъ; на западныхъ предѣлахъ, противъ поляковъ и венгровъ, счастливымъ случаемъ, стоятъ на стражѣ князья мужественные: Владимірко, Ярославъ, Романъ волынскій и Мстиславъ новогородскій; епископы рижскіе и меченосцы только-что начинаютъ утверждаться въ упорствующей Ливоніи; болгары, невоинственные какъ и прежде, неподвижны за Волгою; сами половцы, главные враги сего времени, ослабленные счастливыми побѣдами Мономаха, Мстиславовъ и Всеволода, страшны однимъ грабительствомъ и союзами съ враждующими между собою князьями, а не силою завоевательною. Однимъ словомъ, еще вся Ярославова Россія существуетъ, а могущество ея уже исчезло.

Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнію мира мужаетъ власть верховная; твердою законностію утверждается на частномъ благоденствіи благоденствіе общее; становятся ясны взаимныя отношенія между государемъ и подданными: любовь и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

уваженіе властителя къ народу производитъ любовь и уваженіе народа къ властителю; тогда глубоко врѣзывается въ сердца и любовь къ отечеству, не то естественное чувство, коимъ лапландецъ прикованъ къ снѣжнымъ сугробамъ сѣвера, а бедуинъ къ раскаленнымъ пескамъ пустыни; но высокое чувство благороднаго гражданина, для котораго въ одно слово — отечество, соединяется все, что драгоцѣнно душѣ человѣческой—и небо отчизны, и счастливая подъ нимъ страна отцевъ и братьевъ, и величіе властителя, неразлучное съ величіемъ народа, съ благоденствіемъ всѣхъ, съ достоинствомъ каждаго, и свобода, хранимая закономъ, и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее высокое назначеніе человѣка, и религія, на все кладущая лучезарную печать свою, и въ минувшемъ славный примѣръ отцевъ, великихъ гражданскою доблестію, или мужествомъ браннымъ, или творческою мыслію, и въ настоящемъ чувство высокой, дѣятельно-полезной, ничѣмъ не стѣсняемой жизни, и въ будущемъ спокойное ожиданіе лучшаго. Съ такою любовію къ отечеству въ душѣ государя— благоденствіе народное твердо, въ душѣ народа — могущество государя непотрясаемо.

Но что же могло породить ее въ сіи времена раздоровъ, буйнаго самовластія и неразлучнаго съ нимъ безначалія? Понятіе о благѣ народа, начинавшее разсвѣтать въ душѣ Владиміра и Ярослава—которые, властвуя долго, могли постигнуть великія обязанности властителей—затмѣвается совершенно для ихъ послѣдователей. Князья воюютъ между собою и своими враждами разоряютъ отечество или предаютъ его на произволъ иноземныхъ грабителей. Напрасно въ сей общей битвѣ раздается примирительный голосъ Мономаха: его душа, пролетѣвшая, какъ свѣтлый призракъ благоденствія, надъ мрачнымъ полемъ бѣдствій всеобщихъ, оставляетъ одно умилительное воспоминаніе потомкамъ; но жребій отечества не измѣняется. Князья съ неограниченною, но мало надежною властію, народъ съ безусловнымъ, но часто мятежнымъ рабствомъ, соединенные безъ любви взаимной единою необходимостію, ожесточаются среди междоусобій, ежеминутно возжигаемыхъ или жаднымъ хищничествомъ, или неопредѣленностію наслѣдственнаго права, или родовою ненавистію, или прихотливымъ буйствомъ и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мужествомъ безпокойнымъ. Въ семъ необузданномъ мятежѣ страстей нравственная сила государства исчезаетъ. Тѣнь христіанства, одинъ языкъ и общая ненависть ко врагамъ невѣрнымъ составляютъ еще слабую связь разрушеннаго государственнаго тѣла; но добродѣтели гражданскія не существуютъ: развращаемыя хищничествомъ, предательствомъ и притѣсненіями князей, ожесточаемыя ненаказаннымъ грабительствомъ бояръ и любимцевъ княжескихъ, нравы народа свирѣпѣютъ; любовь къ отечеству гаснетъ и самое безмолвное рабство нерѣдко является раздраженнымъ бунтомъ. Одно только мужество личное зрѣетъ; но и оно не иное что, какъ дикая удалость, питаемая корыстію или мятежнымъ желаніемъ славы. Съ нравственною силою государства разрушается и его сила матеріальная. Падаетъ величіе Кіева и сѣверный Владиміръ заступаетъ его мѣсто. Но сіе событіе, печальное въ настоящемъ, спасительно для будущаго. Андрей, утвердивши престолъ во Владимірѣ, предаетъ полуденную Россію на произволъ междоусобій внутреннихъ; но, оставшись въ Кіевѣ, онъ вѣроятно не одолѣлъ бы многочисленныхъ враговъ своихъ, а сѣверная Россія не могла бы образоваться и сдѣлаться наконецъ могущественно-самобытною. Удалясь на сѣверъ, менѣе взволнованный мятежами, не столь привлекательный для жадныхъ грабителей, не угрожаемый сосѣдами сильными, онъ сосредоточиваетъ въ немъ силу великокняжескую и приготовляетъ его нѣкогда быть колыбелью единодержавія. Но примѣръ Андрея, постигшаго сію спасительную мысль единодержавія, мало дѣйствуетъ на его послѣдователей: самъ Великій Всеволодъ, умѣвшій присвоить себѣ власть единую, дѣлитъ наслѣдіе Андреево между дѣтьми, неспособными властвовать; а сынъ его Георгій своею преступною беззаботностію о благѣ общемъ губитъ себя и Россію. Тогда начинается грозное испытаніе варварскаго иноземнаго рабства, продолжавшееся болѣе двухъ столѣтій.

Что же, однимъ словомъ, низвергло отечество наше въ сіе долговременное бѣдствіе? Съ одной стороны раздробленіе государства, которымъ уничтожалась его сила матеріальная; съ другой несчастное отношеніе государей къ подданнымъ, которымъ въ самомъ зародышѣ умерщвлена была его нравственная

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сила. Мы увидимъ, что съ утвержденіемъ первой и постепеннымъ развитіемъ послѣдней въ могучее самодержавіе, Россія воскреснетъ, собственною силою возратитъ свободу, и наконецъ, облагороженная великою душою нѣкоторыхъ государей, займетъ свое мѣсто между образованными державами Европы, дабы нѣкогда сравниться съ ними во всемъ, что составляетъ истинное достоинство всякаго государства.

. . . . . .

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Рустемъ и Зорабъ [стр. 1]. Этой поэмой начинался 1-й томъ «Новыхъ стихотвореній», составившій потомъ 6-й томъ 5-го изданія. Онъ вышелъ въ 1849 г., а процензурованъ былъ еще въ іюлѣ 1847 г. Переводъ былъ начатъ въ 1844 г., но съ января 1845 г. пріостановленъ почти на два года. «Эта поэма не есть чисто персидская, писалъ Жуковскій къ Зейдлицу. Все лучшее въ поэмѣ принадлежитъ Рюккерту. Мой переводъ не только вольный, но и своевольный: я многое выбросилъ и многое прибавилъ». Изъ этихъ прибавокъ самыя существенныя: эпизодъ прощанія съ конемъ и явленіе дѣвы ночью къ тѣлу Зораба. «Это не умершая Темина, а живая Гурдаферидъ, которая пророчила Зорабу безвременную смерть и обѣщала плакать по немъ». Выключены же изъ Рюккерта эпизоды, ничего не прибавляющіе къ развитію дѣйствія и вообще изложеніе у Жуковскаго сокращеннѣе. Размѣръ стиховъ принадлежитъ также Жуковскому; у Рюккерта вся поэма написана 6-стопными стихами.

Къ русскому великану [стр. 149]—стихотвореніе это появилось въ сентябрѣ 1848 г. въ Спб. Вѣдомостяхъ, и оттуда перепечатано въ Сѣверной Пчелѣ, Журналѣ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и въ Москвитянинѣ № 9, а за тѣмъ въ XII-мъ посмертномъ томѣ «сочиненій». При первомъ напечатаніи два послѣднихъ стиха были измѣнены кн. Вяземскимъ, что вызвало неудовольствіе Жуковскаго [см. въ т. VI, стр. 580].

Четыре сына Франціи [стр. 150] напечатано въ Москвитянинѣ 1849, № 8, и въ посмертномъ изданіи. Написанныя послѣ 1-го напечатанія 4 строфы нынѣ печатаются въ первый разъ.

Стихотворенія для дѣтей [стр. 156]. Прежде всего просимъ извиненія у читателей за нелѣпую опечатку надъ этими

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

стихами и вверху страницъ 156 — 161, гдѣ вмѣсто «1851 года» по ошибкѣ корректора явился «1849 годъ». Стихотворенія, помѣщенныя на этихъ страницахъ были написаны всѣ въ 1851 г. и напечатаны вначалѣ 1852 г. отдѣльною книжечкою, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. 1852.» Въ ней было шесть стихотвореній: 1) Птичка, 2) Котикъ и козликъ, 3) Жаворонокъ, 4) Мальчикъ съ пальчикъ, 5) Царскосельскій лебедь и 6) Народная пѣсня. Послѣднее стихотвореніе составляетъ впрочемъ перепечатку помѣщеннаго въ нынѣшнемъ изданіи на стр. 149 тома III: «Боже царя храни!»

Царскосельскій лебедь [стр. 160]. На экземплярѣ предыдущей книжечки, подаренномъ Жуковскимъ прот. Базарову, сдѣлана авторомъ помѣта: «Этотъ лебедь не выдумка, а правда. Я самъ видѣвъ въ Царскомъ Селѣ стараго лебедя, который всегда былъ одинъ, никогда не покидалъ своего уединеннаго пруда и когда являлся въ обществѣ молодыхъ лебедей, то они поступали съ нимъ весьма неучтиво. Его называли екатерининскимъ лебедемъ». А въ письмѣ къ Плетневу [7 декабря 1851] Жуковскій писалъ: «Посылаю вамъ новые мои стихи, біографію лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ великую княгиню Марію Николаевну, которая была мнѣ явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину лебедя въ стихахъ... но вышелъ не простой лебедь.» На основаніи этого письма мы и хотѣли помѣстить Лебедя [какъ и слѣдуетъ] послѣ стихотворенія къ «Великой княгинѣ» [стр. 162—163], но обратная перестановка стихотвореній для дѣтей увлекла съ собою опять и «Лебедя» и повела къ указанной выше опечаткѣ въ годѣ.

Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ [стр. 162]. Стихотвореніе это было напечатано на отдѣльномъ листкѣ, въ 4 страницы, синими чернилами, съ изображеніемъ лавроваго вѣнка въ заголовкѣ. Оно перепечатано въ Р. Архивѣ 1869 г., № 2, откуда и взято въ нынѣшнее изданіе.

Видѣніе Іоанна Богослова [стр. 164]. Это одинъ изъ первоначальныхъ набросковъ для поэмы «Вѣчный жидъ»; онъ въ первый разъ былъ напечатанъ въ 6-мъ изданіи сочиненій.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Агасверъ [стр. 167]. Послѣдняя поэма Жуковскаго, надъ которою застала его смерть, является въ нынѣшнемъ изданіи въ первый разъ такою, какой она вышла изъ подъ пера Жуковскаго. Посмертный издатель его произведеній, гр. Блудовъ, очень безцеремонно обошелся съ нею, исправивъ въ ней значительную долю стиховъ. Въ этихъ исправленіяхъ принималъ участіе и Плетневъ, такъ что между поправщиками происходили споры, такъ напр. въ стихѣ Жуковскаго: «Я стражду, какъ никто и сонный не страдалъ» [стр. 175]. Плетневъ поправилъ: «и въ грёзахъ не страдалъ», но гр. Блудовъ не одобрилъ этой поправки и зачеркнувъ «я», устроилъ стихъ такъ: «Стражду, какъ никто въ семъ мірѣ не страдалъ». Въ такомъ родѣ всѣ поправки и всѣ безъ исключенія въ ущербъ тексту Жуковскаго, при чемъ выразительные, энергическіе, образные стихи обращались въ канцелярскую прозу, какъ напр. [стр. 192]:

Но провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело — и цѣпью бури
Корабль нащъ былъ прикованъ къ берегамъ

обратились въ такіе стихи:

Меня невидимо [!!] къ нему путемъ
Великой бури привело и той же бурей и пр.

или же [стр. 199]:

Мы о тебѣ скорбимъ, богоизбранный,
Богоотверженный Израиль...

замѣнены были такой прозою:

Мы о тебѣ скорбимъ, избранный Богомъ
И имъ отверженный Израиль!...

Вмѣсто: «который ядомъ слова одного такъ жизнь мою убилъ», поставлено: «который силой слова одного»... и т. д. Нѣтъ возможности передать всѣхъ этихъ искаженій и внимательный читатель самъ найдетъ ихъ, сравнивъ нашъ текстъ съ текстомъ 6-го изданія; мы же замѣтимъ только, что всѣхъ особенно значительно искаженныхъ стиховъ насчитывается до 85,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

не включая поправокъ вродѣ неправильной разстановки знаковъ, напр. «Ихъ трупы бралъ на плечи и зубами, скрежеща отъ зависти, въ могилу относилъ».

Не то же самое выходитъ: «погибъ Господній градъ» и «погибъ Ерусалимъ», какъ значится по поправкѣ, или: «колодникъ изнуренный» гр. Блудова едва ли лучше, чѣмъ «измученный колодникъ» Жуковскаго.

Текстъ въ нынѣшнемъ изданіи мы возстановили по корректурѣ посмертнаго изданія, которая была набрана съ рукописи и потомъ уже подверглась «исправленіямъ». Но когда томъ былъ отпечатанъ, П. И. Бартеневъ доставилъ намъ свой списокъ, сдѣланный имъ съ подлинной рукописи. Оказалось, что этотъ списокъ вполнѣ совпадаетъ съ первымъ текстомъ корректуры, но сверхъ того даетъ еще и хронологическія указанія, потому что въ немъ отмѣчено время, въ которое написаны извѣстные стихи. О началѣ поэмы самъ Жуковскій въ письмѣ къ Плетневу [13 октября 1851] говоритъ, что первые стихи поэмы были написаны назадъ тому лѣтъ десять, т. е. около 1841 г.; продолженіе же, какъ значится въ рукописи г. Бартенева, «начато 8 [20] іюля 1851 г. въ Баденѣ», а за тѣмъ отмѣчено противъ 601 стиха [въ амфитеатрѣ и пр.] 12 сентября; противъ 761 [передавая... о животворящій]—13 сентября; противъ 801 [еще неоткровенная]—14 сентября; противъ 827 [бросаются, кипятъ] — 15 сентября; 859 [ни помышлять, ни говорить]—16 сентября; 914 [непомраченные часъ отъ часу]—17 сентября; 916 [моей душѣ сіяетъ]—26 ноября. Далѣе идутъ уже помѣты 1852 года: противъ 920 [по морю гладкому]—17 февраля; 950 [въ единое слилось славохваленье]—19 февраля; 997 [сіяющій увидѣлъ]—21 февраля; 1016 [начало и конецъ]—23 февраля; 1049 [въ страну моихъ отцовъ]—24 февраля; 1091 [о прежней славѣ]—25 февраля; 1145 [предъ Богомъ жертвенникъ]—28 февраля; 1171 [къ ногамъ отца]—2 марта; 1173 [на высотѣ Голгофы]—4 марта; 1195 [когда взошелъ на верхъ]—6 марта; 1230 [Господній градъ]—8 марта; 1296 [сокровище имъ избранное]—9 марта; 1314 [передъ моимъ спасителемъ]—10 марта; 1353 [и наконецъ, по долгой]—11 марта; 1362 [неизглаголанное водворяетъ]—13 марта; 1400 [подателю

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

питаю]—15 марта; 1489 [раскаянье хранитъ]—16 марта; 1510 [свобода, наша мудрость]—18 марта; 1561 [его созданія въ моей душѣ]—30 марта; 1612 [тысячелѣтіе къ концу подходитъ]—31 марта. Слѣдовательно послѣдніе 14 стиховъ [1612—1625] написаны за 12 дней до кончины поэта.

Изъ рукописи П. И. Бартенева оказывается, что и раздѣленіе поэмы на прологъ и двѣ части принадлежитъ тоже гр. Блудову. — Какъ все на мѣстѣ и какъ точно было у Жуковскаго можно видѣть изъ небольшаго примѣра: три года спустя послѣ смерти Жуковскаго и за два года до перваго напечатанія «Вѣчнаго жида», въ «Православномъ Собесѣдникѣ» [1855, кн. I] въ письмѣ св. Игнатія къ римскимъ христіанамъ, ходатайствовавшимъ за него, напечатано: «я пшеница Божія, пусть измелютъ меня зубы звѣрей, да содѣлаюсь чистымъ Христовымъ хлѣбомъ». У Жуковскаго онъ говоритъ:

Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ...

Розы [стр, 215]—напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1856, № 1, и оттуда въ посмертномъ изданіи. Поэту къ послѣднему дню его рожденія [29 января 1852] назначался въ подарокъ рисунокъ изъ бѣлыхъ розъ, которыхъ стебли были расположены въ видѣ креста, а въ письмѣ при рисункѣ была просьба, выразить въ стихахъ мысль его и вписать ихъ въ вѣнокъ. Подарокъ дошелъ до Жуковскаго только въ мартѣ.

Оканчиваемъ отдѣлъ стихотвореній поправками своихъ недомолвокъ, ошибокъ и пропусковъ:

КО II ТОМУ.

Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С...ой [стр. 5 и 492]—должны быть отнесены къ 1808 г. Они напечатаны безъ подписи въ № 13 Вѣстника Европы 1808 г., при чемъ вмѣсто «А. Ѳ. С—ой» обозначено: «А. В. С.»

Посланіе къ *** [стр. 38 и 492], первоначально напечатанное, безъ подписи, въ № 7 Московскаго Телеграфа 1827 г. [стр.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

105], недавно напечатано въ Русскомъ Архивѣ [1878, № 3] съ автографа, по которому стихи 9 и 10 снизу, на стр. 38, читаются:

Неизъяснимымъ упованьемъ
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ.

Стихотвореніе это относится къ Василью Алексѣевичу Перовскому и помѣчено «23 іюля», но безъ означенія года, о которомъ замѣчено редакціей: «писано послѣ 1818 года».

Смерть Іисуса [стр. 87]—прозаическій переводъ этой кантаты Рамлера, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, напечатанъ въ Спб. въ 1821 году.

Воспоминаніе [стр. 352] въ первый разъ напечатано въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., № 9.

Ангелъ и пѣвецъ [стр. 393], подробное описаніе праздника, на которомъ были пѣты эти стихи, находится въ Отечественныхъ Запискахъ 1823 г., ч. XVI, кн. 43, стр. 314—316.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [стр. 403] — относятся къ апрѣлю 1828 г. и написаны по случаю открытія на Васильевскомъ островѣ и понынѣ существующаго «Дома призрѣнія бѣдныхъ императрицы Александры Ѳеодоровны». Слѣд. догадка о годѣ, приведенная въ т. III, на стр. 483, неосновательна.

Чижикъ, На смерть чижика, Къ г. Ш—ой и По случаю похоронъ бѣлки и др. [стр. 404—411, 496] мы нашли въ тетради стихотвореній Жуковскаго, писанныхъ въ 1820 г. лѣтомъ, при чемъ «Письмо къ NN» [стр. 409] помѣчено «23 іюня», а предыдущій «Монплезиръ» обозначенъ «іюнемъ 1820».

На миръ съ Персіею [стр. 413] — стихи эти кромѣ «Славянина» были также напечатаны въ Моск. Телеграфѣ 1828, мартъ, № 5, съ замѣткою, что они «были пѣты на концертѣ, бывшемъ въ Аничковомъ дворцѣ, у государыни императрицы».

КЪ III ТОМУ.

Русская слава [стр. 88]. Мы не могли найти указаннаго г. Лонгиновымъ отдѣльнаго изданія этого стихотворенія [Спб. 1832 г., съ музыкою А. А. Плещеева], равно какъ и двухъ другихъ: «Русская пѣснь» и «Народный гимнъ» [оба: Спб. 1832 г., съ музыкою же—первая А. А. Плещеева, вторая—А. Ѳ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Львова]. Если въ послѣднихъ изданіяхъ напечатаны стихи, помѣщенныя на стр. 149, подъ 1834 г., согласно 5-му изданію, то ихъ слѣдовало бы перенести подъ 1832 или даже 1831 годъ, т. е. поставить на ряду съ «Русской славой».

Братоубійца [стр. 135] розыскано нами и въ первомъ напечатаніи: «Подарокъ бѣднымъ, альманахъ на 1834 годъ» [Одесса. 1834], на стр. 197—200, съ подписью: «Жуковскій. Верне, на берегу Женевскаго озера. 1833».

Кн. Д. В. Голицыну [стр. 147]. Эти стихи были присланы Жуковскимъ изъ за границы, когда Москва подносила князю его бюстъ. Подъ ними помѣта: «12 апрѣля 1833».

Сельское кладбище [стр. 273] при первомъ напечатаніи, въ Современникѣ 1839, № 4 [т. 16] сопровожлалось примѣчаніемъ: «Здѣсь прилагаю три рисунка, снятые мною съ натуры. На первомъ изображено кладбище: «Гдѣ подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ... Спятъ непробудно смиренные предки села».... На второмъ изображена описанная Греемъ башня: «Пышно плющемъ украшенная»; третій рисунокъ представляетъ памятникъ, воздвигнутый Грею, неподалеку отъ воспѣтаго имъ кладбища, котораго церковь, башня и густыя деревья видны въ отдаленіи.— В. Жуковскій».

Бородинская годовщина [стр. 279] помѣчено: «Бородино. 26 августа 1839». Въ 1-мъ [московскомъ] изданіи X и XI строфъ не было.

Капитанъ Бопп [стр. 177], въ примѣчаніи, на стр. 481, въ 12 и 28 строкахъ ошибочно указано письмо къ Плетневу вм. И. В. Кирѣевскаго.

Стихи, вырѣзанные на гробѣ Полторацкой [стр. 455], помѣщенные подъ годомъ ихъ напечатанія слѣдуетъ, по данному намъ указанію, отнести къ 1815 году.

Въ альбомъ Алябьевой [стр. 455], съ назначеннаго посмертнымъ изданіемъ мѣста слѣдуетъ также перенести къ 1821 г., ибо они въ рукописи помѣчены: «Карлсбадъ. 1821, $^{16}/_{28}$ іюня».

Будьте о духи лѣсовъ [стр. 485], не вошедшее ни въ одно изданіе, взято нами съ рукописи. Мы однако нашли его въ печати, но безъ имени Ж-го, именно въ «Моск. Телеграфѣ»

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1827, № 13, подъ заглавіемъ: «Обѣты [соч. Гёте]. На ряду съ нимъ напечатано еще стихотвореніе, тоже безъ подписи и тоже по всей вѣроятности Жуковскаго:

КЪ МОЛЯЩЕЙСЯ.

Когда возносишься съ долинъ житейской ночи
Ты къ утру вѣчной красоты
И къ небесамъ подъемлешь ты
Любви возвышенной исполненныя очи,
Вѣрь, преклоняются и небеса къ тебѣ,
Съ любовью смотрятся въ душѣ твоей прекрасной
И улыбаются твоей улыбкѣ ясной,
Твоей отвѣтствуя мольбѣ.
Въ сей часъ, какъ набожной мечтой тебя объемлю
И пѣнью тайному души твоей я внемлю,
Въ сей часъ торжественный, въ предчувствіи чудесъ,
Не знаю, въ свѣтломъ упоеньѣ,
Я зрю ли ангела снисшедшаго съ небесъ,
Иль смертной въ ангела я зрю преображенье!

Кстати замѣтимъ, что въ Телеграфѣ же 1827 г., № 17, напечатаны «Цвѣты изъ греческой анѳологіи», неизвѣстнаго переводчика, въ которыхъ одно стихотвореніе можетъ служить къ уясненію помѣщеннаго на стр. 476, т. III, крайне небрежно прочитаннаго Погодинымъ текста: Голосъ изъ гроба младенца [Македоній Ипатъ].

Васъ я привѣтствую, матерь земля и матерь Илиѳа!
Жизнь мнѣ одною дана, въ нѣдрахъ почію другой.
Краткій я путь совершилъ, но откуда на оный поставленъ,
Кто былъ въ мірѣ, и чей — вы не повѣдали мнѣ.

Седьмое стихотвореніе [стр. 476] сообщено намъ въ выпискѣ изъ той же самой книжки гр. Ростопчиной, откуда взято оно и Погодинымъ:

Съ свѣтлой главою, на тяжкихъ свинцовыхъ ногахъ между нами
Ходитъ судьба. Человѣкъ прямо и смѣло иди!
Если, ее повстрѣчавъ, не потупишь очей и спокойнымъ
Окомъ ей взглянешь въ лицо, самъ просвѣтлѣешь лицомъ;
Если жъ, предъ ней оробѣвъ, ты преклонишь главу, опрокинутъ
Тяжкія ноги тебя; будешь затоптанъ во прахъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Наконецъ замѣтимъ: 1) что въ «Воспоминаніи о М. И. Глинкѣ» [Р. Вѣстн. 1857, № 8] говорится, будто самъ Глинка сказывалъ автору, П. П. Дубровскому, что пѣснь сироты въ его операѣ писана Жуковскимъ, 2) что въ статьѣ А. Мокрицкаго: «Воспоминанія о Брюловѣ» [От. Зап. 1855, № 12] приводятся стихи Жуковскаго къ собственному портрету [1837] и 3) что въ Р. Архивѣ 1877 г., № 7, помѣщено стихотвореніе, посвященное Сергѣю Петровичу Тыранову, командиру парохода «Геркулесъ», на которомъ Ж. въ 1838 г. плылъ изъ Швеціи. Вотъ эти стихи:

КЪ СВОЕМУ ПОРТРЕТУ.

Воспоминаніе и я — одно и то же:
Я образъ, я мечта;
Чѣмъ старѣ становлюсь, тѣмъ я
Кажусь моложе.

—

ПОСВЯЩАЕТСЯ НАШЕМУ КАПИТАНУ «ГЕРКУЛЕСА».

Тише вѣтеръ, тише волны!
Лягъ на море тишина!
Покажи намъ ликъ твой полный
Путеводная луна!
Звѣзды яркія свѣтите
Изъ небесной бездны намъ
И безвредно проведите
Насъ къ желаннымъ берегамъ.

Мая 28-го 1838 года.

Изъ прозы Жуковскаго въ изданіяхъ его сочиненій печаталось при его жизни очень немногое. Въ первый разъ она составила IV-й томъ 2-го изданія «сочиненій» [Спб. 1818], въ который вошли только: Марьина роща, О критикѣ, О баснѣ и басняхъ Крылова, О сатирѣ и сатирахъ Кантемира, Три сестры, Кто истинно добрый и Писатель въ обществѣ. — Въ 3-е изданіе проза вовсе не вошла, а издана была отдѣльнымъ томомъ въ 1826 г., съ добавкой къ 7 прежнимъ еще 3 статей: Путешествія по Саксонской Швейцаріи, Отрывковъ изъ письма о Швейцаріи 1821 г. и Рафаэлевой Мадонны. Въ 4 и 5 изданіяхъ проза составила седьмые томы, съ добавкою въ четвертомъ: Отрывка изъ письма о Швей-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

царіи 1833 г., Воспоминанія о торжествѣ 30 августа 1834 г., О письмѣ Карамзина, и Взгляда на землю; а въ 5-мъ добавлены еще: Черты исторіи государства Россійскаго и Послѣднія минуты Пушкина.

Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ 38 статей 15 перепечатываются въ первый разъ [1—9, 14, 17, 18, 20, 25, 26], 9 были помѣщены съ подновленіемъ слога и произвольными измѣненіями въ посмертномъ изданіи [10, 16, 21, 24, 27, 29, 32, 33, 36] и остальные 14 напечатаны въ 5-мъ изданіи самимъ Жуковскимъ, откуда мы и взяли ихъ текстъ, исправленный авторомъ, а все остальное перепечатали съ первоначальнаго текста.

Мысли при гробницѣ [стр. 219] изъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» 1797, ч. 16. По семейнымъ преданіямъ, статья эта написана по поводу кончины сестры поэта, Варвары Аѳанасьевны Юшковой [16 мая 1797].

Миръ и война, Жизнь и источникъ [стр. 221 и 222] оттуда же 1798, ч. 20; а Рѣчь на актѣ благороднаго пансіона [стр. 225] изъ книги: «Актъ, бывшій въ университетскомъ благ. пансіонѣ, ноября 14 дня 1798 г.»

Къ 1799 году относится «протоколъ» засѣданія литературнаго общества, основаннаго Жуковскимъ по вступленіи въ пансіонъ. Онъ писанъ рукою Жуковскаго и былъ найденъ въ хламѣ бумагъ въ мелочной лавочкѣ въ Харьковѣ и тамъ напечатанъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а оттуда перепечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1853 г., № 44. Приводимъ его изъ нихъ, какъ матеріалъ для біографіи поэта:

Протоколъ отъ 18-го мая № 11. 1799 года, мая 18-го дня, въ присутствіи предсѣдателя Василія Андреевича Жуковскаго, секретаря Семена Родзянки и дѣйствительныхъ членовъ: Константина Антоновича Остромова, Степана Ивановича Порошина, Василія Петровича Полякова, кн. Григорія Ивановича Гагарина, Александра Ивановича Тургенева, Михайлы Дмитріевича Костогорова, Сергѣя Павловича фонъ-Визина и почетныхъ споспѣшествующихъ собранію членовъ: г. профессора Антона Антоновича Антонскаго и г. адъюнкта философіи Михайлы Никитича Баккаревича, было засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее: 1) предсѣдатель В. А. Жуковскій открылъ засѣданіе рѣчью: О началѣ обществъ, о распространеніи просвѣщенія и объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно къ обществу. 2) Прочитанъ и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

подписанъ протоколъ отъ 11 мая. 3) Секретарь прочиталъ собранію письмо отъ воспитанника г. Лихачева съ присовокупленіемъ собственнаго сочиненія въ стихахъ, подъ заглавіемъ: Ручеекъ, которое просилъ онъ гг. членовъ разсмотрѣть. Оно отдано на судъ Константину Антоновичу Остромову. 4) Предсѣдатель В. А. Жуковскій внесъ, сверхъ мѣсячныхъ работъ, переводъ изъ Клейста въ стихахъ: Гимнъ, а Василій Петровичъ Поляковъ также переводъ съ нѣмецкаго: Отрывокъ изъ Клейста. 5) В. А. Жуковскій прочелъ критическія замѣчанія, сдѣланныя имъ на сочиненіе секретаря Семена Родзянки: Нѣчто о душѣ. Иныя изъ нихъ найдены справедливыми и одобрены членами, а иныя нѣтъ. Послѣ чего члены дѣлали свои замѣчанія, однако въ семъ засѣданіи не кончили разбора этой піесы. 6) Положили, сдѣлавъ еще три засѣданія, 25 мая, 1 и 8 іюня, закрыть собраніе, частію для того, чтобъ свободнѣе приготовиться къ наступающему экзамену, а частію для того, что скоро по вечерамъ начнется военная игра. 7) Почетный споспѣшествующій собранію членъ А. А. Антонскій прислалъ собранію одинъ печатный экземпляръ акта, бывшаго въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ 1798 г. дня. 8) А. И. Тургеневъ заключилъ собраніе произнесеніемъ стиховъ: Россу по взятіи Измаила, изъ соч. г. Державина. 9) Предсѣдатель В. А. Жуковскій назначилъ череднаго оратора, чѣмъ и кончилось засѣданіе. [Слѣдуютъ подписи присутствовавшихъ].

Пробѣлъ въ 7-мъ пунктѣ нельзя возстановить, потому что въ 1798 г. актъ былъ 14 ноября и 22 декабря, тогда какъ въ другіе годы бывалъ только въ декабрѣ.

Къ надеждѣ, Мысли на кладбищѣ, Кто истинный герой [стр. 230—233] изъ «Утренней Зари» 1800 г., кн. 1.

О путешествіи кн. Шаликова и Вадимъ Новогородскій [стр. 234 и 288] изъ «Вѣстника Европы» 1803 г. № 6 и 23—24.

Къ 1805 г. относится отрывокъ сдѣланнаго Жуковскимъ распредѣленія занятій съ племянницами, во время деревенской жизни, представляющій дорогой матеріалъ для его біографіи. Приводимъ его изъ статьи Шевырева: «О значеніи Жуковскаго», напечатанной въ Москвитянинѣ, 1853 г., № 2:

§ 1. Читать стихотворцевъ не каждаго особенно, но всѣхъ одинаковаго рода вмѣстѣ; частный характеръ каждаго сдѣлается ощутительнѣе отъ сравненія. Напр. Шиллера, какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ; какъ стихотворца философическаго — вмѣстѣ съ Гёте и другими; какъ трагика — вмѣстѣ съ Шек-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

спиромъ; чтеніе Расиновыхъ трагедій перемѣшивать съ чтеніемъ Вольтеровыхъ, Корнелевыхъ и Кребильоновыхъ. Эпическихъ поэтовъ перечитать каждаго особенно, потомъ вмѣстѣ тѣ мѣста, въ которыхъ каждый могъ имѣть одинъ съ другимъ общее: дабы узнать образъ представленія каждаго. Сатиры Буало съ Гораціевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабенеровыми и Кантемировыми. Оды Рамлеровы, Гораціевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ. Или не лучше ли читать поэтовъ въ порядкѣ хронологическомъ, дабы это чтеніе шло наравнѣ съ исторіею и исторія объясняла бы самый духъ поэтовъ, и потомъ уже возобновить чтеніе сравнительное. Первое чтеніе было бы философическое, послѣднее — эстетическое; изъ обоихъ бы составилась идея полная. Надобно распредѣлить лучшихъ поэтовъ хронологически и потомъ по родамъ поэзіи; послѣ этого распредѣленія назначить порядокъ ихъ чтенія. Тоже и о прозаикахъ. Между тѣмъ вотъ нѣкоторыя замѣчанія на баллады Бюргера и Шиллера. Бюргеръ въ этомъ родѣ единственный, ибо онъ имѣетъ истинно-приличный тонъ избранному имъ роду стихотворенія: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ: счастливое употребленіе выраженій простонародныхъ и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежитъ къ ужасу, производимому въ насъ предметами мрачными, призраками мрачнаго воображенія; картины свои заимствуетъ онъ изъ таинственной природы того свѣта, который не есть идеальный свѣтъ, созданный фантазіею древнихъ поэтовъ, но мрачное владычество суевѣрія. Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ привлекательной простонародности Бюргерова языка; но онъ благороднѣе и пріятнѣе; онъ не представляетъ предметы такъ вѣрно, но онъ украшаетъ ихъ красками блестящими; Бюргеръ дѣйствуетъ на воображеніе, Шиллеръ на фантазію [то же воображеніе, но только такое, которому всѣ предметы представляются сквозь призму поэзіи, слѣдственно не въ собственномъ, а въ нѣкоторомъ заимственномъ образѣ]. Вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ, и совершенство цѣлаго повредило нѣсколько разительности частей, тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть можетъ быть слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной. Въ Бюргерѣ найдешь менѣе картинъ стихотворныхъ, нежели въ Шиллерѣ; за то онъ ближе къ простой, обыкновенной природѣ. Шиллеръ болѣе философъ; а Бюргеръ простой повѣствователь, который, занимаясь предметомъ своимъ, не заботится ни о чемъ постороннемъ. — § 2. Занятія: 1) Исторія. 2) Философія. 3) Изящная словесность [языки]. 4) Сочиненія. Утро: Исторія и сочиненія. Вечеръ: Философія и литература. Сначала приготовительныя свѣдѣнія. Потомъ классики. Исторія — Географія. Исторія [Гердеръ, Гаттереръ, Гибнеръ]. Вспомогательныя нау-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ки. Классики. Философія. Предварительныя понятія: о натурѣ, человѣкѣ и логикѣ. Классики. Теологія и нравственность. Словесность. Языки. Грамматика общая и Риторика. Поэты и прозаики. Эстетика. Воспитаніе.

Письмо изъ уѣзда, Три сестры, Кто истинно добрый, Писатель въ обществѣ и Три пояса [стр. 250, 262, 265, 271 и 280] были первоначально напечатаны тоже въ «В. Европы» 1808 г., №№ 1, 2, 12, 22 и 23. Послѣдняя повѣсть безъ подписи и до настоящаго изданія не перепечатывалась, исключая только помѣщенной въ ней на стр. 286 «Пѣсни», которая была перепечатана съ подписью фамиліи автора въ альманахѣ «Эвтерпа», изданномъ въ Москвѣ въ 1831 г.

Сверхъ статей, перепечатанныхъ нами изъ Вѣстника Европы 1808 г., мы признаемъ принадлежащими Жуковскому неподписанныя статьи: 1) Обозрѣніе прошедшаго года [№ 1, стр. 82—92], и 2) О новой книгѣ: «Училище бѣдныхъ» [№ 21, стр. 67—76]. Принадлежность послѣдней статьи перу Жуковскаго, кажется намъ, вполнѣ подтверждается самымъ началомъ ея, но не найдя прямыхъ указаній, мы не рѣшились напечатать ее наряду съ несомнѣнными сочиненіями Ж. и приводимъ здѣсь:

О НОВОЙ КНИГѢ: УЧИЛИЩЕ БѢДНЫХЪ, СОЧИНЕНІЕ ГОСПОЖИ ЛЕ ПРЕНСЪ ДЕ БОМОНЪ. ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО НАСТАСЬИ ПЛЕЩЕЕВОЙ. 2 ЧАСТИ. ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

Издатель Вѣстника почитаетъ за долгъ сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ, по многимъ отношеніямъ весьма полезной. — Въ Россіи, со времени размноженія школъ, средства просвѣщенія сдѣлались общими — купцы, ремесленники, даже простые земледѣльцы начинаютъ учиться, читаютъ, слѣдовательно образуются. Просвѣщеніе — что бы ни говорили о немъ суровые люди, которые судятъ о вещахъ по одному только ихъ злоупотребленію—необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца. Я разумѣю подъ именемъ просвѣщенія пріобрѣтеніе настоящаго понятія о жизни, знаніе лучшихъ и удобнѣйшихъ средствъ ею пользоваться, усовершенствованіе бытія своего, физическаго и моральнаго. Человѣкъ, въ какомъ бы тѣсномъ кругу ни заключила его судьба, имѣетъ умъ, требующій занятія, удовольствія, образованія, слѣдовательно могущій быть просвѣщеннымъ, болѣе или менѣе. Не го-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

воря о тѣхъ классахъ людей, которымъ потому именно необходимо просвѣщеніе, что они выше другихъ состояніемъ [слѣдовательно должны быть выше и образованностію], скажемъ, что люди низкіе—ремесленники, земледѣльцы — должны быть до нѣкоторой степени образованы. Мы видимъ ихъ провождающихъ дни свои въ трудѣ и заботахъ: сохранить тѣлесную свою жизнь, не умереть съ голоду, имѣть уголъ, не быть нагимъ—вотъ цѣль, для которой почитаетъ себя созданнымъ бѣдный работникъ. Будемъ ли съ нимъ согласны? Скажемъ ли, что понятія благородныя и наслажденія болѣе достойныя человѣка принадлежатъ только тѣмъ, которыхъ судьба наградила нѣкоторымъ достаткомъ? Конечно, ремесленникъ и земледѣлецъ, утомленные тяжкою работою, имѣютъ мало времени думать; обыкновенно свободныя минуты ихъ посвящены или бездѣйственному отдыху, или удовольствію шумному. Но просвѣщеніе простаго ремесленника или земледѣльца, которыхъ вся дѣятельность ограничена грубою работою въ тѣсномъ кругу ихъ семейства, не должно почитать ни многосложнымъ, ни много-объемлющимъ; простыя понятія чистой морали, весьма необширныя, но вообще для каждаго человѣка необходимыя; знакомство съ нѣкоторыми пріятными чувствами, которыя, трогая сердце и оставляя на немъ слѣды неизгладимыя, дѣлаютъ его добрѣе и чище; точнѣйшее свѣдѣніе о тѣхъ вещахъ, которыя принадлежатъ къ особенному званію каждаго—напр. для ремесленника о его ремеслѣ, для земледѣльца о земледѣліи—вотъ просвѣщеніе людей, простыхъ и ограниченныхъ. Смотря на грубыя занятія ихъ, на шумныя, часто отвратительныя и вредныя ихъ удовольствія, осмѣлимся ли сказать, что натура, безпристрастная благотворительница всѣхъ тварей своихъ, навсегда отказала имъ въ наслажденіяхъ благородныхъ? Но развѣ не имѣютъ они собственнаго своего счастія? спрòсите вы. Конечно имѣютъ. Но сіи люди, которые довольствуются счастіемъ грубымъ, уже ли неспособны постигать счастія высшаго? Ремесленникъ, который находитъ удовольствіе свое въ пьянствѣ, именно отъ того, что лучшее удовольствіе неизвѣстно ему, ужели осужденъ навсегда сохранить сіе несчастное, погибельное для него невѣжество? И можетъ ли быть такое состояніе въ обществѣ человѣческомъ, въ которомъ бы человѣкъ, существо умное и способное совершенствоваться, ничѣмъ инымъ не долженъ былъ отличаться отъ грубаго скота, кромѣ образа? — Какого же просвѣщенія требую для простолюдимовъ? Ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнію въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ. Слѣдовательно не учености. И нужно ли земледѣльцу занимать себя предметами, слишкомъ отъ него отдаленными, украшающими разсудокъ, привлекательными для любопытства, но вообще не приносящими никакой существенной пользы?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Излишество для него вредно. Занятія глубокомысленнаго ума требуютъ свободы и праздности: они отвлекли бы его, а можетъ быть и навсегда отвратили бы отъ главныхъ, соединенныхъ съ его званіемъ упражненій; желаю, напротивъ, чтобы онъ, по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться, или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть человѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ. Нѣтъ, не желаю для него учености, но знаю, что нѣкоторыя истины, нѣкоторыя чувства для него не могутъ быть чужды; всякій земледѣлецъ, всякій ремесленникъ можетъ возноситься душою къ божеству, не такъ какъ умствующій метафизикъ, но такъ какъ благодарный сынъ природы, знакомый съ благодѣяніями своего создателя, въ простотѣ сердца, неиспорченнаго и мирнаго. Великолѣпіе натуры закрыто ли для его взоровъ? Ему недостаетъ одного вниманія. Хочу, чтобы онъ не лишенъ былъ наслажденій сердца, удовольствій ума; хочу, чтобы не предпочиталъ имъ, или, за недостаткомъ ихъ, не былъ принужденъ искать чувственныхъ забавъ, убійственныхъ для души и умерщвляющихъ самое тѣлесное здоровье. Скажите, такое просвѣщеніе противно ли состоянію ремесленника, земледѣльца и имъ подобныхъ?—Въ Россіи, съ заведеніемъ уѣздныхъ и сельскихъ школъ, открыта къ нему дорога для всякаго простолюдима. Русскіе купцы, мѣщане, ремесленники — не говорю о земледѣльцахъ, которыхъ судьба зависитъ отъ помѣщиковъ—учатъ дѣтей читать и писать. Кругъ воспитанія ихъ самый ограниченный. Спрашиваю однако: какую истинную пользу можетъ имъ принести такое воспитаніе? Много ли напримѣръ имѣемъ такихъ книгъ, которыя были бы для нихъ прямо полезны? Вышедъ изъ училища, они принуждены или отказаться отъ чтенія, или обременять свою голову понятіями, для нихъ ненужными, нерѣдко весьма вредными. Напр. какую пищу найдетъ простолюдимъ въ исторіи, представляющей ему такія происшествія, въ которыхъ ему несвойственно принимать участія? Романы, привлекательные для свѣтскаго человѣка, именно потому, что онъ находитъ въ нихъ ту самую сцену, на которой и самъ играетъ какую нибудь роль, знакомятъ простолюдима съ людьми, отдѣленными отъ него званіемъ, обычаями, образованностію; воображеніе переноситъ его въ такой міръ, изъ котораго навсегда онъ исключенъ судьбою; невольно дѣлаетъ сравненіе онъ между собою и мечтательными героями романовъ, и можетъ быть научается не уважать самого себя въ ограниченномъ своемъ состояніи. То же почти можно сказать и о другихъ книгахъ, которыя или писаны языкомъ слишкомъ высокимъ для людей, привыкшихъ выражаться просто, или разсуждаютъ о предметахъ имъ чуждыхъ. Словомъ, мы не имѣемъ еще полезныхъ для простолюдима книгъ, и вѣроятно, что еще

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

долго не будемъ имѣть ихъ. Много ли найдется писателей, которые захотѣли бы жертвовать талантомъ своимъ такому кругу людей, которыхъ одобреніе не можетъ быть удовлетворительно для авторскаго самолюбія? Но быть полезнымъ конечно благороднѣе, нежели быть славнымъ; и человѣкъ съ дарованіемъ, который захочетъ посвятить нѣсколько лѣтъ жизни своей единственно тому, чтобъ языкомъ простымъ и понятнымъ проповѣдывать счастіе въ хижинахъ земледѣльца, въ обителяхъ нищеты и невѣжества, чтобъ разбудить въ простыхъ и грубыхъ сердцахъ благородныя чувства, и познакомить ихъ съ наслажденіями истинными: такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не пріобрѣтетъ имени писателя славнаго—ибо онъ рождается только въ кругу образованнаго свѣта — но онъ найдетъ награду во внутреннемъ убѣжденіи своего сердца, которое скажетъ ему: ты былъ полезенъ; ты безкорыстный благотворитель бѣдныхъ; они воздадутъ тебѣ не громкими рукоплесканіями, но собственнымъ своимъ счастіемъ, къ которому дорога указана имъ тобою.—Библіотека поселянъ, ремесленниковъ и имъ подобныхъ, не можетъ быть многочисленна. Желаю, чтобы она составлена была изъ такихъ книгъ, которыя, не отвлекая ихъ отъ ограниченнаго ихъ состоянія, напротивъ всегда устремляя на него мысли ихъ, открывали имъ способъ находить въ немъ счастіе, имъ возможное. Самыми необходимыми почитаю слѣдующія: Катихизисъ морали—предложенной просто, безъ всякаго витійства, объясняемой примѣрами—но примѣрами, взятыми изъ жизни тѣхъ людей, для которыхъ она предлагаема — и что всего важнѣе, основанной на правилахъ священнаго христіанскаго ученія; Общія понятія о натурѣ, о главныхъ ея законахъ, о нѣкоторыхъ явленіяхъ небесныхъ—совершенное невѣжество, въ этомъ отношеніи, бываетъ причиною многихъ смѣшныхъ и даже вредныхъ предразсудковъ; Энциклопедія ремесленниковъ и земледѣльцевъ—въ этой книгѣ была бы предложена, ясно и кратко, теорія земледѣлія и всѣхъ ремеслъ, т. е. всѣ главныя и нужныя ремесленнику и земледѣльцу для успѣшнаго исполненія ихъ обязанностей правила; Повѣсти и сказки, которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго, и представлены на сценѣ, знакомой самимъ читателямъ: эта книга была бы необходимымъ дополненіемъ къ Катихизису морали; Общія правила, какъ сохранять свое здоровье, нужныя для тѣхъ людей, которымъ здоровье такъ дорого и которые, потерявъ его однажды, уже не имѣютъ почти никакихъ способовъ возстановить его снова; наконецъ народныя стихотворенія, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина; въ душу его, вмѣстѣ съ стихами, врѣзались бы нѣкоторыя высокія понятія о божествѣ; мысли его пріобрѣли бы нѣкоторую живость, а чувства сдѣлались нѣжнѣе. Вотъ книги, которыя желалъ бы я найти во всякой уѣздной и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

деревенской школѣ; которыми въ праздное время желалъ бы занять ремесленника, земледѣльца и слугу, принужденнаго посвятить всю свою жизнь на исполненіе воли другихъ; вотъ чтеніе, которое могло бы быть истинно для нихъ полезно. Желаю — и быть можетъ сіе желаніе не останется тщетнымъ — чтобы нѣкоторые изъ соотечественниковъ моихъ, воспламененные человѣколюбіемъ, соединились для распространенія благодѣтельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ сограждан, осужденныхъ проводить всѣ дни свои въ тяжкомъ трудѣ, и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни! Мы имѣемъ Академію Наукъ и Художествъ, почему же не можемъ имѣть Академіи для просвѣщенія простолюдимовъ?

Книга, которая подала намъ поводъ къ сему разсужденію — Училище бѣдныхъ—можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ простолюдима: она заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланной искусствомъ автора привлекательною для такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ однѣ пустыя сказки. Почтенная переводчица, которая посвятила общей пользѣ нѣсколько дней свой старости, безъ сомнѣнія заслуживаетъ благодарность отъ всѣхъ, желающихъ добра человѣчеству. Книга ея не будетъ занимательна для свѣтскихъ людей; но простодушный ремесленникъ съ жадностію прочтетъ ее въ своемъ семействѣ, и въ сердцѣ его дѣтей укоренится чувство правоты и богопочтенія; но всякій добрый господинъ захочетъ имѣть ее въ своемъ домѣ, для того, чтобы слуги его научились изъ нея любить порядокъ, покорность, и быть довольными скромнымъ своимъ удѣломъ. Переводчица посвятила свой трудъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. «Возрѣніе вашего императорскаго величества на слабое мое приношеніе—говоритъ она въ заключеніи своего письма—воспламенитъ и другихъ къ сочиненіямъ или переводамъ, полезнымъ для образованія простолюдимовъ!» Желаемъ искренно, чтобы сія надежда добраго сердца была исполнена, и чтобы наконецъ въ Россіи и самыя хижины земледѣльцевъ сдѣлались жилищемъ людей образованныхъ, слѣдовательно счастливыхъ и знающихъ цѣну своего счастія.

За тѣмъ, по всему году «Вѣстника» разсѣяно много примѣчаній Жуковскаго, подписанныхъ или начальною буквою или полной фамиліей. Изъ нихъ нѣкоторыя мелкія имѣютъ значеніе только для статей, при которыхъ сдѣланы, другія же заключаютъ общій интересъ, независимо отъ статей. Примѣчанія находятся при статьяхъ: 1) Путешествіе Ж. Ж. Руссо [№ 1, с. 97]; 2) Взоръ на прошедшее, настоящее и будущее [№ 3, с. 242]; 3) Письмо Ж. Ж. Руссо [№ 4, с. 265]; 4) Георгъ II, англійскій король, и министры его, описанные Кантемиромъ:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

«Вѣроятно, что этотъ отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный, будетъ пріятенъ для читателей Вѣстника. Кн. Кантемиръ, остроумный стихотворецъ, имѣлъ и дарованія политика, былъ тонкій, глубокомысленный наблюдатель. Кто знаетъ сатиры его, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ и слѣдующія страницы, немногимъ извѣстныя: донесеніе, присланное имъ изъ Лондона въ 1738 г. къ императрицѣ Аннѣ, въ то самое время, когда онъ готовился оставить Англію и ѣхать въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра. Издатель не осмѣлился ничего перемѣнить въ слогѣ».

5) Отрывокъ изъ путешествія г-жи Жанлисъ [№ 4, с. 302]; 6) Письмо къ издателю: о подвигѣ русскаго самоотверженія при наводненіи въ Якутскѣ [№ 5, с. 22—23]:

«Издатель искренно благодаритъ почтеннаго незнакомца за присланный ему анекдотъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ осмѣливается надѣяться, что новая, или правильнѣе сказать, старинная прародительская и очень недавно возобновленная мода, предпочитать русское иностранному, найдетъ [какъ онъ сказалъ въ своемъ письмѣ] послѣдователей въ Россіи; что, можетъ быть, современемъ рѣшимся называть Россію отечествомъ, русскія добродѣтели — добродѣтелями, русскія дарованія — дарованіями; не будемъ удивляться, когда нѣкоторые чудаки начнутъ публично говорить, что наши сограждане имѣютъ собственный умъ, которымъ порядочно дѣйствуютъ при случаѣ; что они сами способны воспитывать дѣтей, учить ихъ правиламъ чести, закону Божію, и даже — въ состояніи готовить французскіе соусы или шить французскіе чепцы à l'ièсгоуаЬle. Придетъ время, что въ прибавленіи Московскихъ Вѣдомостей не будутъ печатать: потребны садовникъ, коровница и мадамъ или мамзель для обученія дѣтей! [См. № 15]».

7) О изгнаніи и 8) Путь развратнаго [№ 5, с. 42, 43]; 9) Неизъяснимое происшествіе [№ 6, с. 94—95 и 111]; 10) Два письма русскаго путешественника изъ Константинополя и Аѳинъ [№ 7, с. 206—212 и № 11, с. 123]:

«Этотъ путешественникъ есть Николай Ѳедоровичъ Алферовъ [о которомъ упомянуто въ № 23 Моск. Вѣд. нынѣшняго года], молодой архитекторъ изъ дворянъ, съ особеннымъ талантомъ, страстно привязанный къ своему искусству, но по несчастію лишенный средства усовершенствовать свое дарованіе. Онъ воспитанникъ дворянина Слободско-Украинской губерніи, почтеннаго Александра Александровича Палицына, извѣстнаго по своимъ упражненіямъ въ литературѣ и свободныхъ художествахъ. Любопытство, пламенная любовь къ изящному, благородное честолюбіе заслужить въ отечествѣ своемъ имя, заставили его

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

предпринять продолжительное, сопряженное со всѣми трудностями путешествіе. Памятники древности, особенно великолѣпныя развалины зданій, которыми украшена Италія и Греція, составляютъ главный предметъ его вниманія. Этотъ необыкновенный молодой человѣкъ—въ которомъ [почему знать!] могъ бы современемъ образоваться русскій Винкельманъ, когда бы обстоятельства способствовали развитію дара его и не умерщвляли его генія—оставилъ Россію съ обширнымъ предпріятіемъ, осмотрѣть [имѣя въ предметѣ одно искусство свое, архитектуру] величественные остатки Рима, Аѳинъ, Геркуланума, Агригента и другіе памятники древнихъ вѣковъ; потомъ объѣздить Египетъ, Африку, Индію; короче, составить для себя ясную идею о томъ, какова была и есть архитектура во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; сравнить восточное зодчество съ западнымъ, древнее съ новымъ; зданія просвѣщенныхъ народовъ съ безобразными зданіями полупросвѣщенныхъ или дикихъ; видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, производимыхъ образомъ жизни, нравами, понятіями, совершенствомъ и несовершенствомъ гражданской жизни, и потомъ возвратиться въ отечество съ богатствомъ открытій, съ обширнымъ запасомъ новыхъ идей, съ бо́льшею образованностію, съ сильнѣйшимъ желаніемъ трудиться для пользы общей. Усовершенствованіе, или, если позволено такъ выразиться, созданіе настоящей [можетъ быть еще несуществующей] отечественной архитектуры, т. е. согласной съ нашимъ климатомъ, обычаями, образомъ жизни—есть цѣль, которую предположилъ себѣ молодой путешественникъ; и сильное желаніе, съ которымъ онъ къ ней стремится, и мужественное постоянство, съ какимъ старается побѣдить всѣ трудности, представляющіяся ему въ путешествіи, и горесть, въ которую повергаетъ его иногда несчастная мысль [къ сожалѣнію слишкомъ часто оправдываемая обстоятельствами], что онъ не въ силахъ достигнуть своего предмета, служатъ по моему мнѣнію самыми неоспоримыми признаками таланта необыкновеннаго. Одно дарованіе бываетъ источникомъ такой рѣшительной, страстной привязанности къ искусству; одно дарованіе можетъ бороться съ фортуною и побѣждать ее. Человѣкъ, не имѣющій въ душѣ своей той всемогущей силы, которая влечетъ его неодолимо къ одному избранному для него натурою предмету, спокойно покорствуетъ обстоятельствамъ; но тотъ, кто чувствуетъ въ душѣ своей сію врожденную силу, или на вѣкъ остается несчастнымъ, если по волѣ непріязненнаго жребія принужденъ съ нею бороться и истощать ее безплодно; или, превозмогая всѣ обстоятельства, самъ прокладываетъ себѣ дорогу среди препятствій и затрудненій. Что жъ, если обстоятельства будутъ ему благопріятны! что жъ, если геній его можетъ развиться и дѣйствовать свободно! Сама натура велѣла путешественнику нашему быть артистомъ! — Но обстоятельства ему противны и поприще дѣятельности для него закрыто! Нужда — провод-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

никъ его въ трудномъ путешествіи. Онъ ищетъ усовершенствовать себя въ благородномъ искуствѣ—и должень бояться голодной смерти! Онъ предается многимъ опасностямъ для того, чтобы современемъ принести отечеству своему пользу, а можетъ быть и нѣчто прибавить къ славѣ его своими трудами — и отечество, которое никогда не лишало воздаянія достойныхъ сыновъ своихъ, объ немъ не знаетъ, оставило его безъ покрова.... Но можетъ ли быть, чтобы оно пренебрегло человѣка, исполненнаго благородной привязанности къ его пользѣ и по несчастію забытаго фортуною? Можетъ ли быть, чтобы оно допустило угаснуть такому дарованію, которымъ современемъ могло бы гордиться? Россія въ великодушномъ ободреніи рождающихся талантовъ и справедливомъ воздаяніи трудовъ полезныхъ, равняется со всѣми просвѣщенными народами Европы: монархъ ея требуетъ только случая благотворительствовать; самые чужеземцы гордятся его наградами.—Благодаря патріотизму нѣкоторыхъ дворянъ Слободской Украинской губерніи, молодой Алферовъ имѣлъ способы, хотя весьма ограниченные, продолжать свое путешествіе. Мы увѣрены, что многіе изъ соотечественниковъ нашихъ, русскіе въ сердцѣ и прямо привязанные ко всему, что можетъ хотя отчасти, съ какой бы то ни было стороны, способствовать возвышенію ихъ отечества, обрадуются сему случаю удовлетворить любезнѣйшей и самой благородной склонности сердца своего—благотворительности. Издатель В. Евр. сочелъ бы за особенное счастіе быть ихъ посредникомъ; но онъ не имѣетъ никакого сношенія съ молодымъ Алферовымъ. Почтенный издатель Русскаго Вѣстника С. Н. Глинка готовъ принять на себя обязанность, которую вѣроятно не замедлятъ возложить на него нѣкоторые изъ благородныхъ нашихъ соотечественниковъ.—Бывшій россійскій министръ въ Константинополѣ, тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Италинской, выражается на счетъ г. Алферова слѣд. образомъ въ письмѣ, писанномъ изъ Тріеста, отъ 4 февраля 1808 къ В. Н. К. [Каразину]: спѣшу удовлетворить желанію вашему знать о поведеніи г. Алферова, талантахъ его и употребленіи времени. По первымъ двумъ соотвѣтствуетъ онъ совершенно пріемлемому въ немъ благодѣтелями его участію и заслуживаетъ дальнѣйшее ихъ къ себѣ благоволеніе. Относительно же употребленія имъ времени, извѣстно мнѣ, что, будучи въ Аѳинахъ, занимался онъ безпрестанно усовершить таланты свои, а по засвидѣтельствованію мнѣ извѣстнаго артиста г. Лузіери, пріобрѣлъ довольно искусства; но чѣмъ потомъ занимался по прибытіи своемъ въ Корфу и какъ проводилъ время свое, не былъ я увѣдомленъ ни отъ кого.»[1]

[1] Печатая потомъ, въ № 19, стихотвореніе «Озеро», Жуковскій сдѣлалъ примѣчаніе: «Эти стихи доставлены отъ А. А. Палицына. То, что вы говорили въ вашемъ Вѣстникѣ, пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ издателю, о путешествующемъ воспитанникѣ моемъ Алферовѣ, обод-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

11) Владѣнія Рима [№ 8, с. 323]:

«Писано въ 1805 г. Теперь обстоятельства перемѣнились: Римъ есть провинція имперіи Французской. Увидимъ, что сдѣлаетъ новое правительство для блага сей области и какъ воспользуется тѣми драгоцѣнными стихіями, которыя по словамъ путешественника готовы здѣсь для образованія существа превосходнаго.»

12) Мунго-Паркъ [№ 12, с. 210]; 13) Разговоръ Клеандра [№ 14, с. 93]; 14) Образцы краснорѣчія [№ 15, с. 212]; 15) Меланхолія, сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхоліи [№ 19, с. 164—171]:

«Извините, милостивая государыня! то чувство, которое почитали вы любовію, кажется намъ.... было не иное что, какъ сильное желаніе нравиться. Послѣ печальной зимы и скучныхъ провинціальныхъ лицъ, явленіе весны и съ нею пріятнаго парижскаго лица, съ блестящими, краснорѣчивыми глазами, съ привѣтливою улыбкою, можетъ показаться очаровательнымъ. Удовольствіе, которое противъ воли находишь въ обществѣ молодаго человѣка, должно быть слишкомъ живо, когда оно непосредственно слѣдуетъ за скукою зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пустомъ замкѣ, и весьма простительно принять его за настоящую любовь: привѣтствія, соединенныя съ нѣжнымъ взглядомъ и трогательною гармоніею пріятнаго голоса, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе на сердце пятнадцатилѣтней дѣвушки, нежели шумъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, отъ котораго стучатъ готическія окны и хлопаютъ желѣзныя ставни; и мы не удивимся, если первыя покажутся истинною мелодіею любви для той, которая цѣлые три мѣсяца осуждена была внимать однимъ послѣднимъ. Всѣ сіи обстоятельства легко могли обмануть любезную искательницу меланхоліи. Она, по совѣсти, можетъ насъ увѣрять, что испытала прямую любовь; столь же естественно ей удивляться, что вмѣстѣ съ любовію не чувствовала она меланхоліи; наконецъ, весьма позволительно ей утверждать, что меланхолія есть прибѣжище любви праздной, т. е. счастливой и еще постоянной. Мы, съ своей стороны, отваживаемся замѣтить, что любовь, разумѣется истинная, та, которая объемлетъ сердце и не даетъ въ немъ мѣста никакому другому чувству, и счастливая и несчастная, неразлучна съ меланхоліею, несовмѣстною напротивъ съ желаніемъ нравиться—сказать кокетствомъ было бы грубо; но говоря языкомъ нашихъ прародителей, которые никогда не таили правды, и основываясь на ихъ

ряетъ меня препроводить къ вамъ и стихи сестры его, также моей ученицы. — Помѣщаемъ ихъ съ удовольствіемъ, желая сдѣлать пріятное почтенному благодѣтелю Алферовыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ вѣроятно многимъ читателямъ нашего Вѣстника».

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

священномъ правилѣ: тому, кто солжетъ, да будетъ стыдно, осмѣлимся признаться нашей остроумной сочинительницѣ, что истинную любовь ея почитаемъ истиннымъ кокетствомъ, слѣдовательно охотно увольняемъ ее отъ меланхоліи. Желаніе нравиться — возвратимся къ учтивости нашихъ современниковъ — оживляетъ, приводитъ въ волненіе, въ безпокойство, слѣдовательно не даетъ мѣста меланхоліи, тихой, ограничивающей душу тѣмъ единственнымъ чувствомъ, которымъ она полна, которое для нея дорого, отъ котораго она отдѣлиться не въ силахъ. Любовь, и счастливая и несчастная [выключаю одно несчастіе мучительной ревности], до тѣхъ поръ, пока она остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліею. Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца. Любовь, и счастливая и несчастная, съ той самой минуты, въ которую поселяется она въ сердцѣ, усиливается въ немъ безпрестанно, и та минута, въ которую это стремленіе прекращается, или уничтожаетъ ее на вѣки, или обращаетъ ее въ тихую, неизмѣняемую привязанность: въ обоихъ случаяхъ она теряетъ имя любви, и тогда только отдѣляется отъ нея меланхолія. Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ твоемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость! И когда же счастливая любовь выражалась веселіемъ? Когда не замѣняла она изобильнаго языка ораторовъ томностію меланхолическаго взгляда, задумчивымъ безмолвіемъ, чувствомъ непримѣтно разливающимся по лицу и понятнымъ для одного только взора, тихимъ звукомъ голоса, слышнымъ и отзывающимся въ одномъ только сердцѣ? Пока любовь возростаетъ, по тѣхъ поръ она неразлучна съ надеждою: надѣяться и не довѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ унынiемъ меланхоліи. Я говорилъ объ одной любви счастливой, т. е. раздѣляемой и негонимой судьбою. Любовь несчастная, любовь, наполняющая душу, но разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвила бы наше бытіе, когда бы отдѣлена была отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизъяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ.... и какой любовникъ предпочтетъ мертвую пустоту сію животворному, ничѣмъ не-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

замѣняемому терзанію своей страсти? Говоря о несчастіяхъ любви, я воображаю одни препятствія жребія: несчастіе утратить то, что украшало бы нашу жизнь, что для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки — такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхолическую, драгоцѣнную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что ты любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастія, но въ то же время не даетъ и совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть имъ тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: перемѣнись твой жребій, и можетъ быть она была бы твоею! Ты призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконецъ угасаетъ, но разлучаясь съ нею и останавливая на ней послѣдній, меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна! Пока человѣкъ упрекаетъ одну только судьбу, по тѣхъ поръ остается ему нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну: и въ сихъ-то упрекахъ, и въ семъ-то обманчивомъ ожиданіи перемѣны заключено тайное меланхолическое наслажденіе, которое самую горесть дѣлаетъ для него драгоцѣнною. Но если мысль о взаимности, существующей, или только возможной, отдѣлена отъ любви, тогда исчезаетъ и то, что въ самой горести было усладительно для сердца: ты чувствуешь одно утомительное отвращеніе отъ жизни; говоря самому себѣ: я для нея ничто, никогда бытіе мое не будетъ необходимо для ея счастія, ты ощущаешь себя слишкомъ одинокимъ, оставленнымъ; самое уваженіе къ самому себѣ нѣкоторымъ образомъ теряется: оскорбительная мысль быть ничѣмъ для того существа, въ которомъ заключается для насъ все, уничтожаетъ самихъ насъ передъ собственными нашими глазами; ты разстаешься съ жизнію безъ сожалѣнія, равнодушный, увѣренный, что въ ней ничто не можетъ уже перемѣниться, что никакія обстоятельства не дадутъ тебѣ единственнаго, незамѣняемаго счастія: любви существа любимаго. Вотъ единственный случай, въ которомъ меланхолія разлучается съ любовію и уступаетъ мѣсто унынію мрачному; во всякомъ другомъ — выключаю одно мучительное состояніе ревности — онѣ нераздѣльны. И такъ любезная искательница меланхоліи, говоря, что не имѣла ее вмѣстѣ съ любовію, доказываетъ намъ только то, что она — не любила.»

16) О болѣзни издателя [№ 19, с. 242]; 17) По поводу «Рѣчи

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Наполеона» о бѣдствіяхъ Франціи до учрежденія имперіи [№ 22, стр. 152]:

«Зрѣлище опустошенныхъ окрестностей іенскихъ и горестная нищета сѣверной Германіи, конечно, не менѣе были разительны для Наполеона. Взирая на бѣдствія народовъ, онъ вѣрно говорилъ самъ себѣ: народы, мнѣ предоставлено возвратить вамъ, вмѣстѣ съ миромъ, погибшее ваше счастіе! Монархъ, котораго одно слово имѣетъ вліяніе столь обширное, почитаетъ и чужіе народы своимъ семействомъ; онъ мыслитъ, что жребій поставилъ его хранителемъ ихъ благоденствія.»

18) Осень, стих. [№ 23, с. 181]; 19) Остроуміе ташкинца [№ 24, с. 252].

Марьина роща [стр. 295] напечатана въ В. Евр. 1809 г., № 2, но отнесена къ 1808 г. самимъ Жуковскимъ въ 5-мъ изданіи.

О нравственной пользѣ поэзіи [стр. 317] въ В. Евр. 1809, № 3, помѣчена переводомъ съ нѣмецкаго, но гр. Блудовымъ признана оригинальною и помѣщена въ посмертномъ изданіи. Замѣтимъ кстати, что указывавшаяся «оригинальною» статьею: О поэзіи древнихъ и новыхъ [В. Евр. 1811, № 3] переведена съ англійскаго, тогда какъ «Три пояса», русская сказка помѣчалась въ указателяхъ «переводомъ».

Два слова, Печальное происшествіе, О баснѣ, Благодарность издателю, Московскія записки и О критикѣ [стр. 323—380] напечатаны въ В. Евр. 1809 г. №№ 6, 9, 16, 21—24; изъ нихъ 1, 2 и 4 перепечатываются въ первый разъ.

О сатирѣ [стр. 389] напечатана въ В. Евр. 1810 г., №№ 3 и 4, но Жуковскимъ отнесена къ 1809 г. Въ первомъ изъ этихъ нумеровъ есть замѣтка о Леарѣ, которую Батюшковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ приписываетъ Жуковскому, но она принадлежитъ Каченовскому.

Разборы «Радамиста и Зенобіи» и «Электры и Ореста» [стр. 417 и 428] помѣщены въ В. Евр. 1810 г. № 22 и 1811 г. № 7. Послѣдній разборъ перепечатывается въ первый разъ. Онъ вызвалъ возраженіе Грузинцова, на которое за Жуковскаго отвѣчалъ А. Ѳ. Воейковъ.

О книгѣ Паррота [стр. 438] изъ В. Евр. 1818 г. № 8 перепечатывается въ первый разъ.

Въ этомъ же году Жуковскій написалъ для своей августѣй-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

шей ученицы «РУССКУЮ ГРАММАТИКУ» на франц. языкѣ, которая была напечатана только въ количествѣ 10 экземпляровъ.

Отрывки изъ двухъ писемъ о Саксоніи [стр. 441 и 458] напечатаны были въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., № 6 и 1, и въ собраніе «сочиненій» при жизни Жуковскаго не вносились, хотя принадлежатъ къ той же перепискѣ, изъ которой онъ сдѣлалъ извлеченіе, озаглавленное: Путешествіе по Саксонской Швейцаріи [стр. 447], напечатанное первоначально въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ, а отсюда перешедшее въ собраніе «сочиненій». Въ 6 изданіи два первыхъ письма были напечатаны вмѣстѣ, но мы, по содержанію ихъ, отдѣлили второе и помѣстили его послѣ «Путешествія». По отпечатаніи тома мы получили подробныя указанія на переписку и надѣемся получить ее вполнѣ для дополнительнаго тома. Оказывается, что первое письмо составлено изъ двухъ, написанныхъ: въ «Дрезденѣ $^{4}/_{16}$ іюня 1821 г.» и въ «Прагѣ $^{10}/_{22}$ іюня». Путешествіе же и второе письмо принадлежатъ одному и тому же письму, помѣченному «Карлсбадъ $^{17}/_{29}$ іюня». По рукописи слѣдуетъ читать: на стр. 443, 444 и 447: «Олсуфьевъ», на 446: «друзья мои, Саша и Маша» [Протасовы] и въ 7 строкѣ снизу: «съ пригорка, который противъ моего бывшаго дома». На 462 стр. П. означаетъ А. А. Плещеева. Въ письмахъ есть нѣсколько пропусковъ, обусловленныхъ формой, данной имъ для печати. Такъ на стр. 463 [с. 10]: «его характеръ болѣе важный, нежели веселый, а нашъ Плещеевъ забавенъ и веселъ характеромъ; за то въ каждой комедіи онъ какъ дома, и разныя рожи, которыя онъ во время чтенія натягиваетъ на смуглый свой ликъ, ничего ему не стоютъ. Мнѣ жаль было прощаться съ Тикомъ: вѣроятно это навсегда! Можетъ быть еще разъ увижу его на возвратномъ пути, проѣзжая черезъ Дрезденъ. Онъ обрадовался, когда я сказалъ, что вы любите его Штернбальда и что у васъ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги; а мнѣ весело было говорить съ нимъ объ васъ, и это всегда случается со мною, когда я бываю съ людьми, которые мнѣ нравятся; въ такихъ случаяхъ, люблю быть болтливымъ на вашъ счетъ, и это всегда даетъ мнѣ радостное, счастливое, расположеніе духа. Вы часто

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бываете моимъ добрымъ благодѣтельнымъ геніемъ, и мнѣ весело въ глубинѣ души благодарить васъ за такое благодѣяніе». — На стр. 464 [с. 14]: «И въ первое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ Мадоннѣ: я увидѣлъ ее издали; увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фигура съ пудреною головою; что эта проклятая фигура держала еще въ дерзкой рукѣ своей кисть, и безъ пощады ругалась надъ великою душою Рафаэля, которая вся въ этомъ божественномъ твореніи. Я рѣшился дождаться благопріятной минуты и лучшаго расположенія духа, чтобы подойти къ этому святилищу. Между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о другихъ картинахъ. Галлерея».... и пр.

Рафаэлева Мадонна [стр. 465] напечат. въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г. и оттуда въ собраніи «сочиненій».

Отрывки изъ письма о Швейцаріи [стр. 470] представляютъ извлеченіе, сдѣланное Ж. изъ той же переписки, вошедшее во 2-е изданіе его «сочиненій въ прозѣ» 1826 г., гдѣ неправильно означено «1824 годомъ», а въ 3-мъ изд. «сочиненій» 1835 г. также неправильно отнесено къ «1820 году», тогда какъ письмо писано изъ «Штутгардта $^{2}/_{14}$ октября 1821.

О короновании императора Николая Павловича въ Варшавѣ [стр. 482] напечатано въ Сѣверной Пчелѣ 1829 г. № 63, и оттуда уже въ посмертномъ изданіи.

Къ 1829 г. относится изданіе Жуковскимъ «Собирателя». Этого изданія вышло только два нумера и оно представляетъ сборникъ въ родѣ хрестоматіи, предназначенной для его уроковъ. Каждый нумеръ Собирателя состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ, озаглавленномъ «отрывки», помѣщены статьи болѣе обширныя, а во второмъ, озаглавленномъ «выписки» — мелкія замѣтки изъ древнихъ и новыхъ писателей. Оригинальныя статьи и выписки на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ чередуются съ переводами; преобладаетъ проза, стиховъ же очень мало, преимущественно подлинники Гёте, Шиллера, Вольтера, Расина и др., а изъ русскихъ помѣщено только четверостишіе изъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», два перевода изъ Гёте и съ англійскаго вмѣстѣ съ подлинниками [Памятники], Полтавскій бой изъ поэмы Пушкина, и вполнѣ помѣщено одно только стихотвореніе:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

СМЕРТНЫЙ И БОГИ.

Клеанту умъ вскружилъ Платонъ.
Мечталъ ежеминутно онъ
О той гармоніи свѣтилъ,
О коей мудрый говорилъ.
И сталъ Зевеса онъ молить,
Хотя минуту усладить
Его симъ таинствомъ небесъ!...
«Несчастный! отвѣчалъ Зевесъ,
О чемъ ты молишь? Смертнымъ вамъ
Внимать не должно небесамъ,
Пока вы жители земли!»
Но онъ упорствовалъ. «Внемли!
Отецъ, тебя твой молитъ сынъ!»
И неба мощный властелинъ
Безумной просьбѣ уступилъ,
И слухъ безумцу отворилъ:
И сталъ внимать онъ небесамъ,
Но что жъ послышалося тамъ?...
Земныхъ громовъ стозвучный стукъ,
Всѣхъ молній свистъ, изъ мощныхъ рукъ
Зевеса льющихся на насъ,
Всѣхъ яростныхъ органовъ гласъ
Слабѣй жужжанья мошки былъ
Предъ сей гармоніей свѣтилъ!...
Онъ поблѣднѣлъ, онъ въ прахъ упалъ.
«О что ты мнѣ услышать далъ?
То ль небеса твои, отецъ?...»
И рекъ Зевесъ: «смирись, слѣпецъ!
И знай: доступное богамъ
Во вѣки недоступно вамъ!
Ты слышишь бурю грозныхъ силъ...
А я — гармонію свѣтилъ.»

ПАМЯТНИКИ.

1. [Изъ Гёте].

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
Для самыхъ позднихъ внуковъ тамъ звучитъ
Его благое слово и живетъ
Его благое дѣло.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

2. [Съ англійскаго].

Кто скрытъ во глубинѣ сихъ гордыхъ пирамидъ?
Внимай! Забвенье здѣсь со смѣхомъ говоритъ:
Они мои! я ихъ пожрало!
Воспоминанье здѣсь оковы разорвало.

Въ «Выпискахъ», между прочимъ, «Исторія» названа «Сосудъ серебряный съ плодами золотыми», а за тѣмъ выписаны замѣтки о ней изъ Цицерона, Карамзина и Саллюстія. Изъ прозы приводимъ два оригинальные отрывка Жуковскаго, помѣщенные въ № 1 [стр. 8—12]:

ПОЛЬЗА ИСТОРІИ ДЛЯ ГОСУДАРЕЙ.

Сокровище просвѣщенія царскаго есть «исторія», наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною его наукою. Освященная религіею, она воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ немного. Познакомивъ съ судьбою народовъ и объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, исторія должна сказать ему въ заключеніе: вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему не для того, чтобы поставить себя выше суда людей, а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога; вѣрь сему, какъ Людвигъ XII и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или нерадиво; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть уважай и личную безопасность и права и мысли каждаго, и охраняй ихъ зако-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

номъ отъ самовластія исполнителей закона, кои подъ видомъ угожденія волѣ царя утѣсняютъ человѣчество въ подданныхъ. Свобода и ненарушимость закона одно и то же. Любовь къ свободѣ въ царѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ твердомъ благосостояніи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: заблужденіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго — вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога, она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей. Наконецъ въ заключеніе слова Іоанна Мюллера, коими онъ оканчиваетъ свою Всемірную Исторію: умѣренность! порядокъ! а смыслъ ихъ: не упускай никогда изъ виду своей цѣли; подвигайся впередъ, не быстро, а постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй, не разрушая; не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно и могущественно съ нимъ соглашайся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою, или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить.

КЛИМАТЪ ФИЗИЧЕСКІЙ И НРАВСТВЕННЫЙ.

Душа государя есть то же для нравственной жизни народа, что климатъ для жизни физической. — На снѣгахъ Лапландіи человѣкъ не живетъ, а прозябаетъ: видъ его печаленъ, умъ ограниченъ, исторія молчитъ о немъ. Степи африканскія совершенно необитаемы: съ ужасомъ проходятъ по ихъ необъятнымъ равнинамъ караваны, не оставляя по себѣ и слѣдовъ; иногда только, засыпанные пескомъ, задушенные знойнымъ вѣтромъ, они остаются ужасными свидѣтелями того, что страна сія не создана для человѣчества. Степи Южной Америки были бы такъ же безлюдны: но тамъ разцвѣтаетъ гостепріимная пальма; цѣлый народъ тѣснится вокругъ нея, она даетъ ему жилище, одежду, прохладу, пищу и питіе. — Таково дѣйствіе климата на жизнь человѣка; таково же и дѣйствіе души государя на нравственное бытіе народа; она опредѣляетъ чему быть кругомъ престола: снѣжнымъ ли пустынямъ Лапландіи, среди которыхъ человѣкъ только что прозябаетъ; печальнымъ ли степямъ Африки, на конхъ кости однѣ свидѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тельствуютъ о бытіи человѣка; или пышнымъ странамъ, гдѣ все живетъ, гдѣ все достигнетъ своего развитія, возбуждаемое властію благотворною, которая порядкомъ хранитъ свободу и свободою животворитъ порядокъ.

О холерномъ возмущеніи [стр. 484] изъ Русскаго Архива, 1866 № 3, гдѣ была напечатана въ первый разъ, перепечатана была въ 6-мъ посмертномъ изданіи.

Взглядъ на землю съ неба [стр. 488] въ первый разъ напечатана въ «Муравейникѣ» 1831 г., № 1, стр. 1—9, съ подписью *W. Z.*; въ собраніи сочиненій внесена въ 1835 г., [въ 4-е изданіе].

Отрывки изъ письма о Швейцаріи [стр. 492] первоначально напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835, № 4, стр. 168, подъ заглавіемъ «Двѣ всемірныя исторіи». Отсюда вошли въ 4-е изданіе «сочиненій».

Воспоминаніе о Мёрдерѣ [стр. 500] было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ 1834 г., № 101, и оттуда въ 6 изданіи, гдѣ неправильно отнесено къ 1838 г.

Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 [стр. 503] было помѣщено въ Журналѣ для воспитанниковъ воинно-учебныхъ заведеній, № 31, с. 287—296 и въ 7-мъ томѣ 4-го изданія «сочиненій», Спб. 1835.

Черты исторіи государства Россійскаго [стр. 508] въ первый разъ напечатано только въ 5-мъ изданіи «сочиненій» 1849 г. Вѣроятно это отрывокъ изъ лекцій Жуковскаго и можетъ быть представляетъ связный обзоръ его вспомогательныхъ «Хронологическихъ таблицъ исторіи государства Россійскаго». Не знаемъ навѣрное, сколько напечатано этихъ «таблицъ», потому что не могли отыскать ихъ, кромѣ одной книжки [in 8°, 56 стр.], относящейся къ «древней исторіи» Россіи и заключающей «времена удѣловъ», отдѣлъ II-й «татарское иго», таблицы XXII—XXXII. Каждая таблица представляетъ сжатый хронологическій перечень событій, такъ что перепечатка ихъ не имѣетъ значенія. Для ознакомленія же съ методомъ Жуковскаго можетъ служить статья А. А. Краевскаго: «Объ историческихъ таблицахъ Жуковскаго», напечатанная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 г. № 6.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru